

72(2Р64)
ИЗР

Дагестанский филиал АН СССР

Институт ИЯЛ им. Г. Цадасы

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

Том VI

1959

72(2P-54)

И 712

Дагестанский филиал АН СССР

Институт истории, языка и литературы
им. Г. Цадасы

Ученые записки

Том VI

~~101758~~ 13489
Договетский филиал
Академии наук СССР
Научная библиотека

Махачкала 1959

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Г. А. АЛИКБЕРОВ, В. Г. ГАДЖНЕВ,
Г.-А. ДАНИЯЛОВ (ответственный редактор),
Ш. П. МИКАНЛОВ, Г. Б. МУРКЕЛИНСКИЙ,
А. С. ОМАРОВ, Е. В. СКАЗИН, Р. Ф. ЮСМФОВ

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

РОСТ КАДРОВ — РЕШАЮЩЕЕ ЗВЕНО В РАЗВИТИИ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНСТИТУТА

Исторический XXI съезд КПСС разработал план дальнейшего развития страны и вооружил партию и советский народ программой борьбы за завершение строительства социализма и постепенный переход к коммунизму. Задачи, поставленные XXI съездом партии, успешно претворяются в жизнь.

В современных условиях идейно-политическая работа партии, борьба с ревизионизмом и отступлениями от марксистско-ленинского учения, сохранение чистоты марксистско-ленинской теории от опошления империалистическими апологетами и творческое развитие революционной теории становятся решающими факторами нашего успешного продвижения вперед.

Представляя собой одну из форм общественного сознания, систему достоверных знаний об объективных законах развития общества, гуманитарные науки являются одним из решающих факторов, способствующих совершенствованию руководства государственным, хозяйственным и культурным строительством. Именно поэтому Коммунистическая партия и Советское правительство неустанно занимаются развитием общественных наук.

В системе Академии наук развитию гуманитарных наук уделяется большое внимание, и это особенно благоприятно сказывается на практике после создания направляющих и руководящих центров, какими являются отделения исторических наук, языка и литературы.

В целях преуспевания гуманитарных наук, улучшения системы организации работ Академия наук, Совет по координации и особенно соответствующие отделения проводят последовательную работу по усилению контроля общественности над

творческой деятельностью соответствующих научных учреждений системы АН СССР не только в центре, но и на местах.

Контроль общественности, ее требования об углублении, разносторонней и конкретной разработке тех или иных проблем, о связи науки с практикой и развертывании в республике научных исследований в различных отраслях народного хозяйства и общественной жизни являются закономерным явлением, ибо они способствуют успешному развитию всех отраслей науки и их применению на практике.

Уже то, что после неоднократных обсуждений широкой общественностью коллективу работников Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР удалось выпустить «Очерки истории Дагестана» в двух томах, «Очерки дагестанской советской литературы» и более 10 других крупных работ, говорит о важности общественного контроля в этом направлении и связях научного коллектива с общественностью.

Поэтому в первую очередь необходимо отметить контроль и помощь Институту со стороны Академии наук СССР и ее отделений, а также Президиума Дагестанского филиала АН СССР.

Отрадным является то, что Совет по координации и соответствующие отделения АН СССР, обслуживающие гуманитарные учреждения, своевременно откликаются и идут навстречу в решении тех или иных вопросов, связанных с работой Института.

Ежегодно на заседаниях бюро отделений исторических наук, языка и литературы обсуждаются доклады руководителя Института об итогах научно-исследовательской деятельности, принимаются решения и оказывается практическая помощь в улучшении научно-исследовательской работы Института. Так, например, при непосредственной помощи бюро отделения исторических наук и Совета по координации в 1958 году в Институте организован новый сектор — сектор археологии и этнографии. При их же помощи в Институте организована химическая лаборатория с оборудованием для обработки археологического и этнографического материала.

Бюро отделения исторических наук оказало непосредственную помощь в рецензировании ряда работ Института, в результате чего Институт смог подготовить их к изданию. Для дачи консультаций сотрудникам Института в Дагестан был командирован доктор исторических наук А. Ф. Миллер, который проделал здесь большую работу.

Бюро отделения языка и литературы ежегодно заслушивает отчет Института о проделанной научно-исследователь-

ской работе. Для рецензирования отчетов выделяются рецензенты. Совет по координации при АН СССР и бюро отделения языка и литературы помогли Институту в создании сектора литературы и народного творчества, прислали в Институт квалифицированных научных работников для проведения консультаций по диалектологии, организовали и провели вместе с нашим Институтом сессию по диалектологии, организовали через Институт мировой литературы им. Горького рецензирование работ сектора литературы и языков, чем оказали значительную помощь в подготовке их к изданию.

Такая организационная и практическая помощь со стороны отделений и Совета по координации АН СССР не замедлила положительно сказаться на работе Института.

Непосредственную и постоянную помощь в деле улучшения работы Института оказывал и Дагестанский филиал АН СССР в лице его председателя Х. И. Амирханова.

Только в 1958 году Дагестанский филиал выделил Институту 10 штатных единиц научных работников, две штатные единицы заведующих секторами, помог создать химическую лабораторию выделением штатной единицы заведующего лабораторией. Выделена большая сумма из внештатного фонда для организации и проведения археологических экспедиций, больше чем другим учреждениям филиала отпущено командировочных средств, предоставлено дополнительное помещение для размещения в нем рабочих мест сотрудников Института, а также выделена легковая автомашина.

Большую роль сыграл филиал в деле организации новых секторов. Достаточно сказать, что из 22 аспирантских мест, выделенных в целом по филиалу, 15 мест предоставлено представителям гуманитарных наук.

Таким образом, филиал уделяет серьезное внимание подготовке научных работников, свидетельством чему является рост научно-исследовательских кадров Института. Так, если в 1954 году в Институте насчитывалось 22 научных работника, то сейчас в Институте работает 54 научно-технических сотрудника. Следовательно, за эти четыре года штат Института увеличился на 32 человека. Это результат большого внимания и заботы, проявляемых филиалом по отношению к Институту.

Вместе с ростом числа работников происходили и коренные изменения в качественном составе кадров Института. Так, если в 1954 году в Институте было 7 кандидатов наук, то в 1958 году их стало 33, не считая четырех кандидатов и одного доктора наук, выбывших из Института по различным причинам.

Таковы основные факторы, предопределившие некоторые успехи в работе Института истории, языка и литературы в 1958 году.

Лицо Института коренным образом изменилось. По мере роста кадров впервые за годы существования Института появились полноценные научные труды, монографические исследования, «Ученые записки» и различные сборники документов и воспоминаний. Если в течение 15 лет из-под пера работников Института не выходило более или менее значительных исследовательских работ, то в 1957—58 гг. в результате слаженной работы коллектива Института вышли в свет 26 наименований работ объемом в 650 печатных листов. Только в 1958 году Институт выпустил или сдал в печать 16 наименований работ объемом в 400 печатных листов.

Это является результатом плодотворной деятельности секторов Института, всего того молодого коллектива, который напряженно и серьезно работает над отдельными проблемами и темами, предусмотренными планами, и выполнил за ряд лет научно-исследовательские работы, которые имеют большое научное и практическое значение.

Прежде чем охарактеризовать работу отдельных секторов и научных работников, следует подчеркнуть одну особенность 1958 года, а именно, то, что большинство выполняемых тем, предусмотренных утвержденным на 1958 год планом, являются или переходящими (пятилетними на 1956—1960 гг.), или групповыми, срок исполнения которых наступает только в 1959 году. Так, например, группа работников в составе 8 кандидатов наук работают над темой — Дагестан в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. и Сборником воспоминаний участников Великой Отечественной войны, подготавливаемыми в связи с 15-й годовщиной со дня победоносного окончания войны, исполняющейся в 1960 году. Работа эта объемом в несколько десятков печатных листов должна быть представлена в издательство в 1959 году. Таким образом, хотя тема и входит в план исследовательских работ на 1958 год, однако ее исполнение ожидается в конце 1959 или начале 1960 года.

С другой стороны, в 1960 году завершается срок работы над темами, утвержденными на 1956—1960 гг. И в этом же году согласно утвержденным планам должно быть подготовлено и сдано в издательство 18 наименований работ, объемом около 300 печатных листов.

В связи с этим завершающихся в 1958 году тем очень мало.

Итак, работа Института в текущем году складывалась в направлении разработки следующих проблем:

1. История народов Дагестана.

2. Языкознание.

3. Литература народов Дагестана.

ПРОБЛЕМА 1 — ИСТОРИЯ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА

Проблема «История народов Дагестана» охватывает 4 темы, над выполнением которых работают коллективы двух секторов, а именно, сектора истории и сектора археологии и этнографии.

Указанная проблема охватывает следующие темы:

1. Досоветский период истории народов Дагестана.

2. Советский период истории народов Дагестана.

3. Этнография народов Дагестана.

4. Библиография Дагестана.

Досоветским периодом истории народов Дагестана в Институте занимаются два сектора: сектор археологии и этнографии — ранним периодом и сектор истории — проблемами, связанными со средневековой историей и историей более поздних времен.

Основное внимание коллектив сектора археологии и этнографии в 1958 году уделял разработке годовых тем, являющихся составными частями пятилетних тем, полевым археологическим и этнографическим исследованиям, а также подготовке к изданию отдельных работ.

По ранней истории Дагестана выполнены следующие работы:

а) Ругуджинские стоянки каменного века (исп. В. Г. Котович),

б) Памятники раннего железа близ селения Аркас (исп. М. И. Пикуль),

в) Средневековые памятники центральной Аварии (исп. Д. М. Атаев),

г) Верхнечирюртовский могильник (исп. Н. Д. Путинцева),

д) Петрографика Аварии (исп. П. М. Дебиров),

е) Верхнегунибское поселение — памятник эпохи бронзы (исп. В. М. Котович).

В результате выполнения указанных работ работникам сектора удалось решить ряд важных вопросов древней истории народов Дагестана.

В числе их следует отметить новое решение вопроса о времени возникновения земледелия в горном Дагестане, которое, судя по новым археологическим данным Ругуджинских стоянок, относится к неолитической эпохе. Эти данные показывают те серьезные изменения, которые претерпела экономика древних обитателей горного Дагестана. На смену охотничье-собираческому присваивавшему хозяйству в неолитическую эпоху (IV тыс. до н. э.) приходит земледельческо-скотоводче-

ское производящее хозяйство. Это весьма важное событие знаменует собой серьезный скачок в развитии производительных сил первобытного общества. Оно положило начало формированию и дальнейшему развитию того земледельческо-скотоводческого типа хозяйства, который характерен для экономики племен горного Дагестана в последующие эпохи.

Материалы Аркасского поселения позволяют пересмотреть вопрос об освоении железа. Вопреки распространенной точке зрения о позднем наступлении здесь эпохи железа и отсутствии местной железной металлургии, оказалось, что жители восточной части горного Дагестана добывали местную руду и освоили плавку железа к VIII в. до н. э.

В этой местности земледелие имело свою давнюю историю и к VIII—VII вв. до н. э. стало основным занятием, а скотоводство получило подсобное значение. Здесь общество переживало последний этап родового строя в виде военной демократии, обуславливаемой постоянными межплеменными столкновениями из-за пашен, земель и пастбищ.

В области средневековой истории Дагестана проведена большая работа по периодизации и хронологии памятников нагорного Дагестана, по выявлению местного субстрата культуры, свидетельствующего о достаточно высоком уровне развития ремесла (металлообработки, ювелирного, керамического и др.). Материалы могильников центральной Аварии свидетельствуют о разложении родового строя и зарождении феодальных отношений.

Материалы Верхнечирюртовского могильника свидетельствуют об интенсивной жизни в период V—VIII вв. н. э. и на плоскости. На основании этих материалов имеется возможность охарактеризовать культуру населения, находившегося на стадии заканчивающегося разложения первобытно-общинного строя и возникновения социального неравенства, населения, имевшего широкие связи с Византией и Ираном.

По теме «Верхнегунибское поселение» составлены библиография, включающая 150 работ, системагизированная картотека по опубликованным материалам эпохи бронзы, закончена камеральная обработка материалов Верхнегунибского поселения.

Большой научный интерес представляет работа, посвященная изучению резьбы по камню в Аварии. В основе ее лежит богатый фактический материал, собранный в различных районах Дагестана. В работе впервые произведено распределение резных камней по трем хронологическим группам: языческой, христианской, мусульманской. Причем мусульманские памятники анализируются впервые.

По теме «Этнография народов Дагестана» разработаны разделы:

1. Культура и просвещение кумыков в XIX — начале XX вв. (исп. С. Ш. Гаджиева),

2. Агулы (исп. М. М. Ихилон).

Кроме того начата работа «Поселения лезгин и лаков в XIX — начале XX вв.» (исп. С. С. Агаширинова).

Исследование «Культура и просвещение кумыков в XIX—начале XX вв.» включает в себя разделы: а) народное образование, б) устное творчество, в) литература, г) космогонические представления, д) религиозные верования, е) лечебная магия и народная медицина.

Все эти разделы, за исключением раздела «Литература», написаны на основании большого архивного, литературного и, главным образом, полевого материала, и освещают духовную культуру кумыкского народа в исследуемое время. В работе характеризуются и те коренные изменения, которые произошли в культурной жизни народа за годы Советской власти.

Большой научный интерес представляет раздел работы, характеризующий устное поэтическое творчество народа. В нем показано богатое культурное наследие кумыков, сохраняющее и поныне не только большую историко-познавательную ценность, но и имеющее важное художественно-эстетическое и воспитательное значение.

Работа «Агулы» состоит из двух разделов. В первом рассматриваются социально-экономические отношения у агулов до Октябрьской революции, их материальная и духовная культура; во втором разделе изучаются социалистическая культура и быт, а также затрагиваются вопросы их консолидации с лезгинской группой народностей.

Перечисленные плановые работы были прорецензированы и обсуждены на заседаниях сектора. Все они были признаны выполненными и оценены положительно. Однако в ходе обсуждения выяснились и некоторые недостатки, для исправления которых авторам работ были предоставлены конкретные сроки.

В 1958 году сектор производил полевые исследования как в области археологии, так и в области этнографии.

Археологическая экспедиция ИИЯЛ продолжала работы в зоне строительства Чирюртовской и Черкеевской ГЭС и в нагорном Дагестане. В работе экспедиции по-прежнему сочетались разведки и стационарные раскопки, с охватом памятников на значительной территории и значительного хронологического диапазона. В соответствии с намеченными задачами работу производили пять отрядов, из них три отряда первоначально работали в зоне строительства Чирюртовской ГЭС, а затем в зоне будущего строительства Черкеевской ГЭС, а два — в горных районах Дагестана.

На Сулаке были произведены дополнительные разведки в связи с тем, что весной 1959 года будет произведено затопление котлована.

На правом берегу Сулака было выявлено наличие остатков мощной системы каменных оборонительных сооружений (стены, боевые башни, ров). Возможно, они прикрывали с севера государственную границу одного из существовавших в средние века в Дагестане царств — Сарир.

На левом берегу Сулака производились раскопки на средневековом Бавтугайском поселении, где наряду с жилым комплексом были исследованы и хозяйственные ямы. Полученный материал позволяет говорить о развитии здесь земледелия и скотоводства, начиная с VII века н. э. (о чем свидетельствуют большое количество костей животных, остатки муки и т. д.).

В зоне будущего строительства Черкеевской ГЭС были произведены разведки по берегам Сулака от сел. Черкей до Ахатлинского ущелья. Здесь было зафиксировано большое количество курганов, тянувшихся по обоим берегам от сел. Черкей до Ахатлинского ущелья. Эти курганы свидетельствуют о бурной жизни здесь в различные периоды эпохи бронзы.

В итоге археологических работ в горном Дагестане обнаружено 6 новых памятников каменного века, древнейшие из которых восходят к ашельской эпохе. Раскопками Верхнегунибского поселения выявлены остатки поселения эпохи бронзы, обнесенного мощными оборонительными стенами. В исследованных помещениях обнаружены следы деятельности оседлого земледельческо-скотоводческого населения.

Продолжались раскопки Бежтинского могильника. Комплекс Бежтинских памятников характеризует довольно высокую и своеобразную культуру средневекового населения Дагестана. Новые материалы позволяют поставить вопрос о существовании в нагорном Дагестане древних торговых путей, связывающих Дагестан с Закавказьем.

В результате полевых исследований этнографов был собран материал по фольклору, по религиозным верованиям, по лечебной магии и народной медицине у кумыков. Большой этнографический материал собран также по материальной, духовной культуре и семейному быту агулов.

Работники сектора истории в течение 1958 года занимались разработкой следующих тем:

1. Подготовка к изданию сборника документов «Движение горских народов северо-восточного Кавказа в 20—50 гг. XIX века», в трех томах, объемом в 95 п. л.

2. Очерки истории лезгин (сбор материалов).

3. Кумыки до присоединения к России. Объем 5 п. л.

4. Очерки истории лаков (сбор материалов). В 1958 году сбор материалов по разделу «Лаки до XVIII века» и написание вводной главы. Объем — 4 п. л.

5. Очерки по обычному праву Дагестана (сбор материалов).

6. Формирование и рост рабочего класса в Дагестане в советский период (1917—1940 гг.). Объем 4 п. л.

7. Переход от системы ревкомов к Советам (1920—1921 гг.). Объем — 3 п. л.

8) Разрешение аграрного вопроса в первые годы Советской власти в Дагестане (1917—1922 гг.). Объем — 4 п. л.

9. Создание и развитие советского государственного аппарата в Дагестане (1927—1937 гг.). Объем — 3 п. л.

10. Дагестан в период Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг. (сбор материалов для написания монографии).

11. Сборник воспоминаний дагестанцев — активных участников Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг. (сбор материалов и подготовка их к изданию).

12. Борьба Коммунистической партии за раскрепощение женщины в Дагестане (сбор материалов).

Выполнению перечисленных работ можно дать следующую характеристику.

1. Подготовка к печати сборника документов «Движение горцев северо-восточного Кавказа в 20—50 гг. XIX века» (исполнители кандидаты ист. наук В. Г. Гаджиев и Х. Х. Рамазанов, научный руководитель кандидат ист. наук Г.-А. Д. Дашиялов) была предпринята по решению научных сессий, происходивших в 1956 г. в Москве и Махачкале, а также по постановлению бюро Дагестанского Обкома КПСС. Сборник в трех томах, объемом в 95 печатных листов, находится в производстве в Дагестанском книжном издательстве.

Составители сборника стремились ввести в научный оборот новые, неопубликованные документы. Из ранее изданных материалов привлекались лишь отдельные документы, которые необходимы для полноты освещения того или иного вопроса.

По своему содержанию документы отражают следующий круг вопросов: социально-экономическое и политическое положение Дагестана в первой четверти XIX в., причины, вызвавшие движение горцев и ход борьбы горцев (с начала движения до его подавления), своеобразие военно-политической системы, имамата, военные, административные, финансовые и социальные мероприятия Шамиля, участие в движении различных социальных потоков, внешне-политические связи руководителей движения, борьба между различными группировками внутри имамата и, наконец, причины поражения движения горцев.

2. Очерки истории лезгин (исполнители мл. научный сотрудник А. Р. Шихсаидов и кандидат ист. наук Х. Х. Рамазанов, научный руководитель доктор ист. наук Р. М. Магомедов). Тема пятилетняя.

В 1958 году по теме успешно работал А. Р. Шихсаидов, который исследует период до XVII века. Им собраны как письменные источники и фольклорные материалы, так и богатые эпиграфические данные (свыше 100 эстампажей) и данные топонимики. А. Р. Шихсаидовым обнаружен ряд рукописей, представляющих историческую ценность, в том числе сочинения арабских авторов, переписанные в XV—XVIII вв. На полях книг, а также на отдельных листах записаны сведения по истории лезгин XVI—XIX вв. Новые данные эпиграфики содержат сообщения о целом ряде политических событий (приход монголов во внутренний Дагестан, межфеодалные войны) и о широком распространении арабского письма и мусульманской религии.

Фольклорные данные, собранные в лезгинских районах, представляют собой ценный источник по доисламским верованиям лезгин и по вопросу о политической и социальной борьбе лезгин.

Обобщение всего этого материала по истории лезгин дано А. Р. Шихсаидовым в виде работы объемом в 5 п. л.

3. Очерки истории лаков. Тема переходящая с 1957 года, пятилетняя (исполнитель кандидат ист. наук Р. Г. Маршаев). В 1957 году автор занимался сбором материалов и составил обзор источников, в 1958 году представил первую часть работы «Лаки с древнейших времен до XIV века», объемом 4,5 п. л.

В работе использованы ценные языковые данные. В I главе автор делает попытку показать родство лакского языка не только с другими языками иберийско-кавказской группы языков, но и с протохетскими языками.

Во II главе работы на основе изучения арабских и местных источников автор приходит к выводу, что лаки приняли ислам не в VIII в., как это утверждалось в дореволюционной литературе, а в более позднее время. Моментом принятия ислама лаками являются XI—XII вв., причем лаки сыграли большую роль в распространении ислама в отдельных районах Дагестана. В разделе «Общественный строй лаков в VII—XIII вв.» дается попытка показать генезис феодализма у лаков.

4. Формирование рабочего класса в Дагестане (1900—1940 гг.). Тема переходящая (исполнитель мл. научный сотрудник Г. И. Милованов). В 1958 году автор написал работу «Формирование рабочего класса в Дагестане в годы гражданской войны и восстановительного периода (1917—1927 гг.)»,

объемом в 7 п. л., в которой рассматриваются вопросы формирования и развития рабочего класса в процессе восстановления и развития промышленности и транспорта. При этом особое внимание уделяется формированию национальных кадров рабочих.

Тема разрабатывается впервые: ни в печатном, ни в рукописном виде аналогичных работ нет. В процессе исследования установлено, что в связи с разрухой в промышленности и на транспорте, а также в связи с боевыми действиями и другими факторами из сферы производства прежде всего вытеснялась наименее квалифицированная прослойка, т. е. фактически национальная прослойка пролетариата. Этот процесс охватывал не только Дагестан, но и такие крупные промышленные центры, как Баку и Грозный.

В период восстановления народного хозяйства, на базе роста и развития промышленности и транспорта в Дагестане воссоздавались и кадры рабочего класса. К 1926—1927 г. рабочих насчитывалось до 30 тыс. человек (в том числе 12—13 тыс. постоянных). Значительные изменения произошли в национальном составе. Процент рабочих-дагестанцев с 25 накануне Октябрьской революции вырос до 31. Усилилось вовлечение в производство горянок.

5. Разрешение аграрного вопроса в первые годы Советской власти в Дагестане (исполнитель кандидат ист. наук А.-Г. С. Гаджиев). Работа представлена в объеме 5 п. л. В работе использованы новые документы, характеризующие борьбу трудового крестьянства Дагестана за разрешение аграрного вопроса, влияние борьбы городских рабочих на деревню. Автор на основании многочисленных фактов приходит к выводу, что в авангарде борьбы крестьян за свободу и разрешение аграрного вопроса шли, несмотря на свою малочисленность, рабочие Дагестана. Эта работа явится одной из глав монографии «Борьба Коммунистической партии за разрешение аграрного вопроса в Дагестане».

6. Переход от ревкомов к Советам (исп. кандидат ист. наук Г. А. Аликберов). Работа представлена в объеме 4 п. л. В работе на основе богатого архивного материала раскрываются деятельность ревкомов и причины продолжительного существования их в Дагестане. В процессе исследования показаны также социальные сдвиги и усиление классовой борьбы в горах.

7. Создание и развитие советского государственного аппарата в Дагестане в 1917—1937 гг. (исполнитель младший научный сотрудник М. А. Казанбиев). Тема запланирована на два года. Исследований, посвященных созданию и развитию государственного аппарата в Дагестане, нет. Поэтому такое исследование имеет большое значение.

В первой части работы, выполненной в 1957 году, рассматриваются вопросы, связанные с возникновением первых органов Советской власти в Дагестане, показываются изменения, происшедшие в государственном аппарате в соответствии с декретом ВЦИК об образовании ДАССР и Конституцией ДАССР 1924 года. Во второй части работы, выполненной в 1958 году, освещается вопрос об изменении государственного аппарата в Дагестане в связи с изменениями правового положения республики, вызванного образованием СССР и принятием Конституции СССР 1924 года и Конституции РСФСР 1925 года. В этой части рассматривается состояние государственного аппарата, созданного на основе Конституции ДАССР 1927 года и его дальнейшее совершенствование в соответствии с Конституцией ДАССР 1937 года.

Результаты исследования будут включены в монографию «Национально-государственное строительство в Дагестанской АССР», которую автор должен в 1959 году подготовить к печати.

8. Кандидат ист. наук А. И. Тамай в 1958 году продолжал работу над своей переходящей темой «Кумыки до присоединения к России». Автор сделал попытку собрать и изучить некоторый литературный и другой материал по истории кумыков. Однако с поставленной задачей он не справился и выполненную работу сектор не принял.

9. Составление сборников документов и материалов «Образование Дагестанской АССР» и «Дагестан в период восстановления народного хозяйства 1921—1927 гг.» (составители А. И. Эфендиев, М. А. Казанбиев, ответ. редактор кандидат ист. наук Г.-А. Д. Даниялов).

Сборники эти были составлены в основном к концу июня 1958 года и тогда же представлены на просмотр ответственному редактору. Однако после его просмотра сборники были возвращены составителям с серьезными замечаниями для доработки.

10. Группа научных сотрудников сектора (И. К. Керимов, А. И. Эфендиев и Г. С. Койстинен) в этом году приступила к сбору материалов для написания монографии «Дагестан в период Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг.»

11. Над составлением сборника воспоминаний дагестанцев — активных участников Великой Отечественной войны работает другая группа сотрудников (О. А. Блумфельд, А. Г. Мелешко и М. И. Кичев).

Руководит этими группами кандидат исторических наук Г.-А. Д. Даниялов.

Для выполнения темы «Библиография Дагестана» Ученым советом Института была выделена группа товарищей в соста-

ве старшего научного сотрудника М.-С. Саидова, мл. научного сотрудника Е. В. Сказина и библиографа Ф. А. Казбековой.

Фактически к работе приступил только мл. научный сотрудник сектора истории Е. В. Сказин. Работая над этой темой, Е. В. Сказин должен был составить карточки и обобщить весь библиографический материал о Дагестане на западно-европейских языках. Выполняя указанную работу, Е. В. Сказин одновременно занимался редактированием «Ученых записок» Института.

По своей основной теме Е. В. Сказин проделал значительную работу. Он побывал в командировке в Москве и Ленинграде, составил около 500 карточек на книги и статьи о Дагестане, из которых 300 лично просмотрел и аннотировал.

Что касается остальных членов этой группы, то над данной темой они не работали, так как были заняты другой запланированной им работой.

Критически оценивая работу сектора археологии и этнографии и сектора истории, нужно отметить, что наряду с положительной работой, в деятельности этих секторов имеются и существенные недостатки, значительно снижающие общий уровень их работы.

Эти недостатки заключаются прежде всего в том, что обсуждение научных работ, выполненных сотрудниками сектора, проводится в конце года, в течение одного месяца, порою наспех, без серьезных, продуманных рецензий и даже без заблаговременного ознакомления с работами всех сотрудников сектора. В результате разбор отдельных работ зачастую проходит без развернутой дискуссии, без серьезной критической оценки их. Практика показала, что обсуждение плановых работ необходимо проводить поквартально, по истечении первого полугодия, по мере выполнения разделов.

Существенным недостатком является и то, что в своих заключениях секторы не отражают то главное, что стало достижением научного работника при разработке данной проблемы, что нового вносит в науку разработанная им в текущем году тема.

Секторами порою принимаются работы, страдающие существенными недостатками, хотя члены того или иного сектора и знают о наличии этих недочетов.

Некоторые сотрудники сектора истории не выполнили утвержденных плановых тем, причем такое отношение к работе они проявляют в течение ряда лет. Так, сектором истории не принята плановая работа, утвержденная на 1958 год научному сотруднику Института А. И. Тамаю. Вот что пишет сектор истории о работе А. И. Тамая:

Научный сотрудник А. И. Тамай работает в Институте более десяти лет и изучает историю кумыков. В 1958 году, продолжая свои исследования, он представил работу по теме «Кумыки до присоединения к России» в объеме 62 страниц машинописи.

В результате рецензирования и обсуждения на секторе установлено, что работа А. И. Тамая не отвечает тем требованиям, которые предъявляются к научному исследованию. Достаточно отметить, что социально-экономическая и политическая жизнь кумыков в течение целого века освещена на 15 страницах, причем культура и быт народа вовсе не освещаются. Работа, в основном, является описанием внешне-политических событий.

Все «исследование» построено на литературных источниках; ссылок на архивные источники имеется всего семь. Совершенно не использованы сборники документов, данные фольклора, народные предания, а также материалы, хранящиеся в Дагестанском государственном архиве и рукописном фонде Института ИЯЛ. В ЦГА ДАССР, например, имеется множество документов, относящихся к истории кумыков конца XVII по XVIII в., но в работе они не использованы.

Естественно, рецензенты А. Р. Шихсаидов и Р. Г. Магшаев, а также выступавшие при обсуждении работ В. Г. Гаджиев, Г. А. Аликуберов и другие указали на эти другие недостатки в работе А. И. Тамая, считая необходимым их устранение. Это — вполне закономерное, товарищеское требование. Однако А. И. Тамай отвергал все замечания и гол словно отрицал наличие этих недостатков. Больше того, с объявил рецензентов и выступавших товарищей «совершенно некомпетентными» в оценке его работы и потребовал послать ее «крупным» специалистам.

Сектор поступил совершенно правильно, не приняв работ А. И. Тамая, как не отвечающую требованиям, предъявляемым к научному исследованию.

Следует отметить недостатки, имеющиеся и в работах других научных сотрудников.

В работе П. М. Дебирова «Петрографика Аварии» недостаточно обоснована предлагаемая периодизация памятников; не во всех разделах работы дается необходимый научный анализ.

М. И. Пикуль в своей работе «Памятник эпохи поздней бронзы и раннего железа близ Аркаса Буйнакского района ДАССР» недостаточно обосновывает характер памятника и не выделяет одновременные комплексы вещей в соответствии с темой работы.

В работе В. Г. Котовича «Ругуджинские стоянки каменного века» недостаточно охарактеризовано своеобразие поздне-

неолитической культуры Дагестана на фоне кавказских памятников. В работе Н. Д. Путищевой «Верхнечирюртовский могильник» мало используется дагестанский материал и прежде всего материал из северного Дагестана.

Работа М. И. Ихилова «Агулы», являющаяся частью пятилетней темы «Процесс консолидации лезгинской группы народностей», слабо отражает вопросы национальной консолидации. Поэтому работа возвращена автору для доработки.

При обсуждении на секторе работы А. Р. Шихсаидова ему было предложено уделять больше внимания раскрытию социально-экономических отношений. Р. Г. Маршаеву было указано на не совсем обоснованную гипотезу о происхождении лаков и их миграции.

Г. И. Милованову на заседании сектора предложено освободить свою работу от излишних таблиц и малозначительного фактического материала, обратив особое внимание на научные выводы и обобщения. При обсуждении работы А.-Г. Гаджиева автору предложено более обстоятельно осветить борьбу за разрешение аграрного вопроса в период 1920—1921 гг. При обсуждении на секторе работы М. А. Казанбиева ему было предложено доработать отдельные разделы работы, обратив особое внимание на показ деятельности советского аппарата и работы батрацко-бедняцких групп.

ПРОБЛЕМА II — ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Проблема «Языкознание» имеет для народов Дагестана исключительно большое значение. Разрешением этой ответственной проблемы занимается сектор языков, выделившийся в июле 1958 года из состава сектора языков и литературы. В секторе языков работают 9 сотрудников, в числе которых один доктор наук, шесть кандидатов и два сотрудника, не имеющих ученой степени.

Согласно плану в 1958 году сектор вел исследования по трем темам.

Первая тема — «Исследование дагестанских языков и их диалектов» — включает следующие разделы:

1. Сравнительно-историческая морфология диалектов аварского языка (тема, переходящая с 1957 года; в 1958 году завершается). Исполнитель — кандидат филологических наук Ш. И. Микаилов. Объем — 6 п. л.

2. Говоры лезгинского языка в Ахтынском районе (тема, переходящая с 1957 года; в 1958 году завершается). Исполнитель — кандидат филологических наук У. А. Мейланова. Объем — 6 п. л.

3. Кайтагский диалект даргинского языка. Исполнитель — кандидат филологических наук З. Г. Абдуллаев. Объем — 4 п. л.

4. Губдено-мекегинская группа говоров даргинского языка. Исполнитель — кандидат филологических наук С. М. Гасанова. Объем — 4 п. л.

5. Именные классы и классные показатели в говорах андийского языка (тема запланирована с августа, 1958 г.). Исполнитель — младший научный сотрудник Я. Сулейманов.

Вторая тема — «Лексикография» — включает разделы:

1. Составление аварско-русского словаря (тема, переходящая на 1959 г.). Исполнитель — кандидат филологических наук М.-С. Саидов.

2. Составление словника лезгинско-русского словаря (тема, переходящая на 1959 г.). Исполнитель — кандидат филологических наук Б. Б. Талибов.

3. Редактирование русско-кумыкского словаря. Исполнитель — мл. научный сотрудник З. З. Бамматов.

Третья тема — «Грамматика дагестанских языков» — включает раздел «Сложно-сочиненное предложение в лакском языке». Исполнитель — доктор филологических наук Г. Б. Муркелинский. Объем — 6—8 п. л.

Выполнение плановых работ по сектору языков можно охарактеризовать следующим образом.

По теме «Исследование дагестанских языков и их диалектов» выполнение раздела «Сравнительно-историческая морфология диалектов аварского языка» было рассчитано на 1957 и 1958 гг. В 1957 году была разработана часть темы, а в 1958 году работа представлена в сектор, однако она еще не рецензирована и не обсуждена. Общий объем представленной работы — 11—12 п. л.

Раздел «Сравнительно-историческая морфология диалектов аварского языка» является продолжением обобщения данных монографических описаний южно-аварских и отчасти северно-аварских диалектов. Первой частью обобщения была работа «Сравнительно-историческая фонетика аварских диалектов», которая уже вышла из печати.

Научное значение работы по сравнительной морфологии аварских диалектов заключается в том, что анализ грамматических категорий по данным всех диалектов дается в сравнительно-историческом плане впервые и результаты этой работы послужат базой для написания «Истории аварского языка». Кроме того, это исследование завершает один из этапов сравнительно-исторического изучения аваро-андо-цезских языков. Практическое значение работы заключается в том, что она будет служить научной основой для написания нормативной грамматики аварского литературного языка.

Исполнитель этого раздела Ш. И. Микаилов в 1958 году выполнял и другие работы по сектору. Кроме рецензирования работ отдельных сотрудников сектора он выпустил книгу «Сравнительно-историческая фонетика аварских диалектов» (10 п. л.). Эта книга — результат больших научных исследований в области аварской диалектологии, проводившихся автором в течение ряда лет, первый труд, обобщающий итоги изучения аварских диалектов. Вместе с работой по сравнительно-исторической морфологии аварских диалектов, представленной в текущем году, книга Ш. И. Микаилова послужит серьезным подспорьем для сравнительно-исторического изучения дагестанских языков.

Раздел «Говоры лезгинского языка в Ахтынском районе» по плану рассчитан на 1957 и 1958 гг. В 1957 году была разработана часть темы, а в 1958 году работа завершается. Общий ее объем — 8 — 9 п. л., автор У. А. Мейланова.

Исследование этих говоров дало возможность установить их фонетические, грамматические и лексические особенности путем сравнения последних с особенностями других говоров или диалектов лезгинского литературного языка. Работа будет иметь как научное, так и практическое значение: она послужит ценным материалом для сравнительно-исторического изучения языков и их диалектов, для составления истории лезгинского языка и нормативной грамматики лезгинского литературного языка.

Раздел «Именные классы и классные показатели в говорах андийского языка» разрабатывал мл. научный сотрудник Я. Сулейманов. До сих пор почти ни один из бесписьменных языков Дагестана, в том числе и андийский язык, в секторе не изучался из-за отсутствия специалистов по этим языкам. Только во второй половине текущего года начато монографическое исследование андийского языка, которое в ближайшее время будет закончено составлением грамматического очерка этого языка.

В результате проведенных в этом году по теме исследований, на основе сравнительного анализа данных андийского и других аваро-андо-цезских языков в говорах андийского языка выявлено максимальное количество именных классов и их показателей, установлены и зафиксированы исторические закономерности распределения имен по классам. Таким образом, показан исторический процесс развития категории именных классов в андийском языке. Данная работа по именованным классам и классным показателям в говорах андийского языка (объем 2 п. л.) поможет сравнительно-историческому изучению аваро-андо-цезских языков.

По второй теме — «Лексикография» — работа по составлению аварско-русского словаря, рассчитанная на 5 лет, продолжалась в 1958 году и должна завершиться в 1959 году. По плану на 1958 год намечалось составление словаря на 9 букв, объемом в 8 п. л.

Однако составитель словаря был переключен на другую работу, связанную с составлением сборника аварских сказок к декаде дагестанской литературы и искусства, и вплоть до июня был занят составлением этого сборника объемом в 14 п. л. Таким образом, М.-С. Саидов проделал в этом году большую работу. Кроме плановой работы по словарю, он составил и выпустил «Сборник аварских сказок».

Работа по составлению лезгинско-русского словаря, рассчитанная также на 5 лет, в первой половине 1958 года была прервана в связи со смертью составителя словаря доктора филологических наук М. М. Гаджиева, которым большая часть словаря уже была составлена.

Работа по составлению данного словаря была продолжена с июля 1958 года и должна завершиться к концу 1959 года. За вторую половину 1958 года, согласно пересмотренному плану, составлена словарная картотека от буквы «ж» по букву «я».

Над редактированием русско-кумыкского словаря работает мл. научный сотрудник З. З. Бамматов. Словарь должен быть представлен в Издательство национальных и иностранных словарей и в 1959 году выйти в свет.

Издание названных словарей имеет большое научное и практическое значение.

По третьей теме — «Граматики дагестанских языков» — раздел «Сложно-сочиненное предложение в лакском языке», предусмотренный планом на 1958 год, является продолжением работы по исследованию синтаксиса сложного предложения в лакском языке. В представленной работе дается общая характеристика сложно-сочиненного предложения в лакском языке с анализом соответствующих частей и разбивкой их на бессоюзные и союзные сложно-сочиненные предложения.

Говоря о темах, которые разрабатываются сектором языков, о их большой важности в научно-теоретическом и практическом отношении, нельзя не отметить существенные недостатки в деятельности сектора.

Прежде всего совершенно неудовлетворительно поставлен контроль за ходом выполнения научно-исследовательских работ. Сектор не уделяет серьезного внимания составлению планов-перспектив по темам, которые утверждены для работников сектора. В секторе не практикуется обсуждение и

рецензирование первичного материала, собранного научными работниками для написания работы. Выполненные работы не обсуждаются по разделам. Как и в других секторах обсуждение и рецензирование работ приурочивается к концу года, что ведет к тому, что обсуждение и рецензирование работ проводятся наспех, без серьезной и продуманной подготовки и без привлечения научных работников извне. При рецензировании работы одного сотрудника другим подчас допускается либеральное отношение в оценке. В результате сектором не представлено ни одной работы, подготовленной к изданию.

Многие из выполненных работ страдают отсутствием в них достаточно глубокого анализа языковых фактов, носят описательный характер, в них отсутствуют серьезные теоретические и научно-практические обобщения.

ПРОБЛЕМА III — ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ ДАГЕСТАНА

В 1958 году научные сотрудники сектора литературы и народного творчества должны были продолжить разработку тем, предусмотренных пятилетним планом 1956—1960 гг.

1. История литератур народов Дагестана.

2. Фольклор.

По первой теме — «История литератур народов Дагестана» — на 1958 год было утверждено выполнение следующих разделов:

1. Аварская советская литература. Исполнитель — кандидат филологических наук Б. М. Магомедов.

2. Лакская советская литература. Исполнитель — кандидат филологических наук Э. Ю. Кассиев.

3. Кумыкская советская литература. Исполнитель — кандидат филологических наук Г. Б. Мусаханова.

4. Дагестан в творчестве А. А. Бестужева. Исполнитель — кандидат филологических наук — Р. Ф. Юсуфов.

Однако в связи с подготовкой к декаде дагестанской литературы и искусства в Москве явилась необходимость подчинить свою работу сектора этой подготовке. Основанием для переключения работы сектора на подготовку к декаде послужило ходатайство Института, удовлетворенное Отделением литературы и языка АН СССР специальным решением.

Таким образом, все сотрудники сектора, за исключением Р. Ф. Юсуфова, были переключены на декадную работу, которая была закончена к концу сентября.

К декаде литературы и искусства в Москве составлены сборники сказок:

1) кумыкских — 12 п. л. (кандидат филологических наук Г. Б. Мусаханова и кандидат ист. наук С. Гаджиева),

2) даргинских — 12 п. л. (кандидат филологических наук З. Абдуллаев и кандидат филологических наук С. Гасанова),

3) аварских — 14 п. л. (кандидат филологических наук М.-С. Саидов),

4) лезгинских — 12 п. л. (доктор филологических наук М. М. Гаджиев и Н. Ахмедов),

5) лакских — 16 п. л. (кандидат филологических наук Э. Кассиев и мл. научный сотрудник Х. Халилов).

Ко всем этим сборникам составителями написаны предисловия и комментарии в объеме от 0,5 до 1 п. л. Все сборники художественно оформлены и находятся в наборе.

Кроме того, сотрудники сектора выполнили следующие работы.

а) Сделаны подбор и подстрочные переводы на русский язык для большого «Сборника дагестанских сказок»:

аварских — 7 п. л. (кандидат филологических наук Ш. И. Микаилов),

лакских — 5 п. л. (кандидат филологических наук Э. Кассиев и мл. научный сотрудник Х. Халилов),

кумыкских, ногойских, татских — 6 п. л. (кандидат филологических наук Г. Б. Мусаханова),

лезгинских — 6 п. л. (доктор филологических наук М. М. Гаджиев),

даргинских — 6 п. л. (кандидат филологических наук С. Гасанова и кандидат филологических наук З. Абдуллаев).

б) Подобраны и подстрочно переведены материалы для «Антологии дагестанской поэзии», выпускаемой в Москве на русском языке:

кумыкские — 4 п. л. (кандидат филологических наук Г. Мусаханова),

аварские — 4 п. л. (кандидат филологических наук Б. Магомедов),

лакские — 4,5 п. л. (мл. научный сотрудник Х. Халилов).

в) Сотрудники сектора подобрали материалы для антологий на национальных языках, издаваемых Даггизом:

лакской — 7 п. л. (кандидат филологических наук Э. Кассиев — 3 п. л. и мл. научный сотрудник Х. Халилов — 4 п. л.).

кумыкской — 2 п. л. (кандидат филологических наук Г. Б. Мусаханова).

г) Прорецензированы и подвергнуты критическому разбору на секторе работы авторов, не работающих в Институте истории, языка и литературы:

1) Дагестан в русской литературе — 20 п. л. (кандидат филологических наук У. Б. Далгат),

2) Дагестан в русской советской литературе — 20 п. л. (кандидат филологических наук У. Б. Далгат),

3) Дагестанские пословицы и поговорки — 10 п. л. (А. Ф. Назаревич).

Общий объем работ, подготовленных сотрудниками сектора литературы и народного творчества к декаде, составляет 158,5 п. л.

Кроме указанных работ, сотрудники сектора были заняты подготовкой к печати работ по истории дореволюционной литературы народов Дагестана, выполненных по планам прошлых лет. Эти работы после критических рецензий Института мировой литературы им. Горького были даны на редактирование профессору С. М. Брейтбургу. По его указаниям авторы выявляли и включали в соответствующие разделы новые материалы, что значительно улучшит качество этих исследований. Четыре плановых работы 1958 года будут изданы к декаде.

С октября 1958 года сотрудники сектора переключились на выполнение плановых тем, которые были перенесены на 1959 год.

Вновь принятым на работу в Институт (в конце третьего квартала 1958 г.) Л. М. Соколовой и А. Гусейнаеву были запланированы части общих тем по советской литературе: первой — «Аварская советская литература периода Великой Отечественной войны» и второму — «Лакская советская литература периода Великой Отечественной войны».

Л. М. Соколова и А. Гусейнаев написали названные работы, каждая объемом около 2 п. л. Отличительной особенностью этих работ является полнота выявленного литературного материала. Об этом свидетельствуют имена аварских литераторов, почти половина которых погибла в боях за Родину. В истории аварской литературы военных лет учтены произведения этих литераторов. Выявлены очерки — новый для аварской литературы жанр (ранее были известны только рассказы). Все это позволило автору показать развитие аварской литературы в данный период гораздо шире, чем это делалось до сих пор.

А. Гусейнаеву удалось ввести в историю лакской литературы военных лет имена таких неизвестных литературоведению поэтов, как Абдулмеджид Магомедов, Шафи Мирзоев, Мирза Магомедов, Ибрагим Канчиев, Шахимардан Абдуллаев. В работе приведены неизвестные в критической литературе фольклорные произведения военных лет.

Работы Л. М. Соколовой и А. Гусейнаева были прорецензированы и обсуждены на секторе. Сектор отметил, что ими проделана большая работа, но рекомендовал продолжить углубленное исследование литературы этого периода.

По второй теме — «Фольклор» — на 1958 год было намечено изучение лакского фольклора.

После окончания декадных работ Х. Халилов переключился на выполнение плановой темы «Волшебные дагестанские сказки». Пока им проделана следующая работа: 1) из каталога дагестанских сказок выделены волшебные сказки, 2) каталог дополнен новыми волшебными сказками, 3) автор ознакомился с афганскими, сербскими, грузинскими, армянскими, азербайджанскими, осетинскими, чеченскими, адыгейскими и другими волшебными сказками; цель знакомства — установить пределы распространения самобытных и мигрирующих сказок.

Работе сектора литературы и народного творчества присущи, в основном, те же недостатки, что и сектору языков.

Прежде всего, отдельные работы, выполненные научными сотрудниками сектора, характеризуются очень низким качеством. Сотрудники сектора не могут самостоятельно решать крупные проблемы. Для приведения плановых работ в надлежащий вид ежегодно приходится приглашать платного редактора.

Ряд работников сектора из года в год не выполняет утвержденных плановых тем. Так, например, Б. Магомедов намеченную ему на 1958 год плановую работу не выполнил, а ограничился лишь сбором материала по теме.

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

В 1958 году Институт проделал значительную работу по изданию своих трудов.

Если к 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции Институту удалось выпустить 12 наименований трудов общим объемом в 250 п. л., то в 1958 году Институт подготовил и сдал в производство 16 наименований работ, общим объемом в 400 п. л.

По сектору истории подготовлены и сданы в печать 3 наименования общим объемом в 155 п. л.; две работы вышли в свет и полностью реализованы, одна (в трех томах) находится в стадии набора. По сектору археологии и этнографии сдана в печать работа объемом в 22 п. л. с большим иллюстративным материалом. Скоро она выйдет в свет. По сектору литературы и народного творчества подготовлено и сдано в производство 9 наименований общим объемом в 155 п. л.

Кроме того, сектор литературы и народного творчества подготовил 5 работ, посвященных истории дореволюционной дагестанской литературы. Эти работы находятся в стадии редактирования.

Институт подготовил и выпустил в свет IV, V и VI тома «Ученых записок» объемом в 60 п. л.

Работники сектора истории подготовили сборник документов «Дагестан в годы восстановления народного хозяйства 1921—1927 гг.» объемом в 45 п. л. Однако эта работа еще не сдана в издательство в связи с тем, что были сделаны большие редакционные замечания и материал находится в стадии доработки.

В стадии доработки находится и VII том «Ученых записок», который в скором времени будет сдан в набор.

Работники сектора литературы и народного творчества совместно с писателями Дагестана подготовили два тома «Антологии дагестанской поэзии» — на русском и местных языках, сделали подстрочные переводы ряда поэм, издающихся отдельно.

По сектору языков подготовлены, однако еще не рецензированы и не обсуждены, следующие работы:

1. Грамматика лакского языка, ч. I, объем 20 п. л.

2. Синтаксис лезгинского языка (сложное предложение), объем — 13 п. л.

3. Сборник «Языки Дагестана», т. III, объем 25 п. л.

4. Грамматика аварского языка, объем 18 п. л.

5. Падежи лезгинского языка и их функции, объем 12 п. л.

Таким образом, если бы позволяли технические возможности Института в смысле печатания и подготовки материалов, то в 1958 году он издал бы не 14 наименований объемом в 400 п. л., а 20 наименований, объемом в 570 п. л.

Работниками Института в 1958 году опубликовано 92 статьи, посвященные историческим и филологическим вопросам. Из них:

по сектору истории	— 60 статей.
по сектору археологии и этнографии	— 5 »
по сектору литературы и народного творчества	— 17 »
по сектору языков	— 10 »

Сотрудниками сектора археологии и этнографии подготовлены статьи для II тома «Материалов по археологии Дагестана». В него войдут работы, посвященные памятникам каменного века, медно-бронзового века и средне-векового нагорного Дагестана, а также некоторым памятникам из предгорного Дагестана. Предполагаемый объем тома более 20 п. л.

Сотрудниками Института проводилась большая работа по рецензированию работ. По сектору истории составлено 44 рецензии, в том числе на плановые темы 1958 года — 14, на статьи в «Ученые записки» — 18, на статью Б. Кашкаева (по просьбе редакции журнала «Вопросы истории») — 3, на диссертацию аспиранта — 2, на работу Бушуева и Лаудаева — 3 и др. По сектору археологии и этнографии составлено 46 рецензий, из них: на плановые работы сотрудников — 26, на статьи — 18, на посторонние работы — 2; по сектору языков — 25 рецензий, из которых на плановые работы сотрудников — 16, на статьи — 6, на посторонние работы — 3; по сектору литературы и народного творчества — 26 рецензий, в том числе на плановые работы сотрудников — 13, на статьи — 8 и на постоянные работы — 5.

НАУЧНО-ОРГАНИЗАЦИОННАЯ РАБОТА

Институт истории, языка и литературы объединяет в своем составе 4 сектора, рукописный фонд и научную библиотеку.

В секторе истории работают 13 кандидатов наук и 7 сотрудников, не имеющих ученой степени. Подавляющее большинство научных сотрудников сектора являются молодыми учеными, недавно окончившими аспирантуру и работающими в Институте, в основном, с 1954 года.

В 1958 году из сектора истории выделился сектор археологии и этнографии. В составе этого сектора 10 научных работников, в том числе 4 кандидата наук. Остальные не имеют степени или проходят аспирантскую подготовку.

Сектор литературы и народного творчества, выделившийся из сектора языка и литературы в 1958 году, имеет в своем составе 8 человек, из которых 6 кандидатов наук и двое сотрудников, не имеющих ученой степени.

В секторе языков работают 9 научных сотрудников, из которых один доктор филологических наук, 6 кандидатов и двое без ученой степени. Один сотрудник из числа не имеющих степени проходит аспирантскую подготовку.

Несходимо отметить, что сектор литературы и народного творчества из-за отсутствия соответствующих научных работников не ведет исследований по даргинской и лезгинской литературам, а в секторе языков отсутствует специалист по табасаранскому языку.

В Институте работают 8 научно-технических работников, которые выполняют работу по различным отраслям науки.

Научно-исследовательскую и научно-организационную работу Института осуществляют Ученый совет и 4 сектора. В 1958 году проведено 20 заседаний Ученого совета и 102 заседания секторов.

В состав Ученого совета Института входят 16 человек, в том числе зав. отделом науки и школ Обкома КПСС, зам. председателя президиума Дагестанского филиала АН СССР, ректор Даггосуниверситета, директор Дагестанского филиала Института марксизма-ленинизма, заведующие секторами и ряд старших научных сотрудников.

На заседаниях Ученого совета обсуждались такие вопросы, как например: О мероприятиях по подготовке к декаде дагестанского искусства и литературы в Москве; О подготовке и проведении сессии по археологии Дагестана; Об итогах выполнения планов научно-исследовательских работ Института за 1957 год и задачи на 1958 год; О ходе подготовки к проведению семинара по диалектологии; О подготовке к 40-летию установления Советской власти в Дагестане; Об аттестации младших научных сотрудников; О состоянии работы и необходимой помощи научной библиотеке; Об итогах научной сессии Отделения общественных наук по теоретическим проблемам строительства коммунизма в СССР; О состоянии издательской работы Института; О работе сектора языка и литературы; Утверждение планов работы секторов на 1958 год; Отчеты научных сотрудников о выполнении плановых тем за 1958 год; О работе рукописного фонда Института и др.

Все принимаемые Ученым советом решения были направлены на усиление научно-исследовательской деятельности Института и на решение основных вопросов, стоящих перед коллективом Института. На заседаниях Ученого совета рассматривались, главным образом, вопросы, непосредственно относящиеся к научно-исследовательской деятельности секторов, отдельных научных работников, как в части выполнения плановых работ, так и в части издания уже подготовленных трудов.

Большая работа проведена и секторами. Так, например, в секторе истории, в целях более успешного выполнения плановых тем, проводилась значительная организационная работа. За год проведено 40 заседаний сектора, на которых обсуждено более 80 вопросов. В этом году к обсуждению работ по важным проблемным вопросам привлекались работники Дагестанского филиала Института марксизма-ленинизма (Г. Г. Османов, В. Н. Ганзуров), Дагестанского государственного университета им. В. И. Ленина (Р. М. Магомедов, Н. П. Эмиров, А. И. Алиев), Института школ (Р. Ю. Юсуфов, З.-А. Курбанов). Кроме того, в обсуждении ряда вопросов принимали участие сотрудники других секторов Института.

Большой интерес и активность членов сектора вызвало обсуждение законченных плановых исследований 1958 года и докладов по научно-теоретическим вопросам. Так, при обсуждении научно-теоретического доклада Д. М. Атаева «Дагестан

и Кавказская Албания» было задано 12 вопросов и выступило со своими соображениями по докладу 9 человек, по докладу М. М. Ихилова «К вопросу о периодизации истории Дагестана» (досоветский период) было задано 15 вопросов и выступило 8 человек, по теме «Газета «Заря Дагестана» докладчику Г. И. Милованову было задано 10 вопросов и выступило 4 человека.

Активно проходило также обсуждение на секторе многих плановых работ и статей научных сотрудников. Так, по работе А. И. Тамая было задано 8 вопросов и выступило 5 человек, по работе А.-Г. Гаджиева — 9 вопросов и 8 выступлений. В обсуждении работы Р. Г. Маршаева приняли участие 7 человек и было задано 8 вопросов.

В этом году обсуждались также доклады на научно-теоретические темы: А. Р. Шихсаидова «Памятники эпиграфики как исторический источник»; Г. А. Аликберова «Особенности политики Коммунистической партии по вовлечению горцев в русло советского развития»; статьи Х. Х. Рамазанова, Г. Ш. Каймаразова, А. И. Алиева, Г. Г. Османова и др. для «Ученых записок» Института ИЯЛ. На высоком уровне прошло также обсуждение кандидатской диссертации аспиранта М. В. Вагабова, которому было предложено переработать ее.

Активно, с широким участием работников сектора прошло также обсуждение рукописи предисловия С. К. Бушуева к работе У. Лаудаева «Чеченское племя» в июле 1958 года. В обсуждении приняли участие 8 человек.

В первом полугодии из 18 сотрудников сектора в научных командировках побывало 14 человек, что дало им возможность собрать ценный архивный материал для написания плановых работ к установленному сроку.

Большинство сотрудников сектора истории принимали активное участие в лекционной пропаганде по линии Общества по распространению политических и научных знаний и партийных органов, выполняли отдельные поручения Обкома и Горкома КПСС, а также участвовали в рецензировании рукописей лекций и брошюр, готовящихся к печати.

В 1958 году сотрудники сектора прочитали в городах и районах 45 лекций. Ряд научных сотрудников периодически выступает со статьями на страницах областных газет и по радио.

Сотрудники сектора археологии и этнографии принимали участие в работе отчетной сессии Отделения исторических наук АН СССР совместно с ИИМК и Институтом этнографии АН СССР в Москве. На секционных заседаниях пленума ИИМК и Института этнографии АН СССР выступили с докладами научные сотрудники сектора:

1) Д. М. Атаев — Раскопки Бежтинского могильника;

2) М. М. Ихиллов — Этнографическая поездка к рутулам и цахурам;

3) В. Г. Котович — К вопросу о стратиграфии Чохской стоянки;

4) М. И. Пикуль — Хабадинский могильник.

Все эти доклады получили положительную оценку.

Сотрудники сектора также выступали перед общественностью с лекциями и статьями по радио и в местных газетах на археологические и этнографические темы.

В течение 1958 года было проведено 23 заседания сектора археологии и этнографии. На заседаниях сектора обсуждались отчеты о полевых исследованиях, плановые темы сотрудников, издаваемые статьи и т. д.

В частности, обсуждались вопросы: Отчеты о выполнении планов научных работ за I квартал; О подготовке к археологической экспедиции; Об организации экспозиционной выставки к археологической сессии; Утверждение отчетов о полевых исследованиях за 1957 год; Об организации подготовки к научной сессии по археологии Дагестана; Краткие отчеты о проведенной полевой работе отрядов; Утверждение плана научно-исследовательской работы сектора и плана теоретических конференций и семинаров на 1958—1959 гг.; О ходе выполнения научно-исследовательских работ в 1958 году; Обсуждение тезисов докладов на научной сессии по археологии Дагестана; Обсуждение статей в «Ученые записки»; Итоги и перспективы археологических исследований в Дагестане (по материалам горных отрядов) и т. д.

До 1 сентября 1958 года сектор литературы совместно с сектором языков провел 19 заседаний. С 8 сентября проведено 17 самостоятельных заседаний сектора литературы и народного творчества. На заседаниях, кроме текущих организационных вопросов, обсуждались отчеты сотрудников за год работы, пять сборников сказок, две книги «Дагестан в русской литературе» и «Дагестанские пословицы и поговорки», четыре статьи, предназначенные для публикации в периодической печати.

Обсуждены также две плановые работы, выполненные в 1958 году. В ходе обсуждения были рассмотрены теоретические вопросы литературоведения: 1) О становлении и развитии социалистического реализма в литературе народов Дагестана, 2) Проблема взаимоотношения фольклора и литературы, 3) Проблема национальной специфики, 4) Русско-дагестанские литературные связи, 5) Взаимоотношения дагестанских литератур между собой и др.

Все эти проблемы стали краеугольным камнем исследования советской литературы народов Дагестана, к которому сотрудники вплотную подошли. При этом сотрудники сектора

в своей работе исходят из решений XX съезда КПСС и выступления Н. С. Хрущева «За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа».

Сектором языков в 1958 году было проведено совещание по вопросам дагестанской диалектологии, с участием языковедов Москвы, Грузии и Чечено-Ингушетии. На совещании обсуждался ряд докладов по вопросам диалектологии:

- 1) Г. Б. Муркелинский — Задачи диалектологии дагестанских языков;
- 2) Е. А. Бокарев — Восстановление системы смычно-гор-
танных аффрикат в общедагестанском языке-основе;
- 3) Ш. И. Микаилов — Сравнительно-историческое изучение аварских диалектов и андодидойских языков;
- 4) С. М. Хайдаков — О звукосоответствиях между лакскими и другими дагестанскими языками;
- 5) Б. Б. Талибов — О звуковых процессах в лезгинском языке;
- 6) С. М. Гасанов — Вопросы классификации диалектов даргинского языка и другие.

Совещание сыграло важную роль в деле дальнейшего развития сравнительно-исторического языкознания.

В текущем году проведено около 30 заседаний сектора языков, на которых обсуждались научно-организационные вопросы, связанные с работой сектора, плановые работы и статьи сотрудников сектора, а также отдельные научные и научно-практические вопросы.

Обсуждены, в частности, доклады по вопросу сравнительно-исторического исследования языков лезгинской группы (Е. А. Бокарев), по вопросам унификации алфавитов и научной транскрипции дагестанских языков (Я. Сулейманов), по вопросу координации работы сектора с Институтом языкознания АН Груз. ССР, о состоянии работы по изучению диалектов и др.

Сотрудники сектора З. Абдуллаев и Я. Сулейманов принимали участие в совещаниях в Ереване и Майкопе. На региональном совещании по вопросам унификации алфавитов горских иберийско-кавказских языков (в Майкопе) с докладом «Вопросы унификации дагестанских алфавитов» выступил Я. Сулейманов. В IV Всесоюзном координационном совещании диалектологов (в Ереване) принимал участие З. Абдуллаев.

КООРДИНАЦИОННАЯ РАБОТА ИНСТИТУТА

Решением бюро Обкома КПСС в августе 1957 года была создана республиканская комиссия по координации научно-

исследовательской работы в области исторических и филологических наук в следующем составе:

1) Г.-А. Д. Даниялов — директор Института ИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР, кандидат исторических наук (председатель).

2) Ш. И. Магомедов — директор Института истории партии при Дагестанском Обкоме КПСС, кандидат исторических наук (заместитель).

3) А. А. Абилов — ректор Дагестанского университета, кандидат исторических наук.

4) Х.-М. О. Хашаев — зам. председателя Президиума Дагестанского филиала АН СССР, доктор исторических наук.

5) Г. А. Аликберов — зав. сектором истории Института ИЯЛ, кандидат исторических наук.

6) С. Ш. Гаджиева — зав. сектором археологии и этнографии Института ИЯЛ, кандидат исторических наук.

7) Г. Б. Муркелинский — зав. сектором языка Института ИЯЛ, доктор филологических наук.

8) Р. Т. Сулейманов — зав. кафедрой марксизма-ленинизма ДСХИ, кандидат экономических наук.

9) Г. С. Койстинен — мл. научный сотрудник Института ИЯЛ, кандидат исторических наук (секретарь).

Цель создания комиссии — координировать научно-исследовательскую деятельность в республике с тем, чтобы избежать дублирования в изучении важнейших вопросов истории и филологии Дагестана, своевременно кооперировать силы научных работников разных научных учреждений при разработке сложных проблем.

При обсуждении этого вопроса была отмечена своевременность создания подобной комиссии и было принято решение о представлении планов научно-исследовательских работ с целью их обсуждения в направлении координации.

Комиссия получила планы научно-исследовательских работ от Института ИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР, Университета, Женского педагогического института, Института истории партии при Дагестанском Обкоме КПСС. Все члены комиссии с планами ознакомились.

На втором заседании координационной комиссии планы научно-исследовательских работ всех научных центров республики были обсуждены. Ознакомление с планами выявило, что в изучении ряда проблем наблюдается ничем не оправданное дублирование, не всегда правильно распределяются силы исследователей, в ряде случаев одни исследователи начинают заново работать над темой, над которой до них другие работали в течение ряда лет. На рассмотрение членов комиссии был представлен ряд конкретных замечаний.

В результате обсуждения этих замечаний было принято решение о создании следующих комиссий по изучению отдельных проблем.

1. Комиссия по изучению истории гражданской войны в Дагестане:

Г. А. Аликберов (ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР, руководитель),

А. С. Гаджиев (ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР, руководитель),

Б. О. Кашкаев (Институт истории партии при Даг. Об. коме КПСС)

Н. П. Эмиров (Университет).

2. Комиссия по изучению Дагестана в годы Великой Отечественной войны:

Г.-А. Д. Даниялов (Институт ИЯЛ, руководитель),

А. И. Эфендиев —»—

Г. Ш. Каймаразов —»—

Г. С. Койстинен —»—

А. Бабаев (Университет).

3. Комиссия по изучению истории лезгин:

Р. М. Магомедов (Университет, руководитель),

А. Р. Шихсаидов (Институт ИЯЛ)

Х. Х. Рамазанов —»—

Было признано целесообразным провести соответствующую работу по объединению деятельности следующих исследователей:

1. А. А. Абилов (Университет) и Г. Ш. Каймаразов (ИИЯЛ) для написания монографии на тему «Культурная революция в Дагестане».

2. С. М. Омаров (Университет), Х. Д. Даилов и А. К. Селимханов (Женский педагогический институт) для написания работы «Развитие народного образования в Дагестане».

3. А. И. Эфендиев (ИИЯЛ) и К.-М. Джалилов (Университет) для написания монографии «Создание кадров национальной интеллигенции в Дагестане».

4. Ш. И. Микаилов (ИИЯЛ) и Г. Мадиева (Университет) для подготовки учебных пособий по теме «Фонетика аварского языка».

Встал также вопрос о необходимости координации научно-исследовательской работы в области экономических наук, о чем принято соответствующее постановление.

Решение координационной комиссии было разослано всем научным учреждениям и было принято к руководству. Комиссия предполагает осуществлять контроль за ходом выполнения планов, периодически заслушивая информации руководителей групп и научных учреждений.

В соответствии с указаниями XXI съезда КПСС перед коллективом Института встают новые, неотложные задачи по экономическому исследованию народного хозяйства республики, которые повлекут за собой пересмотр утвержденной тематики и структуры Института, организационное укрепление его новыми секторами и кадрами.

Ввиду того, что в филиале экономическое исследование республики в той мере, в какой это необходимо, не ведется, а Институт ИЯЛ проблемами истории народного хозяйства почти не занимается, настало время для создания при Институте ИЯЛ сектора экономики, который занимался бы всесторонним изучением экономических проблем и историей народного хозяйства Дагестана.

Вместе с тем ближайшей задачей Института является изучение философских проблем, тесно связанных с экономическими и историческими проблемами республики.

Для практического решения поставленных задач необходимо:

1. Создать в 1959 году при Институте ИЯЛ сектор экономики в составе 5—6 высококвалифицированных научных работников для разработки экономических проблем республики.

2. Ввести в тематику Института вопросы философии, для разработки которых привлечь научных сотрудников.

3. Для обсуждения некоторых теоретических вопросов коммунистического строительства созвать в 1959 году научную сессию по следующей тематике:

1) Социалистическое возрождение народов Дагестана за 40 лет и задачи дальнейшего развития их экономики и культуры.

2) Коммунистическое строительство в Дагестане, его особенности и условия осуществления.

3) Развитие науки и ее роль в деле коммунистического строительства в Дагестане.

4) Пережитки прошлого и пути их преодоления в условиях Дагестана.

5) Природные богатства Дагестана и меры по дальнейшему их использованию.

Перед сектором истории выдвигается практическое решение следующих задач: проведение научных сессий и теоретических семинаров; успешное завершение намеченных на 1956—1960 гг. тем и завершение монографических исследований по проблемам истории Дагестана; координация работы Института

с кафедрами высших учебных заведений республики и научно-исследовательскими институтами Северного Кавказа; широкое развертывание работы по подготовке кадров высокой квалификации; выступления научных работников с докладами на совещаниях историков Кавказа и в центральных научно-исследовательских учреждениях.

На наш взгляд необходимо предъявить некоторые претензии к Отделению исторических наук АН СССР в связи с незначительным привлечением наших научных работников к участию в различного рода конференциях, совещаниях и других мероприятиях, проводимых как в центре, так и на местах, что отрицательно сказывается на повышении научно-теоретической квалификации наших кадров. К выступлениям с докладами или сообщениями на проводимых отделением многочисленных совещаниях и конференциях местные работники не привлекаются. Было бы весьма желательно, чтобы в дальнейшем Отделение привлекало научных работников Института к непосредственному участию в созываемых совещаниях и конференциях.

Существенная претензия работников Института к Отделению исторических наук и редакциям центральных журналов состоит в том, что работникам местных Институтам не представляется возможность выступать с теоретическими статьями в центральных журналах. Так, за пять лет, с 1954 по 1958 гг., была опубликована только одна статья в журнале «Вопросы истории».

В редакциях центральных журналов установилась такая практика, при которой в течение ряда лет в тематических планах не предусматривается публикация многих необходимых статей, причем с составленными тематическими планами местные научные кадры не знакомятся, и поэтому они лишены возможности выбора тематики и представления статей. В то же время редакции не выдвигают перед Институтом каких-либо тем для написания статей. Такая практика не стимулирует рост научных кадров.

Не совсем правильно решается вопрос об издании научных трудов, находящихся в портфеле Института. Прежде всего не созданы условия для их издания на местах, а Академиздат совершенно недостаточно планирует издание подготовленных Институтом работ.

В области археологического изучения Дагестана перед Институтом в целом, и сектором археологии и этнографии в частности, стоят следующие задачи: расширить фронт археологических стационарных и разведочных работ, в первую очередь за счет малоизученных районов южного и центрального

Дагестана, продолжая одновременно работу по исследованию и завершению уже раскапываемых памятников нагорного Дагестана. Сектору предстоит серьезно подготовиться и на высокой научно-теоретической основе провести, совместно с Институтом истории материальной культуры АН СССР, археологическую сессию в мае 1959 года, завершить написание монографических исследований и вести основную работу по разрешению проблем этногенеза, становления племен и народностей Дагестана, а также вместе с языковедами и историками продолжать работу по изучению топонимики Дагестана.

В области этнографии задачей сектора является написание капитального труда «Народное жилище Дагестана», составление историко-этнографического атласа по Дагестану, обеспечение охвата этнографическим изучением всех народностей Дагестана, завершение уже начатых монографических исследований по лезгинам, кумыкам и другим народностям.

В целях дальнейшего расширения и углубленного изучения всех языков как письменных, так и бесписьменных, расширить круг изучаемых проблем по практическому языкознанию, фронтальному изучению литературы народного творчества, вести работу по практическому осуществлению решения Президиума АН СССР от июля 1957 года об организации Института дагестанских языков, литературы и народного творчества в 1959 году.

Перспектива развития литературоведения и фольклористики охватывает множество вопросов, ожидающих своего решения.

Необходимо развернуть сбор, подготовку к изданию и изданию на русском и национальных языках памятников устного народного творчества:

- а) текстов героического эпоса народов Дагестана,
- б) исторических песен,
- в) лирических песен,
- г) сказок,
- д) пословиц, поговорок, загадок.

Фольклор Дагестана мало изучен с точки зрения классовой направленности. Поэтому важнейшая задача дагестанской фольклористики — решить вопросы идейной сущности памятников устного творчества, изучить фольклор Дагестана с точки зрения раскрытия культурных связей между народами Дагестана, Кавказа и Ближнего Востока.

По дореволюционной литературе нужны отдельные монографические исследования, которые позволили бы раскрыть историческое содержание и художественное значение творческой деятельности Ирчи-Казака, Етима Эмина, Махмуда, Эльдариллау, Батырая; нужны работы о тех деятелях, которых

мы называем просветителями — основоположниками новой литературы Г. Саидов, С. Габиев, З. Батырмурзаев, Н. Батырмурзаев, М.-Э. Османов, Манай Алибеков.

В области изучения советской литературы необходим решительный поворот к современности. Нужны хорошие книги о художественном мастерстве наших писателей Г. Цадасы, Сулеймана Стальского, Эф. Капиева, Р. Гамзатова, А. Фатахова, Ю. Гереева, С. Абдуллаева, А. Иманагаева.

Совершенно необходимо исследовать отдельные закономерности и проблемы социалистического реализма в дагестанской литературе. В частности, необходимо выяснить какими путями шло усвоение опыта русской литературы, как развивались поэзия, проза, драматургия; нужны работы о традиции и новаторстве в советской литературе Дагестана, о взаимосвязи фольклора и советской литературы Дагестана; нужны серьезные исследования в области языка и стиля дагестанской советской литературы.

Пока еще не подготовлено ни одного академического издания произведений дагестанских писателей. Для осуществления этой большой и нужной работы необходимо прежде всего сосредоточить в Институте личные архивы ведущих писателей (Стальского, Цадасы, Капиева, Хуршилова).

В рукописном фонде должен быть сотрудник, который специально занимался бы сбором материалов личных архивов писателей. Институту необходимы средства для покупки архивов, имеющихся у родственников писателей. Кроме того, в библиотеке должен быть специальный библиограф как по досоветской, так и советской литературе. Это будет способствовать подготовке академических изданий произведений ведущих писателей Дагестана.

Литературовед не может замыкаться в границах своей республики, поэтому сектор должен ставить и решать проблемы литературных взаимосвязей, литературных обменов. Для проведения семинара и консультаций на месте необходимо приглашать крупных ученых Москвы.

Мы считаем нетерпимым такое положение, когда в крупных центрах, в Москве созываются совещания по важнейшим вопросам фольклористики и литературоведения, а сотрудники сектора литературы не могут принять в них участия. Поэтому необходимо усилить деловые связи Института с центральными научными учреждениями.

Для успешного осуществления этих задач необходимо организовать в секторе литературы и народного творчества три группы: 1) группу фольклористов, 2) группу досоветской дагестанской литературы, 3) группу советской литературы.

Для всего этого требуются решительные мероприятия по подготовке необходимых кадров и привлечения их к научно-

исследовательской работе. Среди студентов-выпускников есть много способной к научной работе молодежи, среди нее и надо искать кадры.

Для дальнейшего развития дагестанского языкознания прежде всего требуется: 1) улучшение работы по сравнительно-историческому изучению дагестанских языков и их диалектов, что необходимо для разработки истории этих языков, для решения вопроса родства этих и других кавказских горских языков; 2) создание фонетической лаборатории при институте; 3) разработка таких научных проблем, которые связаны с практическими потребностями республики (составление научных и нормативных грамматик или учебников, терминологических, орфографических, толковых и диалектологических словарей); 4) подготовка через местную аспирантуру специалистов-языковедов по ряду дагестанских языков; 5) координация языковедческой работы Института с работой Института языкознания АН СССР, Института языкознания АН Груз. ССР, а также местных вузов и научно-исследовательского института школ; 6) участие наших языковедов в решении таких общетеоретических проблем, которые ставятся бюро Отделения литературы и языка АН СССР, как например, «Язык народности и нации», «Сравнительно-историческое изучение языков» и др.

Во всем этом нужна помощь бюро Отделения.

И С Т О Р И Я

ПОЛИТИКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ПО ВОВЛЕЧЕНИЮ ГОРЦЕВ В РУСЛО СОВЕТСКОГО РАЗВИТИЯ И РОЛЬ КАВБЮРО ЦК РКП(б)

Предлагаемая вниманию читателей работа освещает очень важную тему, которая до сих пор никем специально не исследована. В некоторых работах, написанных по истории борьбы Коммунистической партии за утверждение и упрочение Советской власти на Северном Кавказе¹, в Дагестане² и Закавказье³, деятельность Кавбюро ЦК РКП(б) затрагивается лишь мимоходом.

В настоящей статье автор не ставит перед собой цель — дать исчерпывающее освещение всей деятельности Кавбюро ЦК партии, ограничивается более или менее полным раскрытием его роли в осуществлении ленинской политики Коммунистической партии по вовлечению горских народов в русло советского развития.

I.

Теоретически обосновывая неизбежность социальной революции и возможность строительства социализма в нашей стране, Коммунистическая партия и В. И. Ленин одновременно указывали на особые трудности, которые нужно было преодолевать в строительстве социализма в отсталых странах. В отличие от центральных и западных губерний, сравнительно высокоразвитых в культурном и экономическом отношении, восточные окраины были населены отсталыми во всех отношениях народами, не вышедшими еще из средневековья или

¹ З. Орджоникидзе. Путь большевика. Госполитиздат. М. 1956.

² «Очерки истории Дагестана». Т. II, Махачкала, 1957; «Труды Дагестанского филиала ИМЛ при ЦК КПСС». Махачкала, 1957.

³ «История Коммунистической партии Азербайджана», Баку, 1958; «История Коммунистической партии Грузии», Тбилиси, 1957; Г. В. Хачапуридзе. Борьба грузинского народа за установление Советской власти. М. 1956.

недавно только вступившими в стадию капиталистического развития.

Это, естественно, серьезно осложняло и затрудняло задачу вовлечения народов этих окраин в социалистическое строительство. «Чем более отсталой является страна, которой пришлось, в силу зигзагов истории, начать социалистическую революцию, — говорил В. И. Ленин на VII съезде РКП(б), — тем труднее для нее переход от старых капиталистических отношений к социалистическим. Здесь к задачам разрушения прибавляются новые, неслыханной трудности задачи — организационные»⁴.

Для вовлечения отсталых окраин в социалистическое строительство необходимо было применять особые, соответствующие их уровню развития способы и приемы. В резолюции X съезда РКП(б) от очередных задачах партии в национальном вопросе говорилось: «Всякое механическое пересаживание на восточные окраины экономических мероприятий центральной России, годных лишь для более высокой степени хозяйственного развития, должно быть отвергнуто»⁵.

Наша партия, В. И. Ленин вместе с тем дали научное обоснование возможности ликвидации вековой отсталости в прошлом угнетавшихся народов и вовлечения их в социалистическое строительство. «Задача в том, — говорил в 1919 г. В. И. Ленин, — чтобы пробудить революционную активность к самостоятельности и организации трудящихся масс, независимо от того, на каком уровне они стоят, перевести истинное коммунистическое учение, которое предназначено для коммунистов более передовых стран, на язык каждого народа, осуществлять практические задачи, которые нужно осуществить немедленно, и слиться в общей борьбе с пролетариями других стран»⁶.

Эта задача была успешно разрешена в отсталых областях благодаря тому, что наша партия взяла руководство этим делом на себя, создала и воспитала на национальных окраинах большевистские организации, способные укреплять свои связи с массами и побудить их к сознательной борьбе за социализм.

Формирование коммунистических организаций происходило на окраинах в особых условиях. Если в центральных и западных районах страны развитие их имело долгую и богатую историю идеологической борьбы и теоретической закалки, то этого не было в отсталых областях, особенно населенных горскими народами. Несмотря на это коммунистические организации здесь имели, как указывал В. И. Ленин, и благоприятные условия для своего развития и укрепления — они

⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 27, стр. 67.

⁵ «КПСС в резолюциях...». Ч. I, 1953, стр. 561.

⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 30, стр. 141.

могли использовать богатый опыт коммунистической партии России и пользовались ее всесторонней поддержкой. «Опираясь на общекommунистическую теорию и практику,—говорил В. И. Ленин,—вам (представителям коммунистических организаций народов Востока — Г. А.) нужно, применяясь к своеобразным условиям, которых нет в европейских странах, суметь применить эту теорию и практику к условиям, когда главной массой является крестьянство, когда нужно решать задачу борьбы не против капитала, а против средневековых остатков»⁷.

Эти указания в большой степени касались Северного Кавказа и Дагестана, населенных многочисленными горскими народностями. Положение здесь усугублялось еще тем, что задачи упрочения Советской власти и вовлечения горцев в русло советского развития приходилось решать в обстановке продолжающейся борьбы Советской России с империалистами Антанты и их паемниками. К тому же партийные организации были крайне малочисленны и в организационном и идейно-политическом отношении слабы. Владычество Деникина и феодально-клерикальной и националистической реакции на Северном Кавказе и в Дагестане, как указывал Г. К. Орджоникидзе, «загнало нашу партию в подполье, беспощадно истреблялись её члены. В условиях дикой белой реакции нельзя было вести систематической работы. И действительно, кроме Баку, мы не имели нигде крепкой партийной организации»⁸.

Партия понимала, что в этих условиях молодые, еще неокрепшие партийные организации не справятся с колоссальными трудностями, связанными со строительством и упрочением Советской власти, и не сумеют проводить по отношению к горцам ту осторожную и гибкую политику, которую рекомендовали ЦК РКП(б) и Советское правительство. Вот почему партия большевиков еще до освобождения Северного Кавказа и Дагестана от белогвардейцев принимала ряд мер к тому, чтобы не только поддержать горскую бедноту в ее борьбе за свободу и Советскую власть, но и непосредственно руководить и направлять работу партийных органов по установлению и укреплению Советской власти после освобождения края от белогвардейских банд.

Так, после того, как Красная Армия, блестяще выполнив свою миссию по разгрому белогвардейских полчищ Деникина, вступила в пределы Северного Кавказа, ЦК РКП(б) своим решением от 4 февраля 1920 года создал Бюро по восстановлению Советской власти на Северном Кавказе. Председателем

⁷ В. И. Ленин. Соч., т. 30, стр. 140.

⁸ Г. К. Орджоникидзе. Статьи и речи. Т. I. М. 1956, стр. 203.

Бюро был назначен Г. К. Орджоникидзе, а его заместителем — С. М. Киров.

Бюро сразу же приступило к своей работе. Одной из главных задач, поставленных перед ним партией, было создание в освобождаемых областях Кавказа крепких, состоящих из преданных делу трудового народа людей, органов революционной власти, способных окончательно сломить сопротивление остатков контрреволюции, утвердить и укрепить Советскую власть. В этих целях еще 11 февраля 1920 года за подписью заместителя председателя Бюро С. М. Кирова было опубликовано в газете «Красный воин» обращение, в котором предлагалось «всем товарищам кавказцам и работавшим на Кавказе, находящимся в настоящее время в районе действий XI армии, немедленно зарегистрироваться у секретаря Бюро»⁹.

Регистрации подлежали все бывшие работники Кавказа, независимо от того, где и в качестве кого они работают в данное время.

В конце марта 1920 года Бюро по восстановлению Советской власти на Северном Кавказе было преобразовано в территориальный центр Кавказа — в Кавказский Крайком РКП(б). Дагобком РКП(б) получил по этому поводу телеграмму, в которой сообщалось: «Центральным Комитетом Всероссийской Коммунистической партии Бюро РКП при Северо-Кавказском Ревкоме преобразовано в Кавказский Краевой Комитет РКП, как высшая партийная организация Кавказа... По всем партийным вопросам организации Кавказа должны обращаться по инстанции в Кавказский Краевой Комитет»¹⁰.

В связи с освобождением Красной Армией Северного Кавказа и Дагестана от белогвардейских банд и усилением происков империалистов Антанты на Кавказе перед партией встала боевая задача — утвердить и укрепить здесь Советскую власть, взять на себя руководство борьбой большевиков Закавказья за свержение буржуазно-националистических правительств, превращавших Закавказье в объект антисоветских авантюр, и поддерживать разгорающееся национально-освободительное движение в странах Ближнего Востока против империалистов Антанты. Советской власти предстояла тогда, как указывал В. И. Ленин, задача — «сгруппировать вокруг себя все просыпающиеся народы Востока, чтобы вместе с ними вести борьбу против международного империализма»¹¹.

⁹ «Астраханский фронт и С. М. Киров» (Сб. документов). Сталинград, 1937, стр. 274.

¹⁰ Архив Даг. филиала ИМЛ, ф. I, св. I, л. 3, л. 14.

¹¹ В. И. Ленин. Соч., т. 30, стр. 140.

Было ясно, что в сложной обстановке того периода решение этих задач было не под силу еще неокрепшим партийным организациям на Кавказе. Для этого необходим был единый централизованный партийный орган, способный и правомочный оперативно и самостоятельно разрешать все важнейшие вопросы борьбы за победу социалистической революции на Кавказе. В этих целях, для непосредственного руководства партийными организациями Кавказа, постановлением ЦК РКП(б) от 8 апреля 1920 года вместо Кавказского Крайкома РКП(б) было создано полномочное представительство ЦК РКП(б) в лице Кавказского бюро (Кавбюро) ЦК РКП(б) в составе Г. К. Орджоникидзе, С. М. Кирова, М. Орахелашвили, А. Назаретяна, И. Т. Смилги¹². Такие же бюро ЦК РКП(б) были созданы тогда на ряде других национальных окраин страны. Так, например, существовали Киргизское, Уральское, Сибирское (из него позднее выделилось Дальневосточное), Туркестанское и другие бюро ЦК РКП(б). Они и руководили молодыми и в идейном отношении еще неокрепшими организациями партии на местах в их борьбе за победу и упрочение Советской власти.

Для осуществления повседневного руководства партийными организациями Кавказа был сконструирован аппарат Кавбюро ЦК РКП(б), а для решения особо важных вопросов постановлением Кавбюро от 3 августа 1920 года были созданы президиум и две тройки — Армавирская и Бакинская¹³. Вопросы, касающиеся Северного Кавказа и Дона, разрешались Армавирской тройкой, а вопросы, связанные с Дагестаном, Азербайджаном, Грузией, Арменией, а также с коммунистическими партиями в соседних странах Востока — Бакинской тройкой. При этом был установлен такой порядок: особенно важные вопросы, касающиеся сферы деятельности той или иной тройки, решались путем совместного совещания, а в экстренных случаях взаимным согласованием по прямому проводу. Обе тройки регулярно информировали друг друга о своей деятельности¹⁴.

Кроме того, в целях поддержания повседневной связи с местами и оперативного разрешения на месте неотложных вопросов партийного и советского строительства, в национальных областях Кавказа были назначены постоянные представители Кавбюро ЦК РКП(б).

В чем состояли основные задачи Кавбюро ЦК РКП(б)?

Задачи Кавбюро ЦК РКП(б) и его политика на Кавказе целиком и полностью вытекали из ленинской национальной

¹² См. Архив Ростовского Обкома КПСС. Историческая справка, ф. 1, л. 1.

¹³ Там же, л. 2.

¹⁴ Там же.

политики, из повседневных указаний ЦК партии и В. И. Ленина. Еще 21 февраля 1920 года ЦК РКП(б) и Политуправление при Реввоенсовете республики послали «Всем партийным комитетам и политотделам» директивное письмо с конкретными указаниями по работе среди народов Востока. Эти указания партии давали возможность партийным комитетам и политорганам Красной Армии «ориентироваться во всех особенно сложных условиях работы среди народов Востока».

«При работе среди мусульманских народов, — говорилось в этом письме, — нужно исходить из двух основных моментов, которые играют в их жизни большую роль: моментов религиозного и национального. Религиозные предрассудки у них сильнее, чем у русских и у других европейских рабочих и крестьян. Так как они находятся еще в той стадии развития, когда гражданско-семейный быт тесно связан с религиозными представлениями, религия у восточных народов занимает в их жизни гораздо больше места, чем у народов экономически более развитых. Это предписывает большую осторожность в борьбе с религиозными предрассудками. Против них нужно бороться не прямым отрицанием религии, а ее подтачиванием посредством распространения грамоты, открытия школ, клубов, читален, распространения познаний по истории земли и человека и главным образом указания на классовый характер организации мусульманского духовного сословия, на его эксплуататорские стремления по отношению к бедноте»¹⁵.

В директиве ЦК партии серьезное внимание было обращено на необходимость осторожного подхода к национальному движению, которое имело в жизни восточных народов большое значение. При этом ЦК партии отмечал две тенденции в национальном движении: с одной стороны, стремление каждой отдельной национальной группы поднять свою национальную культуру, создать свою собственную литературу, свои собственные школы; с другой стороны, поползновение националистов этих групп использовать естественное стремление масс к национальной культуре для известных политических целей.

Подчеркивая, что «коммунисты должны относиться сочувственно к стремлениям мусульманских масс к национальному самоопределению в рамках советского строя», ЦК партии особо указывал, что «политическая и культурная отсталость народов Востока должна отразиться лишь только на методе партийной работы»¹⁶. «В моменты, — говорилось далее в письме, — переживаемые теперь рабочими и крестьянами всей России без исключения, когда их власти грозит как

¹⁵ «Известия ЦК РКП(б)», № 13, 1920 г.

¹⁶ Там же.

западный империализм, так и стремление мусульманской национальной буржуазии и мусульманских мулл к захвату власти, — спасение мусульманских трудящихся масс заключается в самом тесном союзе с Советской Россией. Отдельные мусульманские советские республики не могут существовать без тесного военного и экономического объединения с Российской Федеративной Советской Республикой»¹⁷.

Исключительно сложна была в то время политическая обстановка на Кавказе. Вот почему ЦК партии и В. И. Ленин требовали от партийных органов на Кавказе проявлять особую осторожность по отношению к народам Кавказа, в особенности к горским народностям. Так, 2 апреля 1920 года в телеграмме в Реввоенсовет Кавказского фронта на имя Орджоникидзе В. И. Ленин писал: «Еще раз прошу действовать осторожно и обязательно проявлять максимум доброжелательности к мусульманам, особенно при вступлении в Дагестан. Всячески демонстрируйте и притом самым торжественным образом симпатии к мусульманам, их автономию, независимость и прочее. О ходе дела сообщайте точнее и чаще»¹⁸.

Горские области Кавказа представляли собой отсталые окраины, в своей основной горной части не вступившие еще на путь капиталистического развития, почти не имеющие своего промышленного пролетариата, сохранившие феодальные отношения и патриархально-родовые пережитки в быту населения. Поэтому задача партии по отношению к трудовым массам этих народностей состояла, как писал И. В. Сталин, в том, чтобы «помочь им ликвидировать пережитки патриархально-феодальных отношений и приобщиться к строительству советского хозяйства на основе трудовых крестьянских Советов, путем создания среди этих народов крепких коммунистических организаций, способных использовать опыт русских рабочих и крестьян по советско-хозяйственному строительству и могущих вместе с тем учитывать в своей строительной работе все особенности конкретной экономической обстановки, классового строения, культуры и быта каждой данной национальности, без механического пересаживания экономических мероприятий центральной России, годных лишь для иной, более высокой, ступени хозяйственного развития»¹⁹.

Таковы были установки, данные партией, В. И. Лениным по работе среди народов отсталых национальных окраин нашей страны. Все эти установки легли в основу политики Кавбюро ЦК РКП(б) по вовлечению трудовых масс горских народов в русло советского развития.

¹⁷ Там же.

¹⁸ «Ленинский сборник». Т. XXXIV, стр. 285—286.

¹⁹ И. Сталин. Соч., т. 5, стр. 25.

В своем докладе на кавказском краевом партийном совещании о политической работе Кавбюро ЦК 12 августа 1921 года Г. К. Орджоникидзе так охарактеризовал основные задачи Кавбюро ЦК РКП(б): «Кавбюро ЦК РКП поставило своей основной и главной задачей следующее: 1) утверждение и укрепление Советской власти и создание крепкой коммунистической партии на Кавказе; 2) установление и сохранение национального мира; 3) разрешение земельного вопроса; 4) сохранение боеспособности армии; 5) экономическое объединение кавказских советских республик между собой и с РСФСР при сохранении независимости этих республик и 6) всесторонняя помощь соседним коммунистическим партиям и революционному движению на Востоке»²⁰.

Кавбюро ЦК во главе с верными соратниками В. И. Ленина Г. К. Орджоникидзе и С. М. Кировым, под повседневным руководством ЦК РКП(б), с честью выполнило эти задачи социалистической революции в сложнейших условиях Кавказа и превратило его в аванпост Советской власти на Ближнем Востоке.

II.

В многогранной деятельности Кавбюро ЦК по утверждению и упрочению Советской власти на Кавказе значительный интерес представляет его политика по вовлечению горских народов в русло советского развития. В политическом отчете Кавбюро ЦК на Краевом партийном совещании 12 августа 1921 года Г. К. Орджоникидзе указывал, что после освобождения Северного Кавказа и Дагестана от деникинских банд Кавбюро должно было проводить свою политику среди отсталого, угнетенного и разноплеменного населения Северного Кавказа и Дагестана. «Здесь, в этом калейдоскопе разных народностей, — сказал он еще 29 октября 1920 года в докладе на Краевом совещании коммунистических организаций, — говорить о единой политической линии для всех этих народов, конечно, не приходится; выработать одну линию и для донского казака, и для ставропольского мужика, и для азербайджанца абсолютно невозможно... Подходя к каждой области и губернии, нам приходилось определять политическую линию в данный момент. Когда в Ставропольской губернии от нас требовали общей линии, мы говорили: «Такой линии для всего Северного Кавказа быть не может»²¹.

Очень важно выяснить: в чем состояла сущность этой политики и чем она была обусловлена?

Существо этой политики состояло в том, чтобы в работе Коммунистической партии по строительству и упрочению Со-

²⁰ Г. К. Орджоникидзе. Статьи и речи. Т. I, М., 1956, стр. 192.

²¹ Там же, стр. 129—130.

ветской власти взять курс на всю горскую массу, опираясь на нее, как на надежную базу для Советской власти, воздерживаясь от мер искусственного воздействия на классовое расщепление и механического применения принципов диктатуры пролетариата в строительстве внутренней жизни горцев.

В отчете Кавказского крайкома РКП(б) от 1 июня 1920 г. было отмечено, что «горцы в противоположность терскому казачеству относятся к нам очень хорошо. Они собою представляют ту базу, на которую может опереться Советская власть на Кавказе. Острая аграрная пужда горцев и открывшаяся после освобождения Кавказа возможность получить землю привлекает их к нам. Очередная задача вырвать горцев из-под влияния идей пантюркизма и агитации панисламизма, проводимой муллами»²².

«Решительно отвергая, — как говорил Г. К. Орджоникидзе, — механические приемы проведения в жизнь гегемонии пролетариата над крестьянством»²³, Кавбюро ЦК РКП(б) вело систематическую работу по вовлечению трудовых масс горцев в сферу влияния Советской власти через понятные и доступные им пути, под идейным и организационным руководством авангарда пролетариата — партии большевиков.

Ликвидация остатков контрреволюции, освобождение горцев от пут феодальных отношений и пережитков родового быта, пробуждение в них сознания своих классовых интересов и политических прав, данных им Советской властью, искоренение среди них пережитков былого недоверия к России, которая уже стала советской, родной для трудящихся масс всех народов, и вовлечение их, таким образом, на путь советского развития, на широкий путь хозяйственного и культурного расцвета, — такова была основная задача партии на первом этапе социалистического строительства в Дагестане. Нужно было поднять трудящиеся массы до Советской власти, а их лучших представителей привлечь к управлению областью.

Еще в ноябре 1919 г., подчеркивая важность и необходимость связи русских рабочих с отсталыми восточными народами и помощи им в борьбе за свободу и социализм, В. И. Ленин говорил: «Здесь связь с народами Востока особенно важна, потому что большинство народов Востока являются типичными представителями трудовой массы, — не рабочими, прошедшими школу капиталистических фабрик и заводов, а типичными представителями трудящейся, эксплуатируемой массы крестьян, которые страдают от средневекового гнета»²⁴.

²² ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 231.

²³ Г. К. Орджоникидзе. Указ. соч., стр. 196.

²⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 30, стр. 139—140.

Все это в еще большей степени относилось к угнетенным горским народам Кавказа.

Обосновывая политику Кавбюро ЦК по отношению к горским народностям, Г. К. Орджоникидзе говорил: «Горцы, которые в прошлом являлись самым угнетенным и лишенным человеческих прав народом, в условиях отсутствия на Северном Кавказе промышленного пролетариата, естественно, являлись самой надежной базой для Советской власти. Поэтому последняя взяла твердый курс на горцев»²⁵.

Необходимость такой политики вытекала, главным образом, из экономической и культурно-бытовой отсталости самих горских масс. В своем докладе на Краевом совещании коммунистических организаций Дона и Кавказа Г. К. Орджоникидзе подчеркивал, что «Северный Кавказ находится в совершенно исключительных условиях. Здесь крупных рабочих центров, за исключением Баку, нет, рабочие составляют только маленький оазис среди всего трудового населения — крестьян, казачества и горцев»²⁶.

Условия в Дагестане с этой точки зрения были не более благоприятными. Экономическая и культурная отсталость, безземелье, многоязычие и обособленность — таковы были основные специфические условия, в которых находились горцы. Почти 90 проц. населения составляли здесь горцы, говорящие на 30 различных языках. Поэтому Советская власть в своей деятельности опиралась на всю массу горцев области и осуществляла на деле власть горской бедноты, руководимой пролетариатом.

Проведение особой, осторожной политики по отношению к горцам диктовалось тогда и тем обстоятельством, что за Кавказским хребтом еще существовали враждебные Советской власти националистические правительства дашнаков и меньшевиков. Последние, совместно с приютившимися у них муссаватистами и бывшими «правителями» горской республики, всячески старались спровоцировать горцев на восстание против Советской власти. Как известно, в период борьбы за Советскую власть заклётым врагам из «горского правительства» в союзе с феодально-клерикальной верхушкой Дагестана не раз удавалось спровоцировать отсталую часть горцев. И антисоветский мятеж Гоцинского был делом рук именно этих врагов. «Поэтому, — как говорил Г. К. Орджоникидзе, — и политика наша в Дагестане после установления Советской власти на Северном Кавказе была осторожной. Партия нащупывала правильную линию поведения и в конце концов нащупала верно»²⁷.

²⁵ Г. К. Орджоникидзе. Указ. соч., стр. 192.

²⁶ Г. К. Орджоникидзе. Указ. соч., стр. 128.

²⁷ Там же, стр. 194.

Партия при этом учитывала, что хотя горцы революционно настроены, вольнолюбивы и являлись в прошлом объектом угнетения и унижений, тем не менее они представляли собой отсталую, зачастую зараженную всякими мелкобуржуазными и религиозными предрассудками массу, которую сразу нельзя было вовлечь в те формы советского развития, которые применялись в развитых в экономическом и культурном отношении центральных областях нашей страны. «В лице горской массы, — как говорил Г. К. Орджоникидзе, — мы имели не коммунистически настроенную массу, а еще с сильным патриархальным бытом старину, и, когда некоторые товарищи эту массу сразу хотели ввести в лоно коммунизма, нам приходилось их одергивать. Нашей задачей было удовлетворить горцев землей, вывести их из политического рабства и вовлечь их в сферу влияния советской власти»²⁸.

Вот почему Советская власть в строительстве органов власти и управления внутренней жизнью горцев на новых советских началах, идя на уступки отсталым горским массам, сохранила на первое время действие некоторых обычаев и законов, бытующих среди горцев, чтобы через эти понятные им формы общежития вовлечь их в советское строительство, сроднить их с Советской властью.

Сводом законов, на основании которых долго управлялась внутренняя жизнь горцев, служил тогда шариат. Партия принимала всю реакционность и классово-эксплуататорскую сущность шариата. Но, как мы указывали выше, шариат имел тогда глубокие корни в массах горского населения, и контрреволюционеры пытались строить свои коварные планы на отношении Советской власти к шариату. Чтобы разоблачить антисоветскую агитацию верхушки мусульманского духовенства, утверждавшей, что Советская власть якобы намерена уничтожить религию и шариат, и облегчить дело привлечения горцев к советскому строительству, наша партия сознательно пошла на временные уступки, оставив в действии некоторые правопорядки, основанные на шариате.

Но эти уступки не могли означать и не означали, конечно, что партия прекращает идейную борьбу против религии и реакционной части духовенства и снимает с повестки дня задачу освобождения отсталых в культурно-бытовом отношении горских масс от пережитков шариата. Далеко нет! Партия проявила в этом деле особую осторожность, чтобы постепенно, наиболее безболезненным путем искоренить эти пережитки, не задевая религиозных чувств отсталых горских масс.

²⁸ Там же, стр. 193.

В. И. Ленин осуждал малейшие отклонения от принципов национальной политики и требовал строго наказывать лиц, нарушающих эту политику партии. Он вменял в обязанность центральных органов власти и их уполномоченных на местах «действовать только через местные органы, состоящие из представителей трудящегося местного населения, и главной своей задачей считать борьбу против буржуазных и лжекоммунистических групп местного населения наряду с поддержкой действительно коммунистических групп и элементов»²⁹.

Партия давала четкие и ясные указания о том, как вести борьбу против пережитков прошлого. Она требовала проявлять в этом деле тактичность и гибкость. «Если, например, — указывал И. В. Сталин, — прямой путь уплотнения квартир в Азербайджане отталкивает от нас азербайджанские массы, считающие квартиру, домашний очаг неприкосновенными, священными, то ясно, что прямой путь уплотнения квартир нужно заменить косвенным, обходным путем для достижения той же цели. Или еще: если, например, дагестанские массы, сильно зараженные религиозными предрассудками, идут за коммунистами «на основании шариата», то ясно, что прямой путь борьбы с религиозными предрассудками в этой стране должен быть заменен путями косвенными, более осторожными. И т. д. и т. д.»³⁰.

Сущность временных уступок отсталым горским массам в деле управления их внутренней жизнью вскрывал и С. М. Киров в своей речи на Учредительном съезде Советов Горской республики 21 апреля 1921 года. Отмечая, что враги Советской власти стараются «вбить клин» между Советской властью и горскими народностями, «спекулируя именно на этом вопросе — на вопросе о шариате», С. Киров говорил: «Что такое Советская власть? Это такая власть, которая должна быть в полном смысле слова властью рабочих и крестьян. Управлять может крестьянин и рабочий и каждый выбранный ими, лишь бы эта власть была такой властью, которая народу, рабочим и крестьянам, была бы понятна и близка от начала до конца, и все то, что выполняет Советская власть, было бы целиком и полностью воспринимлемо и было бы годным для широких трудящихся масс.

Отсюда вывод. Раз это так, — а это несомненно так, — то нельзя придумать власти рабочих и крестьян, которая была бы по методам своей работы одинаковой для всех народов... Отсюда, с этой трибуны, ответственные представители Советской власти, вам не раз говорили: «Если вы желаете судиться

²⁹ «Вопросы истории КПСС». 1958, № 2, стр. 17.

³⁰ И. В. Сталин. Соч., т. 4, стр. 362.

по шариату — судитесь по шариату; это дело ваше» — в том смысле, что, очевидно, только такая форма суда в данном случае понятна народу».

Но, подчеркивал С. М. Киров, это, как форма управления внутренней жизнью горцев, должно отвечать двум требованиям: «чтобы власть трудящихся, бедноты была глубоко понятна народным массам — это раз, с другой стороны — чтобы все ваше устройство и какие угодно учреждения и новые суды служили на пользу и для укрепления рабоче-крестьянской власти. Вот два требования, которым и должна отвечать Советская власть, где бы она ни была — в Москве, в Назрани или Константинополе». Далее, разоблачая намерения клерикально-националистических элементов использовать свободу шариата в антисоветских целях, С. М. Киров заявил: «И где под сенью шариата или чего другого разовьют агитацию, враждебную Советской власти, — верно, с этим мы будем бороться, антисоветские группы разгоним, будем и впредь всегда разгонять»³¹.

Такова была тактика партии большевиков по вопросу о шариате, тактика, направленная на защиту власти трудящихся масс, на освобождение их от векового гнета мусульманского духовенства.

Кавбюро ЦК РКП(б) уделяло особое внимание Дагестану, ибо обстановка здесь в связи с контрреволюционным мятежом в горах была более чем серьезной. Еще 21 августа 1920 года, заслушав информацию о Дагестане, Кавбюро решает «заменить т. Коркмасова в Дагревкоме т. Габиевым»³². 6 ноября оно выносит постановление, в котором предлагалось «принять меры к наделению земель горцев, организовать ряд беспартийных конференций среди горских народов, посвященных разъяснению им значения, целей и задач Советской власти»³³. На этом же заседании, обсудив вопрос о положении в Дагестане, Кавбюро постановило допустить замену одних дагестанцев — другими на административных должностях «лишь в деловой плоскости и с одобрения Кавбюро ЦК»³⁴. Кроме того, было признано «необходимым срочно подкрепить Дагобком партии крупным партработником»³⁵.

К концу 1920 года положение в Дагестане ухудшилось, банды горской реакции, поддерживаемые англо-турецкими захватчиками и грузинскими меньшевиками, перешли в наступление и начали угрожать Темир-Хан-Шуре. 11 декабря Кавбюро ЦК РКП(б) обсуждает с участием представителей

³¹ С. М. Киров. Избранные статьи и речи. М. 1957, стр. 127—129.

³² Архив Ростовского Обкома КПСС, ф. 1, оп. 1, д. 1, л. 2.

³³ Там же, л. 3.

³⁴ Там же, л. 7.

³⁵ Там же.

Дагестана Коркмасова, Тахо-Годи, Хизроева и Ковалева вопрос об отправке оружия Шамиля на хранение в Москву. По этому вопросу было принято следующее решение: «Принимая во внимание, что оружие Шамиля, помимо его исторической и материальной ценности, представляет для дагестанских народов реликвии и что, по сведениям, контрреволюционеры пытаются организовать похищение означенного оружия с целью использовать его среди темных и невежественных народных масс для контрреволюционной агитации и поднятия восстания, — временно передать на хранение в Москву в Кремль, оформив это через Дагревком»³⁶.

7 января 1921 года Кавбюро вновь возвращается к делам Дагестана и, наряду с другими вопросами, решает «заменить» председателя ДагЧК Квиринга, а председателя Дагсовнархоза Кочетова «отозвать»³⁷.

Особенно осторожную политику проводило Кавбюро ЦК РКП(б) при осуществлении среди горцев социально-экономических мероприятий. В области преобразования экономической жизни горцев партия добивалась одного — улучшить условия жизни горской бедноты, дать ей возможность убедиться в выгоде тех или иных экономических мероприятий и затем через простейшие, доступные и понятные ей формы вовлечь ее в русло советского развития.

В своем решении от 6 сентября 1920 года по вопросу об экономической политике РКП(б) по отношению к горским народностям Кавбюро ЦК поставило перед партийными организациями Кавказа следующие задачи: «принять меры к наделению горцев землей; провести ряд беспартийных конференций среди горских народов, посвященных разъяснению им значения, целей и задач советского строительства и ближайших политических и экономических мероприятий Советской власти; продорганам продолжать политику воздержания применения принудительных мер по сбору хлеба и других продуктов среди горского населения», а партийным организациям — «усилить идейно-политическое и моральное влияние в направлении возбуждения горцев к добровольной сдаче хлеба и продуктов продорганам»³⁸.

Коммунистическая партия вела решительную борьбу против извращений, «левацких» перегибов в деле проведения экономической политики партии среди горцев. Так, например, 6 октября 1920 года, обсудив вопрос о положении в Дагестане, Кавбюро ЦК осудило незаконные, самочинные действия отдельных краевых работников в Дагестане, допущенные ими

³⁶ Там же, л. 32.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же, л. 3.

при проведении продовольственной политики, предоставило местным партийным и советским органам право политического контроля над всеми органами и лицами в пределах сферы их деятельности и дало всем подведомственным Кавбюро ЦК органам и лицам «политическую директиву о согласовании экономической политики с требованием общей политической линии поведения, установленной ЦК»³⁹.

В основу своей работы среди горцев Кавбюро ЦК поставило задачу политического просвещения и поднятия культурного уровня горских масс. Краевое совещание коммунистических организаций Дона и Кавказа в своей резолюции, принятой по докладу Г. К. Орджоникидзе, учитывая отсталость горских масс и непонимание ими идей коммунизма, указало «на необходимость сугубой осторожности при проведении среди горского населения нашей программы и тактики, ставя своей главной задачей в ближайшее время культурно-просветительную работу и организацию горских масс вокруг Советов»⁴⁰.

В связи с этим краевое совещание поставило перед партийными организациями национальных областей неотложные задачи — выработать письменность на языках горских народов, создать печать, издавать учебную и другую литературу и начать планомерную борьбу за ликвидацию неграмотности среди горского населения. Наряду с этим, Краевое совещание в резолюции, принятой по отчету Кавбюро ЦК, предложило всем организациям и членам партии, работающим среди горских народов, «вести коммунистическую агитацию и пропаганду, широко, открыто захватывая в сферу работы молодежь, работниц и всю горскую бедноту»⁴¹.

Ввиду тяжелых экономических и бытовых условий горской бедноты Дагестана, Кавбюро ЦК и лично Г. К. Орджоникидзе, как было отмечено выше, систематически организовывали ей помощь русского и других братских народов нашей страны продовольствием, одеждой, обувью. Огромная помощь оказывалась также кадрами специалистов для восстановления разрушенных аулов и хозяйств горцев и для руководства хозяйственным и культурным строительством.

Политика нашей партии по отношению горцев была совершенно правильной и прозорливой политикой. В сложной обстановке того периода только такая политика могла сплотить отсталые массы горцев вокруг партии и Советской власти, организовать их на борьбу против остатков контрреволюции и вовлечь в русло советского развития.

³⁹ Там же, л. 7.

⁴⁰ ЦПА ИМЛ., фонд С. Орджоникидзе. Фотокопии стен. отчета Краевого совещания коммунистической организации Дона и Кавказа, стр. 63.

⁴¹ Там же, стр. 60.

Будучи на Кавказе осенью 1920 года, проверив на месте правильность осуществления политики партии по отношению к горским народам, И. В. Сталин дал высокую оценку деятельности Кавбюро ЦК и лично Г. К. Орджоникидзе. В телеграмме из Владикавказа в ЦК РКП(б) и В. И. Ленину 26 октября он писал: «Горцы показали себя с лучшей стороны, в большинстве случаев с оружием в руках выступили совместно с нашими частями против бандитов. Несомненно, что Кавбюро и Орджоникидзе вели нашу линию умело, связали горцев с Советской властью, а сами горцы удовлетворительно выдержали экзамен... Не сомневаюсь, что если бы в Туркестане велась наша политика так же умело, не было бы у нас десятков тысяч басмачей»⁴².

Как известно, в Туркестане великодержавные шовинисты, пробравшиеся на руководящие посты в крае, допустили грубейшие извращения национальной политики партии, являвшиеся по существу проявлением колонизаторства. Суть этих извращений состояла в том, что в деле строительства и осуществления власти партийные органы опирались исключительно на незначительные группы приезжих рабочих, игнорируя революционную силу и возможности трудовых масс коренных народов, несмотря на то, что они составляли 95% всего населения края. При этом они считали, что поскольку в Туркестане нет своего местного пролетариата, то основной базой и единственным элементом, способным осуществить диктатуру пролетариата, служат эти группы рабочих.

Естественно, такие извращения играли на руку буржуазным националистам и их агентуре в рядах партии и способствовали усилению антисоветской банды басмачей, поддерживаемые агентами Антанты. Наша партия, В. И. Ленин резко осудили извращения, допущенные шовинистами. Для исправления положения дел в Туркестане решением ВЦИК от 8 октября 1919 года туда была послана специальная комиссия ВЦИК, Совнаркома РСФСР и ЦК РКП(б) в составе М. В. Фрунзе, В. В. Куйбышева и других⁴³. В постановлении ВЦИК и СНК, составленном Лениным, подчеркивалось, что «самоопределение народов Туркестана и уничтожение всяческого национального неравенства и привилегий одной национальной группы за счет другой — составляют основу всей политики Советского правительства России и служат руководящим началом во всей работе ее органов, и что только такой работой можно окончательно преодолеть созданное многолетним господством русского царизма недоверие тузем-

⁴² «Ленинский сборник». Т. XXXIV, стр. 373.

⁴³ Эта комиссия в последующем была преобразована в Туркестанское бюро ЦК РКП(б).

ных трудящихся масс Туркестана к рабочим и крестьянам России»⁴⁴.

Благодаря умелому руководству Г. К. Орджоникидзе и С. М. Кирова и их решительной борьбе с национал-уклонистами всех мастей, Кавбюро избежало подобных извращений линий партии, обеспечило неуклонное проведение в жизнь ленинской национальной политики в сложных условиях борьбы за Советскую власть на Кавказе. Позднее, в августе 1921 года, обобщая результаты осуществления политики ЦК РКП(б) на Кавказе, Г. К. Орджоникидзе в своем докладе на Краевом партийном совещании заявил: «В данный момент всем стало ясно, что политика Кавбюро ЦК РКП(б) была и здесь (речь идет об Азербайджане — Г. А.) правильная и единственно возможная, как она была правильна и на Северном Кавказе»⁴⁵. Деятельность Кавбюро ЦК по осуществлению политики партии была одобрена также Краевым совещанием коммунистических организаций Дона и Кавказа в октябре 1920 года.

Политика партии на Кавказе, особенно по отношению к горцам, была образцом творческого подхода к решению сложнейших задач борьбы за победу революции, за утверждение и упрочение здесь Советской власти. Она не была «политикой уступок» или «политикой», вызванной только обстоятельствами момента, как пытались изобразить ее национал-шовинисты или буржуазные националисты. Она явилась примером практического осуществления мудрой ленинской национальной политики, основанной на учете особенностей обстановки и соотношения борющихся классовых сил, на умелом использовании для победы революции и упрочения Советской власти объективных и субъективных условий и возможностей, при которых происходило здесь тогда утверждение Советской власти и вовлечение горских масс в русло советского развития.

Таким образом, политика Кавбюро ЦК была удачным применением тактики большевизма в сложных внутривнутриполитических и межнациональных условиях борьбы за утверждение Советской власти на Северном Кавказе и в Дагестане. Но успех был достигнут только благодаря упорному преодолению всех трудностей и ошибок. Он явился результатом непримиримой борьбы партии против как колонизаторских, так и буржуазно-националистических элементов.

Главную опасность для дела упрочения Советской власти представляли тогда великодержавно-шовинистические, колонизаторские элементы. Пробравшись к руководству важнейшими

⁴⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 24, изд. 3, стр. 811.

⁴⁵ Г. К. Орджоникидзе. Указ. соч., стр. 196.

участками партийной и советской работы, они грубо извращали установки партии и Советского правительства в национальном вопросе. Они вели линию, на деле восстанавливавшую горские массы против Советской власти.

Так, некоторые из таких левацких загибщиков в Дагестане (Квиринг, Исаев) на заседании ответственных работников Облбюро РКП(б) и Дагревкома в сентябре 1920 года, при обсуждении вопроса о политике партии в Дагестане, считали «преступным» ставить вопрос об автономии Дагестана, «ввиду неимения (?) в Дагестане своей промышленности»⁴⁶. Никакой разницы между политикой в Дагестане и в центре России! — такова была их платформа.

Свои непартийные, вредные взгляды они пытались проводить и на практике. Как выяснилось на съезде бедноты Дагестана, состоявшегося в сел. Леваши в начале сентября 1920 года под руководством Г. К. Орджоникидзе, органы власти в отдельных округах нарушали продовольственную и земельную политику партии в горах. Вопреки указаниям партии, областной продком установил, например, для Даргинского округа обязательную поставку десяти тысяч пудов ячменя (а район горный, не зерновой!), двадцати тысяч кусков шалей (сукна местного производства), десятки тысяч пудов самана и т. д. В отдельных плоскостных округах эти «левые» загибщики, действовавшие в земельных органах, запретили беднякам распашку помещичьих земель якобы до их распределения, а последнее не проводили, занявшись организацией совхозов и коммун. Это и вызвало в массе горцев недовольство.

Не менее опасны были для дела партии и взгляды национал-уклонистов. Будучи выразителями идей реформизма, они вели линию на сохранение в силе вредных реакционных адатов горцев, противодействовали росткам нового в их жизни. Уклонисты не замечали возможность изменения старых социальных отношений в горах, преувеличивали трудности в этом деле. Фактически они служили рупором мелкобуржуазной стихии, отражавшей недовольство кулаков и мулл новым, советским режимом.

Под влиянием пережитков национализма грубые ошибки были допущены и отдельными руководящими работниками республики. Так Д. Кокмасов, Н. Самурский, А. Тахо-Годи чрезмерно преувеличивали самобытность горцев Дагестана, требовали не вторгаться в их внутреннюю жизнь и не прочь были даже делить власть с мусульманским духовенством. В этих целях они воздерживались от издания декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви, пропагандировали в массах якобы «революционную» роль части

⁴⁶ Архив Даг. филиала ИМЛ, ф. 1, св. 2, д. 10, л. 30.

мусульманского духовенства, воспевали их «возрождение» и т. д. В своей книге Н. Самурский писал, что «всякая» борьба против духовенства якобы приведет к «перманентному восстанию»⁴⁷. А Тахо-Годи, выступая против издания декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви, выразил опасение, что это может якобы «восстановить горцев против Советской власти»⁴⁸.

Они пытались обосновать «особую самобытность» горцев и необходимость отсюда и «самобытного» для них управления. Вопрос этот был тогда объектом острой борьбы. В середине августа 1920 года он обсуждался на Чрезвычайном съезде партийных работников в Темир-Хан-Шуре, на котором, как отмечено в протоколе заседания, присутствовал и Г. К. Орджоникидзе⁴⁹. Съезд вскрыл антипартийную сущность лозунга «самостийников», дал отпор уклонистам всех мастей и единодушно заявил, что «Дагестан останется неразрывной частью Советской России»⁵⁰.

Кавбюро ЦК РКП(б) и Чрезвычайный съезд партийных работников Дагестана осудили стремления уклонистов, пытавшихся превратить в систему временные уступки отсталым горским массам для постепенного втягивания их в русло советского развития и подтвердили незыблемость основных принципов большевизма в борьбе за социалистическое преобразование жизни горцев.

В резолюции совещания Кавбюро ЦК с секретарями партийных организаций Азербайджана, Армении, Грузии, Дагестана, Горской республики, с участием представителей профсоюзов и политработников частей Красной Армии, состоявшегося в августе 1921 года, было записано по этому поводу следующее: «Для преодоления пережитков национализма коммунистические партии вынуждены совершенно сознательно идти на некоторые временные уступки националистическим стремлениям масс, что преследует цель безболезненного изживания шовинистического яда, оставленного в наследство меньшевиками, дашнаками и муссаватистами. Эти уступки ни в какой мере не должны отражаться на ясности и устойчивости наших принципов внутри партии. Забвение этого ведет к тому, что некоторые товарищи, идя на уступки до конца, сами попадают под влияние национализма. Наша партия обязана самым решительным образом вести борьбу против такого уклона, в корне пресекая попытку превращения

⁴⁷ Н. Самурский. Дагестан, М. 1925, стр. 132.

⁴⁸ Архив Даг. филиала ИМЛ, ф. I, оп. I, д. 3, л. 38.

⁴⁹ Там же, оп. 2, д. 10, л. 34.

⁵⁰ Там же, д. 8, л. 36.

политики временных уступок в политику мелкобуржуазных националистов»⁵¹.

Эти указания имели важное значение в деле воспитания коммунистов и трудящихся масс и претворения в жизнь ленинской национальной политики. Благодаря именно такой политике, партии большевиков удалось сплотить горскую бедноту вокруг Советской власти, сроднить ее с последней и вовлечь в русло социалистического развития.

III.

Упрочение Советской власти в Дагестане, как и на других окраинах, усложнялось их экономической и культурной отсталостью. В этих условиях нельзя было действовать по общему шаблону. Интересы советизации окраин требовали проведения особой политики. В декабре 1919 года В. И. Ленин писал: «...неуклонно стремясь к единству наций, беспощадно преследуя все, что разъединяет их, мы должны быть очень осторожны, терпеливы, уступчивы к пережиткам национального недоверия»⁵². Воспитывая народы нашей страны в духе братской дружбы, В. И. Ленин беспощадно бичевал малейшие проявления недоверия к той или иной нации и народности. «Особенно нужно быть осторожным по отношению к различным нациям, — говорил он, — ибо нет вещи хуже, чем недоверие нации»⁵³.

Руководя борьбой партии против проявлений национализма и, особенно, великодержавного шовинизма, В. И. Ленин добивался подлинного равноправия всех народов и добровольного объединения их в нерушимый союз. «Мы хотим добровольного союза наций, — писал Ленин, — такого союза, который не допускал бы никакого насилия одной нации над другой, — такого союза, который был бы основан на полнейшем доверии, на ясном сознании братского единства, на вполне добровольном согласии»⁵⁴.

Наша партия проводила именно такую, осторожную политику по отношению к отсталым народам. Одним из основных вопросов национальной политики партии был вопрос о самоопределении национальностей на началах Советской автономии. «Классовые Советы, как основа автономии, автономия, как форма выражения воли этих Советов», — такова была формула Советской автономии.

Многие нации и народности получили автономию еще в 1918—1919 гг. Теперь, по окончании гражданской войны, нужно было осуществить автономию и по отношению к наро-

⁵¹ Журнал «Советский Кавказ». 1921, № 1, октябрь, стр. 3.

⁵² В. И. Ленин. Соч., т. 30, стр. 269.

⁵³ В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 153.

⁵⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 30, стр. 269.

дам Дагестана, ибо она облегчала приобщение их к той созидательной работе, к которой приступила вся страна. Советская автономия явилась лучшей формой связи окраин с центром. Она правильно сочетала в строительстве новой жизни специфические интересы окраин с общими интересами всех трудящихся в их борьбе за социализм.

Коммунистическая партия, ведя борьбу с проявлениями великодержавного шовинизма и местного национализма, неуклонно проводила в жизнь принцип своей национальной политики о самоопределении наций. Еще на VIII съезде партии В. И. Ленин заявил: «Мы не можем отказывать в этом ни одному из народов, живущих в пределах бывшей Российской империи»⁵⁵.

14 октября 1920 года ЦК РКП(б), обсудив вопрос о задачах РКП(б) в местностях, населенных народами Востока, принял решение, в котором признал необходимым «проведение в жизнь автономии, в соответствующих конкретным условиям формах, для тех восточных национальностей, которые не имеют еще автономных учреждений»⁵⁶. Для проведения в жизнь этого решения и других важнейших мероприятий ЦК партии командировал на Кавказ И. В. Сталина. Основываясь на вышеуказанном решении ЦК, Кавбюро ЦК РКП(б) постановило образовать Горскую и Дагестанскую автономные Советские республики. 12 ноября И. В. Сталин и Г. К. Орджоникидзе прибыли в Темир-Хан-Шуру. Здесь 13 ноября на Чрезвычайном съезде народов и была провозглашена И. В. Сталиным Советская автономия Дагестана. Дагестан был провозглашен автономной Советской республикой, пользующейся внутренним самоуправлением, сохраняя братскую связь с народами России. 20 января 1921 года был издан декрет ВЦИК РСФСР об образовании Дагестанской Автономной Советской Социалистической Республики.

Заслушав декларацию о Советской автономии, съезд выразил свое удовлетворение тем высоким доверием, которое оказано народам Дагестана Советской Россией, и поклялся, что они оправдают его, будут до конца верными нерушимой дружбе с великим русским народом, дружбе, которая выросла в «вечные, мощные, неразрывные узы братства и взаимной солидарности на весь долгий путь борьбы и победоносного творчества новой жизни»⁵⁷.

В борьбе за победу и упрочение Советской власти в Дагестане, как и в других областях, решающей силой была славная Красная Армия. Она победоносно прнесла по всем

⁵⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 150.

⁵⁶ «Вопросы истории КПСС». 1958, № 2, стр. 17.

⁵⁷ Газета «Жизнь национальностей», 8 декабря 1920 г.

окраинам нашей страны знамя социального и национального освобождения всех народов. Она предстала перед угнетенными народами России как освободительница и верная защитница.

Но этим не исчерпывалась великая освободительная миссия Красной Армии. В лице своих политических органов она принимала активное участие в строительстве и укреплении партийных и советских органов на местах. Учитывая культурно-бытовую отсталость горцев, Кавказское бюро ЦК РКП(б) в первые же дни после разгрома деникинцев в Дагестане поставила перед политорганами Красной Армии следующие задачи: оказывать местным органам всяческую помощь в упрочении Советской власти; активно участвовать в создании, укреплении и налаживании работы партийных и советских органов, выделяя для этой цели подготовленных, имеющих опыт партийной и советской работы товарищей; помочь местным органам в деле политического просвещения коммунистов и подготовки кадров; развернуть среди трудящихся горцев политико-просветительную работу по разъяснению им целей и задач Советской власти и Красной Армии, проявляя при этом внимательное отношение к национальным обычаям горцев.

Руководствуясь этими установками партии, политорганы частей Красной Армии, находившихся в то время в Дагестане, развернули большую работу. Многие политработники были приданы областному и окружным бюро РКП(б) для использования в качестве лекторов, докладчиков и агитаторов. Часть политработников участвовала в работе союза молодежи и органов народного образования.

В проведении массово-политических и культурно-просветительных мероприятий, имевших тогда весьма важное значение, политработники играли ведущую роль. Они выступали в городах и аулах с лекциями и докладами по важнейшим вопросам политики партии. Эти лекции и доклады привлекали много слушателей и выслушивались с огромным вниманием.

При активном участии и помощи политработников было налажено издание областной газеты на аварском, кумыкском, азербайджанском, даргинском и лакском языках, организованы первые партийные школы в Порт-Петровске, Дербенте и Темир-Хан-Шуре. О разносторонности культурно-просветительной работы политработников и армейской молодежи в аулах говорит заметка, напечатанная в газете «Советский Дагестан». В ней сообщалось: за время нахождения в крепости Гуниб политработники 176-го стрелкового полка поставили несколько спектаклей революционного содержания; перед каждым спектаклем выступал хор; кроме того, с их участием устраивались митинги с лекциями и докладами, проводились

субботники по строительству и ремонту дорог, мостов, школ, клубов⁵⁸.

Широкий размах приняла работа политорганов в аулах после прибытия в помощь трудящимся Дагестана новых частей армии для подавления антисоветского мятежа в горах. В конце ноября 1920 года политотдел 32-й дивизии совместно с областным бюро РКП(б) направили в горные округа четыре комиссии для инструктирования местных партийных и советских органов. Политотдел этой дивизии выпускал с начала декабря 1920 года еженедельные газеты на кумыкском и аварском языках тиражом по тысяче экземпляров.

Большую и содержательную работу развернул среди горцев политотдел Московской бригады курсантов. По пути следования в горы политработники проводили в аулах собрания и митинги, выступали на них с речами о текущем моменте, о целях и задачах Советской власти. Речи ораторов тут же переводились на родной язык. Слушать их приходили поголовно все. Такой митинг состоялся, например, в Унцукуле. После речей и приветствий была принята следующая резолюция: «Мы с радостью встретили прибывших в аул курсантов... Мы бесконечно признательны Красной Армии, которая несет нам свободу... Мы приветствуем в лице первых прибывших к нам курсантов Красную Армию»⁵⁹. После митинга курсантов угощали, как дорогих гостей, и благодарили за помощь.

IV.

Наша страна переходила к мирному строительству. В. И. Ленин призывал партию и весь народ с утроенной энергией взяться за ликвидацию последствий войны. В феврале 1920 года в письме к организациям РКП о подготовке к IX съезду партии Ленин писал: «Надо идти вперед, надо уметь понять, что теперь перед нами стоит *практическая* задача, что всеми силами, с энергией поистине революционной, с той же беззаветностью, с которой побеждали Колчака, Юденича, Деникина наши лучшие товарищи, рабочие и крестьяне красноармейцы, надо решить *деловую* задачу быстрой победы над разрухой»⁶⁰.

Но переход к мирному строительству приходилось проделывать в чрезвычайно трудной обстановке. Победа в гражданской войне далась не легко. Страна была разорена войной. Общая продукция сельского хозяйства в 1920 году составляла лишь около половины довоенной. Промышленность и сельское хозяйство находились в состоянии разрухи. Население

⁵⁸ См. «Советский Дагестан», 9 декабря 1920 г.

⁵⁹ «Советский Дагестан», 23 февраля 1921 г.

⁶⁰ В. И. Ленин. Соч., т. 30, стр. 379.

ощущало острый недостаток во всем. Все это вызывало недовольство в массах крестьянства. Недовольство охватило и часть рабочих.

Такое положение было обусловлено войной и связанной с нею политикой военного коммунизма. В этих условиях нельзя было быстро возродить народное хозяйство. Необходимо было выработать новые установки партии по хозяйственному строительству. В. И. Ленин разработал такую политику. X съезд РКП(б) в марте 1921 года по докладу В. И. Ленина принял важнейшее решение о переходе от военного коммунизма к новой экономической политике (нэпу). В решении X съезда партии о переходе от военного коммунизма к новой экономической политике сказались мудрость и дальновидность политики ленинской партии. Нэп обеспечила прочный экономический союз рабочего класса и крестьянства нашей страны для строительства социализма.

Этой же основной задаче служило решение X съезда РКП(б) «Об очередных задачах партии в национальном вопросе», принятое по докладу И. В. Сталина. В Советской России национальный гнет был уничтожен, не было больше ни господствующих, ни бесправных наций, все национальности были равноправны во всех отношениях. Тем не менее национальный вопрос еще продолжал существовать в России. Суть национального вопроса состояла в том, чтобы уничтожить ту фактическую отсталость некоторых наций, которую они унаследовали от прошлого, дать возможность отсталым народам догнать центральную Россию и в государственном, и в культурном, и в хозяйственном отношении.

Партия понимала, что этот гигантский скачок отсталых народов окраин от средневековой отсталости к социализму нельзя произвести на базе феодальных отношений, сильно опутанных пережитками родового строя. Необходимо было осторожной экономической политикой разложить эти отношения, поднять классовое самосознание и политическую активность трудящихся масс и постепенно, путем вовлечения их в новые, простейшие формы общественно-производственных отношений, приобщить к социалистическому строительству.

В резолюции о задачах партии в национальном вопросе X съезд РКП(б) наметил формы и пути разрешения этой задачи. Первым шагом в этом направлении была борьба против всех эксплуататорских элементов, отстранение их от политического влияния на массы, лишение их классовых привилегий путем политической организации трудящихся масс в Советы⁶¹. «Следующим шагом, — говорилось в этой резолюции, — должна быть экономическая организация местной

⁶¹ «КПСС в резолюциях...». Ч. I, 1953, стр. 560.

бедноты смешанного профессионально-кооперативного типа, обусловленного переходом местных трудящихся масс от отсталых экономических форм к более высоким...»⁶².

Для успешного осуществления этого перехода Советское правительство должно было через сеть органов потребительской кооперации придти полупролетарским массам на помощь, организовав работу хозяйственных органов в смысле «перенесения центра тяжести на местную среду, включения кустарных и пр. промыслов в плановую хозяйственную организацию, установления прочной связи с основной производительной массой населения и разработки конкретного плана насаждения промышленности на окраинах применительно к местным условиям»⁶³.

Таков был план постепенного приобщения отсталых национальных окраин к социалистическому строительству, намеченный X съездом РКП(б). Он имел большое преобразующее значение. В тех чрезвычайно трудных условиях, при которых страна приступила к восстановлению народного хозяйства, только Коммунистическая партия могла поставить в ряду неотложных боевых задач дня разрешение такой проблемы революции и социализма, как ликвидация вековой отсталости национальных окраин России. Это было поистине вершиной в постановке и разрешении национального вопроса в нашей стране.

После X съезда РКП(б) 21 марта 1921 года Оргбюро ЦК партии приняло решение о разделении Кавбюро ЦК на два бюро: Юго-Восточное бюро и Кавказское бюро ЦК. В первое бюро входили Донская, Кубано-Черноморская области и губернии Ставропольская и новая, образуемая из Терской области. В Кавбюро ЦК входили Азербайджан, Грузия, Армения, Дагестан, Горская республика и Нахичевань⁶⁴.

14 апреля 1921 года в своем письме «Товарищам-коммунистам Азербайджана, Грузии, Армении, Дагестана и Горской республики» В. И. Ленин подчеркнул важность того, чтобы коммунисты Кавказа поняли своеобразие положения своих республик и необходимость тактики более медленного, более осторожного, более систематического перехода к социализму, и советовал им: «Сразу постараться улучшить положение крестьян и начать крупные работы электрификации, орошения»⁶⁵.

Решения X съезда РКП(б) и исторические указания В. И. Ленина вооружили партийную организацию Дагестана

⁶² Там же.

⁶³ Там же, стр. 560 — 561.

⁶⁴ Архив Ростовского Обкома КПСС, ф. I, оп. I, д. 1, л. 5.

⁶⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 32, стр. 297.

боевой программой действий в борьбе за ликвидацию разрухи, за хозяйственно-культурное возрождение республики.

Восстановление народного хозяйства началось в Дагестане, как и во всей стране, в крайне тяжелых условиях. Дело было не только в том, что Дагестан был в экономическом и культурном отношении отсталой окраиной России, а главным образом в том, что в результате гражданской войны, продолжавшейся здесь почти непрерывно с 1918 года до мая 1921 года, народное хозяйство было разорено и расстроено. Около четверти хозяйства, свыше 60 аулов, города Хасавюрт и Кизляр были разрушены; население переживало лишения в быту из-за отсутствия хлеба, одежды. Неурожай 1921 года обострил продовольственные затруднения до крайних пределов. Тысячи кустарей и бедняков, не находя применения своему труду, нищенствовали. О положении населения Дагестана в то время газета «Советский Юг» писала: «Область переживает голод. Население, кроме того, испытывает страшную нужду в обуви и одежде. Ходят в буквальном смысле слова полунагие, прикрываясь звериными шкурами. Последний оплот крестьянина-горца — рабочий скот был унесен чумой»⁶⁶.

Промышленность Дагестана (без рыбной) к 1921 году давала продукции в десять раз меньше довоенной. Из 68 сезонных рыбных промыслов 44 были разрушены, а остальные были заброшены, не было орудий лова и соли. Консервная промышленность давала продукции в 22 раза меньше, чем до войны. Производство кустарной промышленности пало в пять раз. Стекольный завод «Дагестанские Огни» представлял собой груды развалин. Текстильная фабрика в Порт-Петровске давала в 1921 году лишь около 45% валовой продукции по сравнению с 1913 годом⁶⁷.

В еще более тяжелом положении находилось сельское хозяйство. Посевная площадь в 1921 году составляла всего 76.000 десятин против 208.000 десятин в 1913 году. Из-за военных действий и отсутствия ухода погибло 75% виноградников и 50% плодовых садов. Оросительная сеть пришла в негодность, что привело к крайне низким урожаям не только на плоскости, но и в горах. Большой урон потерпело животноводство, являющееся основной отраслью народного хозяйства Дагестана. В период войны из-за невозможности пользоваться зимними пастбищами на плоскости, отсутствия кормовой базы в горах и разных заболеваний поголовье скота в горных округах уменьшилось более чем на 60%.

⁶⁶ Газета «Советский Юг», 8 октября 1920 г.

⁶⁷ См. «Шесть лет нац. политики Советской власти в Наркомнац.

Средства связи, пути сообщения, дороги и мосты, связывающие центр республики с округами, район с районом и аулы между собой были разрушены, а имущество было расхищено. Культурное строительство еще не было развернуто. В области свирепствовали разные эпидемические заболевания. Влияние духовенства еще не было сломлено.

Положение было тяжелое. В других условиях такие мелкие отсталые народы, как народности Дагестана, не только не смогли бы так сравнительно легко преодолеть эти трудности и развернуть работу по восстановлению своего хозяйства, но неминуемо очутились бы в безвыходном положении. Народы Дагестана были спасены от бедствий только благодаря Советской власти. При помощи Советского правительства и братских народов они мужественно преодолели эти трудности и с энтузиазмом принялись за хозяйственное и культурное строительство.

Это стало возможным также в результате того, что при помощи Кавбюро ЦК РКП(б) был сразу разрешен ряд важнейших в жизни горцев вопросов, что облегчило их экономическое положение.

Каковы были эти вопросы?

Это был, прежде всего, вопрос о земле. Сейчас же после окончания гражданской войны Советская власть национализировала и передала безземельным и малоземельным крестьянам и сельским обществам более 500 тысяч десятин помещичьих и казенных земель, все частно-владельческие леса и пастбищные угодья. С целью ликвидации земельного голода горцев для пашни и обеспечения поголовья скота зимними пастбищами в состав Дагестанской республики были включены малонаселенные округа с обширными земельными площадями: Хасавюртовский в 1920 году и Кизлярский в 1922 году. Это дало возможность увеличить посевную площадь и емкость зимних пастбищ для скота более чем на 45%.

Был также разрешен вопрос о пользовании зимними пастбищами на территории Азербайджана и Грузии, куда перегоняли скот животноводы Самурского, частично Гунибского и Андийского округов Дагестана.

Это, во-вторых, вопрос о спасении горцев от голода. В этих целях горской бедноте была оказана экстренная помощь продовольствием, семенами и деньгами. Комиссией ВЦИК РСФСР Дагестан был признан остро нуждающейся республикой, и для ликвидации последствий голода был учрежден в 1921 году специальный орган «Последголод». Учитывая тяжелое положение бедноты Дагестана, в марте 1921 года по распоряжению В. И. Ленина было отправлено в Дагестан, в дополнение к ранее отпущенному количеству хлеба и ману-

фактуры, полтора миллиона аршин мануфактуры, 23 тысячи пудов хлеба, много лекарств и др.⁶⁸.

Для периодической выдачи семьям красноармейцев и красных партизан, инвалидам войны и острануждающимся беднякам Советское правительство ассигновало несколько десятков миллионов рублей. Так, например, по Казикумухскому округу лишь за первый квартал 1921 года 520 семьям красноармейцев и красных партизан было выдано 4691 аршин мануфактуры и 207.750 руб. деньгами, 100 беднякам было выдано пособие — 319.479 руб. деньгами и продуктами⁶⁹.

Это, в-третьих, уничтожение таможенных и других «рогаток» между Дагестаном и смежными с ним республиками, оставшихся от прежних националистических правительств на Кавказе. Эти «рогатки» лишали горцев Дагестана возможности приобретать в Азербайджане, Грузии и Терской области хлеб в порядке продуктообмена. В мае 1921 года на первом пленуме Кавказского бюро ЦК РКП(б) по предложению Г. К. Орджоникидзе был обсужден и окончательно разрешен вопрос об упразднении таможен и заградительных отрядов между советскими республиками Кавказа⁷⁰.

Это, в-четвертых, ликвидация межнациональной обособленности и экономическое объединение советских республик Кавказа. Это мероприятие, проведенное Кавбюро ЦК РКП(б), также сыграло решающую роль в мобилизации усилий всех республик Кавказа, направленных на разрешение первоочередных боевых задач экономического возрождения края и налаживания взаимной помощи братских республик в деле восстановления народного хозяйства.

Больше того, экономическое объединение кавказских республик нанесло сокрушительный удар по националистам, пытавшимся всячески сохранить былую национальную обособленность кавказских народов. В своем докладе на Кавказском краевом партийном совещании о политической работе Кавбюро ЦК РКП(б) 12 августа 1921 года Г. К. Орджоникидзе разоблачил происки национал-уклонистов и обосновал необходимость экономического объединения кавказских республик. «И как бы трудно ни было и каковы бы ни были препятствия по пути преодоления националистических пережитков, — заявил Г. К. Орджоникидзе, — мы будем твердо вести работу по экономическому объединению республик. Ибо ни в области мелиорации, ни в области электрификации и вообще ни в какой области хозяйственной жизни нельзя сде-

⁶⁸ См. «Советский Юг», 7 апреля 1921 г.

⁶⁹ См. «Советский Кавказ», № 1, октябрь, 1921.

⁷⁰ Там же, стр. 42.

дать серьезного практического шага без объединения усилий со стороны всех советских республик Кавказа»⁷¹.

Это был первый серьезный шаг по пути к объединению советских республик Кавказа в федерацию. В результате экономического объединения советских республик Кавказа стало возможным восстановить в кратчайший срок такие решающие для всего народного хозяйства нашей страны отрасли экономики Кавказа, как нефтяная промышленность, железные дороги, а также наладить, согласно указанию В. И. Ленина, торговлю с капиталистическими государствами на основе товарообмена.

Это, в-пятых, оказание Советским правительством финансовой и технической помощи Дагестану в деле выявления, изучения и использования природных богатств, планирования и руководства хозяйственным и культурным строительством. Сюда относятся прежде всего ассигнования 100 млн. рублей на восстановление разрушенных аулов, более 600 тыс. рублей золотом на восстановление текстильной фабрики, строительство стеклозавода и др.

Все это облегчило преодоление разрухи и продовольственного кризиса в Дагестане и создало необходимые условия для развертывания здесь больших работ по переустройству жизни горцев на основах социализма. Партийная организация Дагестана подняла трудящиеся массы на ударные работы по восстановлению народного хозяйства и добилась в этом деле крупных успехов.

⁷¹ Г. К. Орджоникидзе. Указ. соч., стр. 202.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПАРТИЙНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ДАГЕСТАНА ПО ВОССТАНОВЛЕНИЮ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА.¹

После того, как рабочий класс и крестьянство России под руководством Коммунистической партии отстояли молодую советскую республику от иностранных интервентов и внутренней контрреволюции, перед партией встала задача перестроить экономику страны, повернуть ее на социалистические рельсы. Советская власть национализировала землю. В руки народной власти были переданы банки, фабрики, заводы, транспорт. Но это было только началом социалистического строительства. В. И. Ленин писал:

«Чтобы победить капитализм вообще, надо, во-первых, победить эксплуататоров и отстоять власть эксплуатируемых... во-вторых, ...построить новые экономические отношения, показать пример того, как это делается. Эти две стороны задачи осуществления социалистического переворота связаны неразрывно и отличают нашу революцию от всех предыдущих, в которых довольно было стороны разрушительной.

Если же мы вторую задачу не решим, то никакие успехи, никакие победы в деле свержения эксплуататоров, в деле военного отпора международным империалистам ничего не дадут, и возврат к старому останется неизбежным»².

Вот почему В. И. Ленин с первых же дней утверждения диктатуры пролетариата считал важнейшей задачей создание

¹ Вопросам восстановления народного хозяйства в Дагестане в 1921—1925 гг. посвящена III глава II тома «Очерков истории Дагестана» (1957 г.), написанная А. Алиевым. В нашей статье рассматривается деятельность партийной организации Дагестана по восстановлению народного хозяйства в первые годы Советской власти. Для этого привлечены новые документы из архива Дагестанского филиала Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

² В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 389—390.

социалистической экономики, воспитание рабочего класса в духе нового, социалистического отношения к труду. В. И. Ленин в своих работах, и особенно в статье «Очередные задачи Советской власти», дал научно разработанный конкретный план приступа к социалистическому строительству, создания новых, социалистических производственных отношений. Вместе с тем В. И. Ленин указывал, что организации социалистического способа производства, социалистических производственных отношений «...это самая трудная задача, ибо дело идет об организации по-новому самых глубоких, экономических, основ жизни десятков и десятков миллионов людей». В то же время «...это — самая благодарная задача, — говорил В. И. Ленин, — ибо лишь *после* ее решения (в главных и основных чертах) можно будет сказать, что Россия *стала* не только советской, но и социалистической республикой»³.

Большое значение в решении этой задачи имели постановления X и XII съездов партии.

Большое значение в решении этой задачи имели постановления X и XII съездов партии.

X съезд партии поставил, в частности, вопрос о социалистическом преобразовании национальных окраин. Он указал, что суть этого преобразования состоит в том, чтобы уничтожить ту фактическую отсталость народов окраин, которую они унаследовали от прошлого, дать им возможность догнать центральную Россию в государственном, хозяйственном и культурном отношении.

X съезд партии принял решение «...помочь трудовым массам невеликорусских народов... а) развить и укрепить у себя Советскую государственность в формах, соответствующих национально-бытовым условиям этих народов; б) развить и укрепить у себя действующие на родном языке суд, администрацию, органы хозяйства, органы власти, составленные из людей местных, знающих быт и психологию местного населения; в) развить у себя прессу, школу, театр, клубное дело и вообще культурно-просветительные учреждения на родном языке; г) поставить и развить широкую сеть курсов и школ как общеобразовательного, так и профессионально-технического характера на родном языке...»⁴.

Решение этой задачи было связано в Дагестане с преодолением специфических трудностей. В экономическом отношении народы страны гор находились на разных ступенях развития. Ленинская характеристика⁵ общественно-экономических

³ В. И. Ленин. Соч., т. 27, стр. 214.

⁴ «КПСС в резолюциях...». Ч. I, стр. 559.

⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 32, стр. 309—310.

укладов России в целом особенно подходила для Дагестана, ибо здесь можно было видеть рядом с патриархальным хозяйством, в основном господствующим в нагорной части, мелкотоварное производство кустарей предгорного Дагестана и капиталистические формы хозяйства на побережье Каспийского моря. Вместе с тем победа пролетарской революции и первые мероприятия Коммунистической партии и Советской власти создали новый сектор в экономике края — социалистический, который необходимо было укреплять и развивать.

Партийная организация республики с первых же дней мирной жизни направила все свои усилия на подъем народного хозяйства. Для мобилизации масс на выполнение этой задачи она использовала разные методы. Одним из них было проведение в Дагестане «месяца горской бедноты», цель которого заключалась в том, чтобы мобилизовать все силы в селениях и городах и еще больше укрепить связи коммунистов с беспартийными массами. Эта работа особенно широко проводилась в тех округах, которые были расположены ближе к городам (Хасавюртовский, Даргинский, Кайтаго-Табасаранский и др.)⁶.

В феврале 1921 года Областной комитет партии созвал Третью Дагестанскую областную (первая послевоенная) конференцию РКП(б)⁷, на которой были обсуждены перспективы социалистического строительства в республике. Как докладчик, так и участники конференции отмечали трудности этого строительства и указывали на необходимость учета местных условий⁸.

После обсуждения X съездом партии вопроса о переходе к новой экономической политике, состоялся пленум Дагестанского Обкома партии, который, наряду с другими, обсудил вопрос о хозяйственном строительстве. Пленум особо подчеркнул необходимость своеобразного применения нэпа в условиях Дагестана. Учитывая недостаток хлеба, отсутствие потребного количества удобной земли и другие причины, пленум указал на важность товарообмена как внутри республики, так и с центром (Советской Россией в целом)⁹.

Необходимость дифференцированного подхода к проведению новой экономической политики в Дагестане диктовалась не только тем, что хозяйство было сильно разорено во время гражданской войны, но и тем, что, во-первых, население Дагестана не испытывало всей тяжести продразверстки, какую

⁶ См. Архив Даг. филиала ИМЛ при ЦК КПСС, ф. I, оп. I, ед. хр. 3, л. 6.

⁷ Там же, оп. 2, ед. хр. I, л. 1.

⁸ Там же, л. 12.

⁹ Там же, ед. хр. 5, л. 2.

перенесло русское крестьянство; во-вторых, многие местные партийные и советские работники, в силу слабой политической подготовки, могли не сразу усвоить сущность новой экономической политики; в-третьих, продовольственный аппарат молодой республики был еще слаб из-за недостатка грамотных, подготовленных сотрудников; в-четвертых, ввиду бездорожья и отсутствия необходимой почтово-телеграфной связи, центр не всегда мог оперативно руководить местами, и, наконец, крайняя отсталость населения в культурном и экономическом отношении требовала особенно осторожного подхода к нему.

Все эти обстоятельства правительством Дагестана были учтены при выработке декрета о введении натурального налога. 7 августа 1921 года декрет был опубликован в газете «Советский Дагестан». Объем налога был установлен в размерах 65 тыс. пудов продуктов сельскохозяйственного производства вместо 127 тыс. пудов, сдававшихся по подразверстке.

Больше того, в 1922 году Аварский, Андийский, Гунибский, Казикумухский, Самурский горные округа, а также хозяйства, имевшие четверть десятины посева и две головы крупного рогатого скота или 12 голов мелкого скота, были освобождены от налога.

Кроме того правительство Дагестана оказывало помощь крестьянам, чтобы они после уплаты налога могли продать излишки сельскохозяйственной продукции. Большая часть излишков закупалась государством. Это оказывало большую поддержку беднякам, которые получали возможность развивать свое хозяйство.

В то же время свобода торговли способствовала оживлению капиталистических элементов. Нужна была сила, которая бы не дала возможности им укрепляться. Такой силой могла стать лишь кооперация.

Вопросы кооперирования были в Дагестане особенно актуальными. «В связи с заменой разверстки продналогом и объявлением свободного товарообмена, — указывается в инструктивном письме Дагобкома окружным комитетам партии, — вопросы кооперации стали боевыми и острыми»¹⁰.

В письме отмечается, что коммунисты на местах не совсем ясно понимают это, не учитывают того, что свобода торговли, при отсутствии определенного руководства ею, может укрепить контрреволюционные силы, что конкуренция свергнутых классов, если ее не ограничить определенными рамками, приведет

¹⁰ Архив Даг. филиала ИМЛ, ф. I, оп. 2, ед. хр. 199, л. 5.

к тому, что цены бешено возрастут и бедняки не в состоянии будут покупать для себя самое необходимое.

«...Чтобы урегулировать все эти вопросы и поставить их в выгоду для трудящихся, — говорится в письме, — Советская власть прибегла к созданию широкой сети кооперативов»¹¹.

Определяя сущность советских кооперативов, Областной Комитет партии особо указывал на их коренные отличия от всех форм кооперации, создававшихся при капитализме.

Выгоды советской кооперации заключались в том, что она, во-первых, избавляла трудящихся от необходимости каждому в отдельности производить обмен и куплю; во-вторых, устанавливая цены и нормы обмена, не допускала конкуренции между отдельными гражданами и сбивание цен друг у друга; в-третьих, являясь общей спаянной группой, она могла более широко вести закупки и продажу товаров, чем отдельные лица.

Все это не могло не вызвать симпатии трудящихся масс к советской кооперации. Уже в 1922 году в Дагестане было создано 33 единых потребительских общества. Руководство кооперированием было возложено на специальный орган — Дагсоюз. В таких городах, как Махачкала, Дербент, Хасавюрт организуются районные отделения Дагсоюза.

Учитывая важность работы по кооперированию, очередной пленум областного комитета партии в октябре 1922 года обсудил вопрос о кооперации.

Пленум отметил слабую деятельность кооперации и, в частности, указал на то, что из существующих 33 единых потребительских обществ только 10 работают удовлетворительно, а 6 бездействуют¹². Пленум принял срочные меры к улучшению работы Дагсоюза и избрал специальную комиссию в составе тт. Алиева, Ахундова и Самурского для оказания ему помощи. Было указано на необходимость усилить кооперацию на местах партийными работниками¹³.

Центральный Комитет партии уделял особое внимание развитию сельскохозяйственной кооперации. По поручению X съезда партии он выработал ряд мер в этой области и внес их на рассмотрение XII съезда партии, где они и были утверждены.

Партия рассматривала сельскохозяйственную кооперацию прежде всего как одну из форм объединения капитала, необходимо для подъема всего народного хозяйства. Кроме того, значение сельскохозяйственной кооперации заключалось в том, что она, объединяя наиболее сознательную часть

¹¹ Там же.

¹² Там же, оп. 3, ед. хр. 3, л. 10.

¹³ Там же, оп. 3, ед. хр. 3 (см. резолюцию пленума).

крестьянства, могла и должна была стать проводником мероприятий по интенсификации и рационализации сельского хозяйства в целом.

К этому времени кооперирование в Дагестане, благодаря принятым срочным мерам (в 1922 году), достигло определенных успехов. Кооперация, благодаря улучшению партийного руководства, организационно укреплялась, шел процесс ее дифференциации. К февралю 1923 года были созданы «Дагсельхозкредитсоюз», «Дагплодовинсоюз», «Овцеводный союз», которые объединили представителей разных отраслей народного хозяйства.

Пленум Обкома партии выработал конкретные меры по дальнейшему развитию системы кооперации, приспособлению ее к местным условиям. Было указано на необходимость создания товариществ по кооперативной обработке земли, мелиоративных товариществ виноградарей-виноделов, садоводов, огородников.

Пленум особо указал Дагсельхозсоюзу на необходимость удерживать твердую линию на кооперирование бедняков и середняков, устраняя при этом какое бы то ни было влияние на кооперацию со стороны деревенских торговцев и кулаков.

«В округах, — отмечает пленум, — партийные комитеты должны взять кооперацию под свое руководство, всемерно укрепляя ее аппараты и направляя их работу в русло советского строительства...»¹⁴.

Успешному решению задач по подъему народного хозяйства способствовала большая помощь со стороны Советского правительства и Центрального Комитета партии. Достаточно сказать, что только в 1921 году Дагестанская беднота получила свыше одного миллиона аршин мануфактуры¹⁵, а в 1922 году население почти всей нагорной части было освобождено от налога. В 1923 году ввиду незначительности денежного оборота в республике денежный налог был заменен мясом (в живом весе), шерстью, пшеницей и другими продуктами¹⁶, что значительно облегчило положение трудящихся. Больше того, ввиду крайне тяжелого материального состояния республики в целом, Советское правительство и Коммунистическая партия передали все налоговые поступления по Дагестану в доход местного бюджета¹⁷, а 20 процентов всего налога отчислялось бедноте в порядке государственной помощи¹⁸.

¹⁴ Там же, оп. 4, ед. хр. I, л. 18.

¹⁵ Там же, оп. я, ед. хр. 199, л. 5.

¹⁶ Там же, оп. 4, ед. хр. I, л. 12.

¹⁷ Там же.

¹⁸ См. ЦГА ДАССР, ф. 4, оп. 3, ед. хр. 5, л. 81.

Кроме всего этого трудящиеся Дагестана получали долгосрочные кредиты и безвозвратные ссуды. Так, в помощь бедноте только в течение 1921 года было выделено свыше полумиллиона рублей и много продуктов¹⁹. Государство отпускало сельскохозяйственные машины и другую технику для подъема хозяйства и быстрой ликвидации фактического неравенства. Все это способствовало повышению жизненного уровня народных масс, что, в свою очередь, вызывало у трудящихся все большую и большую активность в деле строительства новой жизни.

В восстановлении народного хозяйства принимали активное участие все трудящиеся горцы. Большую помощь оказывали Дагестану братские республики. Вот что писалось в отношении Дагревкома Азербайджану в 1920 году: «Масса селений на плоскости Дагестана разрушена добровольцами за время пребывания их, и очень много сельчан в борьбе в течение целого года за свою свободу остались без крова под открытым небом. Советское правительство сочло своим долгом придти на помощь этим борцам за свободу и отпустило уже Дагревкому 100 млн. рублей на это дело. Организация работ по восстановлению разрушенных сел тормозится главным образом из-за отсутствия досок и вообще стройматериалов...»²⁰. Поэтому Дагревком просил Азербайджан отпустить стройматериалы, что им и было сделано.

Благодаря помощи русского пролетариата и других народов Советской страны дагестанская беднота не только восстановила все разрушенное войной, но и начала новые, немислимые в условиях царизма, народные стройки.

В. И. Ленин в письме «Товарищам-коммунистам Азербайджана, Грузии, Армении, Дагестана, Горской республики» в апреле 1921 года ставил задачу улучшения положения крестьян и особо подчеркивал роль и значение орошения земель²¹.

Выполняя это указание, Областной комитет партии обратил серьезное внимание на создание в республике широкой оросительной сети, которая могла бы способствовать подъему сельского хозяйства края. В первую очередь было решено прорыть Сулак-Петровский канал длиной 70 км.

Призыв партийной организации республики к населению принять активное участие в сооружении канала, нашел горячий отклик среди широких масс трудящихся. Иначе и быть

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же, оп. 2, ед. хр. 19а, л. 1.

²¹ В. И. Ленин, Соч., т. 32, стр. 297.

не могло, ибо целью строительства канала являлось улучшение материального благосостояния голодавшего крестьянства.

На стройку шли все от мала до велика. Достаточно сказать, что только крестьян, участвовавших в сооружении канала, было свыше одиннадцати тысяч человек²². Большую помощь строителям оказали рабочие, молодежь.

Строительство канала началось в 1921 году. В трудных условиях люди проявляли небывалую самоотверженность. Газета «Красный Дагестан» писала 25 марта 1923 года: «В атмосфере голода и разрухи, недостатка технических сил и средств ведется титаническая борьба на фронте труда. Дагестанцы куют свою судьбу, свое общее благо. В холод и зной, под дождем и ветром приходится проводить долгие часы на тяжелых земляных работах, питаясь подчас одним хлебом. И все же они работают месяцами, работают не за страх, а за совесть, работают без понукания с чьей-либо стороны, без мысли об оплате с одной горячей верой в лучшее будущее всех трудящихся»²³.

Это был действительно подвиг. К. Е. Ворошилов, побывавший на стройке, сравнил сооружение канала с мелиоративными работами в древние времена на берегах Нила, в бассейне Миссисипи и другими стройками.

Стройку посетил М. И. Калинин. Вот как он описывает свое пребывание на ней: «Сегодня во время поездки по каналу, мы встретили бедно и грязно одетых горцев... Увидев меня, они спросили: «Это не Ленин?» И в этом глубочайший смысл. С именем Ленина даже в отдаленных ущельях Дагестана связано стремление трудящихся к свободе, свету и знанию, вера в светлое будущее»²⁴.

Сам В. И. Ленин следил за строительством канала. «Довожу до Вашего сведения, — говорилось в телеграмме председателя Дагревкома, адресованной В. И. Ленину по случаю пробного пуска воды по каналу, — что 12 апреля состоялся пуск воды в оросительный канал...»²⁵.

Строительство Сулак-Петровского канала, названного именем Октябрьской Революции, было завершено досрочно. 8 августа 1923 года состоялось его торжественное открытие. Вот что писалось в телеграмме, адресованной в Москву в Совпарком. «Работы канала «Октябрьская Революция» протяжением 70 верст закончились... Вода дошла до гор. Махачкалы. Население гор встретило приход воды... с энтузиазмом»²⁶.

²² См. Архив Даг. филиала ИМЛ, ф. I, оп. 3, ед. хр. 70, л. 76.

²³ «Красный Дагестан», 25 марта 1923 г.

²⁴ То же, 17 мая 1923 г.

²⁵ Архив Даг. филиала ИМЛ, ф. I, оп. 3, ед. хр. 176, л. 134.

²⁶ Там же, оп. 4, ед. хр. 8, л. 12.

С вводом в строй канала создалась возможность оросить десятки тысяч десятин земли. Получили воду промышленные предприятия столицы республики Махачкалы²⁷, жители многих аулов и деревень, полевые железнодорожные станции.

Сооружение канала имени Октябрьской Революции было ярким свидетельством того, что коллективный труд способен совершать чудеса. Горцы воочию убедились в его великой силе, в преимуществе социалистической системы, организующей труд людей на принципах равноправия и свободы.

Успеху в строительстве канала способствовали также большая техническая и материальная помощь, а также моральная поддержка, которую оказывали Дагестану Советское правительство и Центральный Комитет партии.

Партия и правительство постоянно заботились о подъеме народного хозяйства национальных окраин, оказывали им помощь. Отсталым областям предоставлялись большие кредиты, которые из года в год увеличивались. Братскую помощь всех народов страны Советов и, прежде всего, русского народа особенно ощущал Дагестан. Только в 1923 году правительство отпустило республике частью безвозмездно, частью в качестве ссуды свыше 41 тыс. руб. В 1924—1925 годах эта сумма была намного увеличена. Ссуда в основном шла на улучшение жизни бедноты, приобретению ею рабочего и другого скота, столь необходимого в личном хозяйстве²⁸.

Большая помощь горцам была оказана также путем внедрения достижений агрономической науки, путем создания наглядных опытных участков, пропаганды сельскохозяйственных знаний в форме бесед и лекций.

Благодаря мероприятиям партии в республике неуклонно росла посевная площадь. Только за один год (с 1923 по 1924 г.) она увеличилась больше чем на 15 тыс. десятин. Уверенно развивалось животноводство. Так, по сравнению с 1921 годом к 1924 году поголовье скота выросло более чем на 200 тыс. голов²⁹.

Все это свидетельствовало о преимуществах народной власти, которая создает все условия для развития духовных и материальных сил освобожденного народа.

Восстановление и развитие сельского хозяйства было не единственным мероприятием Коммунистической партии и Советского правительства в деле ликвидации фактически-

²⁷ После установления Советской власти областной центр из Темир-Хан-Шуры был перенесен в Петровск, который был переименован в город Махачкала.

²⁸ См. Архив Даг. филиала ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 99, л. 6.

²⁹ Там же, л. 2.

го неравенства. Центральный Комитет партии во главе с В. И. Лениным указывал и на необходимость развития промышленности национальных окраин в особенности. В этом был залог победы строительства социализма и коммунизма.

Вот почему X съезд партии наряду с ликвидацией фактического неравенства поставил как первейшую задачу — развитие промышленности путем планомерного насаждения ее на окраинах, перенося тем самым технику к источникам сырья³⁰.

Это была подлинно народная политика нового государства, которая коренным образом отличалась от политики царизма и всецело отвечала интересам широких трудящихся масс.

Царизм делал все, чтобы национальные окраины были только поставщиками сырья, так как такая политика больше соответствовала интересам господствующего класса.

В Дагестане до революции развитой промышленности не было. Она существовала в зачаточной форме на плоскости, а в горах было только кустарное производство. Хорошая морская гавань Порт-Петровск, строительство железной дороги до Баку отчасти способствовали развитию промышленности, преимущественно в горах, расположенных по побережью Каспийского моря. Порт-Петровск имел несколько предприятий, таких, как бумагопрядильная и ткацкая фабрика, гвоздильный завод, канатная фабрика. В Дербенте и Кизляре были расположены, в основном, коньячно-винные заводы. В Хасавюрте — мукомольные мельницы, а в Буйнакске — несколько консервных и кожевенных заводов. Все это были в основном небольшие предприятия.

Почти все население предгорной и горной части края занималось кустарничеством. В Дагестане трудно было найти аул, где бы не было развито какое-нибудь ремесло. Это объяснялось необеспеченностью населения землей.

В Дагестане были развиты такие промысла, как кожевенное, сапожное, шапочное, гончарное, ювелирное, медно-лудильное, суконное, ковровое, бурочное, деревообделочное и многие другие. Эти промысла служили главным источником существования многих народностей страны гор в условиях царского режима.

Изделия дагестанских умельцев находили широкий сбыт не только на Кавказе и в России, но и далеко за ее пределами. Во многих отраслях кустарной промышленности народы Дагестана достигли высокого мастерства благодаря навыку и упорному труду. Кустарные промысла, вызванные к жизни

³⁰ См. «КПСС в резолюциях»... Ч. I, стр. 560.

местными условиями, играли большую роль в хозяйстве края в целом.

Однако это не означает, что условия страны гор способствовали только развитию кустарных ремесел. Напротив, здесь были все возможности для развития крупной промышленности. Обширное овцеводство, которое давало большое количество шерсти, мощные источники гидроэнергии, громадное количество кустарей, имевших производственные навыки и способных очень быстро приспособиться к условиям фабрично-заводского производства — все это было в Дагестане. Но колониальная политика царизма тормозила развитие духовных и физических сил народа, искусственно сдерживало его развитие.

От слабой промышленности Дагестана к концу гражданской войны ничего не осталось. Почти все предприятия были полностью разрушены. Так, текстильная фабрика Порт-Петровска, которая в 1913 году давала свыше 5 млн. аршин бязи, в 1920 году производила крайне мало. Почти совсем прекратили выпуск продукции гвоздильный завод, фруктово-консервные предприятия³¹.

Не меньше пострадала от войны и кустарная промышленность. В 1913—1914 годах в Дагестане насчитывалась огромная армия кустарей, которые вырабатывали продукции больше чем на 6 млн. рублей. Война привела к ликвидации этого производства. Массовые людские жертвы, разорение и уничтожение целых аулов, нищенский уровень жизни всего населения — все это пагубно сказалось на кустарной промышленности, которая долгое время не могла оправиться.

Вот какое влияние на кустарное производство оказала империалистическая и гражданская война:

Наименование промысла	Данные за 1915 г.		Данные за 1923 г.	
	число кустарей в тыс. чел.	годовая выработка в тыс. руб.	число кустарей в тыс. чел.	годовая выработка в тыс. руб.
Суконный	68	952	23	322
Ковровый	40	2000	3	150
Трикотажный	7	147	1	21
Бурочный	5	600	0,9	103
Медно-лудильный	3,5	157	0,3	13
Художественно-ювелирный	3	290	0,4	100

³¹ См. Архив Даг. филиала ИМЛ, ф. I, оп. 6, ед. хр. 9, л. 3.

Всего в 11 видах народных промыслов в 1915 году было занято 132.500 человек, вырабатывавших продукции на 6.392.500 руб., а в 1923 году кустарей было 46.050 тыс. человек, их годовая выработка составляла 1.252 тыс. рублей³².

В 1920—1921—1922 годах кустарная промышленность почти бездействовала и только в 1923 году она давала 20—25% довоенной продукции.

Таким образом на долю Дагестанского Совета народного хозяйства выпали большие и трудные задачи. Но несмотря на все трудности Совнархоз (он был организован в мае 1920 года) с первых же дней успешно руководил восстановлением экономики. Оживление в развитии сельского хозяйства дало ему возможность уделить больше внимания промышленности.

Руководствуясь решениями X съезда партии, Областной комитет партии поставил в основном следующие задачи: 1) восстановление и переоборудование ранее имевшихся промышленных объектов; 2) строительство новых предприятий; 3) оказание всемерной помощи кустарной промышленности; 4) улучшение рыбного хозяйства края.

На борьбу за подъем промышленности были мобилизованы широкие трудящиеся массы. Опираясь на активную помощь со стороны Советской власти, под руководством Областного комитета партии, народы Дагестана трудились самоотверженно, не жалея сил и в небывало короткий срок восстановили старые и построили новые промышленные предприятия.

К 1923 г. было восстановлено одно из крупнейших предприятий республики — текстильная фабрика «Каспийская мануфактура»³³. В I полугодии она выполняла план по выпуску продукции более чем на 120—130%. При этом производительность труда из квартала в квартал резко поднималась. Так, если в I квартале 1924 года задание выполнялось на 126%, то во II квартале оно было выполнено на 134%.

Рост производительности труда был характерен не только для фабрики в целом. Непрерывно росла нагрузка фабрики. В 1923 году нагрузка фабрики в среднем составляла 60%, в I квартале 1924 года она была равна 70%, а во II квартале того же года больше чем 75%³⁴.

В консервной промышленности, вместо технических слабых, мелких, распыленных объектов, создавались крупные предприятия, оборудованные современной техникой. Шел процесс концентрации производства. Так, из 10 мелких предприятий в Темир-Хан-Шуре был создан один консервный завод. В его

³² См. «Дагестанская промышленность за пять лет 1920—1925 гг.», стр. 182.

³³ Фабрика была переименована в фабрику им. III Интернационала.

³⁴ См. Архив Даг. филиала ИМЛ, ф. 4, оп. 5, ед. хр. 113, л. 39.

же ведение были переданы мелкие заводы в горных селениях. Благодаря таким мерам производительность труда в консервной промышленности намного выросла. К 1924 году по сравнению с 1921 годом выработка продукции консервной промышленностью увеличилась более чем в 4 раза³⁵.

К 1925 году производство консервов еще больше увеличилось. Достаточно сказать, что только новый фруктово-овощной консервный завод в Буйнакске (бывшей Темир-Хан-Шуре), благодаря концентрации труда и механизации производства за сезон мог дать свыше 100 тыс. пудов готовой продукции³⁶.

Уменьшение накладных расходов, процесс концентрации дали мощный толчок повышению производительности труда каждого рабочего. Так, если один рабочий за 1921 год выработал 49,7 пудов готовой продукции, а за 1923 год — 190 пудов, то в 1924 году его выработка была еще выше³⁷. Естественно, что рост производительности труда улучшал материальное положение рабочих.

Особо следует сказать о строительстве завода «Дагестанские Огни».

Выполняя решения X съезда о необходимости приближения промышленности к источникам сырья, Коммунистическая партия поставила задачу строительства новых промышленных объектов на национальных окраинах. Одним из таких объектов был стекольный завод «Дагестанские Огни».

Благоприятные природные условия в районе Дербента создавали большие возможности для развития в Дагестане стекольного производства.

Исходя из этого, Советское правительство развернуло крупное строительство в этом районе. О размахе строительства свидетельствует его план. Новый механизированный завод должен был за год производить 16 тыс. ящиков листового стекла и 10 млн. штук сортовой посуды для пищевой промышленности Союза.

Многие скептики, горе-специалисты смотрели на эту стройку, как на затею, которую невозможно осуществить. Свой взгляд они основывали на том, что отсталые народы Дагестана никогда не освоят сложную технику.

Но трудолюбивые горцы опровергнули такое утверждение. Благодаря помощи русских товарищей и специалистов, рабочие из местных народностей в совершенстве изучили новейшую технику и обеспечили бесперебойную работу стекольного завода.

³⁵ См. «Дагестанская промышленность за пять лет 1920 — 1925 гг.», стр. 51.

³⁶ Там же, стр. 49.

³⁷ Там же, стр. 51.

Советское правительство оказывало большую помощь стройке. Всего на строительство Госпланом было отпущено свыше 1 млн. 200 тыс. рублей.

Расчеты правительства на получение продукции с этого завода полностью оправдались. Небольшая печь, которая была пущена в 1924 году, только за один квартал дала свыше 100 тыс. штук разной стеклянной посуды³⁸. Завод был построен и сдан в эксплуатацию в феврале 1926 года.

Большие успехи были достигнуты в восстановлении и развитии кустарной промышленности.

В. И. Ленин в 1921 году высоко оценил мастерство горцев и дал указание делегатам Дагестана сохранить и совершенствовать кустарное производство³⁹.

Исходя из этого указания вводя и решений X и XII съездов партии, Дагестанский Областной комитет партии поставил перед Советом народного хозяйства следующие задачи:

1) произвести учет и обследование состояния отдельных видов кустарных промыслов и учет самих кустарей; 2) при помощи специалистов выявить важные отрасли кустарного производства республики; 3) оказывать кустарям помощь сырьем на льготных условиях; 4) всемерно помогать в сбыте производства кустаря; 5) защитить экономические интересы производителей, оказывать им юридическую и иные виды помощи⁴⁰.

В решении этих задач особую роль сыграло кооперирование. Только при условии осуществления ленинского кооперативного плана можно было поднять одну из важных отраслей народного хозяйства Дагестана — кустарные промысла. Поэтому Совнархоз приступил к осуществлению плана кооперации, т. е. организации кустарей в союзы и объединения по профессиям.

Однако эта задача также оказалась нелегкой. Нищенский жизненный уровень народных масс в целом, отсутствие сырья для производства, примитивная техника — все это не давало возможности создать производственные коммуны или артели кустарей.

Совет народного хозяйства к концу 1923 года сумел организовать около 40 кустарно-промысловых кооперативов, которыми было охвачено свыше 1500 человек. В сентябре 1924 года с целью объединения деятельности этих кооперативов был создан Дагестанский союз кустарно-промысловых кооперативов «Дагкустипромсоюз», который успешно руководил народными ремеслами Дагестана.

38 См. Архив Даг. филиала ИМЛ, ф. I, оп. 5, ед. хр. 113, л. 43.

39 См. «Борьба за власть Советов в Дагестане», 1957, стр. 7.

40 См. Архив Даг. филиала ИМЛ, ф. I, оп. 5, ед. хр. 113, л. 44.

Большая работа проводилась по подъему рыбной промышленности республики. Она и до революции была плохо развитой, а гражданская война почти полностью парализовала ее. К тому же отсутствовали необходимые орудия лова.

Для быстрого развития рыбной промышленности Советское правительство влило кустарные рыбные промысла республики в государственную рыбную промышленность РСФСР. Благодаря помощи государственных рыбных организаций к 1923 году на Каспии широко развернулась добыча рыбы. В 1923 году за сезон ее было выловлено свыше 200 тыс. пудов. Однако дальнейшее развитие рыбной промышленности тормозилось тем, что руководящий центр был слишком далеко от производителей.

Исходя из указаний X и XII съездов партии, Советское правительство приняло решение (1923 г.) о передаче рыбных промыслов в республиканское ведение⁴¹. Это явилось чрезвычайно важным и необходимым актом, благодаря которому были созданы лучшие условия для развития рыбной промышленности, ибо только конкретное местное руководство могло использовать все резервы и перспективно развивать эту отрасль народного хозяйства. Передача рыбных промыслов Дагестану отвечала также национальной политике Советской власти. Это было шагом к практическому осуществлению решений X и XII съездов партии о вовлечении в промышленную жизнь трудящихся масс в отсталом Дагестане, подъеме экономической мощи колониальных окраин.

Областной Комитет партии стал оперативно руководить созданием рыбной промышленности в республике, делая все для роста производительности труда, для организации на промыслах дружной и плодотворной работы⁴².

В экономике Дагестанской республики важную роль могла сыграть нефтяная промышленность.

Узкая береговая полоса Дагестана является как бы одним целым с такими богатыми нефтью районами, как Баку, Грозный. Между тем царское правительство мало обращало внимания на развитие нефтяной промышленности в Дагестане.

Во время гражданской войны добыча нефти в Дагестане прекратилась. В первые годы установления Советской власти эксплуатировались только нефтяные промысла в районе Бирякея.

Благодаря помощи Советского правительства и Коммунистической партии, в Дагестане были проведены большие

⁴¹ См. Архив Даг. филиала ИМЛ, ф. I, оп. 4, ед. хр. 46, л. 61.

⁴² См. Архив Даг. филиала ИМЛ, ф. I, оп. 4, ед. хр. I, л. 14. (Имеет решение пленума Дагобкома от 27—29 ноября 1923 г. об улучшении работы в связи с передачей промыслов в руки республиканских органов).

лизыскательские работы и созданы все условия развития нефтяной промышленности.

К 1924—25 годам разведочные работы доказали возможность добычи нефти. Эти расчеты были реализованы в дальнейшем.

Областной Комитет партии, осуществляя решения X и XII съездов и лозунг партии: «...Еще ближе к хозяйству, еще больше внимания, руководства, сил хозорганам...»⁴³, делал все, чтобы подъем народного хозяйства шел ускоренными темпами. Почти на каждом пленуме Обкома рассматривались вопросы, связанные с развитием сельского хозяйства и промышленности республики.

Ход строительства наиболее крупных промышленных объектов обсуждался и президиумом Дагобкома. Так, в июле 1923 года президиум заслушал доклад о работе фабрики имени III Интернационала. Были приняты срочные меры, чтобы улучшить ее деятельность. В своем постановлении президиум указывал руководству фабрики на необходимость, исходя из решений XII съезда партии, «принять все меры к привлечению местного населения рабочими...»⁴⁴, потребовал улучшить жилищно-коммунальные условия рабочих. Руководство фабрики обязывалось избегать увольнения рабочих-мусульман при сокращении штатов.

Чтобы оказать помощь сельскому хозяйству, Областной комитет партии мобилизовал для работы в деревне 17 руководящих работников.

Благодаря умелому руководству Областного комитета партии и повседневной помощи Советского правительства, дагестанская беднота успешно справлялась с задачей восстановления и подъема народного хозяйства.

Улучшалось также материальное положение рабочих и крестьян. Так, например, если в 1922 году заработная плата на фабрике имени III Интернационала составляла немногим больше 31 рубля в месяц, то к марту 1924 года она возросла на 45%. На консервных предприятиях за тот же период заработная плата выросла на 88%, а на стекольном заводе — на 100%⁴⁵.

Лучше стали удовлетворяться жилищные, бытовые, культурные запросы трудящихся. Только на фабрике имени III Интернационала свыше 250 семей получили новые дома со всеми удобствами⁴⁶.

Советское правительство оказывало большую помощь потерявшим трудоспособность, инвалидам борьбы за власть

43 См. «КПСС в резолюциях»... Ч. I, стр. 683

44 Архив Даг. филиала ИМЛ, ф. I, оп. 4, ед. хр. 2, л. 54.

45 См. Архив Даг. филиала ИМЛ, ф. I, оп. 5, ед. хр. 113, л. 45.

46 Там же.

Советов. В Дагестане был создан специальный орган — Наркомсобес. Несмотря на тяжелое положение в стране эта организация, при помощи Советского государства, держала на своем попечении большое количество потерявших трудоспособность, создав три инвалидных дома; за 1920—22 годы инвалидам было выдано пособий на 200 млн. рублей, 90 тыс. аршин мануфактуры, много продуктов питания. Одного хлеба они получили свыше 100 тыс. пудов⁴⁷.

Забота Советского государства о трудящихся вызвала их глубокую благодарность. Вот что писала в ДагЦИК рабочая беднота в 1924 году: «С 1920-го мы... пробудились от сна и в самом деле освободились от... паразитов... Наше экономическое положение с каждым днем улучшается... мы с давних пор ждали этого. Да здравствует правительство!... Наш быт... и в дальнейшем тоже будет улучшаться. При нем (имеется в виду Советское правительство — Г. С.) легко жить рабочим, ибо оно обращает внимание на жалобы рабочих. Поэтому мы желаем долго здравствовать ему. Да здравствует РКП(б)!»⁴⁸.

Письмо имеет много подписей, еще больше отпечатков пальцев, так как многие были неграмотны.

Приведенный документ свидетельствует о том, что горцы за очень небольшой период деятельности Советской власти полюбили ее, она стала для них родной.

Вместе с тем этот документ является ярким свидетельством того, что Областной комитет партии, несмотря на все трудности как общего характера, так и исходящие из местных специфических условий успешно справлялся с задачами, поставленными X и XIII съездами партии.

Огромный самоотверженный труд дагестанской бедноты по восстановлению и подъему народного хозяйства был высоко оценен Советским правительством. Дагестанская Автономная Советская Социалистическая Республика 12 февраля 1923 года одной из первых среди других краев и областей была награждена только что учрежденным орденом Трудового Красного Знамени.

Высоко оценивая деятельность дагестанских руководящих органов, Центральный Комитет партии в то же время поправлял их ошибки, указывал на недостатки, помогал преодолевать их.

Так например, в июне 1925 года Центральный Комитет, ознакомившись с работой партийной организации республики, указал на серьезные недочеты и прислал по этому поводу директивное письмо. В нем говорилось, что одним из основных

⁴⁷ Там же, ф. 1, оп. 2, ед. хр. 199, л. 3.

⁴⁸ Там же, оп. 5, ед. хр. 58, л. 85.

недочетов партийной организации республики является недостаточное внимание к работе в аулах, медленное усвоение политики партии в деревне, а также неполное применение ее в национальных условиях Дагестана.

Отмечая имеющиеся достижения в области партийного строительства, как например, рост парторганизации, улучшение состава партийных аппаратов и другие, Центральный Комитет вместе с тем указывал на слабую работу по переводу кандидатов в члены партии, по вовлечению в партию лучших представителей крестьян-середняков. Особо подчеркивалась необходимость улучшения содержания работы ячеек, особенно аульских.

Хотя, указывалось в письме, имеются некоторые успехи в улучшении отдельных отраслей советской и хозяйственной работы, таких, как просвещение, здравоохранение, укрепление промышленных предприятий и др., охват парторганизацией советской и иной работы недостаточен. Особо отмечалась необходимость развертывания широкой работы среди горянок.

«ЦК, — говорилось в письме, — обращает внимание на слабость работы вашей парторганизации среди женщин коренного населения...».

Центральный Комитет партии предлагал втянуть всю партийную организацию в работу среди женщин-горянок, указывал на необходимость улучшения кооперирования женщин путем создания кустарно-промысловых артелей. Особо подчеркивалась необходимость подготовки женских кадров из коренного населения, вовлечения их в школы, на педагогические и другие курсы.

* * *

Подводя итоги, можно сказать, что в первые годы Советской власти, партийная организация Дагестана, осуществляя решения X и XII съездов партии, проделала огромную работу по восстановлению народного хозяйства.

Все вышеизложенное дает нам право сделать следующие выводы:

1) Исторические решения X и XII съездов партии вооружили партийную организацию республики конкретным планом социалистического строительства.

2) Благодаря мудрому руководству Центрального Комитета нашей партии, трудящиеся республики за короткий исторический срок не только восстановили, но и подняли на более высокий уровень народное хозяйство Дагестана, доведенное до полной разрухи в результате империалистической и гражданской войн.

3) В восстановлении и подъеме народного хозяйства, в выполнении заданий партии по ликвидации фактического неравенства Областной комитет партии, советские, хозяйственные органы и все трудящиеся Дагестана постоянно опирались на помощь Коммунистической партии, Советского правительства.

4) Экономическое возрождение республики было осуществлено благодаря неуклонному проведению Центральным Комитетом нашей партии ленинской национальной политики. При этом социалистическое строительство в Дагестане шло при всесторонней помощи со стороны народов нашей страны и прежде всего со стороны русского народа.

5) Успешное осуществление ленинской национальной политики не только ликвидировало фактическое неравенство в Дагестане, но и способствовало дальнейшему движению республики по пути коммунистического строительства.

ВОПРОСЫ КУЛЬТУРНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ДАГЕСТАНЕ

Марксизм-ленинизм рассматривает культурную революцию как составную часть социалистической революции, как целую полосу в культурном развитии народа, в течение которой осуществляется воспитание членов общества в духе коммунизма и достигается крутой подъем культурного уровня народа.

Дореволюционный Дагестан как в экономическом, так и в культурном отношении был одной из отсталых окраин царской России. Культурная отсталость дагестанских народов обуславливалась не только низким уровнем экономического развития области, наличием в ней пережитков патриархально-феодального быта, но и поддерживалась всей политикой царского правительства, направленной к тому, чтобы «убить среди них зачатки всякой государственности, калечить их культуру, стеснять язык, держать их в невежестве»¹. Результатом такой политики была почти сплошная неграмотность трудящихся Дагестана и почти полное отсутствие школ и культурно-просветительных учреждений. По переписи 1897 года из 571 тыс. человек, проживавших в Дагестане, грамотных как на русском, так и на других языках было только 9,24 процента². На 750 с лишним тысяч населения Дагестана в 1915 году имелось всего 93 школы с 7092 учащимися, которые охватывали лишь около 5% всех детей школьного возраста.

В то же время функционировало 693 примечетских школ с 7456 учащимися³. Обучение в этих школах проводилось на непонятном учащимся арабском языке. Основным учебником

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 5, стр. 24.

² Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 год. Дагестанская область 1905 г., стр. 12—13, 100—101.

³ «Обзор Дагестанской области за 1915 год». Темир-Хан-Шура, 1916.

был коран, а преподавателями — представители мусульманского духовенства, которые одурманивали сознание детей религиозными суевериями.

Накануне первой мировой войны 1914—1918 гг. во всем Даргинском округе с населением более 80 тысяч человек было всего 4 сельских одноклассных училища в селениях Леваша, Хаджал-Махи, Урахи и Цудахар. В этих училищах обучался 151 ученик, главным образом дети представителей имущих классов. В то же время в округе насчитывалось 170 мечетей и 61 примечетская школа с 264 учащимися⁴.

Царское правительство больше всего боялось просвещения, хозяйственного и культурного роста народов национальных окраин, ибо оно видело свое благополучие в их отсталости и темпоте. Все «культурное наследство», оставленное царским самодержавием, В. И. Ленин характеризовал следующими словами: «Уже то обстоятельство, что пришлось создать чрезвычайную комиссию по ликвидации безграмотности, доказывает, что мы — люди (как бы это выразиться помягче?), вроде того, как бы полудикие, потому что в стране, где не полудикие люди, там стыдно было бы создавать чрезвычайную комиссию по ликвидации безграмотности, — там в школах ликвидируют безграмотность»⁵.

Великая Октябрьская социалистическая революция, открывшая новую эру в истории человечества создала все условия для хозяйственного и культурного развития народов Дагестана.

Установлением советского социалистического строя в стране были созданы реальные условия для активного участия всех народов в строительстве социализма. Но на этом пути были огромные трудности, причем перед народами национальных окраин, кроме общих, стояли и особые, специфические трудности. Восточные народы — казахи, азербайджанцы, дагестанцы, башкиры, киргизы и другие, составлявшие 25 миллионов населения, не успели пройти путь капиталистического развития и сохранили патриархально-родовой или полуфеодальный быт, они были забиты темнотой и отравлены религией. Без ликвидации этого наследия нельзя было привлечь широкие массы трудящихся к активной общественно-политической жизни страны, добиться общего подъема экономики и культуры страны в целом. Партия и Советское государство принимали все меры к тому, чтобы помочь этим народам выйти из тяжелого положения и догнать центральную Россию во всех отношениях.

⁴ «Обзор Дагестанской области за 1914 год». Темир-Хан-Шура, 1915.

⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 33, стр. 51.

Руководствуясь декретами Советского правительства по вопросам культурного строительства, принятыми непосредственно после Октябрьской революции, дагестанские партийные и советские органы с первых же дней установления здесь Советской власти вели большую работу по созданию на родных языках народов Дагестана новой советской школы, по подготовке педагогических кадров, по строительству школьных зданий, клубов, кинотеатров и других культурно-просветительных учреждений, по организации издательского дела и т. д.

Строительство новой советской школы началось в Дагестане весной 1918 года. Первый Дагестанский областной съезд учителей, состоявшийся в августе 1918 года в Темир-Хан-Шуре, решил некоторые существенные вопросы школьного строительства. «Учительство Дагестана продолжает считать, — говорится в резолюции съезда, — что школа должна быть единой, преемственной, трудовой, общедоступной, обязательной для всех и бесплатной на всех ступенях обучения»⁶. Это означало принятие учителями Дагестана основных программных требований Коммунистической партии и переход лучшей части учительства на сторону Советской власти.

Большое значение для культурного строительства на национальных окраинах имели решения X съезда партии по национальному вопросу. В этих решениях указывалось, что с победой Октябрьской революции в нашей стране уничтожен национальный гнет, но еще остается фактическое национальное неравенство. Оно заключалось в том, что ряд национальных республик, в том числе и Дагестан, значительно отстал от центральной России в политическом, хозяйственном и культурном отношении, X съезд партии поставил задачу ликвидировать, наряду с политической и хозяйственной, культурную отсталость национальных окраин и помочь им догнать ушедшую вперед центральную Россию⁷.

После освобождения Дагестана от иностранных интервентов и их наймитов и провозглашения декларации о Советской автономии Дагестана (13 ноября 1920 г.) местные партийные и советские органы, руководствуясь решениями X съезда партии при постоянной поддержке Советского правительства, провели большую работу по созданию и укреплению новой советской школы.

В июне 1920 года был созван Вседагестанский съезд по народному образованию, который наметил программу конкретных мероприятий в области строительства новой школы.

⁶ ЦГА ДАССР, ф. 81-р, оп. 9, ед. хр. 2.

⁷ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Ч. 1, стр. 559—563.

В 1920—1921 гг., несмотря на огромные трудности, порожденные длительной гражданской войной, в разных населенных пунктах Дагестана при широкой поддержке со стороны трудящихся масс было организовано более 100 школ, а в 1921—1922 гг. уже было 493 школы, которыми было охвачено более 20 тысяч учащихся⁸.

Однако эти школы не отвечали требованиям, предъявляемым к советской школе, не соответствовали «Уставу единой трудовой школы», утвержденному Наркомпросом РСФСР. Кроме того, подавляющее большинство учителей не имело необходимой теоретической подготовки, у многих из них не было даже начального образования. Некоторая часть учителей была выходцами из чуждой среды. Поэтому в 1921—1924 гг. партийные и советские органы республики проводят ряд мер, направленных к сокращению числа школ, стабилизации школьной сети и повышению квалификации местных учителей, налаживают издание первых учебников и производство учебно-наглядных пособий. Уже к весне 1922 года число школ в ДАССР сократилось до 144⁹.

Сокращение школьной сети, вызванное известными трудностями в строительстве новой советской школы, было явлением временным. Оно дало возможность значительно улучшить работу функционировавших школ, обеспечив их более или менее подготовленными кадрами учителей, школьными помещениями, учебным оборудованием, хотя разумеется нужда во всем этом продолжала ощущаться и после сокращения школьной сети.

Повысив качество работы, новые советские школы завоевывали все больший авторитет среди трудящегося населения, начинавшего понимать ее несравненные преимущества перед примечетской школой.

В числе задач, связанных со строительством новой школы в Дагестане, большое место занимали подбор и подготовка учительских кадров из коренных народностей, а для выполнения этой задачи необходимо было время, нужны были специальные учебные заведения, которых республика тогда не имела. Поэтому в начальный период были использованы для работы в новых школах все старые педагогические кадры, причем одновременно принимались все меры для подготовки новых кадров через педагогические техникумы и краткосрочные курсы.

Руководство делом школьного строительства в Дагестане осуществлял Наркомпрос ДАССР.

⁸ «Современный Дагестан», Махачкала, 1925, стр. 137.

⁹ ЦГА ДАССР, ф. 34-Р, оп. 1, ед. хр. 100, л. 38.

В 1921 г. Наркомпрос начал издавать ежемесячный литературно-педагогический журнал «В горах Дагестана», являвшийся ценным пособием для работников школ и культурно-просветительных учреждений.

На основании опыта Российской Федерации и других советских республик в деле проведения в жизнь ленинских декретов о культурном строительстве, Ревком, а затем и Совнарком ДАССР осуществили ряд важнейших мероприятий по организации и развертыванию культурного строительства в республике. Школа была отделена от церкви и законом было запрещено преподавание религии в советских школах. Было введено бесплатное обучение. Школа, которая в прошлом обслуживала эксплуататорские классы, стала доступной для представителей широких масс трудящихся.

Большое значение для создания и укрепления советской школы в Дагестане имел Второй Вседагестанский съезд Советов, состоявшийся в декабре 1922 года. Обсудив доклад Наркомпроса «О мерах поднятия народного просвещения в Дагестане», съезд признал фронт просвещения «ударным фронтом». Съезд определил неотложные задачи в этом деле: предоставление помещений, организация питания школьников, отпуск средств. Было предложено наладить вопрос с зарплатой учителей, возратить в школы всех учителей, ушедших из них по разным причинам, выделить соответствующее число работников для политико-просветительной работы, расширить сеть профтехнических школ в республике, освободить и возратить Наркомпросу школьные здания, прикрепить детские учреждения и профтехнические школы к хозяйственным и промышленным предприятиям, прикрепить повсеместно к школам и детским учреждениям земельные участки, при городских начальных, профтехнических и средних школах открыть интернаты, чтобы дети бедноты могли учиться при полном обеспечении¹⁰.

Коммунистическая партия и Советское правительство, осуществляя политику подтягивания отсталых народностей до уровня передовых, создавали все условия для разрешения задач культурной революции на национальных окраинах. Не проходило ни одной партийной конференции, ни одного съезда Советов Дагестана, где бы не обсуждались вопросы о культурном строительстве, о народном образовании. В результате из года в год увеличивались сеть школ и количество учащихся в них.

Первые успехи в строительстве советской школы вызвали широкий отклик среди трудящихся Дагестана. Их активная

¹⁰ Журнал «В горах Дагестана», 1923, № 1, стр. 12.

помощь в строительстве новых и ремонте старых школ и других культурно-просветительных учреждений способствовала развитию и укреплению советской школы в Дагестане.

Одна из заметок, опубликованных в газете «Красный Дагестан» в январе 1924 года, озаглавлена «Перелом в умах». В ней рассказывается, что крестьянство Кюринского округа уже осознало необходимость просвещения и теперь ни один мулла не посмеет (по крайней мере вслух) сказать ни слова против советской школы. Жители тех самых селений, где раньше и слышать не желали о школе, теперь просят дать им технические указания (план и др.) для постройки школьных зданий.

Учащиеся стали массами бросать религиозные школы и посещали новые советские школы. В конце 1924 года в селении Кумторкала из местного медресе в советскую школу перешло около 90 процентов учащихся. «Учащиеся заявляют, — писал учитель из селения Кумторкала, — что они осознали ложь «науки» в медресе, которая им равным счетом ничего не дает в жизни. Из 130 учащихся, обучающихся в советской школе, насчитывается до 30 девочек и новые ученики все продолжают прибывать»¹¹.

Однако духовенство продолжало оказывать сильное влияние на население. Об этом свидетельствует пример, приведенный в заметке о конференции учителей Даргинского округа в январе 1926 года. В селении Мулебки, Даргинского округа, была открыта советская школа, в которой до ноября 1925 года обучалось 35 учащихся. Но под влиянием агитации кулаков и духовенства 16 учащихся перестали посещать школу. Больше того, родители, для того, чтобы «очистить» своих детей, обучавшихся в советской школе, повели их к холодной речке и обмыли там семь раз каждого.

Пятый Вседагестанский съезд Советов, состоявшийся в мае 1925 года, обсудив доклад Наркомпроса об итогах и перспективах народного образования в Дагестане, указал на решающее значение дела просвещения для всего культурного строительства. Съезд предложил Наркомпросу «приступить к работам по разрешению проблемы введения всеобщего обязательного обучения детей школьного возраста и ликвидации неграмотности на основе существующей сети»¹². При этом съезд предложил правительству Дагестана довести ассигнования на народное просвещение до 40—50 процентов всего бюджета республики.

В результате большой работы, проведенной под руководством Коммунистической партии, в Дагестане к концу 1925 го-

¹¹ «Красный Дагестан», 30 декабря 1924 г.

¹² «Красный Дагестан», 7 мая 1925 г.

да было 208 школ I и II ступени, 7 курсов по переподготовке учителей, Совпартшкола¹³ Был создан научно-исследовательский институт, руководивший делом изучения Дагестана, медицинский и индустриально-экономические техникумы, музыкальное училище и другие специальные учебные заведения. В новых советских школах Дагестана к 1926 году было в три с лишним раза больше учащихся, чем в 1914 году.

Первые советские школы создавались в Дагестане в чрезвычайно трудных условиях экономической разрухи, явившейся результатом империалистической и гражданской войны. Школы не имели необходимых кадров учителей, учебников и учебных пособий, единых программ, подходящих помещений.

В «Отчетной тетради» для инструкторов за 1920 — 1921 учебный год имеется следующая запись: «О состоянии Буртунни-Махинской средней школы» Даргинского округа: «В школе работают два учителя, оба с домашним образованием. Функционирует школа с 25 сентября в составе 1-го отделения. Население очень желает всеобщего обучения. Ожидается всего до 65 учеников, кроме девочек. Школьной мебели нет: мальчики сидят на ковре. Пособий нет. Два имеющихся карандаша переходят к учащимся по очереди»¹⁴.

Трудности в строительстве новой советской школы усугублялись еще тем обстоятельством, что против мероприятий партии и правительства в области народного образования выступала реакционная часть мусульманского духовенства, стремившаяся и впредь сохранить за собой господствующее положение в школьном деле. Духовенство боялось, что создание широкой сети советских школ нанесет окончательный удар по примечетским школам.

Яростное сопротивление мероприятиям партии и Советской власти в области народного образования оказывало и кулачество, кровно заинтересованное в сохранении своего господства над трудовым крестьянством.

В 1924 году духовенство сел. Каякент, поддерживаемое и поощряемое кулаками, составило приговор о закрытии советской школы и открытии медресе¹⁵. В 1925 году в сел. Акуша имело место выступление духовенства и кулаков, направленное против создания советской школы. Когда в сел. Акуша по инициативе окружного отдела народного образования были привезены парты для школы, «духовенство и кулаки подняли целую бучу, и согласно приказу «божьего старца»

¹³ «Отчет о работе Даг. Комитета РКП(б). К VII Дагпартконференции». Махачкала, 1925, стр. 34—35.

¹⁴ Г. Каймаразов и А. Эфендиев. Успехи культурного строительства в Дагестане за годы Советской власти: «Ученые записки», IIIЯЛ, т. IV, Махачкала, 1958, стр. 125.

¹⁵ «Красный Дагестан», 26 мая 1927 г.

(Али-Гаджи Акушинского — А. А.) все парты были выброшены в реку»¹⁶. Факты противодействия реакционного духовенства школьному строительству и распространению среди трудящихся идей новой школы имели место и в других аулах Дагестана.

Исключительное значение для вовлечения в новую школу детей бедноты имели школьные интернаты и детские дома. К концу 1922 года в Дагестане было 26 детских домов с 3650 детьми¹⁷.

Создание широкой сети интернатов и детских домов, в которых дети горской бедноты могли учиться, не заботясь о куске хлеба, было ярким проявлением отеческой заботы Коммунистической партии и Советского правительства.

О постановке учебно-воспитательной работы в Буйнакском интернате горянок свидетельствует следующая запись: «Чистые детские спальни; деревянные кровати опрятно убраны и покрыты простынями и одеялами. Большой общий зал весь украшен предметами детского творчества — вышивками и т. д. Дети все имеют здоровый и веселый вид. Они ласково жмутся к заведующей интернатом, которую зовут просто «мама» или тетя Катя. Вечером воспитательницы говорят с детьми, учат их рукоделию, рисованию, пению, ведут беседы, а старшие девочки издают свою стенгазету «Горянка». Все воспитанницы учатся охотно и интересуются пионерским движением»¹⁸.

Партийные, советские и общественные организации республики в первые же годы Советской власти серьезное внимание уделяли также ликвидации неграмотности среди взрослого населения. Это была задача, без решения которой невозможно было обеспечить социалистическое развитие Дагестана.

Огромное значение в деле борьбы с неграмотностью имел исторический декрет Советского правительства о ликвидации неграмотности среди населения РСФСР, принятый в декабре 1919 года. Этот декрет устанавливал обязательное обучение грамоте на родном и русском языках всех граждан советской республики в возрасте от 8 до 50 лет, которые не умели читать и писать.

Руководствуясь директивами ЦК РКП(б), Советского правительства и указаниями великого Ленина, партийные и советские органы Дагестана, наряду с организацией первых советских школ, развернули большую работу по ликвидации неграмотности среди взрослого населения. Вторая дагестанская областная конференция РКП(б), состоявшаяся в ноябре

¹⁶ ЦГА ДАССР, ф. 117-р, оп. 7, ед. хр. 74, л. 199.

¹⁷ ЦГА ДАССР, ф. 37-Р, оп. 20, ед. хр. 28, л. 7.

¹⁸ «Красный Дагестан», 16 февраля 1925 г.

1921 года, отмечая важное значение ликвидации неграмотности среди взрослого населения, требовала от Обкома РКП(б), всех партийных органов республики «придать чрезвычайное значение в дагестанской действительности ликвидации безграмотности, для чего влить в эти органы максимум коммунистической силы»¹⁹.

В рассматриваемые годы в республике была проведена большая работа по созданию и укреплению культурно-просветительных учреждений, призванных проводить работу по ликвидации неграмотности среди взрослого населения. В 1921 г. в Наркомпросе ДАССР было создано Главное управление политпросветработы, при котором были учреждены Чрезвычайная Дагестанская и окружные комиссии по ликвидации неграмотности и малограмотности. Вопросы политико-воспитательной и культурно-просветительной работы обсуждались на Второй Дагестанской партийной конференции и на Втором Вселагестанском съезде Советов.

Для успешного выполнения задачи ликвидации неграмотности в 1924 году в Дагестане было создано общество «Долой неграмотность» (ОДН). В городах, окружных центрах и аулах республики общество «Долой неграмотность» имело сеть своих ячеек. К концу 1925 года в Дагестане было 97 ячеек общества с охватом около 4500 человек.

Огромную работу по созданию политико-просветительных учреждений, налаживанию работы этих учреждений и разъяснению трудящимся республики целей и задач Советской власти провели политические органы частей Красной Армии, расположенных в Дагестане.

В результате всей работы к концу восстановительного периода в Дагестане работало 195 ликпунктов, 74 избы-читальни, 27 библиотек, 42 клуба, 16 красных уголков, гостеатр, госмузей, 5 стационарных кино и 2 кинопередвижки²⁰.

Коммунистическая партия и Советское правительство с первых дней Великой Октябрьской социалистической революции уделяли огромное внимание созданию советской интеллигенции и ее идейному росту, так как без создания собственной интеллигенции победивший рабочий класс не мог успешно решить задачи упрочения своей диктатуры и строительства нового социалистического общества. Особенно важно было это в национальных областях и республиках, ибо только с помощью национальной интеллигенции здесь можно было развернуть социалистическое строительство и вывести народы отсталых национальных окраин на широкую дорогу экономи-

¹⁹ Архив Даг. филиала ИМЛ, ф. 1, д. 3, стр. 34.

²⁰ «Отчет о работе Дагестанского Комитета РКП(б). К VII Дагпартиконференции». Махачкала, 1925, стр. 35.

ческого и культурного развития. X и XII съезды РКП(б), наметившие развернутую программу ликвидации политической, хозяйственной и культурной отсталости национальных областей и республик, в своих решениях особое внимание партийных и советских организаций обратили именно на необходимость ускоренной подготовки кадров интеллигенции из ранее отсталых народов.

До Великой Октябрьской революции в Дагестане почти не было местной интеллигенции, вышедшей из народных масс. В немногочисленных медицинских и других учреждениях, на небольших промышленных предприятиях почти не было специалистов из местных народностей Дагестана.

Создание национальных кадров интеллигенции было одной из самых трудных задач культурного строительства в Дагестане. Без решения этой задачи нельзя было всерьез решать вопросы развития социалистической промышленности и преобразования сельского хозяйства, осуществить культурную революцию. Поэтому партийная организация Дагестана взялась за осуществление этой задачи с первых же дней установления Советской власти.

Решение проблемы создания национальной интеллигенции находилось в прямой зависимости от работы школ Дагестана, от наличия подготовленных педагогических кадров. Поэтому областная партийная организация уделяла большое внимание педагогическим учебным заведениям. В 1922 году для подготовки и переподготовки кадров учителей для начальной школы были открыты стационарные педагогические курсы на 50 человек в Дербенте и на 150 человек в Буйнакске. Тогда же в Буйнакске был открыт первый в республике педагогический техникум. В 1923 году в Дербенте был открыт второй педагогический техникум. Эти два средних педагогических учебных заведения стали центрами подготовки учителей для школ Дагестана. В последующие годы в республике организуются краткосрочные педагогические курсы, проводится ряд мероприятий по переподготовке учительских кадров.

В августе 1921 года, по решению Первой дагестанской областной партийной конференции, в Дербенте была открыта Совпартшкола с контингентом 60 слушателей, основной задачей которой являлась подготовка для республики не только партийных, советских работников, но и работников культпросветучреждений.

Партийная организация приняла в эти годы ряд мер по усилению партийно-комсомольской прослойки среди учителей и поднятию их политического уровня. Коммунисты и комсомольцы по решению партийных комитетов направлялись на педагогическую работу, посылались на учебу в различные учебные заведения. Так, в 1923 году около 100 детей горцев,

успешно окончившие школы, впервые были отправлены в вузы различных городов Советского Союза. В 1925 году в различные вузы, в КУТВ, техникумы, профтехшколы, нацкавшколу, военполитшколы в порядке организованного набора было направлено 249 человек, из которых 192 представители дагестанской горской бедноты²¹. Кроме того в этом же году в Дагсовпартшколу было принято 140 человек²².

Большую помощь Дагестану кадрами оказывали ЦК партии, правительство Советской России и других братских республик. Только с мая по октябрь 1921 года в Дагестан было направлено 86 опытных партийных работников, в том числе 10 человек из ЦК Коммунистической партии Азербайджана²³.

Серьезные успехи были достигнуты в первые годы Советской власти и в других областях культурного строительства.

Коммунистическая партия придавала большое значение развитию советской печати и издательского дела. Дагестанские народы в дореволюционный период не имели своей периодической литературы. Литература, издававшаяся на арабском алфавите, была недоступна для широких масс трудящихся.

Коммунистическая партия, памятуя, что печать является самым сильным оружием, при помощи которого она «ежедневно» говорит с трудящимися массами на своем нужном ей языке, создавала все необходимые условия для широкого развития издательского дела.

В январе 1921 года создается Дагестанское государственное издательство, которое впоследствии слилось с организацией Центрпечать. С 1925 года началось издание ежемесячных журналов: «Дагестанский кооператор» и «Красная горняк». За один 1925 год было издано более 500 печатных листов учебных пособий и журналов. Кроме журналов и учебно-методических пособий к 1926 году выпускались газеты: «Красный Дагестан», «Красный землероб» на русском языке, «Горец» на аварском языке, «Даргинец» на даргинском языке. «Дагестанская беднота» на тюркском языке и «Труженик» на лакском языке²⁴.

Исключительно важное значение для национальной школы и культурного развития республики имело правильное марксистско-ленинское разрешение языкового вопроса. Коммунистическая партия указывала, что народные массы национальных окраин могут преуспевать в деле культурного развития только на своем родном языке. На совещании работников

²¹ «Отчет о работе Дагестанского Комитета РКП(б). К VII Дагпартконференции. Махачкала. 1925, стр. 36.

²² Там же.

²³ Рукоп. фонд ИИЯЛ, д. 1743, л. 304.

²⁴ «Дагестанская организация ВКП(б) в цифрах. Материал к VIII Дагпартконференции». Махачкала, 1927, стр. 15.

просвещения в декабре 1922 года выступавшие доказывали необходимость организовать «всюду в Дагестане школы с обязательным преподаванием с первых же дней на родном языке и с введением на третий и на четвертый год обучения обязательного преподавания русского языка, проводника и носителя русской, а вместе с нею всемирной культуры, без которой дагестанцам никогда не выбраться из охватывающей их тьмы, невежества и фанатизма, никогда не сделаться свободными гражданами новой свободной Коммунистической России»²⁵.

В своих выступлениях представители дагестанских народов выражали стремления народных масс к культуре и просвещению. Но отдельные работники республики, ссылаясь на многоязычие и отсталость народов Дагестана, предлагали объявить тюркский язык единым государственным языком и стали его усиленно насаждать.

В ноябре 1923 года Пленум Дагестанского обкома партии принял по вопросу о языках народов Дагестана неправильное решение. Пленум предлагал Наркомпросу ДАССР делать в своей работе ставку на единый государственный язык, а именно тюркский язык. Такое решение, являвшееся явной уступкой пантюркистским элементам, мотивировалось «легкостью» усвоения тюркского языка и «бедностью» дагестанских языков.

Перевод национальных школ на тюркский язык препятствовал развитию школ и созданию письменности на родных языках народов Дагестана. Недовольство народных масс введением тюркского языка было настолько велико, что в Гунибском, Казикумухском, Даргинском и других округах тюркский язык был снят с преподавания. Тем не менее во многих школах республики, главным образом, в южном Дагестане, до 1928 года преподавание велось на тюркском языке (на арабском алфавите).

В 1928 году пленум Дагестанского областного комитета партии, исходя из указаний ЦК партии²⁶, обсудил вопрос «О языке и алфавите для школ Дагестана» и постановил перевести преподавание в школах Дагестана на родные языки и ввести латинский алфавит.

В первые годы Советской власти в Дагестане под влиянием передовой русской литературы начала формироваться и развиваться советская литература народов Дагестана, видными представителями которой являлись лезгин Сулейман Стальский, аварец Гамзат Цадаса, кумык Абдулла Магомедов, даргинец Азиз Иманагаев, лакец Гарун Саидов и другие.

²⁵ «Красный Дагестан», 3 января 1923 г.

²⁶ См. сборник «Задачи Дагпарторганизации по директивам В. И. Ленина (ЦК и ЦКК ВКП(б))». Махачкала, 1928, стр. 19.

После окончания гражданской войны в литературу народов Дагестана вливаются новые силы, из числа бывших красных партизан, а также передовая молодежь, принесшие с собой большой запас жизненных впечатлений и острое чувство современности. В творчестве Сайгида Абдуллаева, Алим-Паша Салаватова, Юсупа Гереева и других зазвучали новые темы гражданской войны и борьбы с пережитками прошлого, с религиозным мракобесием духовенства. С творчеством этих писателей связано расширение идейного кругозора дагестанской литературы, появление новых образов, зарождение метода социалистического реализма.

Решение ЦК ВКП(б) «О политике партии в области художественной литературы» (1925) способствовало дальнейшему развитию литературы всех народов Дагестана.

Важнейшим показателем культурного уровня страны является положение женщин, ее роль в общественной жизни, ее сознательность и активность.

Бесправное, угнетенное положение женщин в дореволюционном Дагестане выражалось и в общественной, и правовой жизни, во всем укладе домашнего быта. На тяжелое положение женщин в Дагестане указывали различные исследователи и путешественники. Так, И. И. Воронов в своих очерках «Из путешествия по Дагестану» говорит: «Вообще и здесь в Гиде, как и во всем среднем Дагестане, жалкое угнетенное положение женщины кажет себя всюду, — на поле под тяжелым вьюком снопов или сена; в ауле, когда она изредка выглянет из-за угла, сгорбленная, запуганная, в лохмотьях»²⁷.

Суровый горский быт, законы адата и шариата, поддерживаемые и охраняемые всеми эксплуататорами и духовенством, не давали возможности дагестанской женщине выйти из темноты. Женщина Дагестана не принимала участия в общественной жизни своего аула, не имела права присутствовать на народных собраниях и сельских сходах.

Советская власть, развертывавшая в широком масштабе работу по культурному строительству, ставила задачу приобщения в прошлом отсталой бесправной горянки к активной политической, культурной и хозяйственной жизни страны. «Говорят, уровень культуры всего более характеризуется юридическим положением женщины, — писал В. И. Ленин. В этом изречении есть зерно глубокой истины. И с этой точки зрения только диктатура пролетариата, только социалистическое государство могло осуществить и осуществило высший культурный уровень»²⁸.

²⁷ «Сборник сведений о кавказских горцах». Т. 1, Тифлис, 1863, стр. 36.

²⁸ В. И. Ленин. Соч., т. 30, стр. 382.

Руководствуясь указаниями Центрального Комитета партии и Советского правительства, партийные и советские организации Дагестана с первых же лет существования Советской власти повели борьбу за приобщение женщины к общественно-политической жизни, за превращение ее в равноправного члена общества. Через женотделы при комитетах ВКП(б), ячейки ВЛКСМ, учителей и медицинских работников, через специально созданную комиссию по улучшению труда и быта женщин среди трудящихся масс проводилась широкая разъяснительная и политико-воспитательная работа. Большое внимание обращалось на переустройство быта дагестанской женщины, на постановку женского образования, устройство специальных женских пунктов по ликвидации неграмотности, клубов, «саклей горянок». Большая работа была проведена по кооперированию женских масс, по вовлечению их в производственный труд.

О растущей политической активности горянок Дагестана свидетельствует их участие в выборах Советов в ДАССР. Так, в 1926 году в период перевыборов Советов в селении Чох, Гунибского округа, женщин на избирательном собрании было больше, чем мужчин, они выдвигали своих кандидатов как из числа мужчин, так и из числа женщин, заявляли об отводе лиц, не внушавших политического доверия, связанных с кулачеством и духовенством. В селении Андрей-аул, Хасавюртовского округа, многие женщины под давлением своих мужей, еще не понявших цели и задачи Советской власти, не принимали личного участия в выборах в сельский Совет. Желая, однако, использовать свои избирательные права, они сделали председателю избирательной комиссии следующее заявление: «На избирательное собрание мы не пойдем, а фамилии тех, кого мы хотим избрать в Совет, мы сообщим на обороте повесток»²⁹.

Важные мероприятия, проведенные Советской властью в Дагестане по культурному строительству, имели решающее значение для ликвидации фактического неравенства между отсталыми народами Дагестана и народами Центральной России.

В Дагестане осуществлена культурная революция. На 1 сентября 1958 года здесь имелось более 1500 общеобразовательных школ, 24 средних специальных учебных заведения, 4 высших учебных заведения, в том числе государственный университет, филиал АН СССР, работало свыше 12 тыс. учителей, около 800 научных работников, свыше 8 тысяч специа-

²⁹ «Перевыборы Советов в Дагестанской Советской социалистической республике». Махачкала, 1926, стр. 6.

листов с высшим и 15 тыс. специалистов со средним образованием, много культурно-просветительных учреждений, издавалось 64 газеты.

Таким образом, Советская власть, открыла горцам широкую дорогу культурного расцвета, дала им основу подлинной культуры — советскую школу, создала все условия для развития науки и культуры — национальной по форме, социалистической по содержанию.

БОРЬБА ЗА ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ВСЕОБУЧА В ДАГЕСТАНЕ В ГОДЫ ПЕРВОЙ И ВТОРОЙ ПЯТИЛЕТОК (1928—1937 гг.)

Победа Великой Октябрьской социалистической революции и Советской власти открыла перспективы для невиданного ранее экономического и культурного расцвета народов Дагестана. Благодаря ленинской национальной политике Коммунистической партии трудящиеся Дагестана в дружной семье братских народов СССР за короткий исторический период одержали выдающиеся победы в строительстве социализма и коммунизма. За годы Советской власти Дагестанская АССР превратилась в республику передовой промышленности и механизированного социалистического сельского хозяйства.

В Дагестане, как и во всей нашей стране, произошла подлинная культурная революция, достижения передовой культуры стали достоянием самых широких слоев трудящихся страны гор, прозябавших в условиях царизма в темноте и невежестве.

В. И. Ленин рассматривал культурную революцию как непременное условие успеха социалистического преобразования России. Поэтому вопросы подъема культурного уровня трудящихся, вопросы культурной революции занимали видное место в ленинской программе строительства социализма.

Одним из важных этапов борьбы за культурную революцию в нашей стране явилось осуществление всеобщего обязательного начального обучения, которое было введено с 1930—31 учебного года.

В данной статье мы ставим перед собой задачу показать борьбу трудящихся Дагестана за осуществление начального всеобщего в годы первой и второй довоенных пятилеток¹.

К началу первой пятилетки, т. е. за десятилетие существования Советской власти, освобожденный Великим Октябрем от социального и национального гнета дагестанский трудовой народ под руководством Коммунистической партии восстановил свое разрушенное народное хозяйство и сделал важный шаг по пути его социалистической реконструкции.

Значительных успехов достигли трудящиеся республики в области культурного строительства, в частности, в развитии народного образования. Уже к концу восстановительного периода, благодаря укреплению экономического положения, огромной помощи Советского правительства и братских народов СССР в Дагестане были построены десятки новых школ, охвачены обучением тысячи детей бедноты, которые были лишены возможности получать образование в условиях колониального гнета царизма.

Советская школа одержала к этому времени полную победу над религиозными примечетскими школами, число которых с каждым годом падало. Дети горцев уходили из примечетских школ, убеждаясь в том, что последние ничего не дают им для жизни, и поступали в советские школы.

Советское государство еще в период восстановления хозяйства страны вкладывало огромные средства в дело просвещения трудящихся. Особую заботу проявляли партия и правительство об ускоренном развитии народного образования в ранее отсталых национальных республиках и областях. Поэтому темпы школьного строительства в этих республиках и областях были значительно выше, чем в стране в целом. Так, если в 1928 году сеть общеобразовательных школ в СССР в целом составляла 118% по отношению к 1914 году, то в Узбекистане она увеличилась за этот период более чем в 14,5 раза, в Туркменистане — почти в 9,6 раза, в Таджикистане — более чем в 38 раз. В Дагестане число начальных и средних общеобразовательных школ возросло к 1928 году до 437, против 84 в 1913 году, или увеличилось в 5,2 раза². На народное образование в 1927—28 году было ассигновано

¹ О развитии народного образования в Дагестанской АССР в первые годы Советской власти см. Х. Ш. Хасбулатов. Развитие народного образования в Дагестанской АССР в первые годы Советской власти, Махачкала, 1953; А. А. Абилов. Борьба Коммунистической партии за осуществление культурной революции в Дагестане. Махачкала, 1957; Г. Ш. Каймаразов. Культурное строительство в ДАССР в 1921—1929 гг. Рук. фонд ИИЯЛ Даг. фил. АН СССР, д. 1317.

² «Обзор Дагестанской области за 1913 г.»; ЦГА ДАССР, ф. 168-р, оп. 7, ед. хр. 29, л. 68.

3.495.463 руб., т. е. около 28% всех бюджетных расходов республики³.

Проводилась большая работа по обучению взрослого населения. В ней участвовали не только органы народного образования и учительство, но и общественные организации, вкладывавшие в дело борьбы с неграмотностью значительные средства. В 1924 году в республике было создано общество «Долой неграмотность-» (ОДН), в городах и округах возникла сеть ячеек этого общества.

Таким образом, в дело ликвидации неграмотности и малограмотности вовлекалось само население, а это придавало работе по обучению взрослых массовый характер. В 1927—28 учебном году в Дагестане работало 420 ликпунктов и школ для малограмотных, в которых обучалось 11,5 тыс. человек.

Перед Дагестаном, как и перед другими республиками и областями страны, стояла задача в исторически крагчайший срок ликвидировать доставшуюся в наследство от царизма культурную отсталость. Этого нельзя было добиться без введения всеобщего обучения, без создания необходимых условий, на деле обеспечивающих всем трудящимся доступ к культуре.

Еще в августе 1923 года Совнарком РСФСР издал декрет «О сети учреждений Наркомпроса РСФСР», которым обязал Наркомпрос немедленно приступить к разработке плана введения всеобщего обучения. 31 августа 1925 года ВЦИК и СНК РСФСР приняли закон «О введении в РСФСР всеобщего начального обучения и построении школьной сети». Закон определял срок осуществления всеобщего обязательного начального обучения — 1933—34 учебный год. В соответствии с этим законом в ДАССР был проведен ряд мероприятий, призванных подготовить условия для перехода ко всеобщему обязательному обучению.

В феврале 1926 года III сессия Даг. ЦИК V созыва, обсудив доклад Наркома просвещения А. Тахо-Годи об итогах народного просвещения в ДАССР в 1924—25 учебном году, подчеркнула, что одной из важнейших задач является «введение всеобщего обучения в Дагестане» и предложила Наркомпросу «теперь же приступить к составлению плана всеобщего обучения»⁴.

VI Вседагестанский съезд Советов (апрель 1927 г.) обсудил специальный доклад Наркомпроса «О всеобщем обучении в ДАССР». Отметив значительный рост сети школ первой ступени и перелом в сознании населения в сторону поддержки советской школы, съезд признал, что этот рост отстает от все возрастающих культурных запросов населения. Съезд

³ ЦГА ДАССР, ф. 168-р, оп. 8, ед. хр. 64, л. 83.

⁴ ЦГА ДАССР, ф. 37-р, оп. 19, ед. хр. 83, л. 30.

подчеркнул, что «стоящие перед партией и Советской властью задачи индустриализации страны и развития сельского хозяйства не могут быть успешно решены без подведения под все социалистическое строительство более высокой культурной основы в ДАССР, где обеспеченность детей школьного возраста школьными местами не превышает 25,7% и вопросы всеобщей грамотности приобретают актуальнейшее значение».

Съезд Советов одобрил мероприятия Наркомпроса ДАССР по осуществлению декрета ВЦИК и СНК РСФСР от 31 августа 1925 года в отношении составления общереспубликанского перспективного плана введения всеобщего обучения и предложил правительству и органам просвещения «поставить в центре своей просветительской работы задачу введения в наикратчайший срок всеобщего начального обучения»⁵. В намеченных съездом мероприятиях введения начального всеобщего обучения большое внимание уделялось созданию учебно-материальной базы, особенно в тех районах, где процент охвата обучением детей школьного возраста был наиболее низок.

Развитие советской школы Дагестана, как и все социалистическое строительство, происходило в условиях ожесточенной классовой борьбы, яростного сопротивления кулацко-мульских элементов. Последние принимали всевозможные меры к срыву школьного строительства. В некоторых аулах они даже пытались закрыть советские школы и открыть вместо них духовные школы, понуждали родителей отказаться от посылки детей в советские школы, ломали школьную мебель, а иногда физически расправлялись над наиболее активными школьными работниками. Так, в 1924 году духовенство сел. Каякент составило приговор о закрытии советской школы и открытии медресе. Но сельские коммунисты и актив отстаивали этот единственный тогда в Каякенте очаг просвещения бедняцкой детворы⁶.

В 1925 году под влиянием агитации кулаков и духовенства прервало занятия около половины учащихся Мулебкинской школы Даргинского округа. Чтобы «очистить» детей, обучавшихся в советской школе, их повели к холодной речке и каждого из них обмыли семь раз⁷. В том же 1925 году в сел. Акуша Даргинского округа имело место открытое выступление духовенства против создания советской школы. Когда в это селение по инициативе окружного отдела народного образования были привезены парты для школы «духовенство и кулаки подняли целую бучу и по приказу «божьего старца»

⁵ ЦГА ДАССР, ф. 37-р, оп. 19, ед. хр. 90, л. 27.

⁶ См. «Красный Дагестан», 26 мая 1927 г.

⁷ См. «Красный Дагестан», 27 января 1926 г.; ЦГА ДАССР, ф. 37-р, оп. 19, ед. хр. 83, л. 3.

(т. е. Али-Гаджи Акушинского — Г. К.) все парты были выброшены в реку»⁸.

Комиссия, обследовавшая в 1926 году сел. Акуша, отмечала, что «ни советская школа, ни крестком, ни изба-читальня, ни ликпункт немислимы здесь благодаря сильному противодействию со стороны духовенства и кулаков»⁹.

Факты противодействия реакционного духовенства и кулачества школьному строительству и распространению среди трудящихся идей новой школы имели место и в других округах.

Успех борьбы за полное освобождение трудящихся из-под влияния реакционного духовенства и кулаков в школьном деле в огромной степени зависел от умелого разъяснения населению принципов советской трудовой школы, практического показа ее неизмеримых преимуществ перед религиозной школой.

Вот почему партийные и советские органы республики, наряду с борьбой за расширение школьной сети, за всеобуч, проявляли заботу о повышении качества обучения в школе, за то, чтобы школа давала детям прочные знания, необходимые им в жизни. В этом большое значение имело создание новой, латинизированной письменности (1928 г.) и усиление внимания к родным языкам в школьном обучении.

В 1927—28 учебном году школам Дагестана впервые были даны конкретные программы по организации трудового процесса, физическому воспитанию, изобразительному искусству и пению¹⁰.

В связи с введением нового алфавита улучшилось издание учебников для дагестанских школ. Уже к октябрю 1928 года одних букварей для школ республики было издано 14 названий общим тиражом 60 тысяч экземпляров.

Серьезным подспорьем в дальнейшем повышении качества работы дагестанской школы являлось пополнение ее новыми кадрами за счет окончивших педагогические учебные заведения. К этому времени учителей для национальной школы стали выпускать, наряду с педагогическими курсами, Буinakский (открыт в 1922 г.) и Дербентский (открыт в 1923 г.) педтехникумы. В 1927—1928 годах педагогические учебные заведения дали для школ республики 210 учителей.

XV съезд Коммунистической партии (1927 г.) в директивах по составлению первого пятилетнего плана народно-хозяйственного развития СССР выдвинул как важнейшую в области культурного строительства задачу — введение всеобщего на-

⁸ ЦГА ДАССР, ф. 117-р, оп. 7, ед. хр. 74, л. 199.

⁹ Там же.

¹⁰ См. «Красный Дагестан», 3 октября 1927 г.

чального обучения. Съезд предложил партийным и советским органам всемерно поддерживать инициативу местных Советов в этом деле.

Решения съезда ускорили темпы введения обязательного начального всеобщего в нашей стране. За короткий срок была завершена подготовка к повсеместному введению всеобщего. Значительно увеличились ассигнования на нужды народного образования, что дало возможность укрепить материально-техническую базу существовавших школ и открыть новые. Улучшилось снабжение школ учебниками, наглядными пособиями и письменными принадлежностями, повысилась обеспеченность школ педагогическими кадрами. Все это способствовало повышению качества обучения в школе.

О том, какое серьезное внимание уделялось проведению всеобщего и в целом вопросу культурного строительства в Дагестане свидетельствует тот факт, что этот вопрос был специально обсужден на X областной партийной конференции в апреле 1929 года. К этому времени республика добилась значительных успехов в развитии советской школы. Начальных школ имелось в Дагестане к 1929 году 449 с числом учащихся 32,9 тыс. человек.

Областная партийная конференция констатировала, что широкое развертывание начальной школы является одним из значительных достижений Советской власти в Дагестане и самым ярким примером стремления масс к подъему культуры. Однако быстрый рост школьной сети сопровождался «рядом крупных недочетов», главнейшими из которых являлись:

а) недостаточность планового регулирования роста школьной сети;

б) малая продукция школ, объясняемая, главным образом, отсевом в ходе обучения детей беднейших слоев как в городе, так и в ауле;

в) недостаточное вовлечение девочек в школы;

г) крайняя необеспеченность школьными зданиями;

д) нехватка педагогов и профессиональная непригодность значительной части учительского состава;

е) отсутствие специальной работы по втягиванию в школу детей батраков и деревенской бедноты¹¹.

Конференция наметила ближайшие задачи партийной организации Дагестана в области развития начальной школы: дальнейшее расширение сети школ первой ступени в соответствии с планом введения начального всеобщего, составленным с учетом подтягивания отстающих народностей и районов к общему уровню, плановое регулирование развития школьной сети; увеличение ассигнований на строительство школьных

¹¹ «Красный Дагестан», 21 апреля 1929 г.

зданий, более широкое привлечение сил и средств хозяйственных организаций и населения к строительству школ, создание необходимых условий для успешной учебы детей рабочих, батраков и бедноты, расширение сети интернатов, усиление работы по вовлечению девочек в школы, улучшение в процессе обучения научно-атеистической пропаганды и интернационального воспитания учащихся, приближение обучения к задачам и принципам трудовой школы¹². Для подготовки национальных учительских кадров предлагалось расширить сеть педтехникумов и педкурсов, усиленно вовлекать в них молодежь из рабочих, батрацких и бедняцких слоев коренных народностей Дагестана, а также открыть в 1930—31 году педагогический вуз¹³.

Вопросы дальнейшего развития народного образования в республике были широко обсуждены и на состоявшемся в апреле 1929 года VII съезде Советов Дагестана. Съезд, как и партийная конференция, заслушал специальный доклад о задачах культурного строительства в ДАССР и наметил мероприятия по ликвидации культурного отставания республики по сравнению со многими национальными республиками и областями страны¹⁴.

В соответствии с решениями X областной партийной конференции и VII Вседагестанского съезда Советов, уже в 1929—30 учебном году были значительно увеличены ассигнования на народное образование. Они возросли в 1929—30 учебном году по сравнению с предыдущим учебным годом на 90 процентов и составили 9.869,7 тыс. руб. Вместе с тем расширялась школьная сеть, в первую очередь, сеть начальных школ. В 1929—30 учебном году в 464 школах первой ступени обучалось 40,3 тыс. учащихся¹⁵.

В городской местности охват детей школьного возраста начальным обучением составлял в этом году 54%, в плоскостных районах 37,7%, в горных 20% и предгорных 26%¹⁶. Имелись, однако, районы (Гумбетовский, Цумадинский, Тляратинский и некоторые другие), в которых процент охвата детей первоначальным обучением был значительно ниже.

В целом по республике в 1930 году обучением было охвачено всего 36 процентов детей школьного возраста¹⁷.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ См. ЦГА ДАССР, ф. 37-р, оп. 19, ед. хр. 152, лл. 196—255; «Красный Дагестан», 14 апреля 1929 г.

¹⁵ Журнал «Социалистическое строительство Дагестана». 1931, № 9, стр. 56.

¹⁶ ЦГА ДАССР, ф. 37-р, оп. 19, ед. хр. 178, лл. 106—107.

¹⁷ См. «10 лет Дагестанской АССР». Махачкала, 1931, стр. 134.

Быстрые темпы социалистического строительства и связанные с этим большие задачи по подготовке кадров, по ликвидации культурно-технической отсталости и коммунистическому воспитанию широких народных масс требовали скорейшего проведения всеобщего обязательного начального обучения. Дальнейшая задержка с введением его могла серьезно повредить делу социалистического строительства.

В июле 1930 года состоялся XVI съезд ВКП(б), вошедший в историю нашей партии, как съезд развернутого наступления социализма по всему фронту. Ко времени созыва партийного съезда в нашей стране были достигнуты гигантские успехи в социалистической реконструкции всего народного хозяйства, заложены основы коренного улучшения материального положения и культурного уровня трудящихся. Съезд постановил всемерно усилить темпы культурного строительства и осуществить переход к всеобщему обязательному обучению. Проведение всеобщего обязательного начального обучения и ликвидация неграмотности съезд признал боевой задачей партии на ближайший период.

25 июля 1930 года ЦК ВКП(б) принял постановление «О всеобщем обязательном начальном обучении». Такое же постановление было принято 14 августа 1930 года ВЦИК и СНК СССР. Это постановление предусматривало введение с 1930—31 учебного года повсеместно в СССР всеобщего обязательного обучения детей в возрасте 8, 9 и 10 лет в объеме не менее четырехлетнего курса начальной школы. С этого же учебного года вводилось и обязательное обучение детей в возрасте от 11 до 15 лет, не прошедших первых четырех групп трудовой школы.

Учитывая бытовые и организационные трудности отдельных республик, автономных областей и некоторых отдаленных районов, партия и правительство в виде исключения допустили отступление от указанного срока на 1—2 года.

Вопрос о введении всеобщего обязательного обучения в Дагестане в соответствии с указанными решениями партии и правительства обсуждался на V сессии ДагЦИК VII созыва в сентябре 1930 года. Сессия заслушала доклад Наркома просвещения ДАССР И. Алиева «О языке и обязательном всеобщем обучении».

По темпам прироста учащихся в начальных классах Дагестанская АССР занимала к этому времени одно из передовых мест в РСФСР. В то время как общий годовой прирост числа учащихся по РСФСР составлял 8,2 процента, по Дагестану он был равен 34,4 процентам¹⁸. По РСФСР в 1930—31 учебном

¹⁸ ЦГА ДАССР, ф. 37-р, оп. 19, ед. хр. 178, л. 114; «Красный Дагестан», 26 сентября 1930 г.

году предполагалось охватить начальной школой в два раза больше учащихся, чем в 1913—1914 учебном году, а по Дагестанской АССР — в 8,8 раза¹⁹.

Но достигнутый уровень охвата детей школьного возраста обучением, как отмечалось выше, был еще низким, и республика по количеству учащихся в начальных школах на каждую тысячу жителей занимала предпоследнее место среди пятидесяти одной территориальной единицы СССР, оставив позади только Казахстан²⁰.

Одним из серьезных недостатков дагестанской начальной школы являлось переполнение классов переростками, число которых в некоторых школах доходило до 50 процентов к общему количеству учащихся. Это обстоятельство сильно тормозило вовлечение в школы детей установленного возраста.

Другим, не менее существенным недостатком было то, что из начальных школ до окончания курса обучения отсеивалось большое количество учащихся. Согласно данным, приводившимся на сессии, в городских и сельских школах Дагестана из 100 обучающихся в первых группах на 4-й год обучения оставалось:

Город		Сельская местность	
группы	кол-во учащихся	группы	кол-во учащихся
1	100	1	100
2	65	2	53
3	61	3	33
4	49	4	15 ²¹

Таким образом, в городских школах из 100 учащихся первых групп на четвертый год обучения оставалось менее половины учащихся, а в сельской местности — 15 процентов. Поэтому борьба за резкое сокращение отсева учащихся из школы приобретала огромную важность. Но борьба с отсевом учащихся из школ могла быть успешной лишь в том случае, если она сопровождалась совершенствованием ее работы, укреплением учебно-материальной базы и связи школы с семьей. Важное значение имели организация горячих завтраков в школах, материальная помощь остро нуждающимся детям, расширение сети интернатов для устройства детей, приходящих в школы из других аулов.

¹⁹ ЦГА ДАССР. ф. 37-р, оп. 19, ед. хр. 178, л. 97; «Красный Дагестан», 26 сентября 1930 г.

²⁰ ЦГА ДАССР. ф. 37-р, оп. 19, ед. хр. 178, л. 105.

²¹ Там же, л. 97.

Все эти, а также другие вопросы, способствующие ускорению темпов школьного строительства и введения всеобуча, подверглись обсуждению на V сессии ДагЦИК VII созыва. Сессия отметила, что «социалистическое строительство ДАССР, быстрые темпы реконструкции промышленности, подъем сельского хозяйства на основе совхозного и колхозного строительства, улучшающего материальные условия основных масс трудящихся Дагестана, предъявляют все большие и большие требования к ликвидации противоречий между успехами социалистической стройки и культурной отсталостью масс»²².

В соответствии с постановлением ВЦИК и СНК СССР от 14 августа 1930 года сессия утвердила новый план введения всеобщего обязательного обучения в Дагестане, предусматривающий завершение его во всех районах не позднее 1932—33 учебного года.

В 1930—31 учебном году обязательный начальный всеобуч вводился для детей 8—9—10 лет во всех городах, поселках городского типа, рабочих поселках, совхозах, колхозах, в части плоскостных районов и в отдельных местностях горных и предгорных районов — по постановлению райисполкомов²³.

В следующем учебном году всеобщее начальное обучение вводилось полностью во всех плоскостных районах, а также в Сергокалинском, Левашинском, Кайтагском, Ахтынском, Касумкентском, Лакском, Гунибском и Хунзахском районах. Во всех остальных районах всеобщее обязательное начальное обучение вводилось в 1932—33 учебном году²⁴.

С 1930—1931 учебного года во всех городах, поселках городского типа, рабочих поселках, совхозах, колхозах, во всех плоскостных районах, районных центрах и в отдельных аулах предгорных и нагорных районов по постановлению райисполкомов вводилось также обязательное обучение переростков в возрасте от 12 до 16 лет, не прошедших курса начальной школы. Во всех других районах ДАССР обязательное обучение переростков указанных возрастов должно было быть введено с 1931—1932 учебного года²⁵.

Учитывая, что выполнение плана всеобуча будет невозможно без подведения под него соответствующей материальной базы, в особенности обеспечения создаваемых школ

²² «Красный Дагестан», 26 сентября 1930 г.

²³ В 1931—32 учебном году всеобуч в этих районах распространялся на детей 11 и 12-летнего возраста.

²⁴ См. ЦГА ДАССР, ф. 37-р, оп. 17, ед. хр. 175, лл. 66—79; «Красный Дагестан», 26 сентября 1930 г.

²⁵ См. ЦГА ДАССР, ф. 37-р, оп. 17, ед. хр. 175, лл. 66—79; «Красный Дагестан», 26 сентября 1930 г.

помещениями, сессия предложила правительству Дагестана увеличить ассигнования на начальную школу, расширить школьное строительство и ускорить его темпы. Для этого рекомендовалось провести максимальную мобилизацию внебюджетных средств, привлечь самодеятельность широких трудящихся масс на основе социалистического соревнования, организации специальных отчислений, использования поступлений от коллективной запашки, помощи шефов, бесплатного трудоустройства, добровольных денежных взносов и т. д.

Значительным подспорьем в деле обеспечения школ помещениями являлось приспособление под школы конфискованных кулацких домов, бывших бекских усадеб и т. д. Сессия ДагЦИК предложила использовать эти возможности, а также вменила в обязанность райисполкомам проведение широкой общественной кампании на селе по предоставлению помещений для школ отдельными гражданами на добровольных началах.

Сессия наметила мероприятия по организации подвоза учащихся к школам, питания, снабжения остро нуждающихся детей обувью и одеждой, а также оказания им другой материальной помощи. Много места в постановлении сессии уделено вопросам подготовки педагогических кадров в связи с введением обязательного всеобщего обучения, обеспечению школ учебниками, учебными пособиями и письменными принадлежностями, вопросам языка преподавания в начальной школе и т. д.²⁶

Сессия приняла обращение к трудящимся республики, в котором введение всеобщего обязательного начального обучения охарактеризовано как «важнейшее из мероприятий культурной революции». «Эта задача, — говорится в обращении, — громадная и трудная: уже в этом году количество учащихся в начальных школах должно увеличиться на 40 тысяч человек, или на 80%. Однако недостаточно только охватить детей школой, нужна перестройка школьной работы в направлении значительного повышения ее качества, необходимо добиться полной ликвидации отсева учащихся из школ, а также ликвидации второгодничества»²⁷.

Верховный орган власти республики призвал учительство Дагестана отдать все свои знания, весь опыт успешному выполнению задач всеобщего начального обучения, а все центральные и местные организации и широкие рабочие и крестьянские массы — оказывать учительству всемерное содействие и помощь в этом трудном деле. В обращении указывалось, что кулаки и муллы несомненно попытаются сорвать всеобщее обучение — это величайшее начинание Советской власти

²⁶ См. «Красный Дагестан», 26 сентября 1930 г.

²⁷ См. ЦГА ДАССР, ф. 37-р, оп. 19, ед. хр. 177, лл. 39—40.

в деле культурной революции. Необходимо дать им решительный отпор.

В городах и аулах республики развернулась большая работа по подготовке к введению всеобщего: по строительству школ, созданию специальных фондов помощи всеобщему, разъяснению трудящимся закона о всеобщем обязательном обучении, изданию учебников на дагестанских языках и т. д.

В конце 1930 и начале 1931 года состоялись районные съезды Советов. В центре внимания этих съездов были вопросы культурной революции, проведения всеобщего. Районы Дагестана, включившись в социалистическое соревнование, собрали десятки тысяч рублей на всеобщее и ликвидацию неграмотности. Они взяли на себя обязательство засеять с весны 1931 года сотни гектаров на нужды всеобщего²⁸. Повсеместно были организованы комитеты по всеобщему, штабы по культпоходу, которые руководили проведением всеобщего и ликвидацией неграмотности среди взрослого населения.

Результаты этой работы не замедлили сказаться. Так, в Буйнакском районе количество детей, охваченных всеобщим уже в 1930 г., составило 80 процентов.

В 1930—31 учебном году в Хунзахском районе всеобщее был введен в десяти аулах. Население этих аулов собрало в помощь начальному всеобщему значительные денежные суммы, аулы заключили между собой договоры о социалистическом соревновании, а жители Гоцатля, Аракана и Ирганай отдали под школы мечети²⁹.

В связи с введением всеобщего в городах и части районов в 1930 году на начальное обучение были ассигнованы дополнительные средства в сумме 2.871 тыс. рублей для израсходования в течение «особого квартала» — октября, ноября, декабря 1930 года. Средства, отпущенные на «особый квартал», помогли укрепить материальную базу школ, лучше обеспечить материально нуждающихся учащихся. На эти средства было приобретено, в частности, обмундирования на 4200 учащихся, организовано питание в интернатах на 2800 детей, горячие завтраки на 14.200 учащихся, а также создан фонд по оказанию денежной помощи остро нуждающимся ученикам³⁰.

В связи с введением всеобщего обязательного обучения остро вставала проблема подготовки педагогических кадров. Выше уже говорилось о плохой обеспеченности школ республики учителями. Речь идет, разумеется, не только о количественном недостатке, но и особенно о слабой подготовке педагогических кадров, о несоответствии значительной части

²⁸ См. ЦГА ДАССР, ф. 37-р, оп. 19, ед. хр. 193, л. 77.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же, ед. хр. 234, л. 52.

учителей своему назначению по политическим качествам. Хотя ко времени введения всеобщего обучения благодаря нескольким выпускам Дербентского и Буйнакского педтехникумов, педкурсов и командированию учителей Наркомпросом РСФСР положение с педкадрами несколько улучшилось, они далеко не могли удовлетворить потребности всеобща.

Из 2864 учителей, работавших в школах республики на 1 января 1931 года, только 1191 учитель, или 41,6 процента имели специальное высшее и среднее образование. Учителей с низшим образованием работало 1627, или 56,8 процента к общему составу³¹. На 1931 год в республике не хватало до одной тысячи учителей³².

При таком состоянии учительских кадров в республике работало всего 2 педагогических техникума, дававшие ежегодно всего несколько десятков учителей. Поэтому возникла необходимость скорейшего и значительного расширения сети педагогических учебных заведений республики в соответствии с потребностями обязательного начального всеобща. Исходя из этих потребностей в Дагестане в 1930 и 1931 годах было открыто 8 педагогических комбинатов, которые в течение нескольких лет подготовили сотни учителей из коренных народностей республики. Уже в 1931 году число учащихся в педкомбинатах превышало 1500 человек³³. В Махачкале и Буйнакске функционировали педагогические рабфаки с контингентом 455 учащихся³⁴.

1931 год ознаменовался также открытием первого высшего учебного заведения в Дагестане — педагогического института в составе трех отделений — общественно-литературного, химико-биологического и физико-математического. Создание педагогического вуза для подготовки преподавателей повышенных школ, в том числе школ крестьянской молодежи, явилось большим событием в культурной жизни Дагестана.

Не менее важным и острым вопросом, от которого зависел успех всеобща, был вопрос о школьных зданиях. В связи с расширением сети школы республики еще до введения всеобща ощущали недостаток в отвечающих педагогическим требованиям школьных помещениях. Но особенно остро стала ощущаться нужда в учебных помещениях в 1930—1931 годах, когда республика приступила к практическому осуществлению закона о всеобщем обязательном обучении. Так, из 735 школьных зданий, имевшихся к началу 1931 года, специально

31 «Народное хозяйство ДАССР». Отдельный отиск из экономического справочника «Народное хозяйство Северного Кавказа». Вып. Сев. Кавказского УНХУ. Ростов-на-Дону, 1932, стр. 69.

32 «Социалистическое строительство Дагестана». № 5—6, 1931, стр. 70.

33 «Народное хозяйство ДАССР», стр. 86.

34 Там же.

выстроенных для школ, было 285, а остальные школы помещались в приспособленных зданиях³⁵. В Дахадаевском районе, например, на 27 школ имелось только 4 специальных здания, в Тляратинском на 12 школ — одно, в Чародинском на 18 школ — 3 здания, в Табасаранском районе на 28 школ имелось 3 специально выстроенных здания, а в Цумадинском и Цунтинском районах таких зданий вовсе не было³⁶.

Из-за недостатка помещений занятия во многих школах проводились в две, а иногда в три смены. Так было, например, в 1931 году в ряде школ Табасаранского района, где занятия приходилось начинать в 5 часов утра и проводить в три смены³⁷.

Школы были плохо обеспечены учебным оборудованием: партами, классными досками и др. Во многих школах на двухместных партах занимались по 4—6 учеников, а вместо классных досок использовали жестянки.

Введение всеобуча выдвинуло также задачу резкого улучшения дела издания учебников для школ на родных языках и новом дагестанском алфавите. В этом направлении уже в 1930 году была проделана значительная работа. Учебной литературы было издано в этом году 310,7 тысячи экземпляров, в том числе более 280 тысяч экземпляров на языках народов Дагестана³⁸. В следующем же 1931 году только до мая вышло из печати более 800 тысяч экземпляров книг учебной литературы. В это число, помимо учебников для школ всеобуча, входили тысячи экземпляров книг для взрослого населения, занимавшегося в ликпунктах и школах для малограмотных³⁹. Это значительно превышало количество учебной литературы, изданной в предыдущие годы, но не удовлетворяло быстрорастущие потребности культурного строительства. Школы всеобуча, как и ликпункты и школы для малограмотных, испытывали недостаток в учебниках. Из-за слабости полиграфической базы Даггосиздата, недостатка квалифицированных авторов, а также издательских работников из местного населения, план издания учебной литературы не выполнялся.

Говоря о трудностях, связанных с введением обязательного всеобуча, нельзя не остановиться и на такой трудности, которая является наиболее специфичной для Дагестана. Это наличие многочисленных народностей и этнических групп, сильно изрезанный рельеф, преобладание карликовых населенных

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

³⁷ Архив Минпроса РСФСР, ф. Управления нач. и средней школы. Оп. 12, связка 6, ед. хр. 46, л. 65.

³⁸ Журнал «Революция и горец», № 5(31), 1931, стр. 34.

³⁹ Там же.

пунктов. Нечего доказывать, что все это требовало огромных дополнительных материальных затрат, подготовки большого количества (чем в обычных условиях) учителей и т. д.

Ко времени введения обязательного начального всеобщего в Дагестане насчитывалось до 1900 населенных пунктов (83,1 процента к общему количеству), в которых проживало менее 500 жителей⁴⁰. Населенных пунктов с количеством жителей от 50 до 100 имелось 392 или 16,4% к общему числу населенных пунктов, от 20 до 50 — 291 (12,2%), от 10 до 20 — 138 (6,7%) и от 1 до 10 — 131 (5,3%)⁴¹.

Чтобы охватить обучением детей из этих маленьких аулов и хуторов, нужно было повсеместно открыть школы или создать при существующих школах интернаты. И в первом и во втором случаях вопрос упирался в материальные средства. Отсюда громадное значение для успеха всеобщего имело увеличение бюджетных ассигнований на народное образование, а также использование внебюджетных средств, в том числе средств населения. Поэтому партийные, советские и профсоюзные организации республики активно поддерживали социалистическое соревнование районов, сельсоветов, направленное на расширение школьного строительства силами трудящихся, оказание материальной помощи школам, остро нуждающимся ученикам и т. д.

В соревнование по строительству школ и проведению всеобщего включились многие районы Дагестана. В 1932 году Кахибский район вызвал на социалистическое соревнование Чародинский, Тлярятинский, Ботлихский, Хунзахский, Гунибский, Казбековский и Цумадинский районы.

В письме Кахибского райисполкома ДагЦИК от 20 июля 1932 года говорится: «В настоящее время в Кахибском районе строится всего 28 школ, постройки проходят успешно. Вызов РИКа принят Чародинским, Гунибским и Тлярятинским районами. К строительству школ было приступлено 15 мая, положительные результаты построек налицо — 4 школы уже отстроены окончательно, остальные школы в процессе стройки, главная часть строительства во многих школах закончена. Стройматериалами школы обеспечены, за исключением стекол и гвоздей»⁴².

Тлярятинский райисполком сообщал 15 июля 1932 года ДагЦИК'у, что трудящиеся района, приняв вызов кахибцев на социалистическое соревнование по строительству школ, обязались построить 24 школьных здания и завершить это строительство к 1 сентября 1932 года⁴³.

⁴⁰ ЦГА ДАССР, ф. 37-р, оп. 19, ед. хр. 193, л. 71.

⁴¹ Там же.

⁴² ЦГА ДАССР, ф. 37-р, оп. 21, ед. хр. 175, л. 3.

⁴³ Там же, л. 4.

В Чародинском районе, получившем в 1932 году Красное знамя за успешное проведение первого этапа культсанштурма, к началу сентября этого года было завершено строительство 6 из 25 начатых школьных зданий⁴⁴.

В мобилизации активности трудящихся большим подспорьем явился проведенный по решению бюро Обкома ВКП(б) от 20 октября 1931 года массовый поход с целью ликвидации неграмотности и культурной отсталости. Важнейшими задачами культсанпохода явились достижение перелома в работе дагестанской школы, мобилизация широчайших масс трудящихся на решение задач культурной революции.

Проведению культсанпохода предшествовала большая подготовительная работа. Для общего руководства культсанпоходом был создан центральный штаб, в который входили представители партийных, советских, профсоюзных и комсомольских организаций, а в районах — райштабы по руководству культсанпоходом. Районы разбивались на участки, к которым прикреплялись члены райштаба. Вопросы, связанные с проведением культсанпохода, обсуждались на широких сельских сходах, комсомольских, профсоюзных, женских собраниях, а также на специальных районных и городских слетах.

Трудящиеся республики, желая возможно лучше подготовиться к культсанпоходу, отводили под школы и ликпункты помещения, собирали и изготовляли учебный инвентарь, выделяли денежные средства, проводили субботники. Бывали случаи, когда горец сдавал в фонд культсанпохода, всеобуча свою единственную лошадь. Много было таких, которые приобретали на свои средства для школ, ликпунктов предметы хозяйственного и учебного оборудования.

В течение первого этапа культсанпохода в районах Дагестана было собрано 375 тысяч рублей⁴⁵. В Чародинском районе, например, население внесло в фонд культсанпохода 20 тысяч рублей, выделило 185 голов крупного рогатого скота, 150 овец, 110 кг мяса и т. д.⁴⁶.

Особенно большую активность проявляли трудящиеся в строительстве школьных зданий. Они сами обращались в исполкомы с просьбой разрешить строительство школы и не жалели средств для успешного завершения работ. Благодаря энтузиазму населения, строительство школ в республике в период проведения культсанпохода получило широкий размах. Так, если в 1930 году в Дагестане было сдано в эксплуатацию

⁴⁴ Там же, л. 7.

⁴⁵ «Революция и горец», № 10 — 12, 1932, стр. 184.

⁴⁶ Там же.

29 школ, в 1931 году — 43 школы, то в 1932 году — 205 школ, в том числе построенных населением на свои средства и своими силами — 104 школы⁴⁷.

По неполным данным, только за период с декабря 1931 по июнь 1933 года трудящиеся Дагестана израсходовали на школьное строительство 2 млн. 300 тыс. рублей⁴⁸.

В течение 1932 и 1933 годов в республике было построено 434 школьных здания⁴⁹. Это был большой вклад в дальнейшее развитие народного образования, в укрепление материальной базы всеобуча.

Улучшилось издание учебников для школ всеобуча на дагестанских языках. В 1933 году на аварском, даргинском, кумыкском, лакском, лезгинском, ногайском и табасаранском языках было издано 126 названий учебников, тиражом более 470 тысяч экземпляров⁵⁰.

К концу 1932—33 учебного года в начальных школах республики работало 4015 учителей, что в 1,4 раза больше количества учителей, работавших во всех школах Дагестана в 1930—31 учебном году. В педагогический коллектив республики влились сотни молодых учителей, прошедших подготовку в педагогических техникумах и на курсах. Только Дербентский педтехникум, сделавший к этому времени (1933 г.) десять выпусков, дал для школ Дагестана 796 учителей — представителей коренных народностей республики⁵¹.

Однако в целом образовательный уровень учителей начальных школ продолжал оставаться и в этом завершающем введении всеобуча году крайне низким. 68 процентов учителей начальных школ имело низшее образование⁵².

Укрепление материально-технической и учебной базы, улучшение состава педагогических кадров и т. д. привели к тому, что за какие-нибудь 3—4 года в работе дагестанских школ произошли существенные изменения.

В отношении количественном, т. е. расширении сети школ всеобуча, эти изменения показывает следующая таблица:

⁴⁷ Архив Даг. филиала Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ф. 1, оп. 14, ед. хр. 447, л. 55.

⁴⁸ «Дагестанская правда», 29 июня 1933.

⁴⁹ «Дагестанская правда», 15 декабря 1933 г.

⁵⁰ Архив Даг. филиала Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ф. 1, оп. 14, ед. хр. 447, л. 55.

⁵¹ «Дагестанская правда», 29 июня 1933 г.

⁵² «Дагестанская правда», 15 декабря 1933 г.

Учебные годы	Число школ всеобуча	Учащихся в них (в тыс.)
1929—1930	464	40,3 ⁵³
1930—1931	798	88,6 ⁵⁴
1931—1932 ⁵⁵	929	116,3 ⁵⁶
1932—1933	1198	134,5 ⁵⁷

Таким образом, число начальных школ увеличилось с 1929—30 по 1932—33 учебный год почти в 2,6 раза, а количество учащихся в них более чем в три раза. В ряде плоскостных и предгорных районов охват детей начальным всеобучем уже к 1 января 1932 года превышал 90 процентов. Так, в Махачкалинском районе всеобщим начальным обучением было охвачено к этому времени 99,6 процента детей школьного возраста, в Хасавюртовском — 95,3, Кайтагском 95. Такие горные районы, как Лакский и Левашинский, также добились высокого охвата детей начальным обучением. В целом же по республике на 1 января 1932 года всеобучем было охвачено 80% детей школьного возраста, в том числе по городам — 88,5% и сельской местности 79,2%.

В 1932—33 учебном году, в связи с введением обязательного начального всеобуча во всех районах Дагестана, в школы первой ступени было вовлечено более 90 процентов детей в возрасте от 8 до 12 лет⁵⁸. Хуже обстояло дело с охватом переростков. К 1 января 1932 года только 37,1 процента (в сельской местности — 36,8%) переростков были вовлечены в школы. А в таких районах, как Ахтынский, Хасавюртовский и некоторые другие, процент охвата переростков обучением был еще ниже⁵⁹. Предстояла, таким образом, большая работа по вовлечению в школы переростков, не прошедших курса четырех классов начальной школы.

Однако охватом детей и переростков школой не ограничивались задачи всеобуча. Необходимо было сохранить весь контингент учащихся, обеспечить высокое качество обучения в школе.

Нельзя не отметить, что в этой важнейшей области всеобуча дагестанская школа, несмотря на значительные успехи,

⁵³ Журнал «Социалистическое строительство Дагестана», № 9, 1931, стр. 56.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Данные на 1 января 1932 года.

⁵⁶ «Статистико-экономический справочник по ДАССР». Ростов-на-Дону, 1933, стр. 234—237.

⁵⁷ Архив Даг. филиала Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ф. 1, оп. 15, ед. хр. 4, л. 134.

⁵⁸ Архив Даг. филиала Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ф. 1, оп. 15, ед. хр. 4, л. 134.

⁵⁹ «Статистико-экономический справочник по ДАССР», стр. 240—241.

продолжала испытывать трудности и имела существенные недостатки. Из школ до окончания курса обучения отсеивалось много учащихся. Так, в 1932—33 учебном году отсея учащихся из начальных школ составил около 13 процентов. Это в значительной степени объяснялось низким пока еще общекультурным уровнем населения Дагестана. Часть родителей еще не понимала значения всеобщего обучения и отрывала детей от учебы до окончания школы. Сказывалась и недостаточная массово-разъяснительная работа среди населения и влияние кулацко-муллских элементов, всеми силами стремившихся сорвать всеобщее и разложить советскую школу. Поэтому борьба за сохранение всего контингента учащихся до окончания школы являлась одной из важнейших задач всеобщего обучения.

Не менее важное значение имело повышение качества обучения в школе. В этом неоценимую роль сыграли известные постановления ЦК ВКП(б) от 5 сентября 1931 года «О начальной и средней школе» и от 25 августа 1932 года «Об учебных программах и режиме начальной и средней школы».

В свете указаний, содержащихся в постановлениях ЦК ВКП(б), партийные, советские организации, органы народного образования республики осуществили ряд мер в области дальнейшего организационного укрепления школы, повышения идейно-теоретического уровня обучения, а также укрепления ее учебно-материальной базы.

Пленум Областного комитета партии в ноябре 1931 года, обсудив доклад Наркомпроса ДАССР «О культурном строительстве в Дагестане», наметил развернутую программу борьбы за повышение качества работы дагестанской школы. Большое внимание пленум Обкома ВКП(б) уделил улучшению постановки политехнического обучения в школе, для чего предложил укрепить связь школ с предприятиями, совхозами, колхозами и МТС и организовать при школах в течение 1932 года не менее 200 мастерских и рабочих комнат.

В 1932 году дагестанская школа начала работать по новым программам, предусматривавшим усвоение учащимися точно очерченного круга систематизированных знаний. Для улучшения методического руководства школами и органами народного образования на местах при Наркомпросе был создан методический совет.

Создание новых программ еще не решало задачи ликвидации коренного недостатка школы. Непременным и решающим условием вооружения учащихся основами наук в соответствии с новыми устойчивыми программами и на основе новых методов преподавания, являлось обеспечение школ стабиль-

ными учебниками по всем предметам. Поэтому ЦК ВКП(б) своим постановлением от 12 февраля 1933 года «Об учебниках для начальной и средней школы» обязал Наркомпрос РСФСР и ОГИЗ обеспечить на деле издание стабильных учебников, рассчитанных на применение в течение большого ряда лет, и ввести их в дело с начала учебного года — 1 сентября 1933 года⁶⁰.

Центральный комитет Партии осудил неправильную линию Наркомпроса и его органов, приведшую к тому, что школа не имела «стабильного, общепринятого и удовлетворяющего требованиям науки учебника» и предложил немедленно «прекратить издание так называемых «рабочих книг» и «рассыпных учебников», подменяющих действительные учебники и не дающих систематических знаний по проходимым в школе предметам».

В соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) бюро Дагестанского Обкома партии 13 апреля 1933 года приняло решение «Об издании стабильных учебников для начальных школ коренных народностей ДАССР и обеспечении стабильными учебниками всех школ I ступени, ФЗС и ШКМ ДАССР».

В этом решении бюро Обкома партии отмечены основные недостатки издававшихся учебников для дагестанских школ: низкое качество, плохое художественное оформление, наличие целого ряда ошибок при переводе текста с русского языка и т. д.

Бюро Обкома ВКП(б) наметило конкретные мероприятия по улучшению качества учебников, возможно скорейшему обеспечению ими школ. Было, в частности, определено, какие из учебников для начальной и средней школы, изданные Учпедгизом РСФСР, должны являться «едиными и стабильными для всех школ на территории ДАССР» и какие «специально составленными для каждой из имеющих свою письменность отдельной народности стабильными учебниками». В решении бюро Обкома ВКП(б) определен порядок составления стабильных учебников на дагестанских языках, уделено большое внимание вопросам, способствующим ускорению их издания.

На основе решений ЦК ВКП(б) и Обкома партии в Дагестане была проделана большая работа по составлению и изданию стабильных учебников. Каждый год школы республики получали десятки названий учебников на дагестанских языках, тиражем в сотни тысяч экземпляров. Так, только за 1933—1935 годы для дагестанских школ на 9 языках было

⁶⁰ «Сборник руководящих материалов о школе». Изд. Академии наук РСФСР. М. 1952, стр. 69.

издано 373 учебника общим тиражом 1580 тысяч экземпляров⁶¹.

Во второй пятилетке дагестанская школа работала уже не только по новым устойчивым программам, но и по стабильным учебникам и новым учебным планам. Это коренным образом улучшало качество обучения в школе, облегчало учащимся задачу овладения основами наук.

Небезынтересно отметить, что в эти годы среди дагестанских школ выделяется целый ряд передовых, образцовых школ, добивающихся высокого качества обучения, таких как ахтынская, согратлинская, ботлихская, сталинаульская, кумухская и другие. Благодаря хорошей постановке работы, в том числе политехнического обучения, некоторые из дагестанских школ стали известны за пределами республики. Так, ахтынская образцовая школа 1-й ступени, участвовавшая во Всесоюзном конкурсе образцовых школ 1933 года, была признана одной из лучших среди сельских школ РСФСР и получила вторую денежную премию в размере 10 тысяч рублей. Педагогический коллектив во главе с заведующим Н. Дагларовым уделял большое внимание связи обучения с производительным трудом. Хорошо было организовано изучение природы, которое связывалось с основами сельского хозяйства. На пришкольном опытном участке учащиеся вырастили сад, создали свой питомник, выращивали огородные культуры. При школе имелись музеи — политехнический, антирелигиозный, санитарной гигиены, ботаническая станция, столярная и слесарная мастерские. Осенью 1932 года ахтынская школа участвовала на сельскохозяйственной выставке южного Дагестана и за свои экспонаты была награждена дипломом первой степени и денежной премией.

Значительное внимание политехническому обучению учащихся уделяла кумухская школа Лакского района. Она хорошо организовала работу школьной мастерской, которая имела три отделения: слесарное, столярное и кузнечное⁶².

Согратлинская школа Гунибского района за образцовую подготовку к 1934—35 учебному году удостоилась высокой награды — грамоты ВЦИК. Это была награда всем трудящимся аула, которые, как сообщается в корреспонденции, опубликованной в «Дагестанской правде», «приняли живейшее участие в подготовке школы к новому учебному году». Почетную грамоту и денежные премии ВЦИК получила группа руководителей работы, в том числе директор школы М. Махатилов⁶³.

⁶¹ «Дагестанская правда», 23 июня 1935 г.

⁶² См. «Дагестанская правда», 27 января 1933 г.

⁶³ См. «Дагестанская правда», 20 мая 1935 г.

Новые устойчивые программы и стабильные учебники способствовали росту успеваемости учащихся в школах, снижению второгодничества. Уже в 1932—33 учебном году число учащихся, оставленных на повторный курс, в школах Дагестана было меньше, чем в предыдущие годы. В последующие годы второй пятилетки успеваемость в школах республики еще более повысилась.

* *
*

Таким образом, годы первой и второй пятилеток (1928—1937) явились периодом бурного развития дагестанской школы. В течение этих лет в ДАССР было в основном осуществлено всеобщее начальное обучение, достигнуто коренное улучшение всей учебно-воспитательной работы в школах.

К концу 1936—37 учебного года в начальных школах республики обучалось 134 тысячи учащихся⁶⁴, что в 19 раз больше всего количества учащихся в светских школах Дагестана в 1915—1916 учебном году и почти в 4 раза больше количества учащихся во всех школах республики в 1927—28 учебном году. В 1—4 классах дагестанских школ в 1937 году работало более 4,3 тыс. учителей. Большая часть этого отряда учителей составляли молодые кадры, прошедшие подготовку в педагогических учебных заведениях в годы Советской власти и вышедшие из среды трудовых слоев населения.

Одновременно расширялась сеть семилетних и средних школ. В 1936—37 учебном году их количество выросло до 266. Только в сельских семилетних школах в этом учебном году обучалось 17 тысяч учащихся⁶⁵.

К концу второй пятилетки резко возрос бюджет народного образования. По сравнению с 1929—30 бюджетным годом он увеличился в 1937 году почти в 9 раз и составил 63,9 млн. рублей.

Эти данные свидетельствуют о выдающихся победах Дагестанской республики на фронте культурной революции, одержанных за сравнительно короткий период. Они стали возможны благодаря ленинской национальной политике Коммунистической партии, бескорыстной помощи братских народов СССР, в первую очередь русского народа, благодаря тому, что партийная организация Дагестана сумела мобилизовать дагестанские трудовые массы на решение задач строительства социализма, осуществления культурной революции.

⁶⁴ «Дагестанская правда», 27 июня 1937 г.

⁶⁵ Там же.

Успехи, достигнутые в годы первой и второй пятилеток в области культурного строительства, в частности в борьбе за осуществление начального всеобщего образования, являлись надежной гарантией того, что трудящиеся Дагестана под руководством Коммунистической партии добьются в последующие годы полного завершения всеобщего начального обучения и постепенного перехода к всеобщему семилетнему и среднему обучению.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ИСЛАМА В ЮЖНОМ ДАГЕСТАНЕ В X — XV ВВ.

Вопрос о проникновении ислама в Дагестан никогда не был предметом специального исследования. Между тем имеющиеся документальные материалы дают возможность более или менее подробно остановиться на этой важной проблеме средневековой истории Дагестана. Вопрос этот тем более интересен, что принятие мусульманской религии стоит в непосредственной связи с социально-экономическим развитием Дагестана.

Настоящая работа посвящена процессу проникновения ислама и утверждению его в южном Дагестане (Дербент, лезгинские и лакские районы) в X—XV в. Хронологические рамки (X—XV в.) объясняются наличием работы, посвященной распространению ислама в Дагестане в VII—X в¹. Ограничение территории южным Дагестаном, а именно Дербентом и районами, в которых проживают лезгины, агулы, рутульцы, цахуры, лаки связано с тем, что именно в этой части Дагестана начался и ранее других районов завершился процесс проникновения и принятия ислама.

В середине X в. позиции ислама на территории Дагестана выглядели так: Дербент стал мусульманским городом с мусульманской династией правителей. К городу прилегал ряд населенных пунктов с арабским населением, приглашенным в VIII в. арабскими полководцами, имевших в виду укрепление позиций ислама и военных границ на одном из важных участ-

¹ Вопросу об исламе в Дагестане до X в. посвящена наша статья «О проникновении ислама и христианства в Дагестан», «Ученые записки» Института ИЯЛ Даг. филиала АН СССР, т. III, стр. 54—76.

ков северной части халифата, т. е. в районе Дербента. В незначительном количестве мусульманские элементы проникли в «царства» Лакз (территория лезгин, исключая Табасаран) и Табасаран, т. е. в южный Дагестан. Большое количество мусульман поселилось в Семендере, где они вполне мирно жили рядом с иудеями и христианами.

Характерным для этого периода является тот факт, что ислам принимали в первую очередь правители «царств» Дагестана. Так, например, правители Табасарана, Хайзана (Кайтака) и Джидана² в середине X в. уже исповедывали ислам, а царь Серира, христианин, предпринял шаги к установлению родственных связей с мусульманским правителем Закавказья. В основном же, судя по дошедшим до нас источникам и археологическим данным, народы Дагестана оставались в середине X в. язычниками.

Однако с середины X в. создается ряд внешних и внутренних условий, благоприятствовавших проникновению ислама, а в последствии и утверждению его в Дагестане. X—XV вв. — время крупных успехов ислама в восточном Кавказе, когда эта монотеистическая религия проникла и укрепилась почти во всех феодальных владениях и вольных обществах Дагестана.

Объясняется это в общем двумя основными причинами: первое — дальнейшее развитие производительных сил Дагестана, успехи сельского хозяйства, торговли и ремесла, усиление имущественного и социального неравенства и в связи с этим — необходимость идеологического оружия в руках феодальной знати в целях укрепления и сохранения своих позиций. Вторая же причина — это ряд внешних факторов, ускоривших принятие ислама дагестанцами. Речь идет о политике внешних завоевателей по насаждению ислама, о конкретных посетителях идей ислама, о культурных связях с мусульманским Востоком и ряде других факторов. Исторические условия сложились так, что именно в XI—XV вв. эти внешние условия проявились наиболее ярко и последовательно.

Остановимся на первой причине — на успехах хозяйственной жизни Дагестана и на социальных сдвигах, имевших место в Дербенте, лезгинских и лакских районах.

Источники, хотя и крайне скудные, дают право говорить о Дербенте XI—XV вв. как об одном из наиболее экономически развитых районов средневекового Дагестана. В XII—XIII вв. город и соседние с ним земли оказываются в руках самостоя-

² Джиданом арабский историк и географ Мас'уди (ум. 956) называет прибрежную полосу Дагестана к северу от Дербента, т. е. территорию, занятую в основном кумыками.

тельной династии правителей, которые чеканили собственную монету³. Дербент выступает в то время как крупнейший порт на Каспийском море, и неизвестный автор XIII в. называет среди товаров Дербента «бобер, белку и очень красивых девушек-рабынь»⁴.

Развитие торговли не могло в свою очередь не способствовать дальнейшему хозяйственному росту, и как сообщает персидский историк и географ Хамдаллах ал-Казвини (ум. сер. XIV в.), в Дербенте «хлеб родится хорошего качества, прекрасные луга пшеницы, вода и корм для скота там находятся во множестве, большую часть там родится крупа»⁵.

Судя по данным Амвросия Контарини, в 1473 г. Дербент принадлежал ширваншаху («Сивансе») и изобилует «всякого рода жизненными припасами, плодами и вином». Жители города занимались также рыболовством, и рыбий жир употреблялся для освещения и натирания верблюдов, причем жир этот развозили в большом количестве «по всем окрестным землям»⁶.

Торговое значение Дербента не падает, несмотря на значительное сокращение жителей города. Как сообщает тот же Контарини, «едва ли шестая часть всего пространства, находящегося под горою, по направлению к цитадели, населена», причем «со стороны моря все почти здания разрушены». В то же время дербентские купцы едут в «Цитрахань с сарачинским пшеном, шелковыми тканями и другими мелкими товарами, для промена оных русским и татарам на меха и иные предметы, требуемые в Дербенте». В городе имеются владельцы судов, идущих в Цитрахань⁷.

Что касается территории южного Дагестана, населенной лезгинской группой (лезгины, табасараны, цахуры, агулы, рутулы), то источники выделяют здесь район Цахура⁸ как наиболее развитый в экономическом отношении. Закарийа ал-Казвини, арабский космограф XIII в., называет Цахур столицей «Лакза», причем основное занятие жителей селения — земледелие и скотоводство, ибо здесь «каждый сеет от этого злака (— речь идет о зерне «сульт» — А. Ш.), удовлетворяю-

³ Е. А. Пахомов. О Дербентском княжестве XII—XIII вв. Баку, 1930, стр. 2.

⁴ Н. Д. Миклухо-Маклай. Географическое сочинение XIII в. на персидском языке. Ученые записки Института Востоковедения АН СССР, IX, 1954, стр. 200.

⁵ Цит. по Е. И. Козубскому. История города Дербента. Темир-Хан-Шура, 1906, стр. 41.

⁶ Путешествия Амвросия Контарини. Пер. с итал. В. Семенова. БИПР, СПб, 1836, стр. 79—80.

⁷ Там же, стр. 79—83.

⁸ Цахур — селение Рутульского р-на, на левом берегу р. Самур, в 34 км к с—з от районного центра — селения Рутул.

щее его количество и питаются они молоком своих овец и кислым молоком их»⁹.

В соседнем с Цахуром селении — Шиназе¹⁰ также произрастает зерно сульт¹¹ и «искусство их (жителей Шиназа—А. Ш.) состоит в изготовлении оружия, как, например, панцирей разного рода и других видов оружия»¹².

Об экономическом положении одного из крупных населенных пунктов — Ахты мы не располагаем какими-либо сведениями, однако, надпись на строительном блоке в стене одного из домов селения, гласящая: «владелец крепости — Дираб-р-сиб», позволяет предполагать о сравнительно сильном процессе феодализации в XI — XIII вв.¹³. Строительство крепости (о чем рассказывает другая надпись: «крепость построил Аш-л-раха»¹⁴) само по себе предполагает наличие в XI — XIII вв. войн с соседними обществами.

Со второй половины XIII в. южный Дагестан находился под влиянием государства ильханов (хулагидов) и служил ареной ожесточенных схваток между ильханами и Золотой ордой. Последнее обстоятельство не могло не отразиться пагубно на экономике южного Дагестана, так как пахотные и пастбищные земли приходили в запустение, сокращалось количество непосредственных производителей. Во время охот затанывались пашни и пастбища, отбирался скот у местного населения¹⁵. Об одной из таких охот, имевших место в южном Дагестане, сообщает нам персидский историк Рашид ад-дин (умер в 1318 г.).

Государство ильханов было охвачено в 80 — 90-х гг. XIII в. небывалым хозяйственным кризисом. Поиски выхода из создавшегося трагического положения привели правителя государства ильханов Газан-хана (1295 — 1304) к сближению с

⁹ Zakarija Ben Muhammed Ben Mahmud el—Caswini's Kosmographie. Zweiter Theil, hrsq. von F. Wüstenfeld. Göttingen, 1848. стр. 205. Даю по пер. А. Н. Генко. См. А. Н. Генко. Арабский язык и кавказоведение. Труды II сессии ассоциации арабистов. М. 1941, стр. 96.

¹⁰ Шиназ — селение Рутульского р-на, расположено в 13 км к с — з. от Рутула.

¹¹ Сульт — «речь идет, очевидно, о какой-то особой зерновой культуре, быть может той, которая известна ныне в горах под названием «голого ячменя» (местное название звучит ныне «маар»), — А. Н. Генко. Указ. соч., стр. 98.

¹² Caswini's Kosmographie., II, стр. 204 — 205.

¹³ Л. И. Лавров. Из эпиграфических находок Дагестанской экспедиции. Сборник Музея антропологии и этнографии, т. XVII, 1957, стр. 375.

¹⁴ Л. И. Лавров. Указ. соч., стр. 374.

¹⁵ Об опустошениях в Азербайджане см: А. А. Али-Заде. Монгольские завоевания в Азербайджане и сопредельных странах в XIII—XIV вв. «Вопросы истории», 1952, № 8; Его же: Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII—XIV вв. Баку, 1956, стр. 128 — 134.

мусульманской чиновницей и духовной знатью страны, к признанию ислама государственной религией, к проведению ряда реформ, рассчитанных на восстановление сельского хозяйства и усиление платежеспособности крестьян в покоренных странах¹⁶.

Реформы Газан-хана имели определенный успех и привели в конечном счете к укреплению хозяйства и власти местных феодалов.

Историческая литература сохранила нам сведения о том, что указанная реформа коснулась также части южного Дагестана и что эти мероприятия привели к усилению феодализации в южном Дагестане. Как сообщает Рашид ад-дин, в некоторых областях, особенно на окраинах государства ильханов, где часто проходили войска, население было почти поголовно перебито или же разбежалось «и земли остались лежать втуне, вроде областей Уйсурлен... некоторые области между Дербентом и Ширваном...»¹⁷.

Газан-хан позаботился об упорядочении возделывания и устройства втуне лежащих земель¹⁸.

Указанная территория между Дербентом и Ширваном играла большую роль в ограждении государства ильханов от нападений со стороны джучидов-ханов Золотой Орды. Поэтому укреплению северных границ государства придавалось исключительное значение. Еще Абака-хан (1265 — 1282) принимал серьезные меры к укреплению этих границ и послал своего брата Юшмута «в Дербент, Ширван и Муган до Алтана, чтобы он охранял те пределы от врага», причем, если верить автору, область Дербента и Аррана принадлежала этому Юшмуту¹⁹.

Укрепление северных границ происходило не только путем посылки туда военной силы. Ильханы щедро раздавали земельные участки воинам и местным феодалам, что приводило к укреплению феодальных владений. При Газан-хане исключительные размеры приняла раздача икты-надела, выделяемого за несение воинской службы. Рашид ад-дин, перечисляя «границы и окраины» владений ильханов, называет в числе других окраинных городов также Дербент и тут же добавляет что Газан-хан, «государь ислама», пазначил в горные проходы

¹⁶ О положении государства ильханов, о борьбе двух направлений и руководящих слоях монгольских завоевателей и Хулагидском улусе Великой монгольской империи, о реформах Газан-хана и их значении см.: И. П. Петрушевский. Рашид ад-дин и его исторический труд. Рашид ад-дин. Сборник летописей, т. II, ч. 1, М.-Л., 1952, стр. 7 — 38.

¹⁷ Рашид ад-дин. Сборник летописей. Т. III, пер. с перс. А. К. Апендса. М.-Л. 1946, стр. 308.

¹⁸ Там же, стр. 308 — 312.

¹⁹ Там же, стр. 66 — 67.

и малодоступные пограничные области «тазикские войска и всех снабдил одеждой и раздал им икта»²⁰.

Можно предположить, что указанные мероприятия относятся не только к Дербенту. Когда Рашид ад-дин пишет о северных границах государства, о горных проходах и «малодоступных областях», имеются, несомненно, в виду лезгинские районы, ибо еще в 1301 г. «эмиры Лезгистана» «послушно и добровольно подчинились ильхану»²¹.

Следовательно, роль государства ильханов в укреплении феодальных отношений в южном Дагестане несомненна. Поэтому-то в лезгинском языке и сохранился ряд слов, свидетельствующих о некотором тюркско-монгольском влиянии (в области социальных отношений и экономической жизни).

Так например, выход на починку дорог лезгины называют «бегар». При монголах этим термином обозначали барщинные повинности²². Средство передвижения у лезгин известно под названием «улакь», что соответствует тюркско-монгольскому «улаг», означаящему подводу, вьючное или верховое животное, а также гужевую повинность. Заповедное пастбище, заповедные охотничьи угодья, заповедный участок вокруг могилы хана назывался у монголов «курук»²³. Лезгины употребляют это слово в том же значении. Особый интерес представляет наличие в лезгинском языке слова «тагъма» (печать, пятно), означавшее у монголов печать, печать хана, а первоначально отличительный знак (Merkzeichen), которым монгольские племена отмечали свой скот, а также палатки и багаж²⁴.

Несомненно также большое влияние, оказанное этим государством на дальнейшее расширение позиций ислама в южной части Дагестана. В этом отношении не лишено интереса сообщение Рашид ад-дина, что в самом начале XIV в. «эмиры Лезгистана, которые с давних пор бунтуя и восставая, скрывались в тех неприступных лесах, послушно и добровольно покорились и искренне обратили лицо к служению государю и взяли за крепчайшую рукоять послушания и повиновения»²⁵.

Одним из крупных феодальных владений Дагестана было шамхальство Газикумукское. Еще в конце XIV в., при походе Тимура, феодальные правители Гази-Кумука изъявили покор-

²⁰ Там же, стр. 285.

²¹ Там же, стр. 189.

²² А. Ю. Якубовский. Тимур (опыт краткой характеристики) «Вопросы истории», 1946, № 8—9, стр. 68.

²³ В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. II, М.-Л., 1941, стр. 301.

²⁴ Hammer-Purgstall Geschichte der Goldenen Horde in Kiptschak. Petsch, 1840, стр. 218, 220.

²⁵ Рашид ад-дин. Сборник летописей. Т. III, стр. 189.

ность завоевателям. В местных источниках в связи с событиями XII — XIII вв. впервые упоминаются такие термины, как «Шамхал Гази-Кумукский», а также «калантар, эмир, вельможи». В XIV в., как сообщает Мухаммед Рафи, шамхал газикумукский получал ежегодные подати от целого ряда обществ, в том числе от аварских, даргинских и лезгинских — за пользование пастбищами²⁶.

Как известно, в VIII — X в., в связи с падением торгового значения Черного моря, Каспийский путь приобретает особое значение²⁷. Вместе с оживлением торговых связей в бассейне Каспийского моря растет также значение торговых городов Дербента и Семендера, причем Дербент превращается в крупнейший торговый пункт на Кавказе. В восточную торговлю были втянуты и внутренние районы Дагестана, что видно из сообщения источников о Дербенте, как о «порте» Серира, Табасарана, Хайдака и др. областей.

Рост торговых связей приводил к усилению связей культурных, ибо культурные и торговые связи неотделимы друг от друга. Стало быть, усиление торговых связей — одно из условий, способствовавших внесению мусульманской идеологии в Дагестан.

* * *

Проникновение мусульманской религии и ее упрочение в различных областях Дагестана происходит не в одно и то же время.

Как отмечено выше, Дербент уже в X в. стал мусульманским городом с мусульманской династией правителей. Это лишний раз подтверждают надгробные плиты последующих веков с упоминанием чисто мусульманских имен.

Представляет интерес, однако, другое обстоятельство: начиная с X века, мусульмане Дербента выступают как активная сила по распространению ислама в соседних районах, и убитые в борьбе за веру получали почетное имя «шахид» — «борец (за веру), мученик». Именно к X в. относится известие арабского географа ал-Хамадани о том, что одни из северных ворот Дербента носят название «ворота джихад», т. е. «ворота борьбы за веру». Одна из куфических надписей (XI в.) на «гробнице Джюм-Джюм», гласящая: «Это могила Махмуда сына Абу-л-Хасана сына... убитого на пути божьем», посвящена именно такому «борцу за веру»²⁸.

²⁶ Тарихи Дагестан. В кн.: Дербенд-наме. Тифлис, 1898, приложение IX, стр. 176 — 177.

²⁷ Е. А. Манандян. О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древн. времен. Эривань, 1931, стр. 136 — 139.

²⁸ Н. В. Ханыков. О некоторых арабских надписях Дербента и Баку. ЗВО РАО, II. 1856, стр. 169.

С именем «шахидов» связан также знаменитый могильник в Дербенте, известный под названием «Кирхляр».

В исторических хрониках (например, «Дербенд-наме») и в преданиях этот могильник связывается с именем сорока «шахидов», погибших в VII в. в «борьбе против неверных», причем, «Кирхляр» и поныне сохранил свое значение мусульманской святыни, а лезгинский язык сохранил пожелание, связанное с этим местом: «да поможет тебе в Дербенте Кирхляр, а в Ширване — Шихляр»²⁹.

Если верить сообщению «Дербенд-наме», то «Кирхляр» хранит останки сорока «мучеников веры» — арабов, погибших близ Дербента в 622 г. в борьбе с хазарами³⁰. Однако надмогильные надписи, скопированные и изданные Эйхвальдом, позволяют отнести «Кирхляр» к более позднему времени. Одна из кирхлярских надписей гласит:

الله الرحيم... قسم

/Во имя/ Аллаха милости/вого/...к-с-м...

Там же другая надпись: هذا قبر الو... هيم بن

— «это могила Ал-в... /Ибра/ хима сына...»

Имена и формулы здесь чисто мусульманские, а надпись высечена, как сообщает Эйхвальд, вычурным куфи, бытовавшим в IV в. хиджры, т. е. в X в.³¹

Кроме того, сообщаемая Кантемиром легенда, приписывающая «кирхлярские» могилы «огузам, которые некогда долгое время владели Дербентом», наводит «на мысль о сельджуках, которые в XI в. завоевали Грузию и другие кавказские страны, и наши надгробные надписи могут быть отнесены к этому или 12 веку»³².

Таким образом, датировка «Кирхляра» XI — XII вв. более обоснована. Само название «Кирхляр», тюркское по происхождению, говорит в пользу такого утверждения. Стало быть этот могильник, связанный с именем «шахидов», еще раз подчеркивает значение X — XII в. как времени начала интенсивной борьбы за исламизацию соседних Дербенту земель. Роль тюркского элемента (особенно сельджуков) в исламизации здесь выделяется особо.

Действительно, значение тюркского элемента в исламизации ряда областей Дагестана огромно. Как отмечал В. В. Бар-

²⁹ Сообщение жителя сел. Ахты Сардарова Сардара. Запись 1957 г. Шихляр — селение в северном Азербайджане, где похоронен шейх Джунейд.

³⁰ Дербенд-наме, стр. 62 — 68.

³¹ E. Eichwald, Reise auf dem Kaspischen Meere und in den Kaukasus, Bd. II. Berlin 1838, стр. 220 — 222.

³² Там же, стр. 224.

тольд, «победа турецкого элемента сопровождалась победой ислама и мусульманской культуры»³³, хотя сами турки приняли ислам сравнительно поздно, в X в., благодаря деятельности дервишских орденов. При этом турки не составляли в этом отношении исключения, так как в X в. «мы видим примеры принятия ислама целыми народами, без покорения их мусульманским оружием»³⁴.

В Дагестан турки проникали и с севера и с юга. В лице кипчаков и сельджуков они находили пристанище в восточной части Дагестана, особенно в Дербенте. До первой половины XII в. Дербент и его правитель находились в зависимости от сельджукского султана. Даже впоследствии, после образования независимого Дербентского княжества, один из местных правителей носит тюркское имя — Бекбарс³⁵. В 1123 г. по просьбе дербентского эмира пришли из Ирака на Кавказ турки-сельджуки и успешно воевали против ширваншаха. В следующем же году грузинский царь воевал против дербентского войска, состоявшего из «лезгин», кипчаков и одержал победу³⁶.

В 1222 г., после разгрома кипчаков монгольскими войсками в северо-кавказских степях, уцелевшая часть кипчаков, как сообщает арабский историк Ибн ал-Асир (1160 — 1234), проникла в Дагестан и искала поддержки у дербентского эмира Рашида.

Значение тюркского элемента в исламизации ряда областей Дагестана подчеркивал еще Аббас Кули Бакиханов, писавший о том, что «усилившаяся в Персии сельджукская династия сделалась могущественною и государь оной обращал особое внимание на Ширван и Дагестан. При них то многие племена горцев приняли ислам»³⁷. Что касается самих сельджукских тюрков, то ислам был у них государственной религией еще до завоевания ими Малой Азии³⁸.

Как сообщает испано-арабский автор ал-Гарнати (1080 — 1169), турки входили в состав войска дербентского правителя, организовавшего поход против жителей Зирихгерана, язычников по своей вере³⁹.

³³ В. В. Бартольд. История турецко-монгольских народов. Ташкент, 1928, стр. 19.

³⁴ В. В. Бартольд. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира. Баку, 1924, стр. 45.

³⁵ Е. А. Пахомов. Указ. соч., стр. 5.

³⁶ Там же, стр. 7.

³⁷ Аббас Кули Бакиханов Гюлистан—Ирам. Баку, 1926, стр. 54.

³⁸ В. И. Белаяев и И. П. Пегрушевский. Рец. на новый учебник по истории средневекового Востока. «Советское востоковедение», № 6, 1958, стр. 103.

³⁹ Le Tuhfat al-albab de Abu Hamid al-Andalusi al-Garnati, ed. par G. Ferrand. Journal Asiatique, 1925, стр. 85.

Таким образом, тюркский элемент (особенно сельджуки) в силу ряда причин, занимает в Дагестане, особенно в его восточной части, значительное место. В эпоху монгольских завоеваний в Дагестане этот элемент еще более усиливается⁴⁰.

Первые нашествия монголов нанесли серьезный ущерб позициям ислама и мусульманского духовенства в Дербенте и, как покажем ниже, — в других районах Дагестана. Однако такое положение продолжалось не слишком долго, и для позиций ислама вновь возникают исключительно благоприятные условия.

Выше мы уже писали о том, как быстро восстанавливалась хозяйственная жизнь Дербента после монгольских нашествий. То же самое, видимо, происходило и с мусульманской религией. Во всяком случае Закарийа ал-Казвини (XIII в.) писал, что в Дербенте «(имеются) железные ворота и много башен; (а) на каждой башне (находится) мечеть для тех, кто поблизости (т. е. соседей) и для тех, кто занят религиозными науками»⁴¹.

Или же (пользуясь переводом А. Н. Генко): «вне города (имеется) холм, на нем (расположена) мечеть, в михрабе ее (хранится) меч. Говорят, что он — меч Масламы ибн Абд ал-Малика ибн Мервана. Паломничают к нему люди...»⁴²

Ислам в городе занимал прочные позиции. Разрушенные мечети быстро восстанавливались. Так, например, правителем Дербента была сооружена соборная мечеть, которая обрушилась и была восстановлена лишь в XIX в. Новая надпись гласила, что мечеть разрушилась в 770 г. хиджры (1369 — 1370) и что восстановил ее Аффриуз⁴³.

К XV в. относится ряд надписей из Дербента, причем все имена, встречающиеся в них, чисто мусульманские⁴⁴. Амвросий Контарини был совершенно прав, когда в своей книге о путешествии к Узун-Гассану в 1473 г. отмечал, что «в Дербенте находится много гробниц» и «все жители Дербента магометане»⁴⁵.

* * *

*

Для лезгинских районов середина X века также является временем усиления проникновения ислама.

Значительный интерес в вопросе о времени принятия ислама в южном Дагестане представляет один из списков «Исто-

⁴⁰ В. В. Бартольд. История турецко-монгольских народов, стр. 19.

⁴¹ Caswini's Komographie, II, стр. 340.

⁴² Там же, стр. 342; А. Н. Генко. Указ. соч., стр. 103 — 104.

⁴³ В. В. Бартольд. Место прикаспийских областей, стр. 75.

⁴⁴ Б. Дорн. Отчет об ученом путешествии по Кавказу. Труды Восточного отделения Археологического общества. Т. VIII, 1864, прил. II, стр. 66.

⁴⁵ Путешествия А. Контарини, стр. 80, 82.

рии Абу Муслима», широко известной в Дагестане. Как и в других списках «Истории Абу Муслима», начало рукописи⁴⁶ посвящено родословию Абу Муслима, смерти его отца, походу Абу Муслима и строительстве им мечети в Дамаске, где произнес проповедь. Затем автор продолжает:

و حرب امراء شروان و قتل امرائهم و حرب مع دامستان
سبع سنين و جلس بين النهرين تحت جبل شالبروز و كان
ابو مسلم اذا جاء صيف حرب مع ناخية باب القسطينسي رجا و اذا
جاء الشتاء حرب مع الكفار في باب الابواب دربند و بنى مسجد
كله كوره و اجلس ابنه مهتر سنجاب فيه و بعده بنى ابو مسلم
مسجد اختى و اجلس اخته و زوج اخته اسحاق كَن دسكن و
دفن ابو مسلم اخته في مسجد اختى و بنى مسجد رجا و مفا و
اجلس بن عمر حمزه⁴⁷ في رجا و رجع ابو مسلم الى
شروان... و كان خروج ابو مسلم الى شروان و داغستان من
دمشق بعد ثلاث مائة من هجرة النبي عم

— «И сразился (— Абу Муслим —) с амирами Ширвана, убил амиров их, затем сражался с Дамистаном 7 лет, после чего остановился между двух рек под горой Шалбаруз. И сражался Абу Муслим летом с областью Баб ал-кист, называемой Рича, а с наступлением зимы — с кяфирами в Баб ал-аббаб Дербенде. И построил он мечеть в Кала-кюре, посадил (назначил) туда своего сына Махтар Санджаба. Затем построил Абу Муслим мечеть (в) Ахты, назначил (там) свою сестру, которую выдал замуж за Исхака Кандушкана. Затем похоронил Абу Муслим свою сестру в мечети Ахты. И построил он (также) мечети в Рича и Мака и назначил Хамзу сына Омара в Рича. Затем Абу Муслим вернулся в Ширван... Выход Абу Муслима из Дамаска в Ширван и Дагестан имел место после трехсотого года от хиджры пророка — мир над ним».

⁴⁶ Рукопись находится у жителя сел. Рича Агульского района Курбанова Хафиза, который разрешил нам пользоваться ею. Рукопись представляет 3 стр. пожелтевшей от времени бумаги. Автор и дата не указаны. Черная тушь, насх.

⁴⁷ В других списках —

خمزہ بن عمر

Трехсотый год хиджры, указанный в конце приведенной выписки, соответствует 913 году⁴⁸.

Не касаясь других вопросов, возникающих при ознакомлении с данным источником, следует однако отметить, что автор этого списка более близок к истине, чем другие авторы, признающие повсеместное насаждение ислама в Дагестане в VIII в. Это единственный автор «истории», отмечающий строительство мечети после 300 г. хиджры, т. е. после 913 года.

Самым ранним по времени свидетельством в пользу сказанного служит то обстоятельство, что в сел. Ихрек (Рутульский район) в самом начале XI в. уже существовала мечеть. В этом селении, в северной стене мечети, в правой стороне от входа, до настоящего времени сохранилась надпись, впервые опубликованная и переведенная Л. И. Лавровым: «Эта мечеть после того как раз (рушена)... год четыреста седьмой», т. е. 1016/1017⁴⁹.

В этом же селении сохранилось (в основном в северной и западной стенах мечети) около десяти куфических надписей с различными мусульманскими формулами («Нет бога кроме Аллаха и Мухаммед его посланник», «Именем Аллаха милосердного и всемилостивого», «Власть принадлежит богу, единому» и т. д.).

В одной из этих надписей (в восточной стене мечети) упоминается мечеть. Речь идет, очевидно, о строительстве мечети:

بِسْمِ اللَّهِ الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ
هَذَا الْمَسْجِدِ

— «Именем Аллаха милостивого, милосердного. Эта мечеть».

Других надписей, датированных XI в., не обнаружено ни в Ихреке, ни в других селениях южного Дагестана. Все же ряд надписей из другого лезгинского селения также можно отнести примерно к этому времени. Речь идет о куфических надписях из мечети сел. Кара-кюре (Докузпаринский район).

В настоящее время в мечети, наполовину разрушенной, хорошо сохранилось два ряда колонн (по три колонны в каждом), которые поддерживали крышу. Базы столбов с четырех сторон покрыты надписями, заполняющими всю верхнюю часть баз над рельефным растительным орнаментом. Надписи трудны для чтения и представлены вычурным куфическим письмом, бытовавшим в X—XI вв.

Вполне возможно, что к XI—XII в. относится также строительство мечети в селении Рича (Агульский р-н). Над-

⁴⁸ По списку, изданному Н. В. Ханьковым, дается другая дата — 110 год хиджры — N. Khanikoff. Memoire sur les inscriptions musulmanes du Caucase. Journal Asiatique, t. 227, 1862, стр. 85.

⁴⁹ Л. И. Лавров. Указ. соч., стр. 373 — 374.

пись в северной стене мечети сообщает только дату разрушения мечети татарскими войсками — ноябрь 1239 г. и дату ее восстановления (июнь 1250)⁵⁰, что позволяет предположить строительство до XIII в. Ряд куфических надписей в северной стене мечети и сходство в планировке, формах и размерах с минаретом мечети в Ихреке позволяет отнести строительство мечети в Рича примерно к XI — XII в.

Стало быть, все три памятника (из Ихрека, Рича и Каракюре) подтверждают наличие большого количества мусульманских элементов в селениях южного Дагестана. Тем не менее в это время еще встречается значительное число немусульманских имен. Так, например, в надписях из Ахты, Гельмец и Рича, относящихся палеографически к XI — XIII вв. встречаются имена Аш-л-раха и Дираб-р-сиб⁵¹, Далджа, Тасджи⁵², Саббадж. В одной из надписей из сел. Рутул отмеченной 572 г. х. (1177 г.), встречаются имена Фуган (فوغان) и Джуту (جوتو)⁵³.

Если верить Ибн ал-Асиру, даже в первой четверти XIII века часть населения южного Дагестана еще не приняла ислама. По его данным, в 1221 г. татары, завоевав Ширван, отправились дальше на север и «убили много лакзов-мусульман и неверующих»⁵⁴.

В то же время имеется довольно значительное количество материала (в основном эпиграфического), относящегося к XIII — XV вв. и свидетельствующего о широких рамках исламизации южного Дагестана, первую очередь рутульских и цахурских селений. Закарийа ал-Казвини в этом отношении дает довольно подробные сведения о селении Цахур и мусульманском населении в нем в середине XIII в.: «Есть у них хатиб (т. е. проповедник), который молится с ними, и кадий, который разбирает тяжбы между ними по учению имама аш-Шафеи, да ниспошлет аллах ему своего благословение. Жители этого города все шафеиты. В нем медресе: основал его Низам ал-Мулк ал-Хасан ибн Исхак, да очистит аллах его душу. А при нем (т. е. училище) имеется учитель и факихи. И полагается каждому факиху в нем (т. е. училище) ежемесячно один баран и определенная мера сульта. Рассказывают, что

⁵⁰ Надпись издана в III томе «Ученых записок». Института ИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР (см. А. Шихсандов. Указ. соч. стр. 7).

⁵¹ Л. И. Лавров. Указ. соч., стр. 374 — 375.

⁵² Н. В. Ханыков. Археологические известия. Газета «Кавказ» 1850, № 52.

⁵³ Khalikoff. Mémoire... стр. 139.

⁵⁴ Ибн ал-Асир. Тарих ал-камиль. Пер. с арабского П. К. Жузе, Баку, 1940, стр. 142.

они перевели «Компендий Музани» на лезгинский язык и подобно этому «Книгу имама аш-Шафеи» и занимаются они ими обеими, аллаху споспешествующу»⁵⁵.

По сообщению Казвини, Цахур предстает перед нами как центр религиозной пропаганды в юго-западной части Дагестана. Факт широкого распространения ислама в указанной части Дагестана в XIII—XIV вв. подтверждается большим количеством надписей, часть которых посвящена строительству мечетей. Наиболее важны среди них следующие надписи:

1. В селении Гельмец (Рутульский р-н) в 1850 г. эстампирована надпись о строительстве в 557 г. хиджры, т. е. в 1161/1162 г. минарета по распоряжению Далджи (دلجی)

Сартана (صرتان)⁵⁶ и Тасджи (طسجی)

2. В Цахуре Бартоломеем эстампирована надпись следующего содержания: «... строитель этой мечети и этого минарета паломник обоих храмов Дауд, сын Ризвана и жена его Аиша дочь Мухаммеда... в год 766...»⁵⁷.

3. В Цахуре имелась надпись о строительстве мечети и минарета в четверг, в начале месяца раджаб 677 г. хиджры (февраль 1278) мастером Харусом и Гасаном⁵⁸.

4. В Цахуре на восточной стороне мечети в старой части селения была обнаружена самая ранняя из известных в селении надпись⁵⁹, гласящая:

العزة لله العظمة لله القهرة لله ...

بنا هذا المنارة من يوم الاثنين في شهر ذي القعد

سنة ستة و ثلاثين و ستة مائة صاحب هذا المنارة علي بن سيدر

و كتب لقمن بن زيد جوهر ابكر

«Слава (мощь) принадлежит Аллаху, величие принадлежит Аллаху, могущество принадлежит Аллаху... построил этот минарет в понедельник месяца зу-ль-ка'да года шестьсот тридцать шестого. Владелец этого минарета Али ибн Сайдар Якуб. Написал (это) Лукман ибн Зейд Джавхар Аб-кар». Надпись,

⁵⁵ Caswini's Kosmographie, II, стр. 205. Цит. по А. И. Генко. Указ. соч., стр. 96.

⁵⁶ Н. В. Ханьков. Археологическое известие. Газета «Кавказ», 1850, № 52.

⁵⁷ Там же. Надпись издана по альбому Н. В. Ханькова: В. А. Крачковская. Неизвестный альбом по арабской эпиграфике. «Эпиграфика Востока», II, М.-Л. 1948, стр. 39.

⁵⁸ Газета «Кавказ», 1864, № 75.

⁵⁹ Надпись упоминается в литературе: Khanikoff. Memoire... стр. 64; В. А. Крачковская. Указ. соч., стр. 38.

как видим, датирована понедельником месяца зу-ль-ка'-да 636 года хиджры, т. е. июль 1239 г.

5. Здесь же была обнаружена также другая куфическая надпись, относящаяся несомненно к строительству мечети:

الملک لله الواحد القوار
صاحبه ابو عال بن احد

— «Власть принадлежит богу единому, победоносному. Владелец его (или ее, т. е. мечети — А. III.) Абу Али(?) сын Ахада». Дата отсутствует, но палеографически надпись можно отнести к XI — XII вв. Надпись эта высечена на местном строительном камне и вмонтирована в стену, слева у входа в мечеть, известной под именем «мечети рода Базай».

6. В сел. Рутул, в здании типографии районной газеты, хранится камень⁶⁰ с куфической надписью, посвященной строительству минарета. Надпись читается не полностью:

عمل هذا المئارة بلود
بک لنفسه غفر له الله
لم يكن فيه... لله
لا... لا... لا

— «Построил этот минарет Б(й)-л-в-д(?) бек(?) ради души своей — да простит его Аллах. Не будь в нем... не... и не... и не...

7. В сел. Мишлеш (Рутульский район) сохранилась надпись⁶¹ о возобновлении (или ремонте) минарета в 825 г. хиджры, т. е. в 1422 г.:

الملک لله الواحد القهار و تبارک الله
احسن الخالقين لا اله الا الله محمد ر
سول الله و جدد هذه المئارة) حسين بن
چکن و زوجته... بنت
ابراهيم الوجه الله تعالى اللهم
مغفر لمن فعل و امن عمل و لمن

⁶⁰ Надпись обнаружена при строительстве здания директором типографии т. Бабаевым, который принял меры к сохранению надписи и немедленно сообщил в Институт истории, языка и литературы о своей находке.

⁶¹ При расшифровке надписи пользуюсь эстампажем, любезно представленным Хаджаевым Рамазаном, студентом IV курса Дагестанского Государственного университета.

نظر ويقر الفاتحة لمن فعل و لمن عمل
و الجميع المؤمنين و المومينات...
تاريخ سنة خمس و عشرين و ثمان مائة

С правого края камня приписано:

كتب هذا الخط ... بن ...

— «Власть принадлежит богу, единому, всепобеждающему. Благословение Аллаху, лучшему из творцов. Нет бога кроме Аллаха и Мухаммед посланник Аллаха. И возобновил этот минарет Б(?) сайн сын Ч-к-и и жена его... дочь Ибрахима ради Аллаха всевышнего. О боже, прости того, кто работал и того кто построил (этот минарет) и того кто смотрел (наблюдал за строительством?)» и (того кто) прочтет фатиху (первая глава Корана) за тех кто работал и кто построил (этот минарет) и за всех мусульман и мусульманок. Дата — год восемьсот двадцать пятый.

Написал этот текст... сын...»

8. В сел. Рутул в стену частного дома вмонтирован камень с надписью о строительстве минарета:

بسم الله الرحمن الرحيم
الملك الله القدرة الله الوا
حد القهار فهو خالق

... عالم بلا...

الا ... و لا يملك احد قد ...

عمل هذا المزار صالح ابن

علي (?) بن احمد حاج كتب بطقن

... م ابن احمد

— «Именем Аллаха милостивого, милосердного. Власть принадлежит Аллаху, мощь принадлежит Аллаху, единственному, всепобеждающему. А он — творец (и)... всезнающий, без... кроме... не владеет никто, вот... построил этот минарет Салих сын Али(?) сын Ахмеда Хаджи. Написал (это) Б-л-а (ф)-н(?)...м сын Ахмеда».

Кроме того, в селениях Цахур, Гельмец, Амсар, Лучек, Рутул, Михрек и Ихрек Рутульского района обнаружен ряд надписей, в том числе и куфических, представляющих выдержки из Корана или надмогильные плиты с именами покойных. Из неопубликованных можно указать на следующие:

В западной стене мечети в сел. Лучек Рутульского района сохранился камень со следующим текстом, написанным в четыре строки:

بِسْمِ اللّٰهِ الرَّحْمٰنِ الرَّحِیْمِ لَا اِلهَ اِلَّا اللّٰهُ مُحَمَّدٌ رَّسُوْلُ اللّٰهِ حَقٌّ اَشْهَدُ اَنْ لَا اِلهَ اِلَّا اللّٰهُ وَ
اَشْهَدُ اَنْ مُحَمَّدًا رَّسُوْلُ اللّٰهِ حَقٌّ اَللّٰهُمَّ...
عَلٰی مُحَمَّدٍ وَ عَلٰی اٰلِ مُحَمَّدٍ

— «Во имя бога, милостивого, милосердного. Нет бога, кроме Аллаха, и Мухаммед посланник божий. Истинно, я свидетельствую, что нет бога, кроме Аллаха и свидетельствую, что Мухаммед его посланник. Истинно о боже... (да смилостивится Аллах над) Мухаммедом и родом Мухаммеда».

В сел. Амсар Рутульского района, метрах в 300 к югу от селения находится камень с куфической надписью⁶², врезанной на большой каменной плите (высота 1,41 м. и наибольшая ширина в 0,63 м.), полукруглой сверху и прямой у основания. Текст надписи гласит:

بِسْمِ
اللّٰهِ الرَّحْمٰنِ
الرَّحِیْمِ هٰذَا
قَبْرُ مُوسٰی نُوْرٍ
اللّٰهُ قَبْرَهُ فَعَفِّرْ
جَمِیْعَ الْمُسْلِمِیْنَ
كُلَّ شَیْءٍ هٰلِكٍ
اِلَّا وَجْهَهُ لَهٗ
لِحْکَمِ وَ اِلَيْهِ تُرْجَعُوْنَ

«Во имя бога милостивого, милосердного. Это могила Муса. Да осветит Аллах могилу его и простит всех мусульман. Все тленно, кроме существа его (т. е. Аллаха), ему принадлежит власть и к нему вы возвратитесь».

В Амсаре обнаружено еще три куфические надписи, две из которых — строительные.

Подобные надписи можно встретить в селениях Микрах (Рутульского района), Цмур, Ашага-Стал (Қасумкентский

⁶² Надпись показана нам жителем сел. Амсар Хаджилаевым Иса Далхатовичем. 1957 г.

район), Архит и Курар (Хивский район), Тпиг, Рича, Чирах (Агульский район) и т. д.

Близ селения Архит Хивского района, в 2 км к юго-востоку от селения, близ местечка «Келез-шегьер» («город крепости») расположено мусульманское кладбище, где самые ранние надписи относятся к началу XIV в.⁶³. Две надписи на надмогильных плитах датированы. Одна из них гласит:

بِسْمِ اللّٰهِ الرَّحْمٰنِ الرَّحِیْمِ
قَدْ مَاتَ صَاحِبُ
حَبْ هَذَا الْقَبْرِ
مُحَمَّدٌ فِي سَبْعِ
مِائَةٍ وَ ثَلَاثِينَ
وَ تَسْعِ سَنَةٍ

«Во имя бога, милостивого, милосердного. Скончался владелец этой могилы Мухаммед в семьсот тридцать седьмом году», т. е. 1337 — 8 г. Надпись на соседней могильной плите сообщает о смерти «Х-б-р-г-н в середине (месяца) рамазан семьсот сорок первого года», т. е. в 1341/42 г.

Рядом с указанным памятником расположена еще одна надмогильная плита с упоминаем имени «хаджжи», т. е. памятника:

هَذَا الْقَبْرِ
رَأْسِ
ابْنِ حَاجٍ
رَحْمَلَهُ ⁶⁴⁾

«Это могила Айдума(?) сына Хаджжи, да смилостивится над ним Аллах».

Более древняя надпись, сделанная куфическим шрифтом примерно в XII — XIII в., найдена также близ сел. Архит, в

⁶³ Обе нижеприведенные надписи, как и могильник, показаны нам жителем сел. Архит Махмудом Вердиевым и директором Архитской семилетней школы Бутаевым Бутаем. Всего на могильнике обнаружено 8 надписей.

⁶⁴ Должно быть — رَحِمَهُ اللّٰهُ

местечке «Эгъвехъвевай чка». Надпись⁶⁵ представляет «бас-малу» на надмогильном камне:

بِسْمِ اللّٰهِ
الرَّحْمٰنِ
الرَّحِیْمِ
اللّٰهُ صَا (حَب)

— «Во имя Аллаха, милостивого милосердного. Аллах. Вла-
(делец) ...»

В сел. Ахты, в «Курортном квартале», в стену дома Шах-мардановой Э. вмонтирована куфическая надпись, палеогра-фически относящаяся к XI — XII в.:

الملك
الله الوا
حد القيا
ر

«Власть принадлежит Аллаху, единому, всепобеждающему».

Все надписи, обнаруженные на территории Рутульского, Ахтынского, Хивского, Агульского, Касумкентского и Докуз-паринского районов являются свидетельством степени распро-странения ислама в южном Дагестане. Перед нами встает кар-тина больших успехов новой религии в бассейне рек Самур и Гюлгерычай.

Среди всех других селений южного Дагестана особенно выделяется селение Цахур, причем у Закарийя ал-Казвини Цахур назван столицей Лакза: «Цахур — город большой, на-селенный, в шести переходах от Ганджи. Он главный город страны лезгин»⁶⁶.

Как было отмечено выше, в Цахуре было основано медре-се, имелись проповедники и факихи. Несомненно, Цахур и служил одним из активных поборников ислама и способство-вал расширению сферы влияния этой религии в юго-западной части южного Дагестана. Об этом может судить следующая надпись из Ихрека, относящаяся палеографически примерно к XIII в.:

⁶⁵ Местонахождения надписи указано нам участковым инспектором Хивского райфинотдела Исмаиловым Абдулла.

⁶⁶ Caswinis Kosmographie, th. II, стр. 205. Цит. перевод: А. Н. Генко. Указ. соч., стр. 96. У З. Казвини «лезгины» названы тер-мином *اکزان* («лакзан»).

بِسْمِ اللّٰهِ الرَّحْمٰنِ الرَّحِیْمِ قَدْ جَا حَجَّ عُو كَر
 اِبْن زَیْدٍ وَ زَوْجَتُهُ حَجَّ حَجَّ بِنَةُ لَشْكُرٍ فِی
 شَهْرِ رَمَضَانَ مِنْ قَرْیَةِ زَاخِرٍ اِلَى قَرْیَةِ ا
 هَرَ كٍ وَ قَدْ فَعَلَ هَذِهِ الْعِمَارَةَ حَجَّ عُو
 كَرٍ وَ اَنْفَقَ الطَّعَامَ عَلٰی مَنْ... ثُمَّ شَهِرَ ر
 مَضَانَ طَمَعًا الْجَنَّةِ وَ خَوْفًا مِنَ النَّارِ
 [کتاب] الخَطِّ حَمْدِ اِبْنِ مَفْلَنِ

«Именем бога, милостивого, милосердного. Вот пришли хаджжи Гук-б-р, сын Зейда и жена его хаджжи Хидж, дочь Л-ш-к-р в месяц рамазан из селения Цахур в селение Ихраки. И вот сделал (построил) это здание хаджжи Гук-б-р и дал питание тому кто... Затем... месяц рамазан с жаждой рая и боясь огня. Написал эту надпись Хам-д сын М-ф-л-н».

Среди жителей селения Цахур и поныне сохранились предания о былом величии Цахура и его роли в исламизации соседних селений. Рассказывают, что раньше в Цахуре было 12000 домов и 14 мечетей. Согласно преданиям жители соседних селений — Джиниха и Гельмеца — отказались от принятия новой религии и изъявили желание сохранить свою старую, еврейскую религию. Цахурцы решили принудить джинихцев и гельмецов принять ислам и с этой целью закрыли дорогу через Цахур, ведущую из Гельмеца и Джиниха в селение Мишлеш. Жители указанных селений упорствовали и проложили другую дорогу, вдоль правого берега реки Самур, мимо Цахура⁶⁷.

Ислам в южном Дагестане занял настолько сильные позиции, что к XIII — XIV вв. мы встречаем ряд лиц с нисбой ал-Лакзи, занимавших высокое положение среди представителей мусульманского духовенства за пределами Дагестана — в Золотой Орде и Бухаре. Так, знаменитый арабский ученый-энциклопедист Йакут (ум. 1229), во втором томе своего «Гео-

⁶⁷ Полевой материал 1957 г. Сообщения жит. сел. Цахур Ахмедова Магомед (65 лет), Мерданова Мердана и жит. сел. Микик Рамазанова Гаджи.

Борьба ислама и старых религий отразилась также в некогда процветавшей на Кавказе легенде о Коркуде. В 1638 г. Олеарий слышал рассказ об «имаме Коркуде», могилу которого указывали близ Дербента. «Имам Коркуд», пел песни «царю Кассану» и побудил его к религиозной войне «с лезгинами», бывшими тогда язычниками. Имам Коркуд проповедовал ислам среди «лезгин», но погиб от их руки. — В. В. Бартольд. Турецкий эпос и Кавказ. «Язык и литература». Т. V, Л. 1930, стр. 18.

графического словаря» («Словарь стран»), в статье под заглавием Хунлик (خُنْلِيك) местности близ Дербента, сообщает о Хакиме ибн Ибрахиме ибн Хакиме ал-Лакзи ал-Хунлики ал-Дербенди, «превосходном шафийском хакиме», учившемся в Багдаде у ал-Газали и жившего к этому времени в Бухаре, пока не умер там в месяце, ша'бан 537 года хиджры⁶⁸, т. е. в 1142 г.

Знаменитый путешественник Ибн Баттута (ум. 1377) оставил нам интересные сведения о столице Золотой Орды Сарае, где «между наставниками из шафитов есть там правовед, достойный имам Садреддин Сулейман ал-Лекзи, один из отличнейших людей»⁶⁹. Иакут также рассказывает об ученом Мусе ибн Юсуф ибн Хусейн ал-Лакзи, ученом из Лакз — «городка» (بَيْدَة) близ Дербента»⁷⁰.

М. С. Саидов справедливо отмечал, что «в результате ранней исламизации восточной полосы Дагестана, главным образом Дербент и долина Самура, отсюда и вышли первые представители ученого мусульманского духовенства, известные даже за пределами края»⁷¹.

* * *

Почти одновременно с лезгинами процесс усиленной исламизации происходит и среди лаксов.

В местных исторических хрониках время принятия ислама кумухцами отнесено ко второй половине VIII в., и сам процесс исламизации связывается с именем Абу Муслима. Ряд авторов, принявших эту точку зрения, ссылаются на надпись из Кумуха, высеченную на внутренней стороне западной стены соборной мечети Хъунмизит: «в 162 г. (т. е. 778) — по велению богоугодного Абу Муслима, да помилует его великий Аллах, была основана мечеть, заложенная ради господ»⁷². Интересно то обстоятельство, что арабоязычные авторы, писавшие о событиях VIII в. в Дагестане, никогда не упоминали имя Абу Муслима. Все они пишут о другом полководце, а именно Масламе, который действительно был в Дагестане и вел завоевательные войны. В местных исторических хрониках

⁶⁸ Jacut's geographisches Wörterbuch, hrsg. von F. Wüstenfeld, Bd. II, стр. 478.

⁶⁹ В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. СПб, 1894, стр. 277.

⁷⁰ Иакут, IV, стр. 324.

⁷¹ М. С. Саидов. Некоторые памятники материальной культуры в лакских районах ДАССР. «Ученые записки» Института ИЯЛ, Дагестанского филиала АН СССР, т. III. Махачкала, 1957, стр. 122.

⁷² М. С. Саидов. Указ. соч., стр. 122.

имя Масламы заменено именем известного в то время на востоке Абу Муслима. Работы же П. В. Ханькова и М. С. Саидова убедительно показали, что Абу Муслим, свергатель династии Омейядов, живший в первой половине VIII в., никогда не был в Дагестане⁷³. Что касается Масламы, то он «...завоевал Баб ал-Абваб в 113 г. (732 — 733), опять захватил в 121 (739) г. в Греции множество крепостей и умер в 122 г. (740 — 741)»⁷⁴, т. е. за 37—38 лет до указанной в надписи даты (778 г.).

Кроме того, необходимо иметь в виду, что надпись о строительстве мечети в 778 г. «переписана» в начале XX в., оригинал не сохранился, что указывает на необходимость строго критического отношения к сведениям надписи и исторических хроник.

Мы пока еще не знаем, когда именно началась проповедь ислама среди лакв. Однако первое известие о «борце за веру» относится к началу X в. Как сообщает Али Каяев, близ мечети, называемой Цубад, в Кумухе, находился камень с надписью, которая в свою очередь была перенесена с другого камня. Надпись (почерк — насх) гласит:

311 هذا حجر مندل عبد الله مات شهيدا

«Этот камень (принадлежит) Мандалу Абдаллаху, (который) умер борцом за веру (в) 311 году»⁷⁵.

Надпись эта также должна быть рассмотрена критически, ибо отсутствует подлинник, а обозначение даты дается цифровое, что несвойственно для эпиграфических памятников Дагестана вплоть до XIX в. Так, из известных нам в лезгинских районах семнадцати датированных надписей XI—XV вв. только одна (из Кураха, XIV в.)⁷⁶ дает дату цифрами.

Другое же сообщение, хотя и не датированное, позволяет, на наш взгляд, судить о времени усиления позиций ислама в Кумухе, ибо имя распространителя ислама Калаптарара, о котором сообщает упомянутая надпись, встречается в письменных текстах в связи с событиями начала XII в.

⁷³ Н. Ханьков. Указ. соч.; М. С. Саидов. О распространении Абу Муслимом ислама в Дагестане. «Ученые записки» Института ИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР. Т. II. Махачкала, 1957, стр. 42 — 51.

⁷⁴ F. Wüstenfeld. Register zu den genealogischen Tabellen, Th. II. Göttingen, 1853, S. 289.

⁷⁵ Али Каяев. Материалы по истории лакв. Рукописный фонд Института ИЯЛ Даг. ФАН СССР д. 1642, стр. 249. Дата так обозначена у А. Каяева. Надпись издана: М. С. Саидов. О некоторых памятниках материальной культуры... стр. 180.

⁷⁶ Надпись издана. Л. И. Лавров. Из эпиграфических находок... стр. 375.

Привожу эту надпись, которую Али Каяев видел на старинном Кумухском кладбище:

هذا قبر ناصر الدين
باسط اسلام قنتر

—«Это (могила) защитника религии, распространителя ислама Калантара»⁷⁷.

Само имя Калантар мало о чем говорило бы нам, если бы не другое письменное известие (один из списков «Тарих Дагестана»), тоже записанное А. Каяевым на арабском языке: «Затем вышли они (арабы) из Мекки и Медины после того как прошло пятьсот лет хиджры (т. е. после 1107 г.) и достигли Сирии. Затем отправились они в область Черкес, а страна эта была обиталищем войны и смерти, и вели они (арабы) в ней (области Черкес) большое число войн за веру. Затем пришли они в область Хайдак... убили султана их по имени Газанфар. И обосновались они в этой области и был амиром их Калантар сын Султан-Хайдара, и построил он (Калантар) в области Хайдак много селений и заключил договор с амирами Кумука области Гази-Кумук. Затем, по прошествии незначительного срока, нарушил он (Калантар) обещание свое торжественное и предал мечу неверных ее (т. е. области Гази-Кумук)... и взял город Кумук. И приняли они (жители Кумука) ислам и назначил (Калантар) в нем (т. е. Кумуке) султана из родственников своих, а султан этот назывался шамхал»⁷⁸. Здесь же А. Каяев приводит другой арабский текст как продолжение вышеприведенного:

«И султан этот носил имя Шамхал. И с этого времени стало обычно называть этим именем всякого, кто владел и правил населением этой области»⁷⁹.

Вполне очевидно, что надпись на камне и приведенная только что историческая запись говорят об одном и том же лице — распространителе ислама среди лаков Калантаре. Поэтому надпись также может быть отнесена к XII в.

Недавно стал известен другой источник, рассказывающий о попытках утвердить ислам в Кумухе в то же время. Это сведения автора начала XII в. курда Мас'уда ибн Намдара. Здесь приводится письмо ширваншаха к жителям «Гумика».

«... Вы изъявили желание быть приверженными к безопасности и насытиться верой, а кто ищет защиты у бога, того

⁷⁷ Али Каяев. Указ. соч., стр. 251.

⁷⁸ Али Каяев. Указ. соч., стр. 263.

⁷⁹ Там же, стр. 265.

ведет он прямым путем. Религия — долг, не полагается отклонение от него и кто желает (иной) религии, кроме ислама, то не будет принято от него (раскаяния).

Дошло до нас, что удача сопутствует вам и помощь божеская сопровождает вас. Что за прекрасный спутник удача и какой хороший помощник религия! Кто доверяется богу, то процветает дело его и тот, кого Аллах ведет прямым путем, тот не будет введен в заблуждение. И дошло до нас от брата нашего ал-Хаджиба, что вы стали на путь обязанности. И мы обещали вам, что когда вы придете и проявите (изложите) нам то, чему вы верите и ответите на эти пункты надлежащим образом и войдете в ислам прямым путем и если вы заключите договор в отношении нас с жителями Кува... — тогда мы пошлем к вам сына амира ал-Адуда и назначим его над вами для того, чтобы он защищал ваши интересы, чтобы он старался ради вашего успеха. Мы вернем вам сыновей ваших и удовлетворим ваши желания, будем любить друзей ваших и бороться против врагов ваших. Мы пошлем вам хатиба (проповедника), чтобы он научил вас исламу, должным образом и имама, чтобы облагородил вас посредством (чтения) корана и очистил вас путем обрезания.

Поспешите — да поведет вас Аллах прямым путем с ответом, спешите (получить) наше одобрение и быть соучастником нашим в вознаграждении (на том свете)⁸⁰.

Автор этого ценного сведения Мас'уд ибн Намдар занимал довольно высокое положение при ширваншахе. В 500 г. х. (= 1107) мы видим его в качестве агента ширваншаха в Гандже, а в 505 г. х. (1112 г.) — поехал в Багдад (возможно, с ширваншахом)⁸¹. А еще раньше, до 990 — 992 (т. е. 1097 — 1099) Намдар пребывал в Ширване.

Данное письмо относится к самому концу XI в., т. е. к тому времени, когда ислам еще не занимал прочных позиций в Кумухе, но проявилась тенденция к обращению в ислам. Из письма ширваншаха «К жителям некоторых местностей Лакза» видно, что Ширван принимает ряд мер, чтобы упрочить здесь свое влияние. Вот несколько выдержек из этого письма:

«... Что касается того, что упомянули вы относительно жителей Гумика... мы уже послали к ним посла и ответили им как можно хорошо и мы предлагаем вам, чтобы вы взяли решительно за это дело, и извлекли этим самым долю награды и чтобы заключили с ним соглашение о верности тому, о чем они договорились... и чтобы отряд из них отправился в

⁸⁰ V. Minorsky et Cl. Cahen. Le resuel transcaucasien de Mas'ud b. Namdar. Journal Asiatique, t. 227, 1949, стр. 131 — 132 (араб. текст), 138 — 140 (франц. перевод).

⁸¹ Там же, стр. 127.

Кува и чтобы они заключили с вами договор на верность и поклялись, чтобы тогда мы послали сына амира Адуда в одеянии чести, подарков, почестей и редкостей и чтобы мы вернули им залог их...

Извести их от нашего имени, что мы не желаем ничего, кроме вознаграждения за намерения наши и не хотим ничего, кроме праведности (успокоения), по мере наших сил. Нет (у нас) ни жажды к хараджу их, ни надежды на помощь их. Мы не желаем от них ничего, кроме побуждения к награде, доброй славы, заслуживания награды, и совершения благородных поступков.

Пошлите к ним послов, обратитесь с ними весьма любезно, обещайте им от нас всякого рода выгод (удач), великой славы...»⁸²

Приведенные здесь письма ширваншаха показывают, что Ширван прилагает все усилия к тому, чтобы утвердить ислам среди лаков.

Правители Ширвана, не довольствуясь непосредственными взаимоотношениями с Гумиком, привлекают к этому делу представителей селений Лакза (т. е. лезгин) в качестве посредников.

На основе анализа текста Мас'уда ибн Намдара В. Ф. Минорский и Клод Каэн устанавливают время принятия ислама в Кумухе накануне 490 — 492 г. х. (— 1097 — 1099), т. е. конец XI в.⁸³

Дата эта не противоречит данным других источников. Приведенные раньше сведения о распространителе ислама в Кумухе Калантаре относятся к 1107, т. е. освещают события, имевшие место спустя лет десять после описанных Мас'удом событий.

В X—XII в. и политическое и экономическое положение Ширвана действительно позволяло его правителям предпринять ряд решительных мер в области распространения ислама в южном Дагестане. Это было время усиления государства Ширваншаха, когда расширялась граница государства, охватывая Дербент и часть территории, населенной лезгинами⁸⁴.

⁸² Там же, стр. 132 — 133 (араб. текст), 140 — 141 (франц. перевод);

⁸³ Там же, стр. 124.

⁸⁴ Основные данные по этому периоду в истории Ширвана изложены в следующих сочинениях: В. Догн. Versuch eine Geschichte Schirwan-schache — «Beitrage zur Geschichte der Kaukasisch. Länder aus morgen-ländischen Quellen», I; А. А. Али-Заде. Некоторые сведения о Ширване. Известия Академии Наук Азерб. ССР (отд. общ. наук), вып. IV, № 12; Его же: Из истории государства Ширваншахов в XIII—XIV в. Баку, 1957, соч. 101; Н. Ханыков, Археологическое известие «Кавказ», 1850, № 52.

Трудно сказать, приняли ли ислам вместе с Кумухом все жители других селений «области Гумик». Однако несомненно то, что территория, охваченная новым учением, расширялась.

Однако, как уже отмечалось выше, время правления первых великих ханов в Монголии характеризуется ослаблением позиций ислама. 637 г. хиджры, т. е. 1239 год оказался печальным для позиций ислама в Дагестане, особенно в сел. Рича и Кумухе, подвергшихся страшному разрушению со стороны монгольских полчищ.

Известно, что восточная часть Дагестана вплоть до Дербента, входила в состав Золотой Орды, управляемой джучидами. Монголы пришли как завоеватели и уничтожали любое препятствие, ставшее на их пути. Не будучи на первых порах мусульманами, они, естественно, не поддерживали эту религию, а нередко и разрушали мечети.

Али Каяев оставил нам подробное описание (одна из рукописей «Тарихи Дагестан») той сложной внешнеполитической и внутренней обстановки в Кумухе и Рича, которая предшествовала приходу сюда татарских войск. Вот краткое содержание этого сообщения:

До 637 г. (— 1239 — 1240) в «Лакистане» сохранилась власть ставленников Калантара, причем кайтакские и лакские правители, именуемые «калантарами», жили мирно и, судя по надписям, между ними установлены были даже родственные связи. Однако в 637 г. хиджры, т. е. в 1239 — 1240 г., между ними разгорелись противоречия, и кайтакский хан, обратившись к хунзахскому правителю по имени Сартан, возбудил последнего против «кумукского шамхала». Сартан немедленно заключил союз «с татарским старшиной в Чуруле (т. е. Дербенте) Кафтарханом», причем последний не был мусульманином. Союз между хунзахцами и татарами был скреплен выдачей дочери Сартана за сына «Кавтархана». Затем Кафтархан вступил в крепость Чурки (т. е. Рича), которая была взята после восемнадцатидневных боев. Чурки (Рича) была разрушена, от крепости остались одни развалины.

О походе монголов в Рича и Кумух рассказывают две надписи из Рича и ряд письменных текстов из Кумуха⁸⁵. Согласно этим сообщениям монголы пришли осенью 1239 г. в Рича, сражались там с жителями селения, разрушили селение и мечеть, затем весной 1240 г. пришли в Кумух, который также разрушили после преодоления упорного сопротивления кумухцев. О событиях в Кумухе рассказывает также надпись

⁸⁵ А. Шихсаидов. О пребывании монголов в Рича и Кумухе. «Ученые записки» Института ИЯЛ т. IV, Махачкала, 1958, стр. 5—11.

на полях одной из рукописей «Дербенд-наме», хранящейся в Матенадаране (Ереван):

خراب غمك من يد الترك في يوم الاثنين في اول رمضان في
عيد نجم الدين استشهد جميع عسكر غمك الا الف و ثلثة و
ثلثين في سبع و ثلثين و ستمائة و الله اعلم

— «Разрушение Гумика турками (— имело место —) в понедельник начала месяца рамазан во время Паджм ад-дина (и) погибло смертью мучеников все войско Гумика, кроме тысячи тридцати трех (— воинов —) в шестьсот тридцать седьмом году. А Аллах знает лучше»⁸⁶. 637 г. хиджры соответствует 1240 г.

«Тарихи Дагестан» в яркой форме рассказывает о судьбе мусульманского Кумуха и его владетелей: «Они (— обитатели Кумуха —) сражались с великим мужеством, и 70 юношей пали мучениками. Эти заняли укрепление выше мечети (называемое) Кекели и обязали себя клятвой сражаться и пожертвовать своим имуществом, жизнью и телами. Когда эти юноши исполнили свой долг в укреплении, (т. е. были все убиты) оба князя, Сарган и Каутер опустошили Кумух в субботу месяца саффар, и все князья кумухские, происходящие от Хамзы, рассеялись по разным частям света. Князья хайдакские тут снова вступили в свои владения, но кумухские попали пленниками...»⁸⁷.

События эти не могли не отразиться серьезным образом на позиции ислама в Кумухе. Выше указывали, что восстановление позиций ислама в Кумухе, в лезгинских и других районах, подвергшихся татарскому нашествию, способствовал ряд внешнеполитических условий.

В источниках по истории монгольского общества можно проследить, как, начиная со второй половины XIII в., изменяется отношение самих монголов к исламу.

В связи с образованием государства ильханов (1256) значительно усилилась борьба золотоордынских ханов с ильханами за Азербайджан как территории, через которую в основном осуществлялся транзит между западом и востоком⁸⁸.

Стало быть золотоордынские ханы, заинтересованные в усилении торговых связей с восточными странами, отводили исключительное место западному побережью Каспийского моря. В борьбе за торговый путь немаловажную роль должен был играть и сыграл религиозный элемент. Золотоордынские

⁸⁶ Государственный Матенадаран. Арабско-персидский фонд. д. 240, л. 4.

⁸⁷ Тарихи Дагестан. В кн.: Дербенд-наме. Прил. IX, стр. 181.

⁸⁸ А. А. Али-Заде. Борьба Золотой Орды и ильханов за Азербайджан. Известия АН Аз. ССР. Отд. общ. наук, вып. II, № 5, 1946, стр. 31.

ханы использовали религиозную оболочку в целях ослабления позиций своего противника и привлечения мусульман на свою сторону.

Так, например, хан Берке (1257 — 1266), при котором начался процесс исламизации среди правящей верхушки в Золотой Орде, обвинял основателя государства ильханов — Хулагу (1256 — 1265) в убийстве халифа и в уничтожении мусульманских городов⁸⁹.

Берке первым из монгольских ханов принимает ислам и «ислам его был прекрасный. Он воздвиг маяк веры и установил обряды мусульманские, оказывал почет правоведам, приблизил их к себе... сдружился с ними и построил в пределах своего государства мечети и школы... Когда он стал мусульманином, то и большая часть его народов приняла ислам»⁹⁰.

Впоследствии ряд золотоордынских ханов принимает ислам и выступает в его защиту. Мусульманином становится в 862 г. (т. е. 1283 — 4) хан Тудаменгу⁹¹, а за ним и Узбек⁹².

Столица Узбека — город Сарай имеет «тринадцать мечетей для соборной службы; одна из них шафийская. Кроме того еще чрезвычайно много (других) мечетей»⁹³.

Стало быть, монголы, особенно в лице представителей власти, превращаются из врагов ислама в его ярых сторонников и, как сообщает арабский автор Ибн Кесир, «Узбекхан... провозгласил в своей земле исповедание ислама и убил многих эмиров, из неверных»⁹⁴.

Для Дагестана эти сведения тем более ценны, что во власти золотоордынских ханов был уже к этому времени не только Дербент, но и прилегающие к нему, ранее независимые районы: когда после смерти Берке на ханский престол вступил его брат Менгутамир (или Менгутемур), то «к нему перешло господство над странами северными, тюркскими и кипчакскими, железными воротами и тем, что к ним прилегает»⁹⁵.

В такой обстановке влияние монголов на ряд областей Дагестана, особенно кумыков, на Кумух и Лакз бесспорно. Мусульманское духовество южного Дагестана не только нашло политическую поддержку со стороны правящей верхушки Золотой Орды, но оно также в лице своих отдельных представителей нашло покровительство в самой столице Золотой Орды — Сарае. Подтверждением этому является упомянутое вы-

⁸⁹ В. Г. Тизенгаузен. II, стр. 74 (Взято из указ. соч. А. А. Али-Заде, стр. 25).

⁹⁰ Там же, стр. 151.

⁹¹ Там же, стр. 121.

⁹² Там же, стр. 121.

⁹³ Там же, стр. 306.

⁹⁴ Там же, стр. 277.

⁹⁵ Там же, стр. 153.

ше сведение о шафиитском наставнике имаме Садр ад-дине Сулеймане ал-Лакзи.

В свете изложенного можно предположить, что и в Кумухе ислам находит все большее число сторонников. Мусульманская религия распространяется не только вширь, но и вглубь. Можно считать, что именно в XII — XIII вв. жители Кумуха превратились в «гази» — «воителей за веру», а Кумух стал называться Гази-Кумуком (кстати нужно заметить, что титул «гази» является не арабским, а тюркским⁹⁶, что лишний раз подтверждает факт позднего появления названия Гази-Кумук, следовательно и ислама в Кумухе). Ислам в XIV в. стал уже не только господствующей религией среди лаков, не только служил оружием эксплуатации в руках феодальной верхушки, но приобрел также к этому времени значение знамени в борьбе кумухского шамхала с «неверными» соседних областей. Из сообщения Низам ад-дина Шами, писавшего в начале XV в., можно прийти к выводу о том, что к концу XIV в., т. е. времени похода Тимура на «Ускуджан»⁹⁷ борьба «гази-кумуков» и «аухарцев» с «неверными» соседями стала уже традицией, ибо «у области Гази Кумуклук и войска Аухара был обычай, что они каждый год и месяц сражались с неверными»⁹⁸.

Правда, жители «области Гази-Кумулук» выступили было против Тимура, но после убийства их предводителя «Шаукала» (шамхала), «оставшиеся в живых признали скверным свой поступок и просили у его величества эмира сострадание и милость»⁹⁹.

Последующие сообщения Шами по этому поводу показывают, на кого опирался Тимур в своей борьбе в Дагестане и как он пользовался любой возможностью, чтобы распространить ислам и вести религиозные войны против «неверных».

Тимур простил вышеупомянутых «виновников», удостоил их милостями и подарками и приказал передать «своим вельможам и эмирам», что если они, подобно первым, придут и расскаются, «то мы их обласкаем и утвердим за ними область». Тимур, политика которого «закключалась в том, чтобы тысячами истязать, вырезывать, истреблять женщин, детей, мужчин, юношей...»¹⁰⁰, захватил тем временем Акуша («Ускуджан»), совершил набег на «область Ускуджан», и построил холм из убитых «неверных». «Эмиры Гази-кумуков, хаджи и вельможи

⁹⁶ В. А. Крачковская. Надпись бронзового таза Бадр ад-дина Лулу. Эпиграфика Востока, 1, М. Л. 1947, стр. 15.

⁹⁷ Ускуджан — это современное Акуша (А. П. Генко. Указ. соч., стр. 99).

⁹⁸ В. Г. Тизенгаузен, т. II, стр. 124.

⁹⁹ Там же, стр. 124.

¹⁰⁰ К. Маркс. Хронологические таблицы, I. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Архив, т. VI, стр. 185.

их признали свою вину». Тимур одарил их почетной одеждой, поясами, украшенными драгоценными камнями, «а остальных знатных и простых удостоил милостей и подарков», и отпустил их, поставив условием, «чтобы они по-прежнему порядку постоянно вели священную войну с неверными и сильно возбуждали их к войне за веру»¹⁰¹.

Мероприятия эти дали положительные результаты, и Тимур имел уже в одной из областей Дагестана опору, которая могла быть в любой момент выставлена против «неверных». Именно о гази-кумуках и писал Шами, что «все они, веселые и довольные ушли обратно. Стремление их к священной войне с неверными увеличилось и они укрепились в вере»¹⁰².

Как сообщает другой придворный историограф Тимура — Шереф ад-дин Али Йезди, «старшины (калантары) газикумукские и аухарские вместе с тамошними казиями и вельможами» прибыли с повинной к Тимуру, тот богато одарил их, дал им наставления «всегда воевать с врагами веры и державный меч для утверждения ислама», а затем «утвердив за ними область и дав им ярлыки, он отослал их назад»¹⁰³.

Последнее сообщение весьма ценно для показа роли ислама в укреплении феодальных отношений. Утверждение области за «старшинами», «кадиями и вельможами», и выдача им ярлыков означали, что и на территории Дагестана Тимур следовал своей политике укрепления феодализма. Как указывал А. Ю. Якубовский, Тимур, «живя в условиях созревания классических форм феодальных отношений, был их активным проводником». Широкое распространение при Тимуре получила «восточная форма лена» — сургал, под которым подразумевали тогда передачу в наследственное владение определенных земель с правом взимания с ее жителей государственных налогов и податей целиком или частично в пользу взимавшего¹⁰⁴.

В Дагестане Тимур был верен своей политике. В Аварии, Гази-Кумуке он не отобрал у владельцев земли, а отдал их указанным дагестанским владельцам, возможно, на правах сургала, и тем самым превратил их, т. е. владельцев, духовных и светских лиц «гази-кумукских и аухарских», в своих вассалов.

Точно также поступает Тимур на территории кумыков; одного из вождей «кумыкского племени по имени Губден» Тимур назначил «владельцем всех земель и угодий, приуроченных теперь к селению Губден, заставил там основать это

¹⁰¹ В. Тизенгаузен, т. II, стр. 124.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Там же, стр. 186.

¹⁰⁴ А. Ю. Якубовский. Указ. соч., стр. 66.

селение и посетил его там. И селение это называю его именем»¹⁰⁵.

Из приведенного выше материала видно, что Тимур выступает в Дагестане и как феодал и как ярый сторонник ислама, а ислам становится важнейшим идеологическим оружием в руках феодалов.

Надо сказать, что политика Тимура в Дагестане была дальновидной и рассчитана на укрепление своих позиций и ослабление позиций своего нового, но грозного противника — Тохтамыша, с которым Тимур столкнулся в 80 — 90 гг. XIV в. Немаловажную роль в этой борьбе играл фактор религиозный. Тохтамыш был язычником, «неверным прелюбодеем», как пишет Шами, преследовал мусульман, а в 1386 г. уничтожил мечеть и медресе в Тебризе¹⁰⁶. Тимур это прекрасно понимал и противопоставлял язычеству Тохтамыша религию, сторонником которой он был — ислам. Каждый факт принятия ислама или упреждения его он рассматривал с точки зрения усиления своих позиций, утверждение за местными правителями земель должно было увеличить число сторонников ислама и укрепить власть Тимура. Так как Дагестан находился на стыке владений Тимура и Тохтамыша, и через Дагестан Тохтамыш неоднократно совершал набеги, то обе стороны придавали особое значение укреплению этой части Кавказа. Вот почему Тимур раздает здесь земли и усиленно поддерживает ислам или же насаждает его, что особенно наглядно видно из событий в Аварии, Зирихгеране (Кубачи) и Кайтаке.

К XIV в., благодаря политике Тимура, ислам среди лаков утвердился окончательно. На могильных камнях XV — XIV вв. встречаются почти только мусульманские имена и формулы.

На основе эпических данных из сел. Кумух, можно заключить, что в XV в., а может быть и раньше, Кумух поддерживал религиозные связи с другими странами, особенно с Йеменом и Хиджазом. В Кумухе сохранилось древнее кладбище, называемое «Яманитал», т. е. йеменитов. Здесь сохранилась надпись о смерти в 854 (1456 г.) от холеры шейха Ахмеда, «благородного, родовитого, почтенного потомка пророка, светоча мира и веры, автора книги «Вафк ул-Мурад» по фикху... глубокого ученого йеменита хусейнита сеида Ахмеда сына Сеида...»¹⁰⁷.

К тому же надо добавить, что к последней четверти XV в. относится упоминание о паломнике из Кумуха в Мекку и Ме-

¹⁰⁵ Хасан-эфенди Алкадари. Асарн Дагестан. Пер. и примечания А. Гасанова, Махачкала, 1929, стр. 30.

¹⁰⁶ В. Г. Тизенгаузен, II, стр. 109.

¹⁰⁷ М. С. Саидов. О некоторых памятниках материальной культуры... стр. 122 — 123.

дину. «Это могила хаджия Мекки и Медины Омара Ахмеда. Дата 189 г.»¹⁰⁸ т. е. 1484 г.

Рамки распространения ислама среди лаксов были настолько широки, что в конце XV — XVI в. Кумух предстает перед нами как один из очагов мусульманской учености и мусульманской культуры в Дагестане.

Кроме того, к XVI в.гази-кумукские шамхалы и их подданные ведут уже «религиозные войны» не только с соседями¹⁰⁹, но и за пределами Дагестана, а именно против черкесов. Об этом рассказывают нам две надписи из Кумуха:

هذا قبر بوعدای شمخال بن عمال محمد غفر
لهما الله السعيد معركة الكفار
سنة 974 هو صاحب الدولة السجاع

«Это могила Бу'дай Шамхала сына Умал Мухаммеда — да простит их обоих Аллах — счастливого, шахида в борьбе (против) неверных в 974. (А) он владелец (хозяин) государства, смелый»¹¹⁰.

И вторая надпись:

الشاب الملیح الاغر الاكرم الامجد المعفور السعيد الشهيد
المقتول في قتال كفار چركس محمد بن عمل محمد في المحرم
سنة ستين و تسعمائة

«Юноша прекрасный, благороднейший, самый щедрый, славнейший, прощенный, счастливый, шахид, убитый в битве с кяфирами Черкесии — Мухаммед сын Умал Мухаммеда в (месяце) мухаррам года девятьсот шестидесятого»¹¹¹, т. е. 1556.

* * *

Касаясь вопроса о тех реальных силах, которые проводили идеи ислама, мы прежде всего остановились на Ширване, Дербенте, тюрках (сельджуки), монголах, Тимуре. Однако нельзя также пройти мимо того факта, что в Дагестане, особенно южном, жили и постоянно сюда прибывали арабы из различных арабских стран. Все это не могло не способствовать усилению позиций ислама в лезгинских и лакских районах.

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ Б. Маллачиханов сообщает, что в ауле Тинди Ботлихского района еще сравнительно недавно указывали могилы древних воинов из Кумуха, павших здесь «в борьбе за веру». — Б. Маллачиханов. Материалы по истории Дагестана. Рукописный фонд Института ИЯЛ, д. 1167, л. 13—14.

¹¹⁰ Али Каяев. Указ. соч., стр. 255.

¹¹¹ Там же, стр. 256.

Еще в X в. арабские элементы жили в Дагестане и продолжали оставаться здесь вплоть до XIX в. Еще Масуди в середине X в. писал, что «царь» Джидана, одного из могущественных «царств» Дагестана, по имени Селифан, принадлежал к арабскому семейству Кахтан¹¹². Мусульмане арабского происхождения жили в то время также близ Дербента, между Джиданом и Баб ал-аббабом¹¹³.

Арабское население близ Дербента видел ал-Фарики, автор XII в., ездивший вместе с грузинским царем Димитрием по Грузии и посетивший также Дербент¹¹⁴. Ал-Фарики встретил жителя одного из селений, араба, который заявил, что «я и все в ней (т. е. деревне) арабы» и что они «из племени Бену Умейя, Кинда и других племен»¹¹⁵.

Арабский географ XIV в. ал-Джурджани, вспоминая, что Ануширван послал в Дербент людей «из Сирии, Мосула и Джезиры», а также «месячных наемников» из арабов для наблюдения «над дорогами неверных», добавляет: «их род остался, и они говорят по-арабски»¹¹⁶.

Топонимика Северного Азербайджана и района близ Дербента сохранила название населенных пунктов, составной частью которых было слово «араб»¹¹⁷.

Обычно принято проникновение арабских элементов в Дагестан связывать по времени только с арабскими завоеваниями (VII—IX). Однако это далеко не так. Проникновение арабских элементов на Кавказ, в том числе и Дагестан, имело место и позже, и связано не с завоеванием, а мирным переселением или проповеднической деятельностью отдельных лиц. Как писал Аббас-Кули Бакиханов «шейх Молла-Юсуф Мускурский происходил из аравийской фамилии, пришедший в VII в. хиджры из Медины в Карабах, а оттуда переселившийся в Мускур (Кубинской провинции). В VIII в. х. (т. е. в XIV в. — А. Ш.) там родился шейх Молла Юсуф... Потомки шейха Молла-Юсуфа всегда пользовались в народе, особенно почестью и уважением»¹¹⁸.

А. Н. Генко считает, что высказывание это служит подтверждением мнения о позднейшем появлении ряда арабских

¹¹² Maçoudi. Les prairies d'or. Texte et trad. par Barbier de Meynard et Pavet le Courteille, II, Paris, 1863, стр. 39 (ср. русск. пер. И. К. Караулова: Масуди. Луга золота и рудники драгоценных камней — «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. 38, гл. I, стр. 51.

¹¹³ Maçoudi, II стр. 39—40. (ср. рус. пер. Масуди. «Луга...» стр. 52).

¹¹⁴ Г. В. Церетели. Арабская хрестоматия. Тбилиси. 1949, стр. 12—13 (Предисловие Г. В. Церетели).

¹¹⁵ Там же, стр. 73 (араб. текст).

¹¹⁶ Цит. по Е. И. Козубскому. Указ. соч., стр. 41.

¹¹⁷ А. Н. Генко. Указ. соч., стр. 88—89.

¹¹⁸ Аббас-Кули Бакиханов. Указ. соч., стр. 172.

элементов на Кавказе и в качестве аналогии проводит факт переселения в XIV в. арабов из Афганистана в Среднюю Азию¹¹⁹.

Имеется сообщение XIV в., относящееся к Дагестану, конкретно к Кумуху. Речь идет об упомянутом выше кладбище в Кумухе под названием «Ямантал», т. е. кладбище выходцев из Йемена¹²⁰.

Факт прибытия арабских элементов в Дагестан в XIII—XIV в. подтверждается также надписью на полях рукописи¹²¹ Корана (вернее отдельных глав Корана) из сел. Лгар Ахтынского района.

قد انتقل من دار الفناء الى دار الجنة شيخ البغدادي (ابن شيخ شاه... مان) مير سايمان بعد النبي صلى الله عليه و اله وسام و قلس روجه ستمائه و ثمانون سنة

«Переселился из мира тленного в мир рая (в рай) Шейх ал-Багдади (сын Шейха Шах... мана) Мир Сулейман после пророка — да благословит Аллах его и род его и да приветствует и да освятит Аллах душу его — год шестьсот восьмидесятый», т. е. 1283.

Шейх Мир Сулейман (у местных жителей — Пир Сулейман, т. е. «святой Сулейман») очевидно, сыграл немаловажную роль как религиозный деятель среди лезгин. Имя его подобно имени шейха Джунейда в северном Азербайджане, наиболее почитаемо из всех «святых» среди лезгин. «Пиры» (т. е. «мавзолей» или «святотилища»), связанные с его именем, существуют и в сел. Лгар Ахтынского района и Шалбуздаге, причем к последнему «пиру», где, со слов, находится могила Пир-Сулеймана, и по сей день паломничают верующие.

Селение же Лгар обычно называют «Пиркенд», т. е.: Селение пира». Мавзолей Пир Сулеймана, находящийся в сел. Лгар, неоднократно возобновлялся местными жителями, о чем говорит надпись:

كل من عليها فان هذا قبة شيخ پير سليمان و هو من اولاد قريش و شيخ ابومسام و قد جدد هذا القبة شيخ عاشر بركة لاجل الله و استاذ هد القبة و... ابن جكر خان

«Все на нем (—этом мире—) тленно. Это купол (мавзолей)

¹¹⁹ А. Н. Генко. Указ. соч., стр. 93 — 94.

¹²⁰ М. С. Саидов. Указ. соч., стр. 122 — 123.

¹²¹ Рукопись находится у члена колхоза «Победа» сел. Лгар Ахтынского района Гамзаева Гамида, который любезно разрешил нам снять копию. Текст, данный в скобках, вероятно, дописан после, но той же рукой и вписан мелким почерком между двумя строками.

Шейха Пир Сулеймана, а он из рода Курейшитов и Абу Муслима. Возобновил этот мавзолей шейх Ашурбек, ради Аллаха, а мастер этого мавзолея — К... сын Джигерхана...» Надпись отмечена датой 1200 г. х., т. е. 1786.

Значение арабских элементов в исламизации южного Дагестана зафиксировано также в предании о том, что в Дагестан из Аравии прибыли мусульманские проповедники: шейх Халифа — в сел. Курар (Хивский район), Султан шейх Ахмед — в сел. Курах и Пир Хашим — в «Мугъу-дере» (Агульский район)¹²².

Таким образом, в X — XV внутренние условия вполне созрели для принятия ислама в южном Дагестане. В Дербенте, лезгинских и лакских районах социальные отношения были развиты настолько, что монотеистическая религия стала необходимостью. Она защищала интересы феодалов и духовенства, видевших в ней идеологическое оправдание социального и имущественного неравенства, оправдание классового угнетения.

В начале X в. складывается и в дальнейшем развивается ряд дальнейших условий, способствовавших распространению и упрочению позиций ислама (рост Каспийской торговли, усиление торговых связей с Востоком, насильственные методы насаждения ислама, проповедническая деятельность, политика завоеваний).

Носителями ислама выступают арабы, а впоследствии сельджуки, татары, Тимур. Некоторые города и населенные пункты (Дербент, Гази-Кумук, Цахур), став мусульманскими, в свою очередь выступают в качестве «воителей за веру», в борьбе с «неверными». Ислам служил знаменем борьбы с «неверными». «Коран и основанное на нем мусульманское законодательство сводят географию и этнографию народов всего мира к простой и удобной формуле деления на две половины — правоверных и неверных. Неверный это «гяур», это враг. Ислам проклинает нацию неверных и создает состояние непрерывной вражды между мусульманами и неверными»¹²³ (Ф. Энгельс).

¹²² Запись 1958 г. Сообщение жит. сел. Курар Хивского р-на Велибекова Гаджихмеда (78 лет).

¹²³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. X, стр. 6.

Процесс распространения в южном Дагестане был длительным и происходил в борьбе с язычеством.

В XII — XIII ислам значительно укрепляет свои позиции в борьбе с язычеством и христианским элементом. К концу XIV в. новая религия в южном Дагестане в основном утвердилась¹²⁴.

¹²⁴ Данная статья находилась в наборе, когда вышла из печати работа Л. И. Лаврова, где изданы с переводом две приведенные выше (стр. 143 и 145) надписи из Лучека и Ахты. См.: Л. И. Лавров. Из эпиграфических находок дагестанской экспедиции (статья вторая). Сборник Музея антропологии и этнографии, т. XVIII, 1958, стр. 329, 330.

О ТЕРМИНЕ «ШАМХАЛ» И РЕЗИДЕНЦИИ ШАМХАЛОВ

В исторической литературе утвердилась ошибочная точка зрения о том, что термин «шамхал» возник в Дагестане в период татаро-монгольского завоевания. Для доказательства этого тезиса авторы ссылаются на татаро-монгольские источники, в которых термин «шамхал» встречается впервые в связи с походом Тимура на Дагестан. При этом исследователи молчаливо обходят многочисленные местные легенды и предания, говорящие о том, что термин «шамхал» возник в Дагестане задолго до нашествия монголов.

Прежде чем перейти к определению происхождения данного термина, познакомимся с тем, в каких формах употребляется он в исторических источниках.

По свидетельству восточных историков правитель лаков «шукел»¹, «шаукал»² в период нашествия Тимура находился во враждебной к нему коалиции и поэтому Тимур обвинил его и лакскую знать в поддержке «неверных».

В 1552 г. приверженец русских ногайский мурза Исмаил, по словам служилого татарина Балека, ездил в «шевкальскую землю» для переговоров.

После присоединения Астрахани астраханские воеводы сообщили Ивану IV о прибытии послов «шевкальского царя» с изъявлением того, «что дань же на себя кладут и на службу государеву ходити хотят с государевы воеводы вместе» и с просьбой «торговым бы людям дорогу... чисту учинить»³.

¹ Шереф-ад-дин Йезди. Книги побед. См. В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. М.-Л., 1941, стр. 185.

² Низам-ад-дин шами. Книга побед. См. В. Г. Тизенгаузен. Ук. соч., стр. 124.

³ Полное собрание русских летописей. Т. XIII, ч. 1-я, стр. 277, 281, 284.

С этого времени форма «шевкал» неизменно встречается в русских документах.

Небезынтересно отметить, что «шевкал», как собственное имя, на которое обратил внимание историк Б. Маллачиханов⁴, употреблялось еще в Золотой Орде в царствование хана Узбека (1312 — 1340 гг.).

Двоюродный брат хана, которого звали Шевкал, отмечен русской историей в связи с событиями, происходившими в то время в Твери. Шевкал был послан в Тверь из Золотой Орды с какими-то важными полномочиями. Русская летопись сообщает, что Шевкал пытался привести крестьян в «бесерменскую веру...», а иных князей своих посажати по иным городам русским». Это вызвало протест тверичан. Горожане во главе с князем Александром Тверским 15 августа 1327 года напали на незначительный татарский отряд шевкала, который после небольшой схватки вынужден был запереться в дворце. Дворец был сожжен, а шевкал и его дружина погибли в огне. Так рассказывается в русских летописях о судьбе этого шевкала, сына Дуденя — брата Тохты⁵.

Вполне допустимо, что данный пример подтверждает установившиеся связи золотоордынских ханов с правителями Кумуха и всего Дагестана. Как известно, Дагестан являлся пограничной областью Золотой Орды и поэтому ордынские ханы были в то время заинтересованы в установлении родственных отношений с владетельными родами Дагестана. Это имело важное значение в осуществлении их активной завоевательной политики на Кавказе.

Кроме того, с момента принятия ислама Золотой Ордой и до правления Узбек-хана (1312—1342) прошло всего 40 лет. К этому времени ислам в Золотой Орде только еще внедрялся, тогда как в Кази-Кумухе он уже был широко распространен.

Поэтому не подлежит сомнению утверждение Б. Маллачиханова о том, что происхождение имени «Шевкал» у ханского родственника могло иметь своим источником именно такой авторитет дагестанского шамхала, который в значительной мере обязан своей популярностью усилившемуся влиянию и престижу ордынского мусульманского духовенства⁶.

О роли дагестанцев в исламизации Золотой Орды можно судить по сообщениям Ибн-Батута. В дни посещения им Сарая-Берки, столицы Золотой Орды, во главе шафеевского тол-

⁴ Б. Маллачиханов. Материалы по истории нагорного Дагестана. Рук. фонд ИИЯЛ Даг. фил. АН СССР, д. 1167, стр. 8—9.

⁵ ПСРЛ, т. XXV, стр. 168; см. также Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение. М.-Л. 1950, стр. 237—238.

⁶ Б. Маллачиханов. Ук. раб., стр. 10.

ка там стоял знатный ученый «достойный имам Садреддин Сулейман эл-Лекзи»⁷.

Приезд дагестанского ученого в столицу Золотой Орды может свидетельствовать о том, что вместе с другими странами, наводнившими в то время орду своими исламскими просветителями, некоторое участие в этом процессе принадлежало и Дагестану. Известно, что в то время Кази-Кумух, как свидетельствуют источники, выступал в роли активного борца за распространение ислама в Дагестане. Это обстоятельство возможно создало особый авторитет дагестанским шамхалам в столице Золотой Орды. Поэтому допустимо предположение, что термин «шевкал» или «шаукал», в связи с усилением распространения ислама, мог быть воспринят в Золотой Орде и стать даже собственным именем представителей ханской родословии.

Обратимся теперь к местным источникам. Во всех местных преданиях происхождение титула «шамхал» в Дагестане связывается с деятельностью Абумуслима или же утверждается, что это имя дано выходцу из рода исламского пророка Мухаммеда.

В одном из этих преданий говорится о том, что в VIII веке Абумуслим «назначил для всей дагестанской страны на должность правителя одного бывшего при нем в этом походе почтенного Аббаса... Этот правитель известен под именем шамхала и он сын Абдуллы, сына Касима, сына Абдуллы, сына Аббаса... Этому правителю Абумуслим определил гор. Кази-Кумух в качестве резиденции»⁸.

По «Тарихи-Дагестан» Шамхал — имя первого ставленника арабов в нагорном Дагестане. Так назван он по имени своего деда родом из селения Хал в Шами (Сирии). Блестательная родовитость узаконяет его права на занятие царственного престола. «Согласно родословия он был сын Эмир-ханзы и потомок в восходящей линии Султан-Ахмеда, хан-Мухамеда Аль-Арабий, Хала, Феридуна, Амир-Султана, Алибега, Абдул-Азиса, Ахлаба, Амир-Чуфана, Амир-Мухамеда, Гази-Абульфети, Муслима, Абдул-Мелика, Ибрагима, Исхака, Мансура, Касима, Якуба, Омара, Наиба, Сулеймана, божья милость да покоится на нем»⁹.

В «Дербент-Наме» имеется иное определение прозвища «шамхал». Здесь рассказывается о том, что Муслима — брат Халифа Хашама бин Абдул Мелик — военноподполковник

⁷ В. Г. Тизенгаузен. Ук. раб. Т. I, 1894, стр. 306.

⁸ Гасан-Эфенди Алкадари. Асари-Дагестан. Махачкала, 1929, стр. 23.

⁹ Дербент-Наме. Тифлис, 1898, прилож. 9, стр. 171; Тарихи — Дагестан. ССКГ. Вып. 5, Тифлис, 1871, стр. 18.

арабских войск в Дагестане, завоевав Кумух, назначил правителем некоего Шах-бала, сына Абдуллы, сына Абаса¹⁰.

По другому списку того же «Тарихи-Дагестан» Шах-бал, сын Абдуллы, сын Абдул-Муталиба, сын Абиса¹¹. Абас-кули Бакиханов в своем сочинении «Гюлистан Ирам» пишет, что Шахбал сын Абдуллы, сына Касима, сына Абдуллы, сына Абаса¹². В предании, извлеченном Инкачилау¹³ говорится, что «Шамхал, третий из сыновей Ш-б-хана, который вышел из Шама в 153 г. хиджры». Умер Шам-хан спустя несколько лет после 213 г. хиджры.

По рассказам кумухцев в мечети Бургъай находилась могила, где похоронен Шах-бал, который являлся одним из первых арабских правителей в Лакии; он же является основателем династии шамхалов.

По свидетельству краеведа М. Пашаева на могильной плите Шах-бала была куфическая надпись. К сожалению, эта надпись не дошла до нас, так как могила уничтожена.

В исторической литературе отрицается пребывание арабского полководца Абу-Муслима в Дагестане¹⁴. Исследователи утверждают, что среди широких масс населения гор имя Абу-муслим было популярно, как века древнего приобщения к исламу. Поэтому различные толкования о происхождении шамхалов традиционно утвердили путаницу вокруг имен двух разновремененно живших лиц. В действительности же арабский полководец звался Маслама, а под именем Абумуслим, вероятно, известен миссионер XI века¹⁵.

По-видимому, к этому времени относятся события, изложенные в одном из списков «Тарихи-Дагестан», обнаруженном на полях арабских книг Али Қаяевым. В нем говорится, что «отряды Калантара вышли из Мекки и Медины и после того как прошли 500 лет хиджры (т. е. после 1107) они достигли Сирии. Затем отправились в область Черкес, а страна эта была обиталищем войны и смерти и вели они (арабы) в ней (области Черкес) большое число войн за веру. Затем пришли они в область Хайдак... убили султана их по имени Газалфар... Далее, заключил (Калантар) договор с правителями (эмирами) Кумуха, области Кумух. Затем, по прошествии незначительного срока нарушил он обещание свое тор-

¹⁰ Там же, стр. 79.

¹¹ Там же, стр. 113.

¹² Абас-кули Бакиханов. Гюлистан-Ирам, Баку, 1926, стр. 49.

¹³ Рук. фонд. ИИЯЛ, л. 161, л. 7. Приписка Инкачилау (со слов М. С. Саидова): «В Тидибе из рукописи, принадлежащей перу Мухаммеда ибн Анкавулау 1926 г.». Перевод с араб. А. Р. Шихсаидова.

¹⁴ М. С. Саидов. О распространении Абумуслимом ислама в Дагестане. «Ученые записки» ИИЯЛ Даг. ФАН СССР. Т. II, 1957, стр. 42—51.

¹⁵ Алкадарн. Ук. соч., стр. 20.

жественное и предал мечу неверных ее (т. е. области Кумух)... и взял город Кумух. И приняли они (жители Кумуха) ислам и назначил в нем (Кумухе) султана из родственников своих, которому дал прозвище шамхал»¹⁶.

В другом списке говорится, что «и султан этот носил имя шамхал. И с этого времени стало обычным именовать этим именем всякого, кто владел и правил населением этой области»¹⁷.

Достоверность данного документа подкрепляется также и другим сообщением, связанным с именем Калантара. Али Каяев обнаружил в Кумухе могилу Калантара с надписью: «Это (могила) защитника религии, распространителя ислама Калантар»¹⁸.

Источники доказывают ошибочность утверждений, что возникновение термина «шамхал» относится ко времени татаро-монгольского нашествия на Дагестан. Приведенные примеры из преданий, несмотря на их разноречивость, бесспорно свидетельствуют о том, что происхождение титула «шамхал» было связано с пребыванием в Кумухе арабов. Но никак нельзя допустить, что этот титул мог возникнуть в VII—X вв. Вероятно его возникновение в Лакии относится к периоду завоеваний сельджуков. В этих завоеваниях принимали участие и многие проповедники ислама из Сирии.

По вопросу об этимологии самого термина «шамхал» имеется несколько мнений.

В дореволюционной исторической литературе утверждается, что слово «шамхал» произошло от слияния двух слов «шам» (Сирия) и «хал» (населенный пункт в Сирии)¹⁹. В советское время историки и лингвисты также занимались определением значения слова «шамхал». Например, Б. Маллачиханов считает, что слово «шухаби» (Шауха, Шоанха), встречающееся в гидатлинской генеологии, является множественной формой арабского классового термина «шух» от единственного «шейх» (начальник, старейшина). Точно также и прославленный в более крупной роли шамхал (шевкал, шауха, шоанха) есть не что иное, как видоизменение от основного шаухал, в свою очередь представляющего собой испорченное фонетикой шухал-шиух, т. е. ту же множественную форму от арабского титула шейх²⁰.

В подтверждение этого определения автор ссылается на то, что «употребление арабских терминов в форме множествен-

¹⁶ Али Каяев. Материалы по истории лаков. Рук. фонд. ИИЯЛ, д. 1642, л. 263. Перевод с араб. А. Р. Шихсаидова.

¹⁷ Там же, стр. 265.

¹⁸ Там же.

¹⁹ ССКГ. Вып. V, 1871, стр. 17, 31; там же, стр. 18.

²⁰ Б. Маллачиханов. Ук. раб., стр. 13.

ного числа, для обозначения ими понятия в единственном числе, имело место в религиозной практике «аджамских» (иноязычников для арабов) народов широкое применение и в частности у дагестанцев, например: будала — святой (от ед. «абда»); шуада — погибший за веру (от ед. «шагьуд»); ачгьаб — спутник-сподвижник (от ед. «чагьуб») и т. д.

В своей работе М. А. Полиевктов, не отрицая наличия первоначальной резиденции шамхалов в Кумухе, утверждает, что возникновение шамхальства относится к эпохе арабского господства на Кавказе (VII — VIII вв.), когда один из арабских военачальников, Шах-бал-бин-Абдулла, был назначен вали (правителем) Дагестана и упрочил свою наследственную власть над всею этою странюю, а его собственное имя при его преемниках обратилось в их владельческий титул, как это обычно бывает в подобных случаях: Шах-бал = шахмал = шамхал; как Карл = краль = король и т. д.²¹.

По мнению известного знатока арабского языка М. Саидова согласно законам арабского языка, если этимологизировать «шамхал» с «шам» (Сирия) и «хал» (название населенного пункта Сирии), получается не шамхал, а Хал-аш-шам. Он же утверждает, что форма «шам» и «хал» образована по типу тюркских слов, а не арабских²².

На наш взгляд термин «шамхал» произошел от соединения двух слов: «шам» — у лаков означает Сирия, а «хьул», «хьал», «хал» — окончание слова. По законам словообразования лакского языка аффикс «хьал» является показателем принадлежности лица к определенному роду, племени и месту. Например, Моьрщи (имя мужчины), род. пад. ед. ч. Моьщиц; мн. ч. моьрщихьул; род. пад. мн. ч. моьрщихьал; мурхьилинхьул — муркьили-хьал, хайдакхьул-хайдакхьал, авнусхьул-авнусхьал и т. д. Однако эта форма множественного числа обозначает не несколько человек по имени Моьрщи (как по-русски Иваны, Петры, Екатерины), а имеет значение «Моьрщи и вся его семья или родственники», т. е. по сути дела является родовым или фамильным именем. То же самое окончание множественного числа прибавляется и к существительным, заимствованным из других языков, обозначающим выходца из той или иной местности или племени. Вероятно и этимологизация термина «шамхал» связана с местными языковыми особенностями лаков. «Шамхал» в буквальном переводе с лакского языка значит «выходец из Шама (Сирии)». В этой связи особый интерес вызывает и определение термина «крым-шамхал», обозначающего наследника престола шамхала.

²¹ М. А. Полиевктов. Из истории северокавказских феодалов XVII века. «Сб. статей академику Н. Я. Марру», М.-Л. 1935, стр. 746.

²² М.-С. Саидов. Указ. раб., стр. 50 — 51.

Наиболее раннее употребление этого слова в форме «крым-шевкал» встречаем в документах русской дипломатической переписки с Дагестаном со времен царей Федора Иоановича и Бориса Годунова²³.

В дореволюционной исторической литературе ошибочно утверждается, что «крым-шамхал произошел от кумыкского слова «ярим-шамхал», что значит «половина шамхал». Это объяснение было принято до недавнего времени и в отдельных трудах советских историков.

Этимология термина «крым-шамхал» также находит свое объяснение в лексике лакского языка. В своей работе Х. О. Хашаев считает, что слово «крым» происходит от слова «хъриб», что значит «следующий» на балхарском диалекте лакского языка²⁴. Соглашаясь с этим положением вместе с тем необходимо внести некоторые уточнения. Было бы правильным, если бы автор при определении этимологии слова «крым» исходил из вицхинского диалекта, который является носителем древних форм лакского языка. Старинная транскрипция этого слова в вицхинском диалекте звучит в виде «хърив-шамхал», что значит «после шамхал», давая понятие «будущий шамхал», «наследник престола шамхала». Вероятно слово «хърив» было искажено русскими, став словом «крым», и в таком виде вошло в историческую литературу.

Отсутствие ясности в понимании указанных терминов являлось причиной ошибочного утверждения некоторых исследователей о том, что Кумух никогда не являлся резиденцией шамхалов²⁵.

В 1950 — 52 гг. этнографическая экспедиция АН СССР обследовала фамильное кладбище шамхалов в Кумухе²⁶. Путем изучения надписей на надгробных памятниках найдены могилы шамхалов Сурхая, правившего в конце XVI в. и его сына Илдар-шамхала, известных по документам русских архивов как правителей Кумыкии в первой половине XVII в. Рядом с их могилами обнаружены могилы других шамхалов,

²³ С. А. Белокуров. Сношения России с Кавказом. М. 1899; Русско-дагестанские отношения в (XVII — пер. четв. XVIII вв. (Сборник документов), Махачкала, 1958.

²⁴ Х. М. Хашаев. Прогрессивное значение присоединения Дагестана к России. Махачкала, 1958, стр. 8.

²⁵ Первоначальную резиденцию шамхалов склонны видеть в Кафыр-Кумухе. Р. М. Магомедов. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII — нач. XIX вв. Махачкала, 1957, стр. 146; А. И. Тамай. Кумыки в XV — XVII вв. Рук. фонд ИИЯЛ, д. 2331.

²⁶ Л. И. Лавров. Некоторые итоги работы дагестанской экспедиции 1950—1952 гг. «Краткие сообщения Ин-та этнографии». Т. XIX, 1953.

живших в Кумухе. Почти все надписи на надгробных памятниках шамхалов опубликованы Л. И. Лавровым²⁷:

В результате расшифровки и изучения указанных надписей на фамильном кладбище шамхалов, Л. И. Лавров пришел к выводу, что центром шамхальства до XVII в. был Кумух, а не Тарки.

В подтверждение данного вывода уместно привести ряд исторических документов, относящихся ко времени нашествия Тимура на Дагестан. Придворный историк Тимура Низам-аддин Шами рассказывает, что, возвращаясь из похода против золотоордынского хана Тохтамыша, Тимур в 1396 году «прошел через местность Тарки, дошел до местности Ушкуджан и разослал в разные стороны войска, чтобы делать набеги, а сам стоял в той местности, пока не прибыли войска из окрестных мест с награблением и добычей». «У области Кумуклук и войска Аухара был обычай, что они каждый месяц сражались с неверными; у Тимура было на уме помочь им и оказать поддержку в войне с неверными. В то же время, изменив свой обычай, они поднялись на помощь неверным (Ушкуджан — Р. М.) и проявили обратное тому, на что надеялись от них. Тимур, выбрав 500 всадников в полном вооружении, сделал на них набег и погнал, а Шаукала, который был предводителем их, Мубашшр-бахадур, в силу своих стараний и мужеств, взял и перенес его голову к его величеству». Далее говорится, что Тимур, приказав привести пленных, обратился к ним с упреком, «что было причиной того, что вы бросили войну за веру и даже стали помогать неверным. Они признали скверным свой поступок и просили у его величества эмира сострадания и милости. Он простер полу прощения над их преступлениями и протянул подол милости над их злодеяниями. Он дал им всем почетные одежды, удостоил милостями и подарками и приказал: «возвращайтесь и скажите своим вельможам и эмирам, что если они, подобно вам, признают свою вину, придут к нам и раскаются в своих злодеяниях, то мы их обласкаем и утвердим за ними область...» В то время эмиры казикумуков, хаджи и вельможи их пришли к его величеству и признали свою вину. (Тимур) обласкал их, простил, дал их эмирам почетные одежды... и отпустил всех обратно... Он поставил условие, чтобы они по прежнему порядку постоянно вели священную войну с неверными и сильно побуждал их к войне за веру. Все они веселые и довольные ушли обратно. Стремление их к священной войне с неверными увеличилось и они укрепились в вере»²⁸.

²⁷ Л. И. Лавров. Из эпиграфических находок дагестанской экспедиции. «Сб. музея антропологии и этнографии». Т. XVII, стр. 378.—384.

²⁸ В. Г. Тизенгаузен. Ук. соч., стр. 124.

Небезынтересно привести здесь выдержки из рассказа Шериф-аддин-Иезди, которые служат дополнением к Шами. Иезди рассказывает, что против Тимура на подмогу Ушкуджи пришел «Шаукал Казикумухский и Аухарский с 300 человек». Далее идет дословное повторение рассказа Шами, но добавлено, что Тимур, одарив казикумухских и аварских казиев, вельмож и старшин (калантаров), дал им наставление: «По прежнему порядку всегда воевать с врагами веры и держать обнаженным меч мести для утверждения ислама, твердо помнить неоспоримый текст: «воюйте на пути аллаха», начертать на доске мыслей изречение: «убивайте их, где встретите» и в никаком случае не пренебрегать достижением этой заслуги. Утвердив за ними область и дав им ярлыки, он отослал их назад»²⁹.

Рассказ Шами и Иезди проливает свет на некоторые важные вопросы истории лаков. Во-первых, он подтверждает, что в борьбе против Тимура выступали объединенные силы лаков и аварцев и, во-вторых, в нем впервые появляется упоминание о шамхалах, а Кумух назван «Казикумухом».

Чрезвычайно важно, что кази-кумухцы еще до прихода Тимура вели войны за распространение ислама в Дагестане и что в 1496 году шамхал был назван не таркинским или кафыр-кумухским, а кази-кумухским и аварским. Следовательно, местопребывание шамхалов и в это время служил Кумух. Что же касается Тарков, то они, видимо, представляли собой один из крупных населенных пунктов, входивших в состав казикумухского шамхальства.

Имеется ряд документов, подтверждающих, что Кумух и в последующие века служил административно-политическим центром шамхальства. Например, русские летописи XVI в. сообщает, что, когда русские войска во главе с воеводою Черемисиновым напали со стороны моря на Тарки, там сидел с войсками крым-шамхал, который потерпел поражение и «бежал от них в горы, а город Тарки покинул»³⁰.

В документе говорится, что крым-шамхал отступил именно в горы, так как в резиденции шамхалов в Кумухе были сосредоточены главные воинские силы. Это подтверждается и сообщениями грузинских послов в Москве. Говоря о результатах похода русских войск в Кумыкию, грузинские послы в переговорах с русским правительством указывали, что для того, чтобы нанести разгром шамхалу, необходимо захватить Кумух³¹.

В 1604 г. грузинские послы снова поставили перед русским правительством вопрос о захвате Кумуха. Они рассказывали,

²⁹ В. Г. Тизегаузен. Ук. соч., стр. 185.

³¹ «Шамхалы Тарковские». ССКГ. Вып. 1, 1868, стр. 37.

что в Тарках есть «двор шевкалов, палаты каменные и избы». Из 300 дворов населения Тарков только 20 или 30 дворов проживали здесь постоянно. Остальные же, вместе с войском шамхала, появляются в Тарках только на время полевых работ. Сняв урожай, тарковцы, боясь нападения царских войск, прячут хлеб в ямах и снова возвращаются в горы к шамхалу. «А шевкал и дети его живут в Кази-Кумыках в горах, потому что то место от русских городов подале и места крепкие»³².

Из архивных документов о русско-дагестанских отношениях известно, что даже в XVII в., когда власть шамхала в Кумухе была ослаблена³³, церемония передачи и закрепления достоинства «шамхала» по установившимся прежде обычаям, происходила в Кумухе.

В русских архивных документах приводится много таких примеров. Так, в июле 1635 г., после смерти Илдара шамхала, Салтан-Магмут Эндирейский ездил в Кумух для выбора на шамхальство своего сына Айдемира, где «по их обычаям дается шевкальство, кого оберут кази-кумухские мурзы»³⁴.

В 1642 году после смерти Айдемира кумыкские князья, мурзы, и «черные люди» избрали шамхалом тарковского князя Сурхая, который также готовился к поездке в Кумух³⁵.

О пребывании шамхалов в Кумухе свидетельствуют также топонимические данные, собранные краеведом Али Каяевым.

До недавнего времени многие пастбищные горы и сенокосные угодия лаков носили имена «шамхалов». Например, шамхаллал оьрцалу (земли, принадлежащие шамхалам), шамхаллал ар (равнинные пастбища шамхалов), шамхаллал къур (пахотные земельные участки с сенокосными угодиями шамхалов)³⁶.

Приведенные данные доказывают достоверность документа о доходах казикакумухских шамхалов, включенного в Тарихи-Дагестан. Из документа видно, что к концу XIV века казикумухское шамхальство настолько расширилось, что в его состав входили многие аварские, даргинские, лезгинские и в особенности кумыкские общества. Это находит подтверждение и в выше приведенном сообщении Шефир-аддина-Иезди о походе Тимура в Дагестан, в котором «шаукал» назван не кем иным, как «Кази-кумухским и Аухарским»³⁷. А в XV—XVI вв. в шамхальстве, достигнувшем своего расцвета, стала прояв-

³² С. А. Бетокуров. Ук. раб., стр. 400 — 405.

³³ См. «Очерки истории Дагестана». Т. 1, Махачкала, 1957, стр. 95 — 97.

³⁴ ЦГАДА, Кумыкские дела, 1635 год.

³⁵ Там же. 1640 — 42 гг., л. 221.

³⁶ А. Каяев. Материалы по истории лаков. Рук. фонд ИИЯЛ, д. 1642, л. 188.

ляться тенденция к распаду. В 40 г. XVII в. власти шамхалов в Кумухе был положен конец в связи с мощным выступлением жителей Кази-Кумуха. Кумухская феодальная оппозиция, воспользовавшись недовольством крестьян, изгнала шамхалов из Кумуха и добилась замены правителей, назначавшихся шамхалами, правителями, выбираемыми на собрании феодальной знати, получившем название къати³⁸.

С этого времени Кумух перестал быть административно-политическим центром шамхальства. Последние были вынуждены обосноваться в Буйнакске, а потом в Тарках.

Несмотря на наличие этих данных Р. М. Магомедов, отрицая факт пребывания шамхалов в Кумухе, утверждает: «Не бывает в истории так, чтобы почти девять столетий владельцы правили народом, а их потомки ни с того, ни с сего бросали все, что до этого было связано с прежним образом жизни и уходили бы в другие места и находили бы там полный приют»³⁹.

Фактический материал свидетельствует о том, что перенесение резиденции из Кумуха в Тарки было вызвано не добровольными побуждениями шамхалов, а социально-экономическими и политическими причинами. К тому же, из истории феодальных обществ нам известно немало случаев, когда князья, в лице которых была сосредоточена центральная власть, в силу создавшихся социально-экономических и политических предпосылок, вынуждены были уходить из одной резиденции в другую, расположенной в более выгодных для них условиях.

Поэтому нет никаких оснований подвергать сомнению историческую достоверность дошедших до нас отдельных документов и преданий, свидетельствующих о нахождении древней резиденции шамхалов в Кумухе.

³⁷ В. Тизенгаузен. Ук. соч., стр. 185.

³⁸ «Очерки истории Дагестана», стр. 96.

³⁹ Р. М. Магомедов. Ук. раб., стр. 259.

**АРХЕОЛОГИЯ
И ЭТНОГРАФИЯ**

ГАЛЛИНСКИЙ МОГИЛЬНИК — ПАМЯТНИК СРЕДНЕВЕКОВОЙ АВАРИИ (СЕРИРА)¹.

Последние годы характеризуются расширением фронта археологических работ в Дагестане, причем параллельно с раскопками на плоскости интенсивные работы проводятся и в горах. Перемещение центра тяжести археологических работ в горную часть республики несомненно позволит ликвидировать белое пятно на археологической карте Дагестана, указывать на которое стало традицией в археологической литературе, посвященной Кавказу.

В результате археологических работ последних лет в нагорном Дагестане выявлен ряд памятников, относящихся к разнообразным историческим эпохам. Среди них большой интерес представляют средневековые могильники, обнаруженные на территории Аварии. Некоторые из этих могильников (Галла, Бежта) подверглись систематическим раскопкам, причем получен значительный по количеству и по значению материал, требующий обобщения в широком историческом плане.

Однако решению этой задачи должна предшествовать работа по установлению относительной и абсолютной хронологии этих памятников. Без этой работы наши выводы исторического порядка будут лишены конкретности и археологический материал не может претендовать на роль исторического источника.

В этой связи большой интерес представляют раскопки многослойного могильника в урочище Галла Хуизахского района ДАССР, который дал нам цельное представление о непрерывности исторического процесса на данной территории на протяжении всего средневековья. С другой стороны, ярко выраженная стратиграфия позволила расчленить небольшой, но

¹ Настоящая статья представляет собой первый опыт периодизации средневековых памятников Аварии.

достаточно выразительный материал по определенным историческим этапам внутри данного периода.

В июне 1957 года 2-ой горный отряд Дагестанской археологической экспедиции производил раскопки в урочище Галла². Раскопки могильника были начаты еще в 1956 году 1-ым горным отрядом Дагестанской археологической экспедиции³. Могильник был обнаружен следующим образом. В 1949 году учитель Аранинской средней школы Мансур Гайдарбеков сообщил нам, что в урочище Галла, расположенном в 2 км к северу от селения Гиничутль, Хунзахского района, местные жители постоянно находят глиняные сосуды и их фрагменты, бронзовые серьги и браслеты, железные наконечники стрел и т. д. Вскоре это место посетила экскурсия учащихся старших классов Аранинской средней школы. Во время экскурсии в обрезах многочисленных оврагов, которые прорезают долину речки Галла, экскурсантами были найдены небольшой кувшинчик с ярко выраженным носиком, бронзовое кольцо и железный ножичек, которые были переданы школьному историческому музею. В дальнейшем находки эти не прекращались.

Простой перечень последующих находок из Галла позволяет сделать вывод о большом хронологическом диапазоне этого памятника. Так, например, ученик Аранинской средней школы Магомед Джамалудинов нашел здесь бронзовую привеску в виде головки коровы с петлей для подвешивания и рубчатую бусину из голубой египетской пасты, датируемую первыми веками н. э.

В 1955 году горный отряд Дагестанской археологической экспедиции, руководимый В. Г. Котовичем, при зачистке полуразрушенного погребения обнаружил браслет из массивного бронзового прута с биконическим утолщением посередине и коническим утолщением на концах, а также бронзовое зеркало с петлей для подвешивания; на обратной стороне зеркала имеется рельефное изображение сцены пахоты быками. Эти находки отнесены исследователями к V—VII вв. н. э. При раскопках в 1956 году в Галле открыты погребения, которые датируются по стеклянным браслетам IX—XI вв.⁴ Из Галлы же происходит каменный крест с выгравированной на нем

² Состав отряда: Д. М. Атаев — начальник; В. М. Котович — мл. научный сотрудник; М. А. Хизроев — ст. лаборант; М. А. Агларов и М. Г. Гаджиев — коллекторы; А. Д. Пилюгин — шофер; А. Г. Гимбатов — рабочий.

³ Руководитель отряда В. Г. Котович.

⁴ В. Г. Котович. Отчет о работе первого горного отряда ДАЭ 1956 года. Рук. фонд ИИЯЛ Даг. фил. АН СССР, д. 2333, стр. 34—35.

надписью древнегрузинскими буквами⁵. Наконец, в 1956 году в Галле найден кремневый вкладыш от серпа, относящийся, по-видимому, к эпохе бронзы.

* * *

Галлинский могильник расположен на левом берегу реки Галла, на второй речной террасе, примерно в 1 км к З.—С.—З. от места, где дорога Махачкала — Ботлих пересекает Галлинскую долину. С севера долина граничит с довольно высоким хребтом Буцуддерил Бал. С юга она примыкает к Хунзахскому плато и вытянута по направлению с запада на восток. Она изрезана многочисленными глубокими оврагами. Общая протяженность могильника составляет 3 км (рис. № 1).

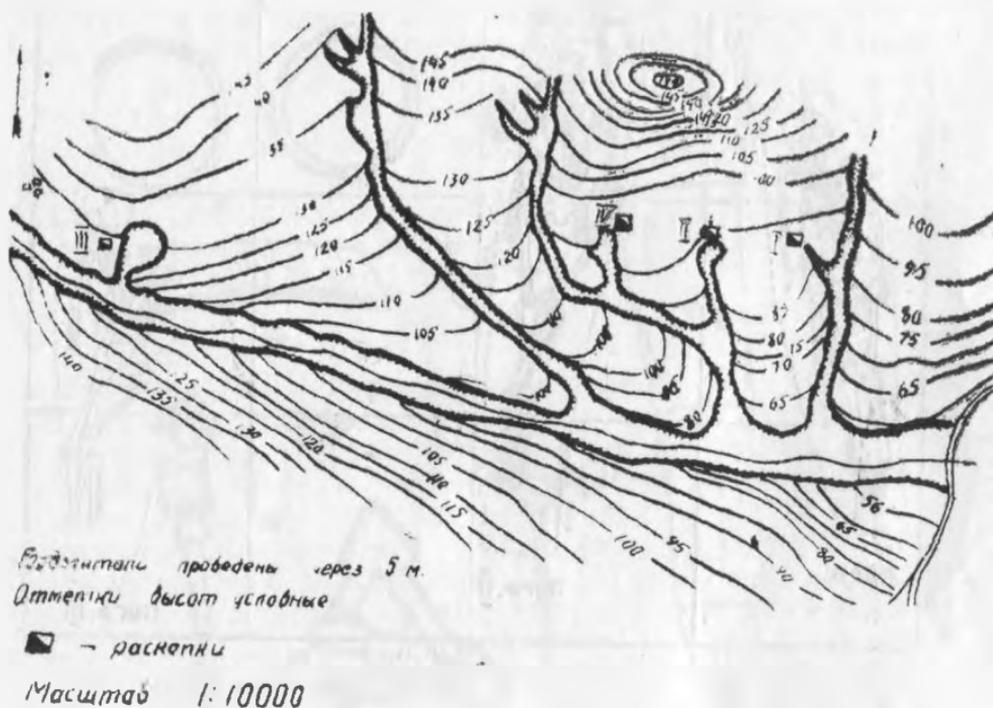

Рис. 1. — Топографический план Галлинского могильника. I—III №№ раскопок 1957 г. IV раскоп 1956 г.

В 1957 году на Галлинском могильнике было заложено три раскопа площадью 59 кв. м.

⁵ Т. Е. Гудава. Две надписи (грузинская и грузинско-аварская) из Дагестана. «Материалы по истории Грузии и Кавказа». Вып. 30, 1954, стр. 185 — 193.

Раскоп № 1 (18 кв. м.) разбит на расстоянии 190 м к востоку от раскопа 1956 года, на левой стороне второго по счету (на запад) оврага. На глубине 0,9 м от дневной поверхности было расчищено три костяка, лежавших в грунтовых могилах овальной формы. Могильные ямы имели размеры до $0,5 \times 2,20$ м. Могилы были перекрыты плитами размерами до $0,75 \times 0,55 \times 0,2$ м. В этих могилах погребения производились в вытянутом положении, на спине, головой на запад, лицом на север. Руки вытянуты вдоль туловища. У одного из погребенных (№ 2) ноги оказались перекрещенными (правая лежала на левой). В могиле № 3 ноги покойного были слегка согнуты в коленном суставе. Погребальный инвентарь во всех трех могилах отсутствовал (рис. № 2).

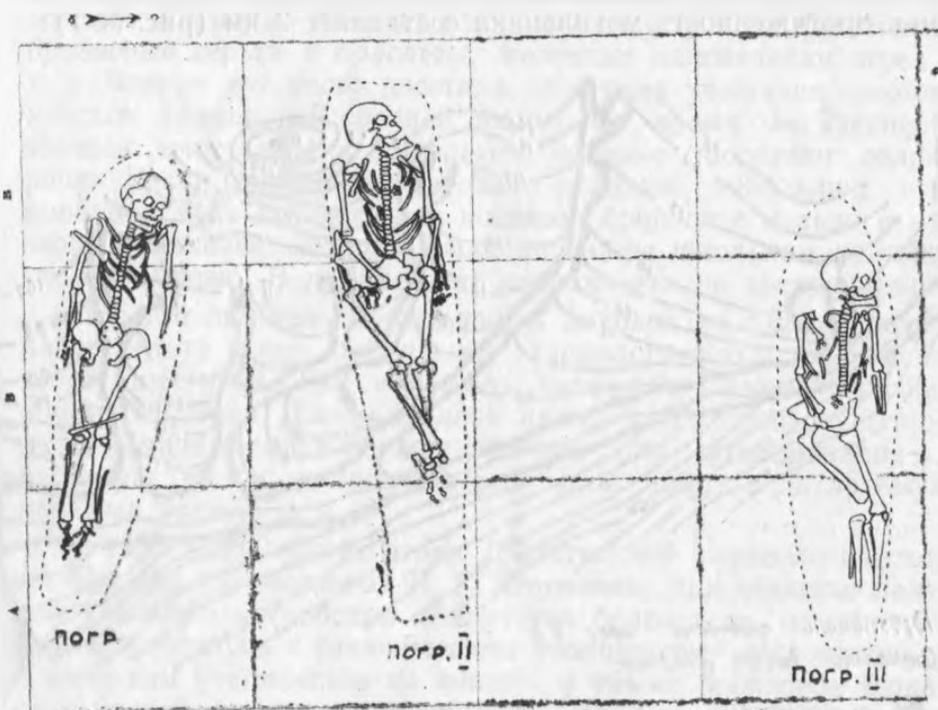

Рис. 2. — План погребений 1—3 раскопа № 1.

Раскоп № 2 (29 кв. м) разбит на расстоянии 90 м к западу от раскопа № 1. На глубине 0,5 м расчищены три каменные гробницы. Их боковые стенки сложены из небольших, поставленных на ребро плит. В качестве перекрытия употреблялись неотесанные плиты подпрямоугольной и подтрапещевидной формы размерами до $0,85 \times 0,56 \times 0,2$ м. Длина гробниц достигала от 1,9 до 3 м. Ориентировка гробниц — сз — юв. Одно из погребений (№ 1) оказалось потрево-

женным. Судя по сохранившимся костям, покойник лежал в вытянутом положении, на спине, головой на северо-запад. Сопровождающий инвентарь отсутствовал.

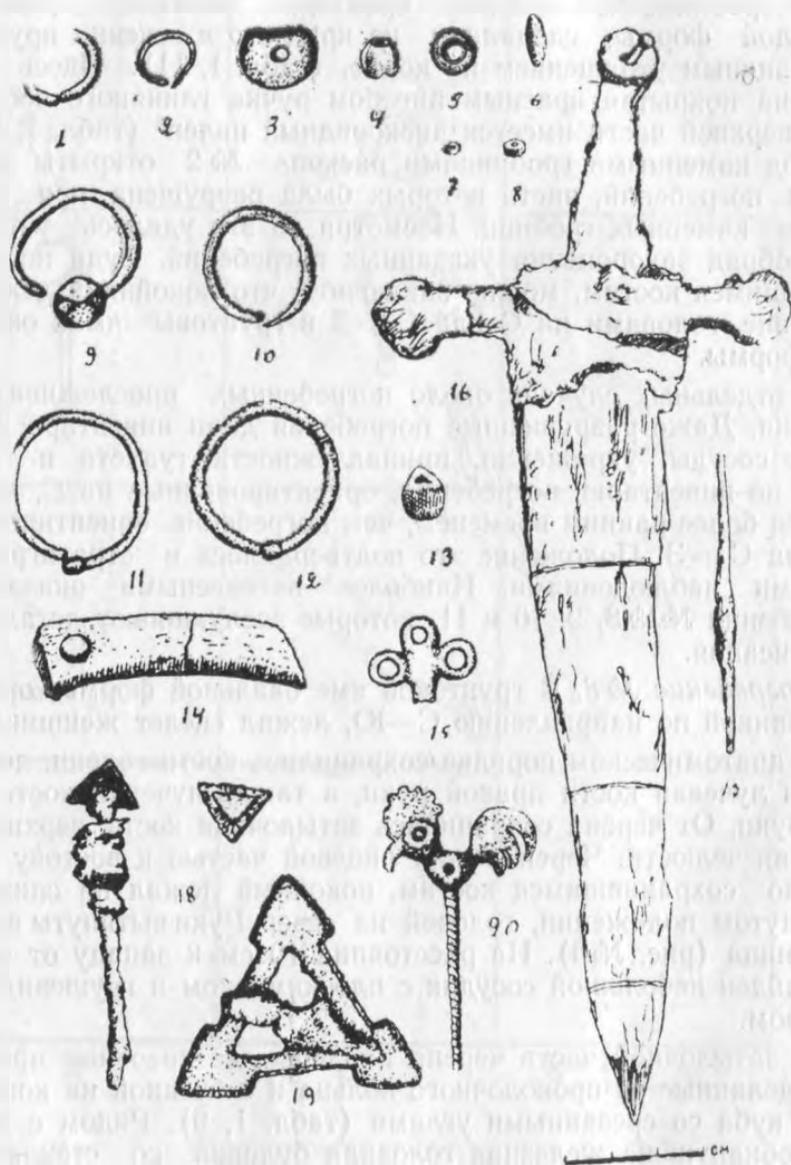

Таблица №1. 1, 2, 10—12—инвентарь каменных гробниц раскопа №2 и 3; 3—9, 13—16, 18—20 инвентарь погребений нижнего слоя; 17 железное шильце из погребения №12.

В гробнице №2 покойный лежал в вытянутом положении, на спине, головой на северо-запад. Руки вытянуты вдоль туловища, ноги слегка согнуты в коленном суставе. Погребальный инвентарь: две серьги овальной формы, сделанные из тонкой

проволоки с заостренными концами (табл. 1 — 2), литая пуговица в виде бубенчика и медный перстень с прямоугольным щитком, орнаментированный шестью резными кружочками. В гробнице № 3 найдена бронзовая височная привеска овальной формы, сделанная из круглого в сечении прута с бочковидным утолщением на конце. (табл. 1, 11). Здесь же найдена покрытая красным ангобом ручка глиняного сосуда. В ее верхней части имеется дисковидный налест⁶ (табл. 1, 14).

Под каменными гробницами раскопа № 2 открыты еще десять погребений, часть которых была разрушена при постройке⁷ каменных гробниц. Несмотря на это удалось установить обряд захоронения указанных погребений. Судя по сохранившимся костям, можно заключить, что покойники лежали на спине, головами на С или С — 3 в грунтовых ямах овальной формы.

В отдельных случаях около погребенных прослеживались угольки. Даже разрушенные погребения дали инвентарь: глиняные сосуды, украшения, принадлежности туалета и т. д. Судя по инвентарю, погребения, ориентированные на С, датируются более ранним временем, чем погребения, ориентированные на С — 3. Положение это подтвердилось и стратиграфическими наблюдениями. Наиболее интересными оказались погребения №№ 8, 9, 10 и 11, которые заслуживают детального описания.

Погребение № 8. В грунтовой яме овальной формы, ориентированной по направлению С—Ю, лежал скелет женщины.

В анатомическом порядке сохранились кости голени, локтевые и лучевая кости правой руки, а также лучевая кость левой руки. От черепа сохранилась затылочная кость, верхняя и нижняя челюсти. Череп лежал лицевой частью к востоку. Судя по сохранившимся костям, покойный лежал на спине, в вытянутом положении, головой на север. Руки вытянуты вдоль туловища (рис. № 3). На расстоянии 10 см к западу от черепа найден небольшой сосудик с плоским дном и грушевидным туловом.

У затылочной части черепа найдены две височные привески, сделанные из проволочного кольца и с бусиной на конце в виде куба со срезанными углами (табл. 1, 9). Рядом с черепом обнаружена железная головная булава со стеклянной

⁶ Погребальные сооружения, близкие по формам и размерам к каменным гробницам раскопа № 2, расчищены и на раскопе № 3. Здесь обнаружены 3 гробницы. Труположение и инвентарь в этих гробницах также одинаковы. Разница заключается в том, что гробницы раскопа № 3 ориентированы по линии СВ — ЮЗ, костяки головами на С — В.

⁷ Этим, видимо, объясняется тот факт, что ручка от ангобированного сосуда, несомненно относящаяся к более раннему времени, попала в каменную гробницу № 3.

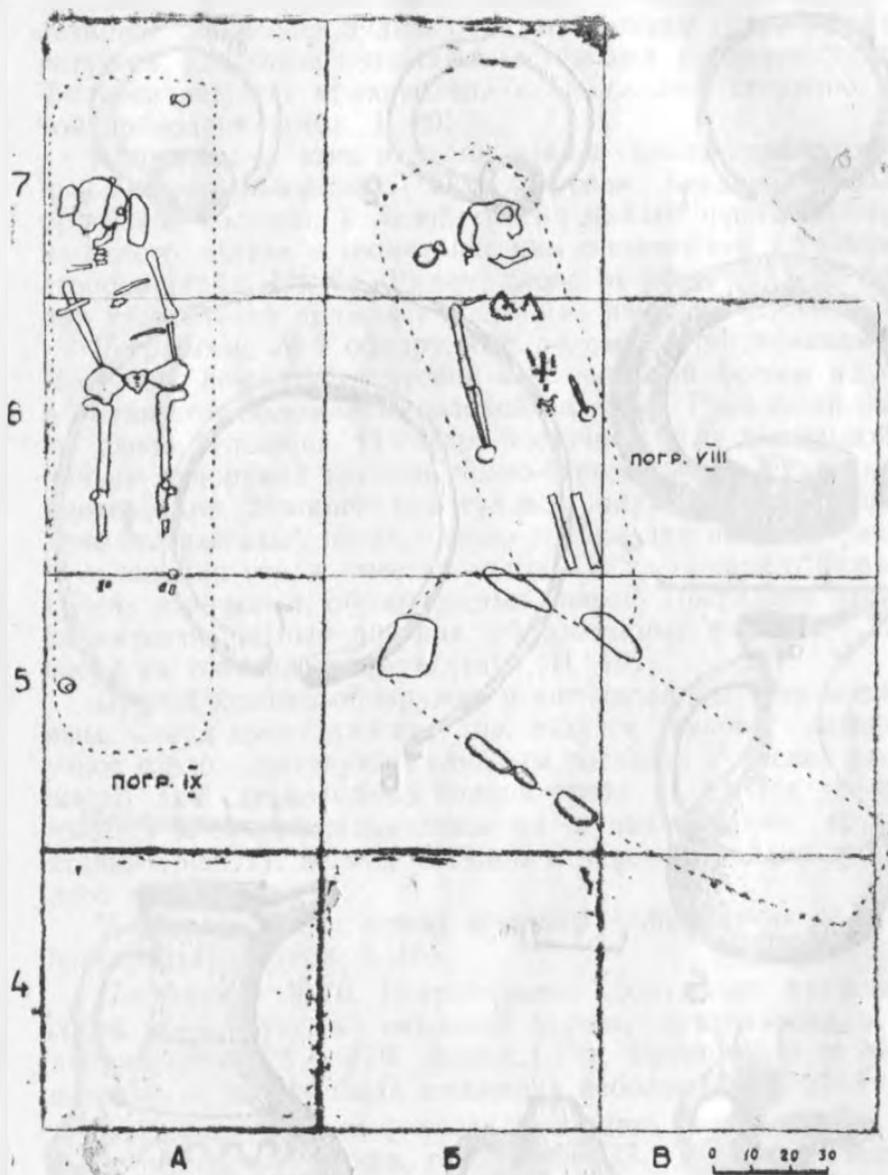

Рис. 3. — План погребений № 8, 9 раскопа № 2.

инкрустацией (табл. 1, 18). В области груди обнаружено 20 разнообразных бус. На кистях обеих рук найдено два бронзовых браслета, сделанных из толстого прута с коническими утолщениями на концах и биконическим утолщением посередине (табл. III, 4). В области таза лежал кожаный мешочек плохой сохранности, в котором оказались две арбалетные фибулы (таб. III, 1), низка бус, бронзовое колечко с жуковиной,

Таблица № II. 1, 6 шейная гривна и височная привеска из Гибиды; 2—3—височные привески из Гапшиминского склепа. 4. Височная привеска из Антцуха; 7. Браслет из Бежтинского могильника; 5, 8—10. Керамика Галлинского могильника.

заполненной стекловидной массой. Особый интерес представляет бронзовая булава с навершием, изображающим петушка. Его глаза выполнены вставками из красного стекла. Фигурка петушка прикреплена к бронзовому стержню из витой проволоки (табл. I, 20).

К востоку от этих находок найден сильно фрагментированный окислившийся нож. Под черепом найдено небольшое бронзовое колечко. У левой голени найден фрагмент зеркала из белого сплава с геометрическим орнаментом на оборотной стороне (табл. III, 5). Рядом, слева от него, найдена бронзовая треугольная пряжка с железным язычком (табл. I, 19).

Погребение № 9 обнаружено рядом с погребением № 8. Покойник лежал в грунтовой яме овальной формы на спине, в вытянутом положении, головой на север. Руки были вытянуты вдоль туловища. В северо-восточном углу могильной ямы найден однорукий кувшин темно-бурого цвета. Кувшин имеет плоское дно, биконическое тулово, цилиндрическое горло и ярко выраженный носик. Около носика два выступа—защипа. У основания горла имеется валик. Сосуд орнаментирован по тулову точечками, образующими пояс. Посредине их имеется зигзагообразный рисунок, образованный точками. Сделан сосуд на гончарном круге (табл. II, 10).

Другой кувшин обнаружен в юго-западном углу могильной ямы. Сосуд имеет плоское дно, вздутое тулово, длинное и узкое горло с вытянутым сливным носиком. У носика расположены два дисковидных налета (табл. II, 5). На дне сосуда имеется клеймо, указывающее на существование круга-подставки (рис. 1). Между сосудом и черепом найден зуб жвачного животного.

У правого плеча лежал железный кинжальчик с прямым перекрестием (табл. I, 16).

Погребение № 10. Погребальное сооружение представляет собой могильную яму овальной формы, ориентированную по направлению СЗ — ЮВ. Длина 1,7 м, ширина 0,45 м. Могильная яма по краям была выложена небольшими плитками.

Здесь был расчищен костяк женщины, лежащей на спине в вытянутом положении, головой на СЗ. Левая рука вытянута вдоль туловища, правая рука слегка согнута в локтевом сочленении, фаланги пальцев руки лежали в области таза (рис. № 4).

У северо-западной стенки найден фрагментированный красноглиняный сосуд с коническим туловом, широким горлом и «зооморфной» ручкой (табл. II, 8).

У черепа найдены две бронзовые височные привески в виде овального колечка со стерженьком, на который нанизаны три стеклянные бусины (табл. III, 2). На кисти правой руки найден бронзовый браслет, сделанный из тонкой, овального сечения,

проволоки небольшим утолщением посредине и на концах (табл. III, 3). На кистях обеих рук найдены браслеты из 18 синих стеклянных бус.

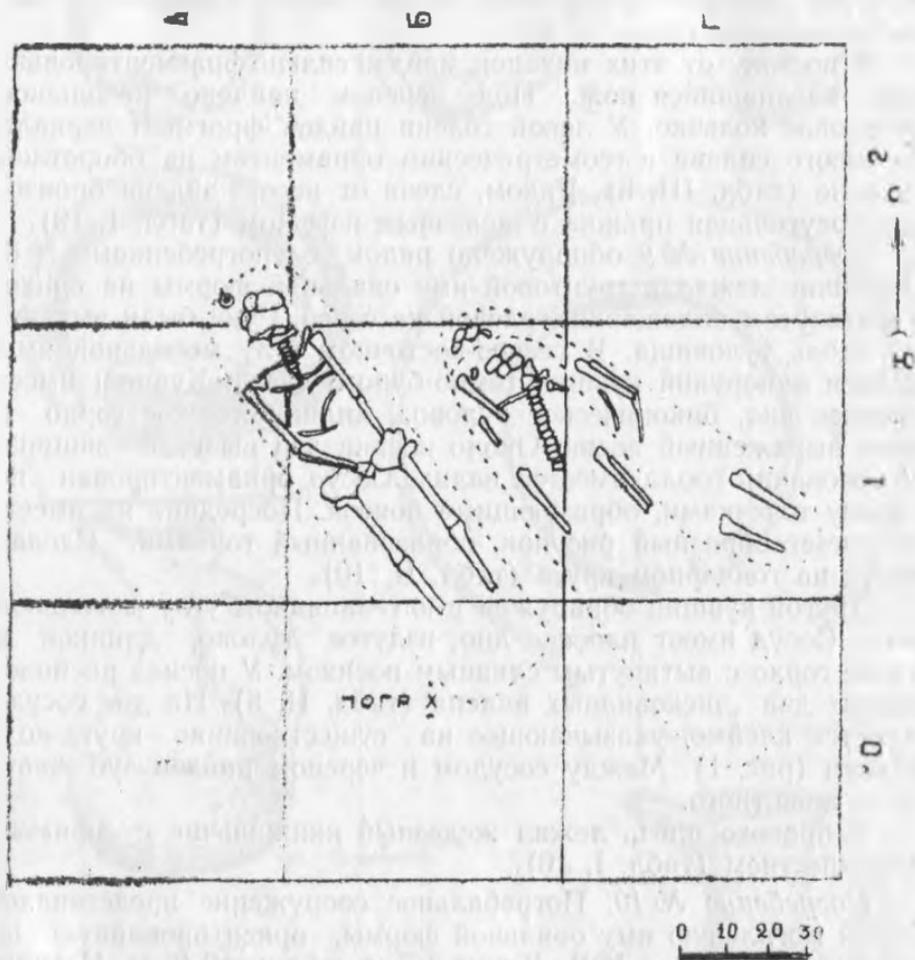

Рис. 4. План погребения № 10.

Погребение № 11. Под погребением № 10, в этой же могильной яме, найдены остатки другого скелета; кости голени, обломки ключицы, несколько ребер и плечевая кость. В юго-восточном углу могильной ямы найдено бронзовое зеркало с петлей для подвешивания и с рельефным геометрическим орнаментом на обороте (табл. III, 6). Остальные могилы оказались в значительной степени потревоженными и дали материал, близкий к инвентарю погребения № 10.

*
*

Расчищенные в 1957 году на территории Галлинского могильника 19 погребений несомненно относятся к различным

периодам средневековья. Об этом свидетельствуют стратиграфические наблюдения и различия в погребальном инвентаре. К наиболее древним погребениям следует отнести погребения № 8, 9 и 11 раскопа № 2.

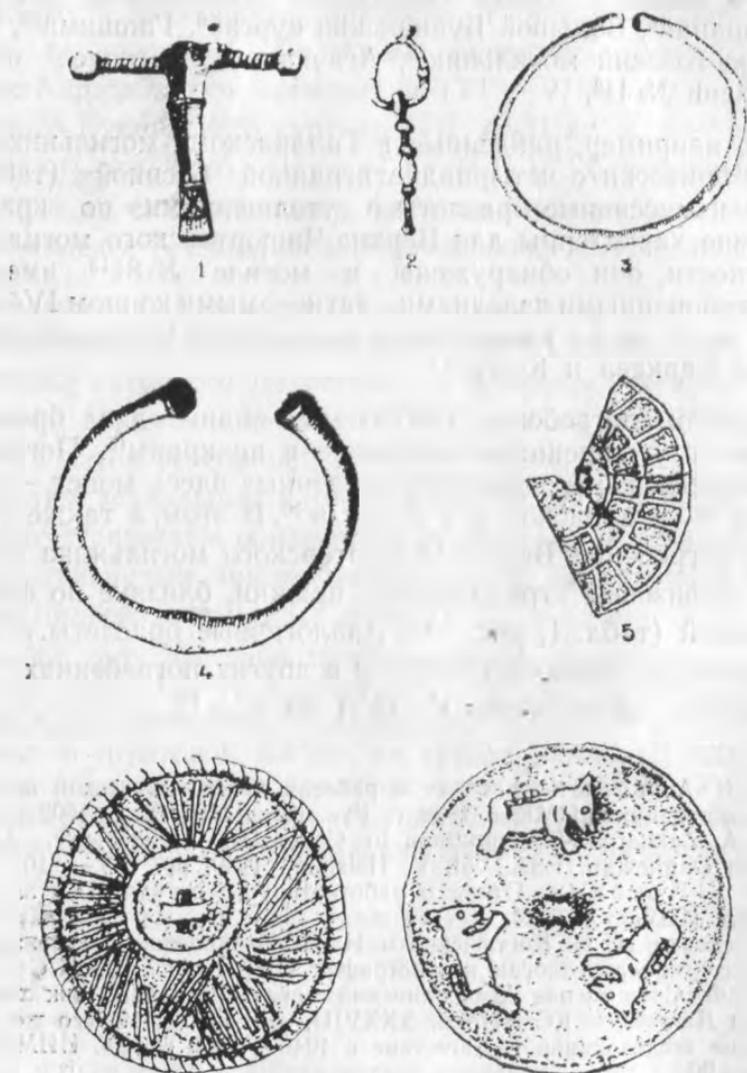

Таблица № III. 1, 4—7. Инвентарь нижнего слоя раскопа № 2 Галлинского могильника; 2, 3 инвентарь погребения № 10 (средний слой).

Как уже сказано выше, погребения эти представляют собой захоронения в грунтовых ямах овальной формы, ориентированные по направлению СЮ. По характеру погребального инвентаря захоронения нижнего слоя Галлинского могильника можно сблизить с целым рядом могильников Аварии и других

районов Дагестана, датируемых в пределах V—VII вв. н. э. (Куяда и Унты — Гунибский район, Ансалта и Годобери — Ботлихский район, Цилитль и Килятль — Гумбетовский район, Верхний Колоб — Кахибский район, Гидиб — Чародинский район, а также с такими известными памятниками, как Верхний Каранай⁸, Большой Буйнакский курган⁹, Гапшима¹⁰, Верхне-Чирюртовский могильник¹¹, Агачкала — восточное отделение склепа № 1¹².

Так, например, найденные в Галлинском могильнике височные привески с четырнадцатигранной бусиной (табл. 1, рис. 9) и массивные браслеты с утолщениями по краям и посередине характерны для Верхне-Чирюртовского могильника. В частности, они обнаружены в могиле № 81¹³ вместе с инкрустированными изделиями, датируемыми концом IV—началом V вв. н. э. по аналогиям с инвентарем могильников Северного Кавказа и Крыма¹⁴.

В другом погребении (№ 79) мы видим два бронзовых браслета с утолщениями посередине и по краям¹⁵. Погребение это относится, на основании найденных здесь монет — византийской и сасанидской, к VII в. н. э.¹⁶ В этом, а также в ряде других погребений Верхне-Чирюртовского могильника обнаружены бронзовые треугольные пряжки, близкие по форме к галлинской (табл. 1, рис. 19). Аналогичные браслеты и височные привески можно встретить и в других погребениях¹⁷ этого могильника, датируемого V—VII вв. н. э.¹⁸.

⁸ М. И. Артамонов. Отчет о работах Северокавказской археологической экспедиции ИИМК в 1938 г. Рук. фонд ИИЯЛ, д. 1602.

⁹ А. А. Zakharov. Contributions to Caucasian archaeology. A large barrow in Dagestan. ESA, vol. V. Helsinki., 1930, pp. 183—216.

¹⁰ В. Г. Котович. Отчет о работе горного отряда ДАЭ за 1955 г. Рук. фонд ИИЯЛ, д. 2224.

¹¹ Раскопки И. П. Костюченко и Н. Д. Путинцевой. Материалы хранятся в секторе археологии и этнографии ИИЯЛ.

¹² К. Ф. Смирнов. Агачкалинский могильник — памятник хазарской культуры Дагестана. КС ИИМК. XXXVIII, стр. 113—119; его же. Археологические исследования в Дагестане в 1948—1950 гг. КС ИИМК. X, V, стр. 83—96.

¹³ Инв. №№ 791, 793.

¹⁴ Т. М. Минаева. Могильник Байтад — Чапкан в Черкесии. СА. XXVI, 1956, стр. 246—256.

¹⁵ Инв. №№ 557, 558.

¹⁶ Сообщение Н. Д. Путинцевой.

¹⁷ Например, в могиле № 1 обнаружены 2 височные привески. Инв. №№ 8, 9.

¹⁸ В. И. Канивец. Дагестанская археологическая экспедиция в 1956 г. «Ученые записки» ИИЯЛ, т. 1, 1956, стр. 219; Н. Д. Путинцева. Гапшинский могильник-памятник раннего средневековья юго-восточного Дагестана. Рук. фонд ИИЯЛ, д. 2411.

Много общего с инвентарем нижнего слоя Галлинского могильника имеет и инвентарь Гапшминского склепа. Здесь вместе с вещами, характерными для III — VII вв. н. э. (инкрустированные изделия, фигурные пряжки, рифленая и ангобированная посуда и т. д.), в большом количестве встречались бронзовые и серебряные привески и браслеты, близкие по форме галлинским¹⁹. Подобный инвентарь известен нам из Верхне-Каранайского могильника (VI — VII вв. н. э.)²⁰, из Большого Буйнакского кургана (III — VII вв. н. э.)²¹ и Паласасыртских катакомб (III — VI вв. н. э.)²². Серебряные привески вместе с арбалетными фибулами обнаружены и в раннем комплексе Агачкалинского могильника (VII в. н. э.)²³.

Следует также отметить, что помимо названных могильников, инвентарь, подобный перечисленному выше, дают многие памятники нагорного Дагестана (в основном Авария). Так, например, в каменной гробнице из Гидиба (V — VII вв. н. э.) вместе с витой серебряной шейной гривной (табл. II, рис. 6), небольшим зеркальцем из белого сплава, украшенным выпуклым геометрическим орнаментом и крупным железным черешковым трехперым наконечником стрелы, обнаружены две височные привески (табл. II, рис. 1)²⁴.

В 1958 году две гипертрофированные привески с поллой бусиной (табл. IV, 4) в сочетании с двумя бронзовыми браслетами с характерными утолщениями (табл. IV, рис. 5) обнаружены в грунтовой могиле на хуторе Урала (Куяда)²⁵. Отдельные находки таких привесок известны нам из Унты (Гунибский район)²⁶, Аркаса (Буйнакский район)²⁷, Большого Гоцатля и Арадрыха (Хунзахский район)²⁸, Согратля (Гуниб-

¹⁹ М. И. Артамонов. Ук. рукопись, стр. 22; «Материалы к Всесоюзному археологическому совещанию». М. 1945, стр. 88. На правах рукописи.

²¹ А. А. Zakharov. Ук. соч., стр. 209, рис. 27, 28; стр. 212, рис. 31.

²² В. Г. Котович. Новые археологические памятники южного Дагестана. Материалы по археологии Дагестана, том I, Махачкала, находится в печати.

²³ К. Ф. Смирнов. Агачкалинский могильник... стр. 115, рис. 50, 23 и стр. 117.

²⁴ Материалы разведок 2 горного отряда в 1957 г.

²⁵ Материалы разведок 2 горного отряда в 1956 г. Коллекция из Гунибского района. Инв №№ 4, 13, 15, 16.

²⁶ Обнаружен М. И. Исаковым, заведующим дореволюционным отделом Дагестанского краеведческого музея.

²⁷ М. И. Исаков. Археологические памятники северной и центральной части Дагестанской АССР. Т. II, табл. IX, рис. 14 — 16. Обнаружены вместе с браслетом с утолщениями (рукопись).

²⁸ Находки эти хранились в историческом уголке Аранинской средней школы Хунзахского района, ДАССР.

ский район)²⁹, Ишкарты (Буйнакский район)³⁰, Килятля (Гумбетовский район)³¹, Чоха (Гунибский район)³², Шотота (Хунзахский район)³³, Антцух (Тляротинский район) (табл. 11, 4). По данным А. А. Захарова одна подобная привеска была найдена в Гунибском районе³⁴. Несколько подобных привесок с паспортом из долины Аварского Койсу хранятся в Эрмитаже³⁵.

Ареал распространения указанных выше подвесок не ограничивается одним Дагестаном. Известны также аналогичные украшения из алашских могильников Махческ, Чми, Озороково, Камбулта, Задолиск, Нижняя Рутха³⁶. Типологически близки к ним и привески, найденные в нижнем слое Борисовского могильника (V—VII вв. н. э.)³⁷.

Для Закавказья подобные привески не характерны. Нам известны только две литые подвески из Мцхета, найденные вместе с булавками, украшенными коралловыми головками в каменном ящике № 49 (IV—VIII вв. н. э.)³⁸.

По сравнению с Дагестаном находки этих привесок на Северном Кавказе, а также в Закавказье нам представляется явлением спорадическим. Несомненно, что наибольшая интенсивность этих находок наблюдается в Дагестане. В Дагестане отмечается и наибольшее разнообразие их форм.

Именно на примере находок этих привесок в Дагестане удается проследить их развитие. Здесь мы встречаем самые разнообразные их варианты, начиная от больших и массивных (диаметром до 10 см) с полой бусиной (Куяда, Верхний Каранай), которая около места соединения ее с прутком украшена звездчатой гайкой, и кончая небольшими бусинами с бочковидными утолщениями на концах.

Наиболее древними из них можно считать привески, найденные в Большом Буйнакском кургане и в Гапшиминском склепе (табл. IV, рис. 2, 3).

Верхне-каранайские (табл. IV, рис. 7—9) и куядинские привески, по-видимому, относятся к периоду их дальнейшего

²⁹ Сборы А. П. Млокосевич. Хранятся в музее истории Грузии, инв. №№ 42—12—13; 43—12—27.

³⁰ Там же. Коллекция Млокосевич за 1915 г., № 5.

³¹ Материалы разведок 1957 г. Коллекция из Гумбетовского р-на, инв. №№ 2, хранится в ИИЯЛ.

³² Материалы из Гунибского района, сел. Чох, инв. № 1. Хранится в ИИЯЛ.

³³ Хранилась в школьном историческом музее Аранинской школы.

³⁴ А. А. Zakharov. Ук. соч., стр. 216.

³⁵ М. И. Артамонов. Ук. соч., стр. 22.

³⁶ МАК, VIII, табл. XIII, рис. 5; XX, рис. 2; табл. XXXIV, рис. 6, стр. 192.

³⁷ Н. И. Репников. Некоторые могильники области крымских готов. ИАК, вып. 19, 1906, табл. 1—5, 13, 17—19.

³⁸ Хранится в Музее истории Грузии, инв. № 12—54—483.

развития³⁹. Последующая их эволюция представляется нам в сторону уменьшения, причем параллельно этому изменяется и форма бусины, которая, в конце концов, теряет свою симмет-

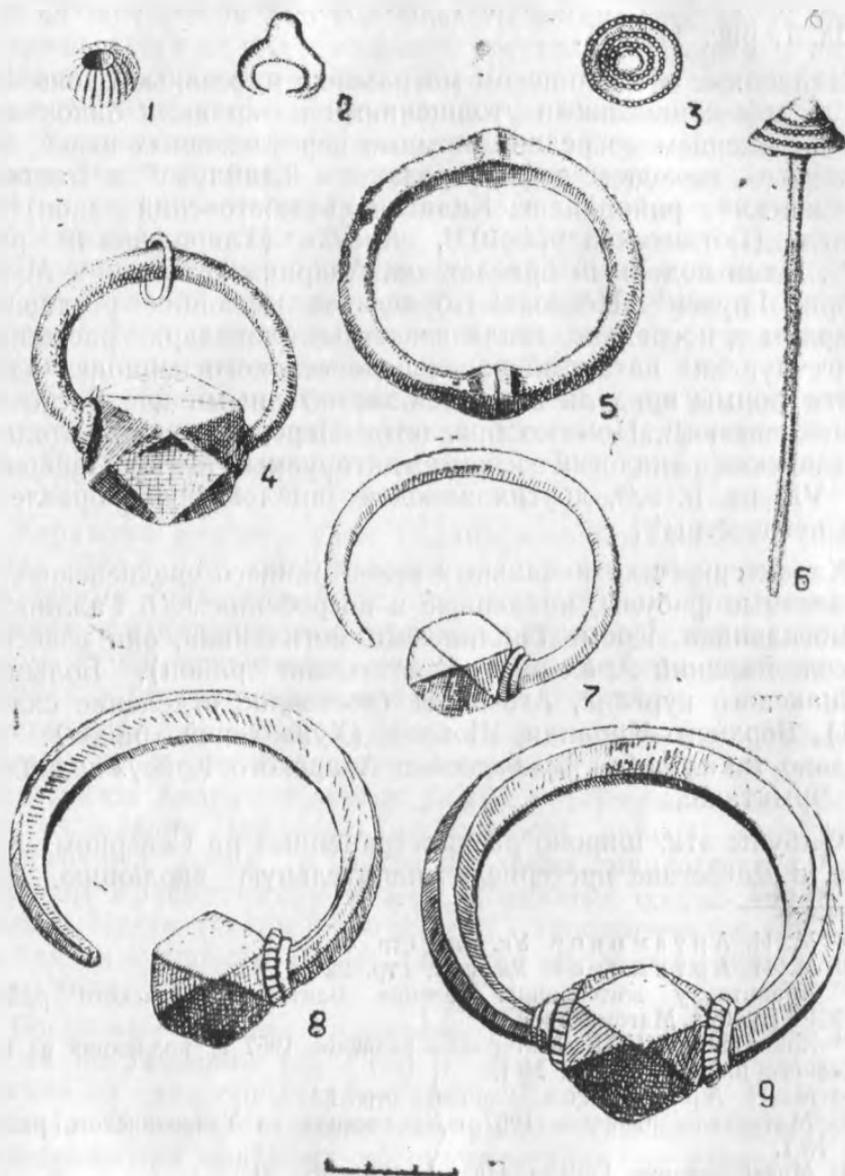

Таблица № IV. 1—6 инвентарь погребения у селения Куяда.

1 — бусина из голубой пасты, 2 лунница из желтой пасты;
3, 6 головная булавка, 4 височная привеска, 5 браслет; 7—9 привески
из Верхне-Каранайского могильника.

³⁹ Зафиксировано и сосуществование двух форм небольших литых и больших с полой бусиной (Гапшима).

ричность, принимает бочковидную форму. Таковы, например, варианты этих украшений, найденные в могильниках Галла (каменные гробницы), Ортоколо⁴⁰ и в Большом Гопатле, где они доживают до XI и может быть до XII века нашей эры (табл. I, рис. 11, 12).

Найденные в Галлинском могильнике массивные бронзовые браслеты с коническими утолщениями по краям и биконическим утолщением посередине, помимо перечисленных выше, как отдельные находки зафиксированы в Тлайлухе⁴¹ и Баитле⁴² (Хунзахский район), из Киятля (Гумбетовский район)⁴³ и Гагатля (Ботлихский район)⁴⁴, Ансуха (Тляротинский район)⁴⁵. Один подобный браслет «из Аварии» хранится в Музее истории Грузии⁴⁶. Несколько браслетов, имеющих утолщения по краям и посередине, стали известны благодаря раскопкам Мингечаурских катакомб раннесредневекового периода. Однако эти формы вряд ли являются характерными для Восточного Закавказья⁴⁷. Помимо браслетов Перещепинского клада и самтаврских аналогий к нему, датируемые М. М. Иващенко V—VII вв. н. э.⁴⁸, других находок аналогичных браслетов нам неизвестны⁴⁹.

Характерны для начальных веков раннего средневековья и арбалетные фибулы, найденные в погребении № 8 Галлинского могильника. Кроме Галлинского могильника, они известны из сел. Верхний Арадерих (Хунзахский район), Большого Буйнакского кургана, Агачкалы (восточное отделение склепа № 1), Верхнего Караная, Шотота (Хунзахский район). Несколько таких фибул «из бассейна Аварского Койсу» находятся и в Эрмитаже.

Фибулы эти, широко распространенные на Северном Кавказе, в Дагестане претерпели значительную эволюцию. Еще

⁴⁰ М. И. Артамонов. Ук. соч., стр. 41.

⁴¹ М. И. Артамонов. Ук. соч., стр. 22

⁴² Хранится у жительницы селения Баитль, Хунзахского района, ДАССР. Булбул Магомедовой.

⁴³ Хранится в ИИЯЛ. Материалы разведок 1957 г., коллекция из Гумбетовского района, инвент. № 1.

⁴⁴ М. И. Артамонов. Ук. соч., стр. 22.

⁴⁵ Материалы разведок 1957 г., коллекция из Тляротинского района, инв. № 1.

⁴⁶ Музей истории Грузии. Инв. № 43 — 12 — 21.

⁴⁷ Сведения относительно этих браслетов нам любезно сообщены К. Аслановым, автором раскопок Мингечаурских катакомб.

⁴⁸ М. М. Иващенко. Грузинские аналогии Перещепинскому кладу. КСИИМК, XVIII, стр. 58—59, рис. 19.

⁴⁹ Наиболее ранние находки такого браслета в Дагестане нам известны из Таркинского могильника. См. К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе Дагестанского селения Тарки. МИА, 23, стр. 26. а также из Хабадинского могильника у сел. Ругуджа. Раскопки М. И. Пиккуль, хранится в ИИЯЛ, инв. № 145.

М. И. Артамонов указывал на чрезмерное увеличение размеров дагестанских фибул⁵⁰.

Несомненно большой интерес представляют найденные в том же погребении № 8 Галлинского могильника две головные булавки. Одна из них с головкой треугольной формы, с инкрустацией из стекла треугольной формы, пока не имеет прямых аналогий в кругу соответствующих памятников (табл. I, рис. 18). Близкими к этой форме являются две бронзовые булавки с конической шляпкой из серебра, инкрустированные сердоликом и украшенные ложной зернью, найденные в Куяда (Гунибский район) (табл. IV, рис. 3, 1). Напоминает головку нашей булавки и навершие булавки, найденной в Гапшминском склепе. Булавки эти принадлежат к наиболее ранним на территории Дагестана и являются, на наш взгляд, судя по их форме, предметами местного производства.

Другая бронзовая булавка имеет навершие в виде петушка с глазами инкрустациями из красного стекла (табл. I, рис. 20). Подобная булавка с железной иглой, датируемая также V—VII в., найдена Е. Токайшвили в Грузии (Цалка)⁵¹.

Керамика нижнего слоя Галлинского могильника (погребения №№ 8 и 9) представлена изящными одноручными кувшинчиками с плоским дном, шаровидным или биконическим туловом, цилиндрическим горлом и характерно вытянутым носиком. Орнаментированы сосуды дисковидными налепами на носиках и резными кружочками — на ручках.

Один из этих сосудов сделан на гончарном круге. Сосуды, близкие по форме и орнаментации, известны нам из нескольких пунктов Аварии и других районов Дагестана. Так, например, из селения Цилитль (Гумбетовский район) происходит аналогичный сосуд, в настоящее время хранящийся в Дагестанском Краеведческом музее⁵². Подобный сосуд найден в селении Чувек (южный Дагестан)⁵³. Типологически эти сосуды близки кувшинам как из Закавказских могильников албанского типа.

Бронзовые зеркала Галлинского могильника из слоя V—VII вв. по размерам (до 7 см) и орнаментации напоминают зеркала из синхронных памятников Дагестана и Северного Кавказа. Причем, если для Северного Кавказа характерен геометрический орнамент, то орнаментация дагестанских зеркал имеет зооморфные, а иногда и бытовые сюжеты.

⁵⁰ М. И. Артамонов. Ук. соч., стр. 22.

⁵¹ П. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941, стр. 22.

⁵² М. И. Исаков. Археологические памятники центральной и северной части Дагестанской АССР, табл. VIII, рис. 24. Рукопись.

⁵³ М. И. Исаков. Археологические памятники Дагестана. «Материалы по археологии Дагестана». Т. I (находится в печати).

Если погребальный инвентарь данной эпохи представляется в значительной степени однородным, то в устройстве погребальных сооружений и в ориентировке покойников наблюдаются большие различия.

Захоронения в грунтовых ямах с ориентировкой СЮ, кроме Галли, известны в Аварии только в Куяде. Остальные могильники V — VII дают нам или каменные гробницы или же склепы разнообразной величины и конструкции.

Погребения №№ 10, 12, 13 Галлинского могильника, как показали стратиграфические наблюдения, относятся к более позднему периоду чем погребения №№ 8, 9 и 11. Различаются они по ориентировке. Вместо направления СЮ ранних захоронений появляется новое направление СЗ, ЮВ. Инвентарь этих погребений также имеет поздний облик. Например, бронзовый браслет, найденный в могиле № 10 (табл. III, рис. 3), относится к более позднему времени, чем браслет, найденный в погребении № 8. Скорее всего это дальнейшая форма развития браслетов с утолщением, сделанным из толстого прута. Подобные браслеты встречаются нередко в комплексах, относящихся к эпохе VIII — X вв. н. э. (табл. II, рис. 7)⁵⁴.

Для этой эпохи (VIII — X вв. н. э.) характерны и бронзовые серьги в виде незамкнутого колечка со штифтиком, на который нанизывались бусина из сердолика, оникса, стекла или же бронзы, найденные в погребении № 10 Галлинского могильника. В Дагестане эти серьги претерпели значительную эволюцию в сторону увеличения размеров⁵⁵.

В инвентаре могил этого периода довольно часто попадаются одноручные кувшины несколько худшей формовки, чем найденные в ранних погребениях, и небольшие железные ножички, более типичные для погребений VIII — X вв. (табл. II, рис. 9).

В целом по ориентации костяков и инвентарю погребения этого яруса Галлинского могильника близки к кругу памятников Аварии, относящихся к следующему этапу раннего средневековья, охватывающему VIII — X вв. Это памятники синхронные второму склепу и земляным могилам Агач-Калинского могильника. Они обнаружены в Баитле⁵⁶, в Большом Гоцат-

⁵⁴ Аналогичные браслеты известны, например, из Бежтинского могильника, датируемого VIII — X вв. н. э. «Отчет о работе 2-го горного отряда ДАЭ в 1957 г.» Рукоп. фонд ИИЯЛ, № 2476, альбом № 2, табл. V, 15.

⁵⁵ Р. М. Мунчаев. Отчет о работе ДАЭ 1954 г. Рук. фонд ИИЯЛ. д. 2305, стр. 51.

⁵⁶ Д. М. Атаев, В. М. Котович. Ук. рукопись, стр. 27 — 37.

ле⁵⁷, Накитле (Хунзахский район), Шодрода⁵⁸, Урада⁵⁹, Бежта, Росухе, вблизи Гогатля, Узун-тала (Буйнакский район)⁶⁰. Погребальный инвентарь этих памятников представлен браслетами из тонкой проволоки с небольшими утолщениями посредине и по краям (Бежта, Расухе, Харахи), серьгами в виде колечка с припаянным штифтом, на который панизаны бусины и т. д. (Урада, Кахиб, Комиб), Шодрода, Верхний Чир-юрт, Агач-кала и другие). Датировка этих памятников VIII—X вв. н. э. в большинстве случаев производится на основании находок в них головных булавок с напускными бусинами, имеющих аналогии в склепе № 2 и земляных могилах Агачкалинского могильника (Верхний Гогатль, Баитль и другие могильники Аварии).

В то же время нужно заметить, что широко распространенные в V—VII вв. н. э. формы височных привесок, браслеты и фибулы в инвентаре могильников, датируемых VIII—X вв., не встречаются.

Несмотря на существенное различие между погребениями V—VII и VIII—X вв. Галлинского могильника, у них наблюдаются и некоторые общие черты, выраженные в устройстве погребального сооружения и в труположении (узкие грунтовые могилы, в плане дающие овал, положение костяка на спине вытянуто, свободное положение рук вдоль туловища)⁶¹.

Обнаруженные на раскопах № 2 и 3 Галлинского могильника 6 каменных гробниц датируются в пределах XI—XII вв. Датировочным фактором, помимо стратиграфических данных, на которые указывалось выше, может служить и погребальный инвентарь.

Так, например, встречающиеся здесь височные привески с бусиной бочковидной формы, бронзовая пуговица в виде бубенчика или же покрытие прозрачной глазурью низкорольные кувшины вроде найденных в Цурибе не характерны для VIII—X вв. Встречаются в то же время и бронзовые колечки с заостренными концами (Ортоколо и Харахи), но их нельзя считать хронологическими показателями. Найдены они в могильнике⁶²

⁵⁷ М. И. Пиккуль. Результаты археологических исследований 1956 г. Ч. II. Рук. фонд ИИЯЛ, д. 2312, стр. 110.

⁵⁸ М. И. Пиккуль. Отчет о работе, проведенной ДАЭ летом 1952 г. Рук. фонд ИИЯЛ, д. 1988, стр. 36.

⁵⁹ О датировке Урадинского могильника см. Д. Атаев. Христианские древности Аварии. «Ученые записки» ИИЯЛ. Т. IV, 1958, стр. 163—164.

⁶⁰ Материалы этого могильника любезно предоставлены нам Н. Д. Путинцевой.

⁶¹ Следует отметить, что захоронение в грунтовых ямах овальной формы, которое мы наблюдаем в Галлинском могильнике, представляет исключение для VIII—X вв. в центральной Аварии. Остальные памятники дают захоронение в каменных гробницах, в основном ориентированных в диагональном направлении.

⁶² М. И. Артамидов. Ук. соч., 41, 48.

в урочище Комиб близ Ругуджа, датируемом В. Г. Котовичем IX—XI вв.⁶³ Полые бубенчики-пуговицы наибольшее распространение получили также после IX века. Видимо, они заменили фибулы, которые в погребениях после X в. н. э. не встречаются. Исчезновение же фибул связывается с появлением одежды горского покрова⁶⁴.

Могильники, относящиеся к эпохе после X века, кроме христианских и вышеперечисленных, известны в настоящее время в незначительном количестве. Это могильники из Чинка, Ортоколо, Цуриб, Ириб (Чародинский район)⁶⁵.

Погребальные сооружения этого времени представляют собой узкую грунтовую яму овальной формы, выложенную по краям мелкими плитами или голышами в два и три яруса. Боковые стенки ее или образованы вертикально поставленными плитами (Галла) или сложены из мелких камней в несколько ярусов (Ортоколо, Чина); иногда применяется комбинированная кладка (Цуриб).

Могилы в основном ориентированы с запада на восток. Отклонения очень редки (Галла, Ортоколо). Погребальный обряд также устойчив. Покойников хоронили в вытянутом положении на спине, головой на запад (в Галле на СЗ и СВ), руки лежали вытянутыми параллельно туловищу.

К XIII веку в устройстве погребальных сооружений и ориентировке мы наблюдаем полную стандартизацию. Развитие погребальных сооружений идет в сторону их упрощения, и они принимают форму близкую к современным⁶⁶.

Погребальный инвентарь этой эпохи довольно беден и невыразителен. Исчез обычай сопровождать покойника заупокойной пищей⁶⁷. Из инвентаря следует отметить: бронзовые серьги из тонкой проволоки с заходящими друг за друга, иногда заостренными, концами, хотя они и не являются дати-

⁶³ В. Г. Котович. Ук. соч., приложение табл. X III, 14.

⁶⁴ Е. И. Крупнов. Краткий очерк археологии Кабардинской АССР. Начальник, 1946, стр. 38.

⁶⁵ Последние два памятника обнаружены в 1957 г. 2 горным отрядом ДАЭ. См. отчет Д. М. Атаева и В. М. Котович о работе 1957 года. Рук. фонд ИИЯЛ, д. 2476.

⁶⁶ В настоящее время в Аварии встречаются 2 типа погребальных сооружений. Оба они представляют собой довольно глубокие (до 2 метров) прямоугольные в плане ямы. Различие между ними следующее: в тех местах, где грунт обладает твердой консистенцией, захоронения производят в дополнительно вырытых боковых подбоях этих ям; во втором случае на дне этой камеры роется узкая яма. Иногда эта яма по краям обкладывается небольшими камнями в один или два яруса и перекрывается каменными плитами различных форм и размеров. Такое сооружение представляет собой видоизменение каменной гробницы столь характерной для средневековой эпохи. Эту преемственность мы наблюдали для Мнарсо (Ботлихский район) и в целом ряде других населенных пунктов Аварии.

⁶⁷ Исключение — Цуриб. Здесь над каменной гробницей обнаружен поливной кувшин.

рующими. Встречаются височные привески с четырнадцатигранной бусиной. Распространены были и бронзовые полые бубенчики-пуговицы. Встречаются браслеты и кольца из разноцветного стекла.

На основании этих памятников можно сделать заключение, что в X — XIII вв. наблюдается преемственность культуры более раннего этапа средневековья (VIII — X вв.). Эта преемственность выражается в переживании ряда традиций, выраженных как в устройстве погребального сооружения (каменные гробницы), в погребальном обряде (труположении), так и в инвентаре (височные привески, бубенчики, пуговицы и т. д.).

Наконец, к более позднему времени относятся три погребения, расчищенные на раскопе № 1. Устройство погребального сооружения, отсутствие инвентаря и ориентация головой на запад позволяют предполагать, что перед нами раннемусульманские погребения, относящиеся, по-видимому, к XIV веку. Перекрещенные ноги в могиле № 2, по-видимому, объясняются мусульманским обычаем завязывать ноги покойника. Такие погребальные камеры в виде грунтовой ямы, перекрытой плитами, как было отмечено выше, и по сей день сооружаются в некоторых селениях Аварии. Поскольку проникновение мусульманской религии в Аварии зафиксировано в эпиграфических памятниках, относящихся к XIV веку⁶⁸, то, по-видимому, эти погребения из раскопа № 1 следует датировать тем же временем.

Многослойность Галлинского могильника и его солидная площадь свидетельствуют о том, что население, оставившее нам этот могильник, в течение длительного времени пребывало на данной территории, ведя оседлый земледельческий образ жизни. На примере Галлинского могильника можно проследить эволюцию форм погребального сооружения и обрядов погребения, которые в конце концов принимают современный облик. Приведенные аналогии к Галлинскому могильнику показывают, что этот процесс протекал на территории всей Аварии. Постепенно исчезает пестрота в устройстве погребального сооружения и ориентировки, столь характерной для V — VII вв.

К XIII — XIV вв. н. э. мы наблюдаем картину полной унификации и стандартизации в устройстве погребального сооружения и погребального обряда. Подобные явления, на наш взгляд, следует рассматривать как явление этнического поряд-

⁶⁸ М. С. Саидов. О распространении Абумуслимом ислама в Дагестане. «Ученые записки» ИИЯЛ. Т. II, 1957, стр. 44.

ка, т. е. как определенный этап в сложении этнической общности аварского народа⁶⁹.

С другой стороны, это явление можно поставить в связи с проникновением в Аварию монотеистических религий типа христианства и мусульманства⁷⁰. Анализ материальной культуры Галлинского и синхронных ему могильников Аварии показывает, что в общем эта культура имела единый облик, выраженный в широком распространении определенных руководящих форм (височные привески с граненой бусиной, браслеты с утолщениями и т. д.). В этом отношении материальная культура центральной Аварии отличалась от таковой же дикийских районов, где не встречаются некоторые виды украшений, в частности, височных подвесок, которые, видимо, являлись этническими показателями.

Некоторые формы украшений, добытые при раскопках в Галле, носят следы подражания вещам, привезенным из Закавказья и Северного Кавказа. Но в Дагестане, в частности в Аварии, они претерпели значительные изменения. Местные мастера, беря за основу определенный прототип, развивали эти формы согласно вкусам местного населения (арбалетные фибулы, серьги и т. д.).

Напротив, другие украшения, видимо, зародились на месте, и они выделяются из общекавказского материала по технике изготовления и оригинальности форм (головные булавки, височные подвески и т. д.). В общем материалы Галлинского и других могильников средневековой Аварии показывают несомненную близость ее материальной культуры к материальной культуре Северного Кавказа и Закавказья.

Материалы Галлинского могильника позволяют сделать выводы и относительно социального положения погребенных в Галлинском могильнике. Перед нами, несомненно, рядовые члены общества. Это явствует из относительно однородного и довольно небогатого инвентаря.

Таковы предварительные выводы, которые можно сделать из материала, полученного при раскопках Галлинского могильника в 1957 году. Дальнейшие раскопки этого памятника дадут интересный материал, который позволит уточнить хроно-

⁶⁹ В области политической истории Аварии период конца I тыс. и начала II тыс. нашей эры характерен возникновением государственного образования, известного под названием «царство Серир». О «царстве Серир» см. В. В. Бартольд. *Encyc. l'opédie de l'Islam*, I, p. 911 и «Очерки истории Дагестана». Т. I. Махачкала, 1957, стр. 38—39.

⁷⁰ О проникновении мусульманства и христианства в Аварию см. А. Шихаидов. Проникновение и распространение ислама в Дагестане в XI—XVI вв. Рук. фонд ИИЯЛ, д. 2403; его же. О проникновении и распространении христианства и ислама в Дагестан. «Ученые записки» ИИЯЛ. Т. III, 1957, стр. 54—77; Д. Атаев. Христианские древности Аварии. «Ученые записки» ИИЯЛ. Т. IV, 1958, стр. 161—182.

логическую шкалу и археологическую периодизацию материальной культуры средневекового нагорного Дагестана.

Список сокращений

- НИЯЛ — Институт истории, языка и литературы
ДАЭ — Дагестанская археологическая экспедиция.
ИИМК — Институт истории материальной культуры.
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях
Института истории материальной культуры.
СА — Советская археология.
ИАК — Известия императорской археологической комиссии.
МАК — Материалы по археологии Кавказа.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua.

О ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ОБРАЗАХ В НАРОДНО-ДЕКОРАТИВНОМ ИСКУССТВЕ АВАРЦЕВ

(По материалам петрографики)

Многообразные памятники декоративного искусства, в изобилии встречающиеся на территории нашей республики, свидетельствуют о многовековой, самобытной культуре народов Дагестана и их культурно-исторических связях с другими народами Кавказа.

Локальные особенности различных центров и очагов искусства являлись не только следствием национальных особенностей эстетического мышления горцев различных племен и народностей, но и следствием ряда конкретно исторических условий, в которых развивалась данная отрасль народного творчества. Наиболее широкое развитие в Дагестане получили промыслы по обработке шерсти, металла, камня, дерева, глины и других материалов.

Камень, дерево и глина являлись основными строительными и декоративными материалами, которые повсюду использовались в быту горцев. В народно-декоративном искусстве высокогорной части Дагестана до настоящего времени сохранились древнейшие художественные образы и мотивы.

Предлагаемая статья посвящена описанию некоторых памятников петрографики Аварии с той целью, чтобы ввести их в научный оборот, как весьма редкий материал по народно-декоративному искусству аварцев.

Работа в основном написана на полевом материале, собранном автором за время 2-х месячной командировки летом 1958 г. Всего было обследовано 50 селений Кахибского и Гунибского районов ДАССР. Наиболее интересный материал обнаружен в селениях бывшего Гидатлинского общества (Кахибский район) и в селениях Ругуджа и Корода (Гунибский район), причем зарегистрировано 300 памятников, большинство

которых найдено на стенах домов, на архитектурных сооружениях и на сельских кладбищах.

В статье использован также ряд работ по народно-декоративному искусству Дагестана как дореволюционных, так и советских ученых, в частности труды Дорна, Анучина, Н. Бакланова, А. С. Башкирова, Е. М. Шиллинга, Миллера и др.

Прежде всего следует остановиться на некоторых взглядах ученых на декоративное искусство Дагестана.

По характеру трактовки художественных форм А. С. Башкиров делит дагестанское искусство резьбы по камню на две части: на «северную резьбу» и «южную пластику». При этом он указывает, что «южная пластика» моделирует те или иные мотивы в реально-стилистических тонах, а в графике северного Дагестана они передаются в чрезвычайно примитивной форме типа graffiti, близкой, иногда, к детскому контурному рисунку без малейшего стремления к моделировке передаваемого сюжета композиции¹.

Вместе с тем А. С. Башкиров в искусстве резьбы по камню Дагестана выделяет два течения: народное и ненародное, указывая на то, что, «если сложная техническая трактовка южной пластики является достоянием инвентаря имущих классов, то простая северная резьба примитивного рисунка была доступна бедняку и была его орнаментальным делом по преимуществу. В последнем можно видеть произведение народного искусства...»².

Получается, таким образом, что народное искусство было больше распространено на севере Дагестана чем на юге, в действительности же высоко развитый вид этого искусства имеет место именно в южном Дагестане.

Подобная трактовка А. С. Башкирова в свое время подверглась критике со стороны Е. И. Шиллинга³, который не соглашался с тем, что петрогرافика сосредоточена главным образом в северном Дагестане. Он указывал, что она имеет немалое распространение и в южном Дагестане. Е. И. Шиллинг делит орнаментальное искусство Дагестана типологически на три слоя: 1) слой развитого искусства, представленного, преимущественно, пышным растительным орнаментом; 2) слой искусства внутреннего Дагестана; и, наконец, третий слой промежуточный.

Первый и второй слой Шиллинг, также как и Башкиров, разделяет территориально.

¹ См. А. С. Башкиров. Резьба по дереву и камню в Дагестане. М.-Л. 1931, стр. 106 — 107.

² А. С. Башкиров. Ук. соч., стр. 107.

³ Е. М. Шиллинг. Изобразительное искусство народов горного Дагестана. Доклады и сообщения исторического факультета МГУ. 1950, кн. 1, стр. 46.

Второй слой он связывает с территорией «в прошлом более изолированных областей внутреннего Дагестана», а первый слой — с остальной частью горного Дагестана⁴. Шиллинг, по существу, ставит вопрос также, как и Башкиров, только подносит его читателю в ином аспекте.

Что касается третьего слоя, то автор характеризует его следующим образом: «На границе между описанным слоем «развитого» стиля и слоем «искусства областей внутреннего Дагестана» мы имеем искусство, которое по своему характеру занимает промежуточное место. Таковы, например, златошвейные работы, отдельные мелкие очаги златокузнечества, искусство металлической насечки по дереву (в аварском с. Унцукуль) и некоторые другие отрасли»⁵.

С положением Шиллинга о том, что петрографика встречается и в южном Дагестане, вполне можно согласиться, но следует указать, что этот вид резьбы по камню не имеет такого широкого распространения в южном Дагестане, как в северном. Подобное количество памятников петрографики, какое имеется в Аварии, вряд ли можно встретить не только на остальной части Дагестана, но и на всей территории Кавказа.

Относительно выделенных Шиллингом в искусстве Дагестана двух или трех слоев надо сказать, что они недостаточно научно обоснованы. Вызывает также сомнение его попытка выделить в искусстве Дагестана какой-то третий, «промежуточный» слой.

Нельзя согласиться также с выводом А. С. Башкирова, который относит к продуктам народного творчества только петрографику Аварии, так как она якобы была доступна бедняку и являлась по преимуществу его орнаментальным делом⁶. Получается, что пластическая резьба южного Дагестана, поскольку она доступна только имущим классам и недоступна беднякам, не является народным искусством, народным творчеством.

Народность художественных явлений определяется тем, насколько они отражают поступательное развитие, когда они, в силу тех или иных исторических причин, выражают интересы народа, прогрессивные пути развития нации, объективно служат прогрессу. Поэтому мы не вправе считать сравнительно более развитую резьбу по камню не народным искусством только потому, что она доступна имущим классам и не доступна беднякам.

Из трудов, посвященных искусству Дагестана, следует остановиться и на работе Н. Бакланова — «Художественная

⁴ Е. М. Шиллинг. Ук. соч., стр. 46.

⁵ Там же, стр. 51.

⁶ А. С. Башкиров. Ук. соч., стр. 107.

культура Дагестана»⁷, изданной в 1923 г. по материалам обследования северо-западного Дагестана (селения Хунзах, Тануси, Датуна, Корода, Гонода, Хуштада общества Гидатль и ряд селений Андийского общества). Автор статьи делает более обобщенные выводы по искусству обследованных им районов Дагестана, чем Башкиров и Шиллинг, и по-иному подходит к вопросу о классификации. Бакланов разделяет искусство Дагестана на три эпохи: язычества, христианства и мусульманства. При этом искусство первых двух эпох он считает более развитым, чем искусство эпохи мусульманства. Искусство современного Дагестана автор считает примитивным⁸.

Искусство Дагестана в целом Бакланов называет прикладным или декоративным, а стиль его он относит к так называемому романскому искусству самого раннего периода.

Вызывают сомнение выводы Бакланова о том, что искусство Дагестана в целом является прикладным или декоративным, а его стиль он относит к романскому искусству самого раннего периода. Подобное утверждение автор не аргументирует и не обосновывает фактическим материалом.

Разработка и уточнение данного вопроса имеет большое историко-художественное значение и памятники искусства Дагестана также могут, на наш взгляд, занять определенное место в общей истории искусств.

Классификация памятников резьбы по камню

Прежде чем перейти к рассмотрению самих памятников, необходимо весь собранный нами материал разделить на ряд хронологических групп, хотя бы в виде рабочей гипотезы. Распределение резных камней нашего собрания на ряд хронологических групп и вытекающий отсюда вопрос датировки — является весьма трудной задачей, особенно в отношении памятников петрографики Гидатля (Кахибский район), где крупный рельеф для резных камней не является характерным. Последний представляет собой более развитую форму в искусстве резьбы по камню аварцев и встречается большей частью в бывшем Андалальском обществе (Гунибский район).

Фигуры оленя, козла, лошади, всадника или орнаментальные мотивы — спирали, лабиринты, свастика, спиралевидные узоры и другие фигуры, встречающиеся в петрографике Гидатля, относятся к древнейшим художественным образам и органически связаны с фигурами культовых рисунков, которые

⁷ Н. Бакланов. Художественная культура Дагестана. Журнал «Новый Восток», № 5, 1924, стр. 255.

⁸ Там же, стр. 106 — 107.

встречаются среди наскальных изображений Дагестана и в других местах Советского Союза⁹.

Трудность датировки объясняется тем, что, во-первых, эти образы, будучи в традиционно установившейся функциональной связи с бытом горцев, являются сами по себе позднейшими воспроизведениями древнейших знаков, и бывают часто «оживлены», как говорит А. Миллер, путем нового смыслового вклада в них; часто наблюдается совпадение в конечных стадиях графического оформления элементов, первоначально связанных с совершенно разными темами.

Во-вторых, очень часто встречается на памятниках позднейших времен (уже XX века) сосуществование в одной композиции нескольких художественных образов, порожденных разными временами, очень далеко отстоящими друг от друга в хронологическом отношении. Поэтому очень трудно определить точно время изготовления того или иного резного камня по типу или виду какого-либо образа или мотива, нанесенного на нем.

По тем же причинам затруднительна датировка памятника по трактовке нанесенной фигуры.

Невозможно датировать рассматриваемые памятники и по технике нанесения рисунка, так как под воздействием атмосферных условий изменяются поверхность камня и графическая резьба на нем. Поэтому невозможно определить каким инструментом наносился рисунок.

Невозможно также установить что-либо точно и из опроса местного населения, поскольку камни часто переносились с места на место и применялись как украшения. Так, например, в с. Мачада Кахибского района нам рассказывали, что такие камни с рисунками раньше были вставлены в стены христианских храмов или языческих капищ.

Все собранные памятники искусства резьбы по камню из Гунибского и Кахибского районов мы разделяем на три хронологические группы — на резные камни эпохи язычества, эпохи христианства и эпохи мусульманства.

При этом мы основывались на более ярко выраженных признаках того или иного памятника. Так, например, резной камень в виде креста или напоминающий форму христианского складеня мы не можем отнести к языческому периоду, а относим его к христианскому. Резные камни с ясно выраженным фантастическим сюжетом мы относим к первой группе, а памятники с элементами мусульманской религии к третьей группе.

⁹ Ср. наш рис. № 7 с рис. № 7 в статье В. И. Марковина Археологические памятники в районе сел. Капчугай ДАССР. «Советская археология», № 20, 1954, стр. 331.

По технике обработки они также делятся на три группы:

1. Памятники петроглифики и резные камни с плоскостной резьбой или очень низким рельефом;
2. Памятники с более глубокой резьбой или более выпуклым рельефом;
3. Барельефы и круглая скульптура.

Первые две группы делятся еще и на подгруппы. Первая группа делится на подгруппы — с контурной резьбой и с силуэтной обработкой фигур (выемка фона внутри контура). Вторая группа делится на подгруппы — с выпуклым узором (рельеф, выступающий над плоскостью камня) и с врезанным узором в толщу камня (рельеф, не выступает из плоскости камня, а наоборот, входит в него).

По сюжетам наши памятники, в частности памятники первой группы, делятся на следующие виды:

1. Изображение бытовых сцен или человека, всадника, группы всадников, стоящих неподвижно или скачущих, сражающихся между собой или охотящихся на животных.
2. Изображение отдельных животных: оленя, коня, собаки, змеи и фантастических существ.
3. Композиции, составленные из растительного мира.
4. Композиции, составленные из геометрического орнамента, переплетенных лентообразных полос и разнообразных символических знаков.

5. Кроме перечисленных четырех видов встречаются композиции, составленные из отдельных элементов, входящих в каждый из них и дающих разнообразные геометрические, трехчастные симметрично-геральдические схемы и другие групповые композиции.

Вторая группа памятников характерна крупным рельефом и состоит из резных камней с ленточным и растительным орнаментом. На некоторых памятниках изображены фигуры человека, лошади или фантастического животного.

В третью группу входят разнообразные украшения, вставляемые в стены архитектурного сооружения, как то: парные или одиночные шишки (по-аварски «кукби»), каменные кольца, головки животных и другие фигуры.

Иногда разная техника резьбы и мотивы, входящие в разные группы, скомпонованы вместе в одной композиции, давая роскошные орнаментальные украшения. Очень часто, например, растительный орнамент вплетается в композицию с животными и людьми или арабским письмом.

Следует указать на то, что в общем комплексе всевозможных композиций памятников позднейших времен, добрую половину занимает элемент эпиграфического характера. Памятники петроглифики не являются произведениями квалифицированных мастеров: их мог изготовить каждый горец. Инстру-

ментом в данном случае служили не специально изготовленные резцы, а часто предметы повседневного быта горца: шило, нож и разнообразные заостренные металлические предметы.

С появлением крупного рельефа или горельефа резьба по камню стала делом квалифицированных мастеров, тогда появились и специально изготовленные инструменты.

В с. Чох (Гунибский район) нам пришлось наблюдать за работой известного резчика по камню Омара Алиева, имеющего пятидесятилетний производственный стаж. Прежде чем наметить высекаемый узор, мастер ровняет поверхность камня, разбивая бугры и неровности с помощью зубила и молотка. После чего он начинает очищать или шлифовать поверхность камня специальным инструментом, который представляет собой обыкновенную лопату, специально обрезанную и заостренную. Мастер скоблит или шлифует поверхность камня, непрерывно подливая воду на обрабатываемую поверхность.

После того как поверхность становится совершенно гладкой, он покрывает ее небольшим слоем песка и, вода палочкой по песку, пробует или «ищет» соответствующую схему композиции. Когда схема выбрана, мастер намечает линии рисунка обыкновенным шилом, а затем убирает песок и заканчивает рисунок намеченной композиции. Теперь начинается обработка поверхности камня соответствующими инструментами. В зависимости от желаемой фактуры изображения выбирается и инструмент: прямоугольный профиль углубления и плоское дно достигается плоским долотом; округлые и овальные формы профиля и дна углубления создает жолобчатое долото; шило дает глубокую линию с острым дном.

В обследованных районах резной камень применяется для украшения архитектурных сооружений, для надгробных памятников и в быту. Такими камнями украшены обрамление дверей и окон (тимпаны, косяки, наличники), подпюры перекрытий, части арки, архиволты, замковые камни, кронштейны арочных плит, карнизы, выступы, подчеркивающие этажи, и ряд других мест.

В Гидатле редко употребляется резной камень для подчеркивания какой-либо конструктивной архитектурной детали. Он применяется больше как архитектурный декор.

В Андалальском обществе резные камни, имевшие назначение украшать архитектурное сооружение, в большей мере отвечают своему назначению, чем в Гидатле.

ОПИСАНИЕ ПАМЯТНИКОВ ИСКУССТВА РЕЗЬБЫ ПО КАМНЮ

Для нас особенно большой интерес представляют содержание композиций и сюжеты памятников резьбы по камню,

обнаруженные в Кахибском и Гунибском районах, среди которых особо выделяются памятники петроглифики Гидатля.

В Гидатле камни с графической резьбой имеют часто индивидуальные композиции и входят в состав монументального украшения орнаментально связанного архитектурного ансамбля.

Все собранные резные камни можно разделить на три группы по содержанию композиций:

1. имеющие символическое значение;
2. реально-бытовое значение;
3. чисто орнаментальное значение.

В каждой выделенной нами группе сообразно элементам сюжетов композиции можно выделить еще 4 подгруппы композиций:

1. с изображением животных;
2. с изображением человека;
3. с изображением всадников;
4. с астральными знаками.

Конечно, ни одна композиция из этих групп и подгрупп не встречается, так сказать, в «чистом» виде, а больше всего в каждой из них сочетаются сюжетные элементы разных групп и подгрупп, причем это явление не случайное, а наиболее характерное для памятников Аварии.

Перейдем непосредственно к рассмотрению резных камней, включенных нами в группу памятников эпохи язычества:

1. Памятник из с. Гоор (см. рис. № 1) Кахибского района, материал—гранитный камень, размер 50 см × 40 см¹⁰. Перед нами весьма странная композиция. Сразу бросается в глаза лабиринт, потом—животное под ним (фигура лабиринта вдвое больше фигуры лошади). К лабиринту «приделаны» ноги и он посажен на лошадь. В него вплетена фигура человека, который сидит на лошади. Справа к лабиринту присоединен крест с расширяющимися концами. Все эти фигуры композиции нанесены одновременно. Фигура лошади изображена вытянутой, сильно подчеркнута мужское начало (т. е. фаличность). Под лошадь (под копытами) проведена толстая линия, сливающаяся с задними и передними ногами, видимо, изображение змеи.

2. Памятник из с. Мачада Кахибского района, (см. рис. 2), материал — гранитный камень. Композиция состоит из фигур: лошади, квадрата в полтора раза превышающего фигуру лошади. Квадратная фигура присоединена к лошади при помощи линии, секущей один из углов квадрата. Размер 60 × 40 см.

¹⁰ Фамилию хозяина дома, на котором обнаружен этот памятник, я не мог узнать, потому что все население старого с. Гоора переселилось на более удобные в хозяйственном отношении места.

В общем, кажется, что фигуру квадрата образуют поднятые вверх руки всадника и, что первую фигуру художник намеренно утрировал для большей выразительности композиции и подчеркивания именно квадрата. Вся композиция представляет собой линейный рисунок. На фигуре лошади можно заметить крестообразно проведенные две линии, ко второй линии дополнительно проведено несколько вертикальных линий. Позади несколько выше лошади изображен треугольник с почкообразной фигурой в середине.

Рис. 1

3. Памятник из с. Хотода Кахибского района (см. рис. 3), материал — твердый песчаник. Композиция состоит из фигур лошади, равноконечного креста с расширенными краями и тоже превышающего размеры других фигур. К огромному кресту «приделаны» части человеческой фигуры и лошади. Спереди центральной фигуры изображен другой крест или крестообразная фигура, но уже меньшего размера и языческого извода. Сзади основной фигуры изображена вторая лошадь с рогаткой на спине. Вся композиция включена в рамку из ломаной линии. Рисунок нанесен выемчатым, силуэтным и линейным способами. Размер 65×40 см. Камень из дома Омара Якубова.

4. Памятник из с. Тадиб Кахибского района (см. рис. 4), материал — гранитный камень, размер 50×40 см. Композиция состоит из фигур всадника и креста. В этом случае крест находится не над спиной лошади, а впереди ее. Одна сторона

креста представляет собой продолжение линии, образующей морду лошади, вернее один конец креста выходит из морды лошади. На концах поперечной линии, пересекающей линию, исходящую из морды лошади, имеются перекладыны, образующие тоже кресты. Камень из стены дома Багужаева М.

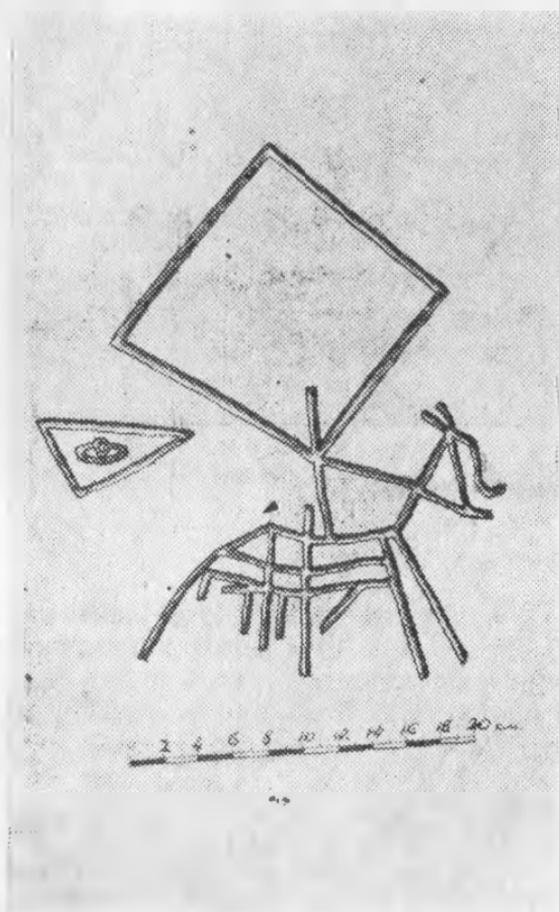

Рис. 2.

5. Памятник из с. Мачада Кахибского района (см. рис. № 5), материал — гранитный камень, размер 35 × 25 см. Изображен козел с вытянутым туловищем, над головой две кривые или скрученные линии. Над линией спины несколько фигурок: одна изображает собаку, другие — непонятны. Камень на стене дома Аси Хадиджат.

Рассмотрим памятники с композициями, имеющими реально-бытовое значение.

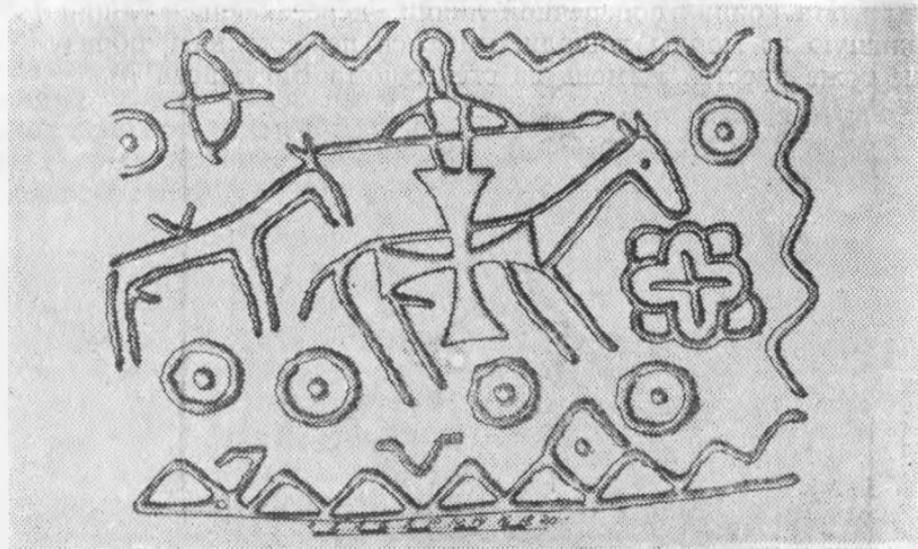

Рис. 3.

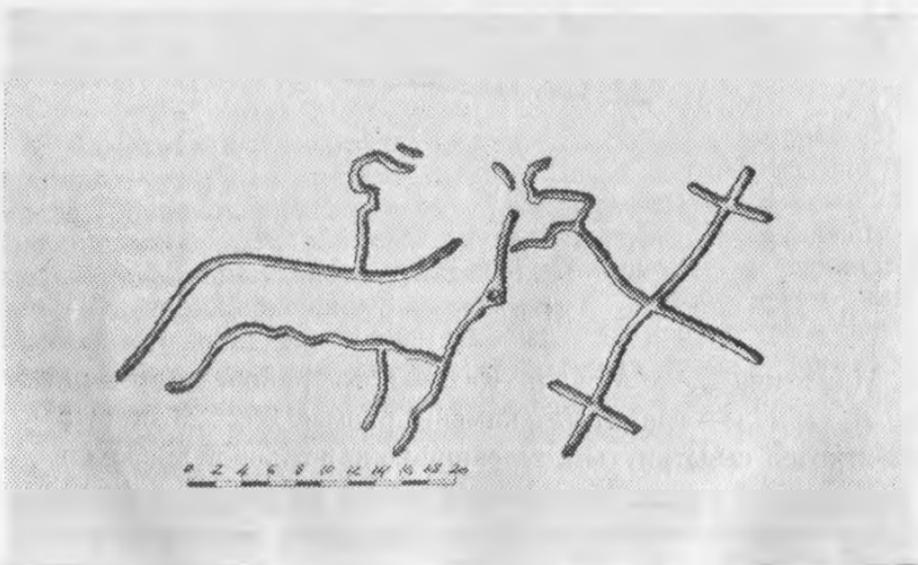

Рис. 4.

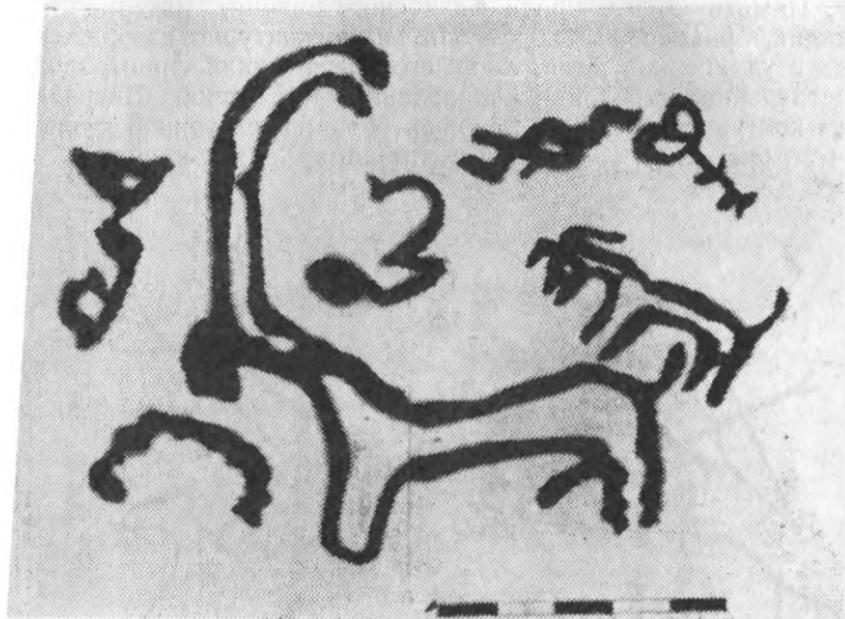

Рис. 5.

6. Памятник из с. Мачада Кахибского района, материал — твердый песчаник, размер 40×30 см. На этом камне изображен дикий кабан с двумя проткнувшими его стрелами. Рисунок контурный (см. рис. № 6). Случайная находка.

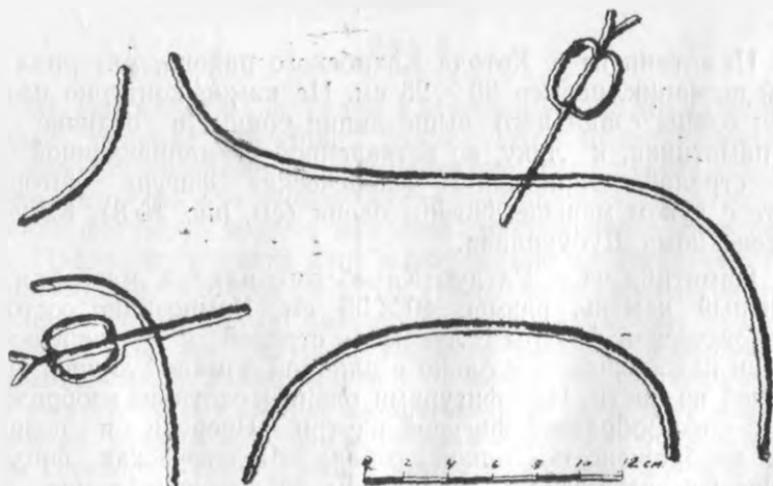

Рис. 6.

7. Памятник из с. Урада Кахибского района, материал — песчаник, размер 30×20 см. На камне контурно изображен олень с удлиненной шеей, сзади его, выше линии спины, лук, со вставленной стрелой и направленной на оленя. Впереди оленя контурно изображена собака, обращенная спиной к оленю (см. рис. № 7). Камень со стены дома Хаджи Удурата.

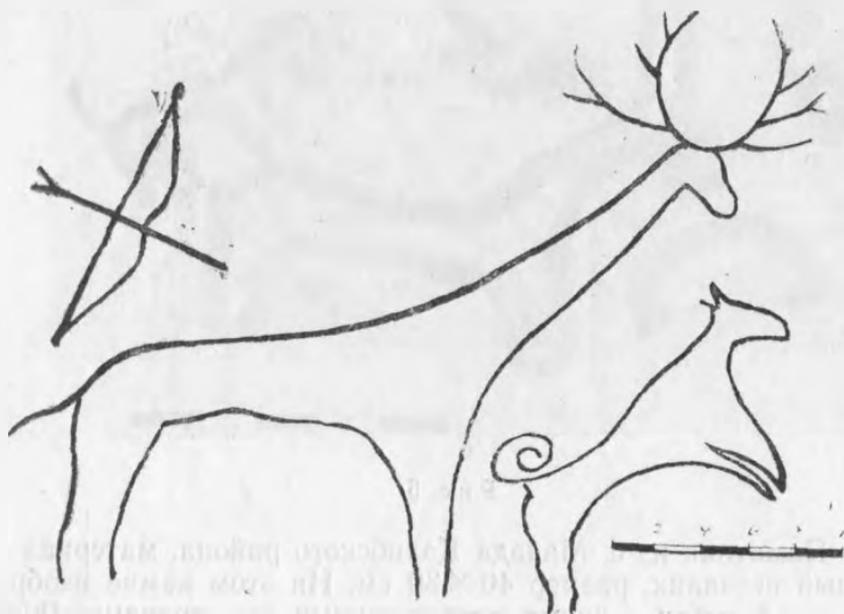

Рис. 7.

8. Памятник из с. Хотода Кахибского района, материал — серый песчаник, размер 35×25 см. На камне контурно изображен олень, сзади него, выше линии спины, в отличие от 7-го памятника, к луку, во вставленной и направленной на оленя стрелой, пририсована человеческая фигура, которая вместе с луком меньше фигуры оленя (см. рис. № 8). Камень на стене дома Дубухилава.

9. Памятник из с. Ратлуб Кахибского района, материал — гранитный камень, размер 40×55 см. Композиция состоит из человеческой фигуры с луком и стрелой с раздвоенным впереди наконечником и оленя с длинной ломаной линией, выходящей из пасти. Над фигурами оленя и охотника изображен круг с крестообразной фигурой внутри. Впереди и позади оленя изображено по одной собаке. Человеческая фигура меньше фигуры оленя и изображена сзади оленя, выше его линии спины. Лук и стрела преднамеренно увеличены, особенно стрела (наконечник стрелы превышает размер головы

охотника). Круг с крестообразной фигурой больше всех остальных фигур и составлен из лентообразной полосы, трактованной графически. Вся композиция исполнена контурно (см. рис. 9). Камень из стены дома М. Магомедова.

Р и с. 8.

10. Памятник из с. Тидиб Кахибского района, материал — серый твердый песчаник, размер 120 × 40 см. Композиция производит впечатление монументальности. С левой стороны композиции во всю высоту камня изображены две геометрические фигуры — круг, а над ним изображение в виде решетки. Правее этих фигур дано изображение человека — охотника с натянутым луком со стрелой. Наконечник стрелы сознательно преувеличен (он по размеру больше, чем колчан для стрел у пояса той же фигуры). Немного ниже от воображаемой горизонтальной линии, идущей от конца наконечника стрелы по направлению к оленю изображен еще один круг меньшего размера. Малый круг разделен на 4 сектора, с точкой в каждом секторе. Ниже этой фигуры изображен олень с двумя

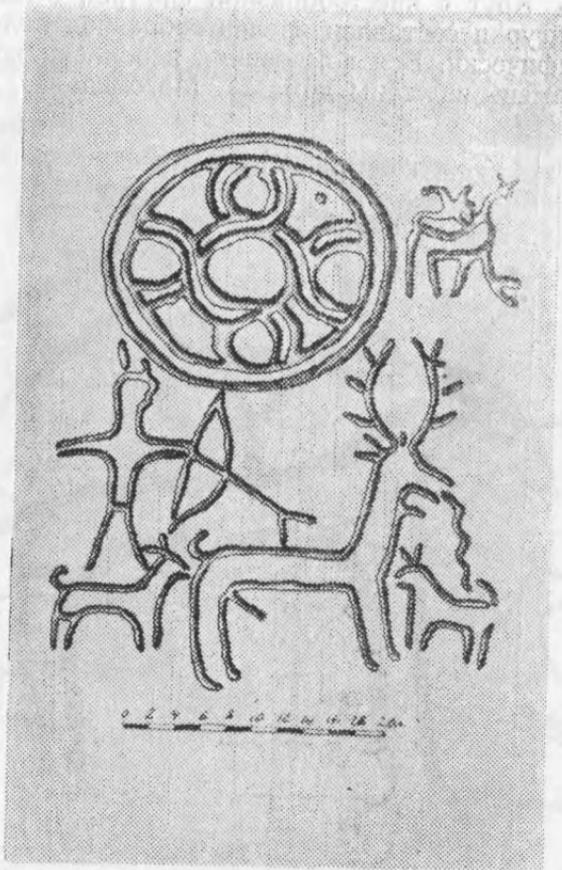

Рис. 9.

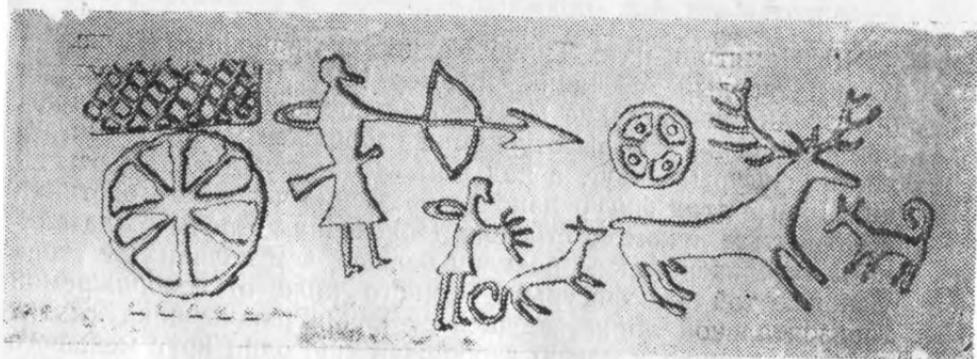

Рис. 10.

собаками (по одной с каждой стороны оленя). Между фигурой охотника и собакой изображен второй человек, но меньшего размера. Левая рука его, с огромной кистью, протянута в сторону оленя. У обеих человеческих фигур правая рука, поднятая горизонтально, согнута у локтя, а конец ее присоединен к верхней части грудной клетки так, что правая рука образует как бы петлю. Голова у большей фигуры снабжена огромным посом и представлена без обычного конусообразного головного убора. Фигура в длинном одеянии. На ногах фигуры обувь с высокими каблуками. Геометрические фигуры очень преувеличены (самая меньшая больше, чем фигура собаки). Рисунок исполнен силуэтно-выемчатой техникой (см. рис. № 10). Камень из стены башни Хад-Гитино.

В обрисовке фигур и их деталей чувствуется стремление к массивным чертам.

11. Памятник из с. Урада Кахибского района, материал — серый песчаник, размер 100 × 30 см. Композицию, состоящую из спешившегося охотника, держащего за узду лошадь, двух собак и козла, с двух сторон замыкают симметрично стоящие две равновеликие фигуры крестов христианского извода (см. рис. № 11). Кресты своей высотой занимают всю ширину камня.

Рис. 11.

Остальные фигуры изображены с учетом горизонта земли и необходимых пропорций животных и человека. На лошади видны седло и сбруя, не отмечен фалл у лошади. Человек вооружен палкой или шестом (нет наконечника копья). Рисунок нанесен контурным способом. Камень со стены здания сельского Совета.

12. Памятник из с. Хотода Кахибского района, материал — серый песчаник, размер 50 × 45 см. Памятник фрагментирован (см. рис. 12). Композиция состоит из двух фигур всадников: один большего размера, другой — меньшего. От большей фигуры осталась только передняя часть. Сохранились нашийник и часть копья с прикрепленным к нему знаменем — полотнищем с четырьмя концами. Человек у малой фигуры всадника

вооружен тоже знаменем с трехконечным полотнищем. Рисунок нанесен контурным способом. Камень на стене дома Мугура Гитино.

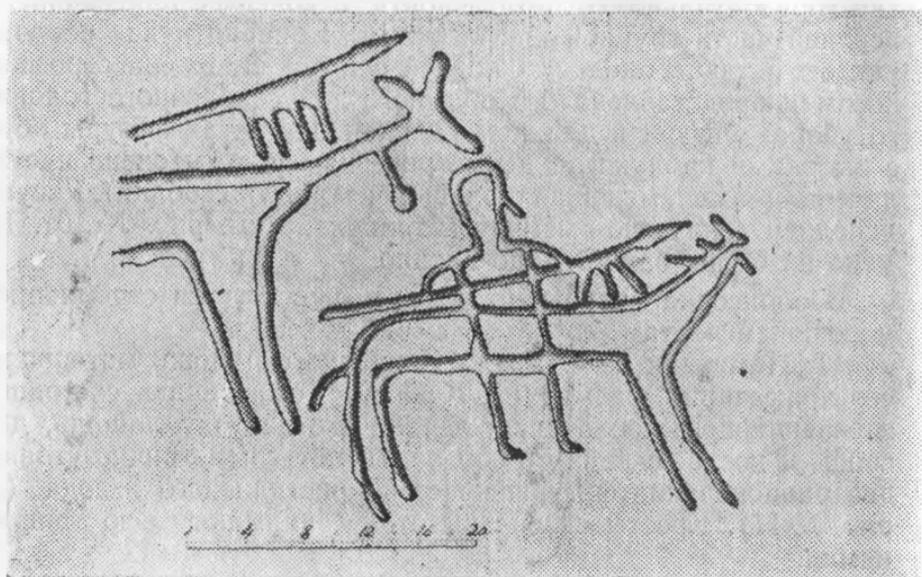

Рис. 12.

13. Памятник из с. Тидиб Кахибского района, материал — серый песчаник, размер 60 × 30 см. Композиция состоит из двух равновеликих фигур всадников, направленных друг на друга. Левый всадник вооружен луком и стрелой, правый вооружен пикой с трехконечным полотнищем, направленной на своего противника. Шея левой фигуры лошади снабжена нашейником — кистью с четырьмя концами. Обе человеческие фигуры как и в верхнем примере снабжены подчеркнуто длинными носами. Рисунок нанесен силуэтно-выемчатой техникой (см. рис. № 13). Камень на стене дома Алиева Умара.

Необходимо отметить, что в этих двух последних памятниках отсутствуют какие-либо геометрические фигуры, не связанные с изображаемой сценой. Большинство остальных отображенных нами памятников в своих композициях содержат крест и крестовидные фигуры, свастику и свастические фигуры, спирали, круги, квадраты и другие геометрические фигуры.

Среди наших памятников есть много изображений отдельного всадника. Большое количество композиций изображают фигуру лошади, меньше — козла, еще меньше — оленя. Всадник вооружен указанной пикой с 3-х или 4-х конечным знаменем. Все фигуры лошадей имеют на шее висящий предмет в

виде кости с кружком или треножкой на конце. У отдельно изображенной фигуры лошади к линии спины часто приставляется трехрогий или двухрогий знак. Отдельные пешие воины вооружены луком со стрелой, щитом, кривой саблей, пикой.

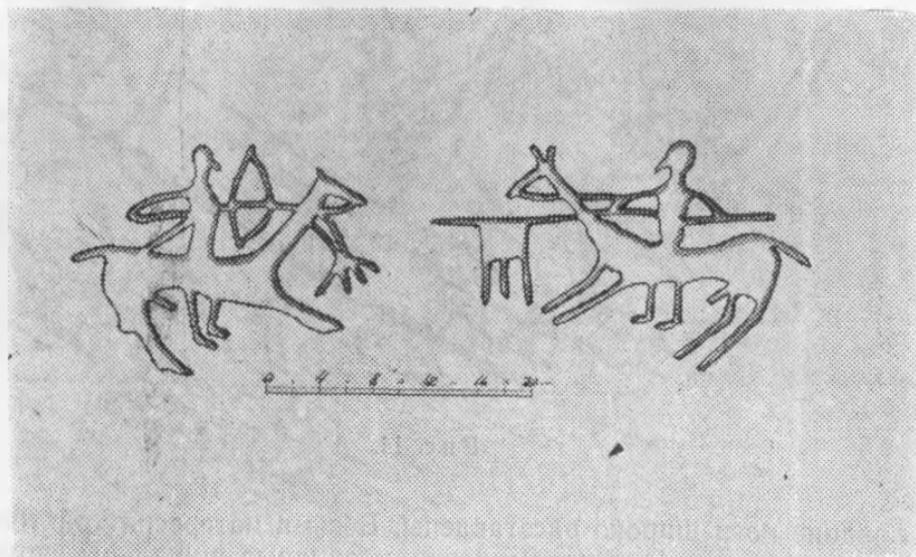

Рис. 13.

14. Сюда же входит групповая композиция на памятнике из сел. Тлях Кахибского района, материал — мягкий золотисто-коричневый песчаник, размер 55×30 см. Композиция состоит из трех всадников, расположенных друг за другом в одну линию, ниже изображен второй ряд животных, состоящих из фигурок коз (рогатых и безрогих). Фигуры коз тоже расположены в одну линию. В конце ряда изображена фигура человека с палкой в руках — видимо погонщик (см. рис. № 14)¹¹. Камень со стены дома Гасановой Айшат.

Все фигуры всадников вооружены саблями и ружьями, на головах всадников конические головные уборы. Все фигуры лошадей имеют вытянутую шею. В середине композиции между верхним и нижним рядом дано изображение солнца: овал с расходящимися вокруг лучами. Рисунок нанесен контурным способом. На всех перечисленных выше памятниках рисунок выполнен силуэтно-выемчатой, контурной и линейной техникой.

15. Памятник из с. Мачада Кахибского района, материал — золотисто-коричневый песчаник, размером 40×30 см. Компо-

¹¹ Рис. 5 — 8 — 13 исполнены по фотографиям Д. Атаева, за предоставление которых приношу ему благодарность.

зияция состоит из одного всадника. Он вооружен пикой, у пояса что-то вроде колчана. Шея лошади вытянута. Передние ноги лошади вытянуты вперед, затем загнуты вниз и назад,

Рис. 14.

задние ноги широко расставлены. Весьма интересна трактовка ног у лошади. Они напоминают змеевидные щупальцы спрута. Эти длинные ноги без копыт и вытянутая шея напоминают не лошадь, а верблюда. Всадник кажется посаженным высоко: он

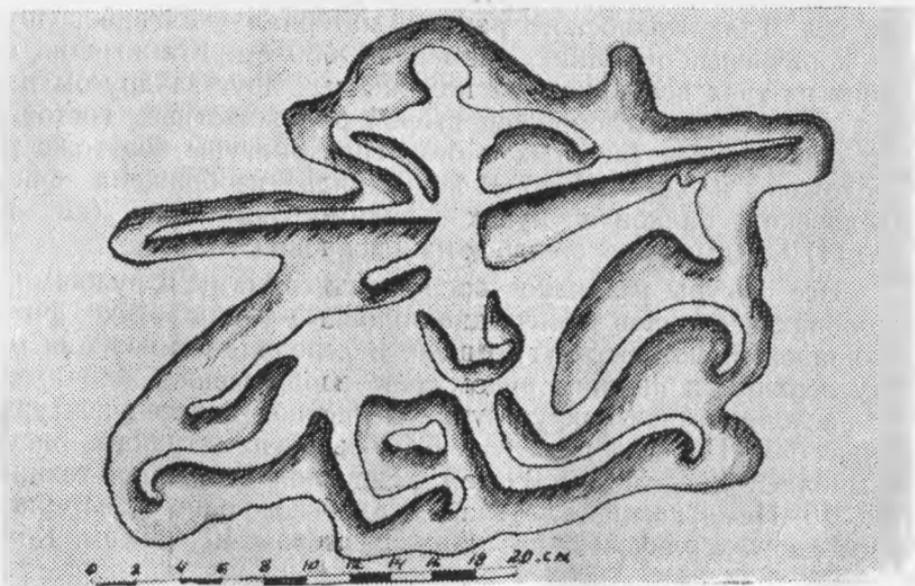

Рис. 15.

как будто сидит на горбу верблюда. Композиция выполнена глубокой выемкой фона вокруг силуэта фигуры всадника (см. рис. № 15). Силует всадника оставлен плоским, не моделирован. Камень находится в стене дома Махмудова.

Вся композиция в целом производит впечатление движения.

Перейдем к описанию третьей группы памятников, в которую входят композиции, имеющие чисто орнаментальное значение.

Рис. 16.

Мы отмечали ранее, что резные камни Гидатля отличаются от андалальских как по тематике сюжета, так и по технике резьбы.

В орнаментальных композициях Гидатля сосуществуют элементы без видимой связи между собой. Этого нельзя сказать

относительно памятников из Андалала, где господствует растительный орнамент, которым покрывается вся декорируемая поверхность.

16. Надмогильный памятник из с. Сомода Кахибского района. материал — серая сланцеватая плита, размером 150 × 70 см. Композиция, состоящая из трех кругов, обрамлена полосой спиралевидных неприкрывающихся завитков. У основания композиции изображено два круга с крестообразно сложенными полосками, выше — круг большего размера, выполненный силуэтно-выемчатой техникой. Над последней фигурой изображено графическим способом дерево-елка. Нижний конец ствола дерева соединен с упомянутым кругом и как бы вырастает из него (см. рис. № 16). Пустые промежутки в обрамляющей полосе заполнены треугольной фигурой.

Содержание сюжета композиций резных камней Гидатля и Андалала.

Полагаем, что самобытность и своеобразие художественных образов и мотивов вышеприведенных памятников очевидны для каждого. Весьма интересно и оригинально содержание их композиций. Невольно возникают вопросы: какие идеи лежат в основе этих рисунков. Какое сознание руководило художником — автором этих «странных» композиций.

Но какими бы «странными» они нам ни казались, мы должны найти ключ к разгадке содержания этих композиций. А искать идейные основы данных рисунков следует в особенностях сознания людей первобытно-общинного строя, обитавших когда-то на территории нынешней Аварии.

На территории плоскостного Дагестана в районе с. Калчугай (Буйнакский район) обнаружены наскальные изображения, которые В. И. Марковин относит к периоду II и I тысячелетий до н. э.¹².

Недалеко от с. Верхний Чир-Юрт (Кизыл-юртовский район) зафиксированы наскальные изображения, которые исследуются научным сотрудником Института ИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР Бредэ К. А. и будут изданы в ближайшее время.

Наскальные изображения обнаружены также близ с. Чирката Гумбетовского района (горная зона), близ с. Буйнака, и в с. Лучек Рутульского района (высокогорная зона). Лучекские наскальные изображения исследованы Лавровым Л. И. — сотрудником Музея антропологии и этнографии АН СССР в

¹² В. И. Марковин. Археологические памятники в районе сел. Калчугай ДАССР. «Советская археология». № 20, 1954, стр. 342.

г. Ленинграде и Исаковым — сотрудником Дагестанского республиканского краеведческого музея. (г. Махачкала)¹³.

Наскальные изображения, выполненные красной краской (охрой), обнаружены в Гунибском районе около селений Согратль и Ругуджа и описаны мною в плановой работе за 1957 год. Два последние памятника, видимо, относятся к эпохе бронзы (конец II тысячелетия до н. э., конец эпохи бронзы).

Памятники древнейших эпох Дагестана во многом аналогичны с общекавказскими. Об этом свидетельствует сходство многих образов среди наскальных изображений. Исследуя вопрос об идейном содержании некоторых рисунков на наших памятниках, мы обращаемся прежде всего к памятникам Кавказа, в частности Северного Кавказа — к памятникам Кобанской культуры. По сюжетам и композициям памятники петрографии Гидатля, особенно по орнаментальной части, во многом сходны с памятниками Кобанской культуры, (что особенно прослеживается в резном дереве Гидатля). Это было отмечено еще А. С. Башкировым, Е. Шиллингом и А. Миллером¹⁴.

Позднейшие раскопки на территории нагорного Дагестана лишний раз подтвердили данное положение. Достаточно привести для примера бронзовые поясные пряжки, найденные археологами Института ИЯЛ Даг. филиала АН СССР, в 1956 году около с. Бежта Цунтинского района ДАССР, и сравнить их с памятниками поздней Кобани, чтобы убедиться в полном сходстве изображенных фигур животных. Все детали бежтинских пряжек, начиная от формы самой пряжки и кончая узором на бордюре, вполне подобны памятникам из верхнего слоя Кобанского могильника¹⁵.

Вопрос о датировке Кобанской бронзы еще не решен окончательно, но ряд ученых согласно причисляет ее к периоду между позднейшей бронзой и железным веком (начало первого тысячелетия до н. э. и первые века н. э.).

Коснемся изображения лошади в общем комплексе художественных образов, входящих в так называемое Кобанское искусство. Остановимся на фигуре лошади в сюжетах известных кавказских пряжек. Хотя они не относятся непосредственно к инвентарю Кобанского могильника, но имеют много

¹³ Л. И. Лавров. Из эпиграфических находок Дагестанской экспедиции. «Сборник музея антропологии и этнографии». Т. XII, 1957 г.

¹⁴ См. А. С. Башкиров. Ук. соч., стр. 107. Е. Шиллинг. Ук. соч., стр. 46. А. Миллер. Древние формы в материальной культуре современного населения Дагестана. «Материалы по этнографии». Т. IV, вып. 1, 1927 г.

¹⁵ См. «Материалы по археологии Кавказа». Вып. VIII, 1900 стр. 36, рис. 39, 40, табл. III — 3, 2, табл. V — 1, 3, табл. VIII — 1 — 2, табл. XV — XVI — XVIII, табл. XXIII — 2, табл. XI — 12, 13, табл. CXXXIV — 1, 2, 3, 4, рис. 75, стр. 80, рис. 237, стр. 306 и др.

общего с ним, особенно в стиле, в художественных формах, в трактовке фигур, в технике выполнения.

Относительно их датировки среди ученых существуют разные точки зрения, но почти все считают, что изображения на них отражают не реальные сцены бытовой жизни, а народные мифы, предания и легенды. Много памятников Кобанского искусства обнаружено и на территории Грузии.

Ш. Амиранашвили обработал их и пришел к выводу, что эти памятники имеют много общего с остальными памятниками грузинского искусства. Он включает их в так называемое кавказское искусство¹⁶.

Ф. Гончар сравнивает художественные образы этих пряжек с образами на керамике Предкавказья и Азербайджана. Кроме того он видит связь между этими пряжками и бронзовыми поясами из Калакента и Киева¹⁷. Ф. Гончар утверждает, что стиль кавказских поясных пряжек сходен с Луристанской бронзой (Северный Иран). Подобное утверждение бесспорно является правильным. В этом мы убеждаемся, когда сравниваем бронзовые изделия из луристанских могил близ г. Гарпи (севернее Хузистана), хранящиеся в Государственном Эрмитаже г. Ленинграда с кавказскими поясными пряжками.

Это свидетельствует о том, что на огромной территории, от Предкавказья до Северного Ирана, в технике изготовления художественных изделий из бронзы на определенной ступени исторического развития господствовал единый стиль.

Возможно ли, что на разных территориях, при приблизительно одинаковых исторических условиях на определенной стадии развития общества, господствовала приблизительно одинаковая идеология. Полагаем, что возможно. Поэтому на низших ступенях общественного развития различные народы с приблизительно одинаковыми социально-экономическими условиями приходят к приблизительно одинаковым художественным образам.

Мы полагаем, что образ лошади без седока на определенном этапе развития имел на Кавказе религиозно-символическое значение как тотем¹⁸ и появился в более раннюю эпоху, чем изображение всадника¹⁹.

О культовом значении изображения лошади на памятниках Кавказа бронзового и железного веков говорится в трудах

¹⁶ См. Ш. Амиранашвили. История грузинского искусства. Т. 1, М. 1950, стр. 60.

¹⁷ См. Ф. Гончар. Поясные пряжки Кавказа (на немецком яз.). Вена. 1931, стр. 9.

¹⁸ Имеется в виду мифологический образ тотема, т. е. животного предка, а не «тотем» Н. Я. Марра.

¹⁹ См. Ш. Амиранашвили. Ук. соч., стр. 60.

Б. Куфтина, Ш. Амиранашвили, Ф. Гончара, Ивановской, И. Мещанинова и других.

Более широкий анализ интересующего нас образа, лошади дает И. Мещанинов. О его труде Ш. Амиранашвили писал, что это первая и существенная попытка истолковать семантику отдельных древнейших памятников Кавказа²⁰.

Сказанное о Кавказе в целом мы с полным правом можем отнести и к Дагестану, где мы также имеем изображение подобных божеств.

Приведем две группы наскальных изображений с древнейшими культовыми рисунками (Гунибский район), ознакомление с которыми покажет нам связь их идейной основы с образами гидатлинских резных камней.

По дороге из с. Унти в с. Согратль (4 км от с. Унти) расположен хутор «Чина-Хетта». Хутор напоминает пещерное жилище. Для помещений использованы естественные пещеры с пристроенными к ним с внешней стороны стенами.

К юго-западу от хутора Чина-Хетта (0,5 км.) над оврагом называемом Важин-КікІал имеется небольшая пещера. Наскальные изображения находятся рядом с входом в пещеру, на выступающей вперед части скалы на высоте 3,5 м. Эта часть скалы имеет две грани и линию, образуемую углом или краями этих граней. Указанная линия делит наскальные рисунки на две части: правую и левую.

На обеих гранях — влево и вправо от упомянутой линии (каждая грань имеет участок с изображениями равный 1 кв. м) изображено 18 фигур. В том числе две фигуры, представляющие передачу части вместо целого и три — фрагментированные. Среди фигур имеются 5 изображений животных, 7 фигур, изображающих замкнутые круги разнообразной формы, и одна фигура, напоминающая лук или гребенку.

Мы уже соответственно естественному разделению наших изображений на две части опишем сначала левую группу изображений (сверху вниз).

Выше всех фигур изображена пара рогов горного козла: здесь мы имеем «передачу части вместо целого». Ниже изображения горного козла — незаконченный контурный рисунок, т. е. контур не замкнут. Левее от него изображена фигура в виде дуги с зубьями, обращенными во внутрь. Эта фигура напоминает лук. Еще левее — овал с 16 лучами, расходящимися во все стороны. Ниже последних фигур изображен овал, внутри которого имеется круг с точкой посередине. От краев внутреннего круга отходят шесть лучей до пересечения с наружным кругом. Образовавшиеся сектора имеют в каждом по одной точке (см. рис. № 17). Влево от этой фигуры есть

²⁰ Там же.

изображение солнца, но фрагментированное. Ниже последних фигур — фрагментированное изображение козла. Эта фигура козла отличается от остальных изображений козла как по трактовке, так и по размеру. Вытянутая и выпнутая шея с опущенной головой придает ему несколько «боевой» вид. Передняя пара ног как будто срослена между собой. Задняя пара ног фрагментирована, но видимо была так же трактована, как и передняя. Изображения таких «боевых» козлов со сросшимися ногами имеются на наскальных рисунках в районе с. Капчугай (ДАССР) и на центральной скале у горы Джингир-Даг в Кабристане (АзССР)²¹. Фигура козла своими рогами касается контура другой фигуры, изображенной впереди его или правее по отношению к изображению фигуры козла. Это изображение знака плодородия или вернее фигура женщины.

Опишем правую группу изображений (сверху вниз). Выше всех фигур даны три изображения солнца разных типов. Ниже этих фигур — изображение, напоминающее фигуру лошади. Ниже последней фигуры — изображение солнца с 18 лучами. В круг вписан крест. Правее этой фигуры имеется фрагментированная фигура козла. Ниже изображения солнца дано схематизированное изображение козла. Еще правее, на свободном поле камня крайне стилизованное линейное изображение козла. Эта фигура оказалась в стороне от остальных, видимо потому, что ей не хватало места среди общей группы фигур.

Наскальные изображения имеются еще в 6 км к северо-востоку от с. Ругуджа, в местечке называемом «Цебемаарда Наха». Здесь на выходе скалы есть небольшая ямка экспонированная на юг. Диаметр отверстия 40 — 45 см и почти столько же от края до дна ямки. Эта ямка у местного населения называется — «Чуял-Хвараб Нохо», т. е. пещера с изображением лошадей. Скала, на которой имеется эта пещера с изображениями находится на самом краю крутой и глубокой лоцины и обращена на юг. Фигуры в пещере Чуял-Хвараб-Нохо нанесены и на боковых стенках и на дне ее, т. е. на задней стенке. Фигур очень много, большинство их нанесено друг на друга. Ясно видны 11 фигур, из них пять фигур представляют собой изображения солнца, две из них даны с кружком в середине, а три других в виде звездообразной розетки. Из остальных фигур три изображают животных (козлов, кабана), две — изображают всадников, повернутых в разные стороны и одна — совсем непонятная. (см. рис. № 18).

Изображения у Чуял-Хвараб-Нохо, в отличие от изображений Чина-Хетта, даны смелыми линиями; лучи у звездообраз-

²¹ Бурчак-Абрамович. Рисунки на скалах юго-восточнее Кабристана. «Известия» Всесоюз. геогр. общества. Т. 80, вып. 5, 1948.

Рис. 17.

ных фигур сделаны гораздо длиннее, чем у подобных фигур из Чина-Хетта и более свободными размашистыми мазками. Животные даны силуэтами. Из двух фигур всадников одна дана силуэтом (правая фигура лошади повернута мордой направо, вторая лошадь повернута мордой влево) — линейно и крайне стилизовано. Надо особо отметить разные тона красной краски, примененной для нанесения изображений, что весьма ясно говорит о разновременности нанесенных рисунков.

Назначение этих наскальных изображений такое же, как и ранее описанные, т. е. воздействие на явления и силы природы. Подавляющее большинство изображенных фигур — солерные знаки и изображения определенно условного значения, что говорит о символично-материалистическом значении этого произведения искусства.

Изображения у Чуял-Хвараб-Нохо относятся, по всей вероятности, к эпохе поздней бронзы или раннего железа на территории нагорного Дагестана. Прежде всего, в данном случае обращает на себя внимание крайне схематизированная лошадь у упомянутой выше левой фигуры всадника. Фигура всадника нарисована двумя совершенно разными тонами одной и той же красной краски. При этом сперва была нарисована отдельно фигура, изображающая лошадь, темным тоном, а затем к ней пририсована более бледным тоном человеческая фигура и добавочная голова лошади для придания условной фигуре лошади более реалистического вида (см. рис. 18).

Таким образом можно констатировать, что сперва была нарисована фигура темным тоном в виде одной длинной горизонтальной линии и пяти вертикальных коротких линий, опущенных с нее. Одна из них, самая короткая, опущена с левого конца этой горизонтальной линии (там, где пририсована позднее «вторая голова»).

Очень важно подчеркнуть самостоятельное существование этой гребневидной фигуры и стремление древнего художника связать эту фигуру с образом лошади, а также связь ее с подобной фигурой, у Чина-Хетта-Нохо (см. рис. № 17).

Первый момент подчеркивается существованием этой условной фигуры животного, именно лошади, наряду с более реалистическим изображением других животных, в том числе и лошади (изображенной там же, но более темным тоном). Второй момент, т. е. связь нашей гребневидной фигуры с лошадью, виден по самой фигуре всадника, т. е. изображенному на ней седоку. Кроме того, при описании второго памятника из первой группы резных камней, а именно камня из сел. Мачада (рис. № 2), мы говорили об имеющихся там вертикальных линиях на теле лошади. Таким же образом

трактованную фигуру лошади мы имеем на рисунке костяной рукоятки из Анюш-Кара на реке Иньве Молотовской области²².

Что касается вопроса о стремлении древнего художника связать гребневидную фигуру с ладьей, то прямых доказательств для этого среди рассмотренных сейчас наскальных изображений нет. Но связь гребневидных фигур с ладьей, а последней — с водой, или, по понятию художника эпохи бронзы, с преисподней, уже доказана рядом ученых, кроме того аварская сказка о морском коне и самый факт самостоятельного существования такой фигуры наталкивает на мысль, что данная гребневидная фигура с четырьмя и пятью зубьями является дериватом известной гребневидной фигуры, представляющей собой условное изображение ладьи.

Чтобы придать большую ясность применяемому нами термину «символическое значение», надо указать, что в миропонимании первобытного человека изображение астральных тел было связано с его мировоззрением²³. Вначале верили в единое всепоглащающее, всемогущее небо. Затем этот единый бог начал дробиться—появилось «нижнее небо». В «нижнее небо» входят вода, море, преисподняя, земля²⁴.

В дальнейшем под воздействием бытовых условий, вызываемых охотой, скотоводством и земледелием, эти «небеса» одухотворялись, принимая образ животного, связываемого органически с данной стихией.

«Таким образом, — замечает Мещанинов, — оказались бо-жества птицы, божества рыбы, божества кони и другие, причем все они тяготеют к небу как целому, а, следовательно, могут находиться во всех трех его плоскостях, т. е. и в верхней, и в средней, и в нижней»²⁵.

В мышлении древнего человека все живое выводилось из «нижнего неба» (вода, море), оно принимало обратно вышедшее из него солнце, оно обладало двойной силой оживлять и умерщвлять, давать свет и мрак, делать добро и зло.

Описанные выше наскальные изображения никем еще не изучались, но гребневидные фигуры подобные нашим и их связь с фигурой лошади и ладьи исследованы в работах

²² В. Оборин. Костяная рукоятка из Анюшкара на р. Иньве Молотовской области, КСИИМК, вып. 57, 1955, стр. 133.

²³ См. Ф. Энгельс. Диалектика природы, Собр. соч. Т. XIV, стр.

²⁴ См. И. И. Мещанинов. Закавказские поясные бляхи. СМОМК. Вып. 45, Махачкала, 1926, стр. 197.

²⁵ Там же.

А. Формозова²⁶, Равдоникаса²⁷, Д. Н. Анучина²⁸ и других ученых.

Мы же привели здесь рисунки из «Чуял-Хвараб-Нохо» и «Чина-Хетта-Нохо», чтобы подчеркнуть культовый характер этих рисунков и, в частности, фигуры лошади. Кроме того, для нас особенно важно было отметить самостоятельное существование гребневидной фигуры, изображающей собою лошадь рядом с более реальной фигурой этого животного.

Можно полагать, что на определенной стадии общественного развития изображение фигуры лошади культивировалось в горах Дагестана как олицетворение определенного божества, определенной силы природы, может быть, всемогущей воды — преисподней. И это явление, как уже отмечалось, не случайное для Дагестана.

При сравнении рассматриваемых нами некоторых образов на памятниках петрографики Гидатля мы приходим к выводу, что эти памятники по своей идейной основе, начиная с памятников эпохи язычества и кончая мусульманским периодом, связаны между собою.

Таким образом, и исследуемые нами «странные» рисунки есть пережиточные образы, изображающие культовых животных, олицетворяющих собой определенные божества.

Теперь можно перейти непосредственно к расшифровке композиций самих памятников петрографики.

В отношении композиции, представленной на памятнике № 1 (см. рис. 1), полагаю, что это изображение всадника, олицетворяющего собой героя-полубога, связанного с преисподней. Фигура лабиринта, окутавшая героя, в данном случае символизирует преисподнюю. Для того, чтобы подчеркнуть это к нему справа пририсован крест. Наш всадник по своей роли не отошел далеко от всадников из Чул-Хвараб-Нохо: там герой-полубог сидит на «нижнем небе», а здесь он окунулся в него перед совершением подвига.

В памятнике № 2 из с. Мачада связь героя-полубога с преисподней представлена вписанием половины фигуры человека в угол, обращенный к спине лошади (см. рис. № 2). Лабиринт, окутавший фигуру человека в первом памятнике, заменен квадратом, образованным как бы из рук поднятых над головой. Можно полагать, что данная композиция изображает только одну лошадь, олицетворяющую «нижнее небо», а предполагаемая фигура человека является чертой, проведенной

²⁶ А. Формозов. Наскальные изображения Урала и Казахстана, эпохи бронзы и их семантика. «Сов. этнография» № 3, 1950.

²⁷ В. И. Равдоникас. Элементы космических представлений в образах наскальных изображений. «Сов. археология», № 4, 1937.

²⁸ Д. Н. Анучин. Сани, ладыя, и кони как принадлежность похоронного обряда. Труды Моск. арх. общества. Т. IV, 1890.

для подчеркивания связи этих двух фигур. Такому мнению могут способствовать и две длинные параллельные горизонтальные линии, а также одна длинная и несколько коротких вертикальных линий, образующих крест и гребневидную фигуру на теле лошади. Но мнение, что художник, напосивший на камне данную композицию, хотел изобразить именно всадника, героя-полубога, нам представляется предпочтительным.

Разберем третий памятник (см. рис. № 3). Место лабиринта в композиции первого памятника и квадрата во втором памятнике в данной композиции занимает обычный равноконечный крест христианского извода. Иконография последней фигуры подчеркивается другим крестом или крестообразной фигурой языческого извода, помещенным правее главной фигуры или впереди лошади всадника.

Данная композиция является ярким примером своеобразного преломления извне пришедших форм сквозь призму традиционных древнеаварских форм в искусстве. Замена простой фигуры языческого креста крестообразной фигурой, обрамление всей композиции специальной рамкой из геометрического узора (ломаной линией), заполнение свободных мест кружочками и, наконец, наличие фигуры креста христианской иконографии — все это говорит о сравнительно позднейшем происхождении данного памятника. Здесь выступает более орнаментальный характер, ярче выступает чисто эстетическая сторона композиции.

Переходим к рассмотрению четвертого памятника нашей группы и для сравнения берем памятник № 9 (см. рис. № 4 и рис. № 9).

В первом случае во рту животного изображена огромная крестовидная фигура, во втором случае — длинная зигзагообразная ломаная линия. В обоих случаях и зигзагообразная линия, и крестовидная фигура по размеру равны почти всей высоте фигуры животного. В первом случае изображена лошадь, во втором — олень.

В первых четырех памятниках ярко видны те формы и образы, в какие вылилась чувственно-познаваемая природа. Композиция этих памятников показывает нам, какими образами, знаками или фигурами обозначалась «всесоудящая стихия», порождение «естественной религии». Из всех приведенных пяти примеров видно, что лабиринт, квадрат, крест, зигзагообразная линия имеют одно и то же значение и символизируют одну и ту же стихию, «пнижнее небо», а в данном случае, конкретно, водную стихию.

Здесь мы имеем дело с поздней стадией развития общечеловеческого сознания, когда магическое представление об окружающей, чуждой, всемогущей природе перерастает в религиозное сознание, оформляющее теперь общие понятия о

познаваемой природе в отдельные существа, а именно в божества солнца, неба, земли, воды и т. д.

При обзоре памятников № 4 и № 9 приходится констатировать наличие связи между композицией с символическим значением и композициями реально-бытового характера. Этот момент следует отметить как факт, свидетельствующий о преемственности старинных традиций в народном творчестве. Подобная черта пронизывает почти все композиции собранных нами памятников.

В композиции шестого памятника этой группы (см. рис. № 6), как мы полагаем, видны ярко выраженные остатки магического существа первобытного искусства, остатки «художественной» магии, имевшей «производственные» функции, направленные на овладение зверем. В последующих памятниках мы увидим постепенное исчезновение этой «производственной» функции, или магического существа (рис. № 7).

Седьмой памятник этой группы, с изображенной на нем композицией, почти тождествен с рисунком, встречающимся среди наскальных изображений около сел. Капчугай²⁹ (период II и I тысячелетия до н. э.) Буйнакского района.

Часто встречается среди наскальных изображений сюжет композиции, имеющейся на восьмом памятнике этой группы (рис. № 8).

В девятом памятнике (рис. № 9), на котором мы уже останавливались выше, весьма интересным является наконечник стрелы с раздвоенным концом.

Разбор десятого памятника (рис. № 10) начнем с самых крупных фигур — с изображения круга или колеса и решетки над ним.

В изображении решетки видно обычное магическое изображение, всегда сопутствующее композициям с подобными сценами и как бы обеспечивающее удачу во время охоты. Изображение круга-колеса служит для этой же цели, что и «решетка». Меньший круг разбит на четыре сектора с точками в каждом, который является таким же дериватом, как знакомая нам уже фигура из наскальных изображений у Чина-Хетта-Нохо — символа олицетворяющего четыре стихии природы.

Огромный нос у большой человеческой фигуры видимо является дериватом древней традиции — изображать человеческое лицо с атрибутом тотема.

Обращает на себя внимание наконечник стрелы, сознательно преувеличенный как и кисть руки, протянутой в сторону оленя, у меньшей человеческой фигуры. Такая трактовка некоторых деталей, по-видимому, является следствием желания художника показать в изображаемой им фигуре человека в

²⁹ В. И. Марковин. Ук. статья, стр. 342.

процессе охоты не то, как он выглядит, а то, как он действует. Художника больше волновало то, чем вооружен человек на охоте. Поэтому он подчеркнул преимущество вооруженного человека перед невооруженным (вторая фигура человека с протянутой рукой к оленю).

Этот же момент виден и в подчеркивании наконечника стрелы с раздвоенным концом в четвертом памятнике нашей группы (см. рис. № 9).

Композиция одиннадцатого памятника больше отражает действительность, чем композиция десятого. Об этом говорит не только симметричная расстановка крестообразных фигур (греческого извода), но и все остальные детали (см. рис. № 11). Человеческая фигура в некоторых деталях (трактовка нижних конечностей) сходна с фигурой человека на пластинке из Самтавро, приведенной Ш. Амиранашвили в своей работе³⁰.

Композиции двенадцатого и тринадцатого памятников уже можно считать изображениями реально-бытовых сцен по сравнению со всеми остальными композициями нашей группы. Эти композиции не сопровождаются отдельными астральными знаками как остальные (см. рис. № 12 и № 13), но всадник и сражающийся, и отдельно стоящий снабжаются специальными атрибутами: фигура человека имеет в руках знамя с полотнищем с 3 или 4 концами; фигура лошади имеет ошейник, конец которого снабжен правильным кругом или рогатой фигурой с тремя концами.

Следует отметить, что фигура знамени встречается и отдельным изображением на отдельном камне.

Вполне возможно, что этим предметом наделяется фигура всадника специально для того, чтобы подчеркнуть силу, мощь и власть изображаемого.

Изобретение ошейника с правильным кругом, видимо, является символом святости и связано с древней традицией. Таким ошейником снабжена фигура лебедя среди наскальных изображений на северном мысе Бесовского носа в Карелии³¹.

В четырнадцатом памятнике (рис. № 14), по-видимому, изображена сцена угона скота — добычи после очередного похода на чужую территорию. В середине композиции изображено солнце (овал с расходящимися короткими лучами) — знак, выражающий пожелание удачи.

Пятнадцатый памятник (рис. № 15) по технике резьбы стоит между петрографикой и крупной пластической резьбой, широко распространенной — по сравнению с Гидатлем — в

³⁰ См. Ш. Амиранашвили. Ук. соч., стр. 46 — 48.

³¹ См. В. И. Равдоникас. Ук. соч., стр. 21.

южном Дагестане и в соседнем с Гидатлем Андалальском обществе.

В данной композиции примечательной является трактовка ног у лошади. Фантастические животные, снабженные вместо ног змеевидными зигзагами, встречаются часто в комплексе фигур, входящих в сюжеты известных памятников клмабнской культуры³².

Одной из основных задач настоящей работы являлось определение символического и реально-культового значения исследуемых памятников.

Очень трудно установить время возникновения этих памятников. Следует заметить, что изображение колчана для стрел, которое встречается на десятом и пятнадцатом памятниках нашей группы (рис. № 10 и № 15) имеется и на кубачинских рельефах³³. Такие колчаны имеются на фигурах всадников из псалтыря XIII века, изданного Ш. А. Амиранашвили³⁴. Все же мы полагаем, что десятый памятник такого же возраста, как и башня, которую он украшал: башня датирована специалистами XVII веком.

Невозможно абсолютно точно датировать и девятый памятник этой же группы (рис. № 9), ибо такие наконечники с раздвоенными концами найдены в Кабардинских курганах XVI века³⁵, они встречаются и в коллекции графини Уваровой, датирующей их VI — VII вв³⁶.

Наиболее древними памятниками являются те, материалом которых являются более твердые породы камня: гранитный камень, твердый песчаник и другие, которые с трудом поддаются обработке.

Наличие в петроглифике примеров переживания древнейших стадий мышления в пережиточной форме, которые впоследствии вошли прочно в традицию и передавались из поколения в поколение вместе с профессиональными навыками и художественными приемами, также усложняют вопрос точной датировки резных камней.

Надо полагать, что с проникновением ислама в Гидатль в петроглифике произошло вытеснение языческих элементов растительными мотивами, а техники графической резьбы — силуэтно-выемчатой техникой.

³² См. «Материалы по археологии Кавказа», Т. VIII, табл. VII, рис. 4.

³³ А. Башкиров. Искусство Дагестана (резные камни). РАНИОН, 1931, табл. 5 и 7.

³⁴ Ш. Амиранашвили. Ук. соч., табл. 108.

³⁵ См. Милорадович. Кабардинские курганы XIV — XVI вв. «Сов. археология». Т. XX, 1954, стр. 343, 346.

³⁶ См. «Материалы по археологии Кавказа» Т. VIII, 1900, стр. 91, табл. VIII, XI, рис. 1.

Таким образом, художественные образы, имеющиеся на памятниках изобразительного искусства аварцев, могут быть привлечены в качестве фактического материала не только при изучении истории искусств народов Дагестана, но и всего Кавказа, они заслуживают также самого серьезного внимания не только со стороны искусствоведов, но и историков, благодаря своей глубокой связи с жизнью народа, самобытности, оригинальности, отражению исторических связей народов Дагестана.

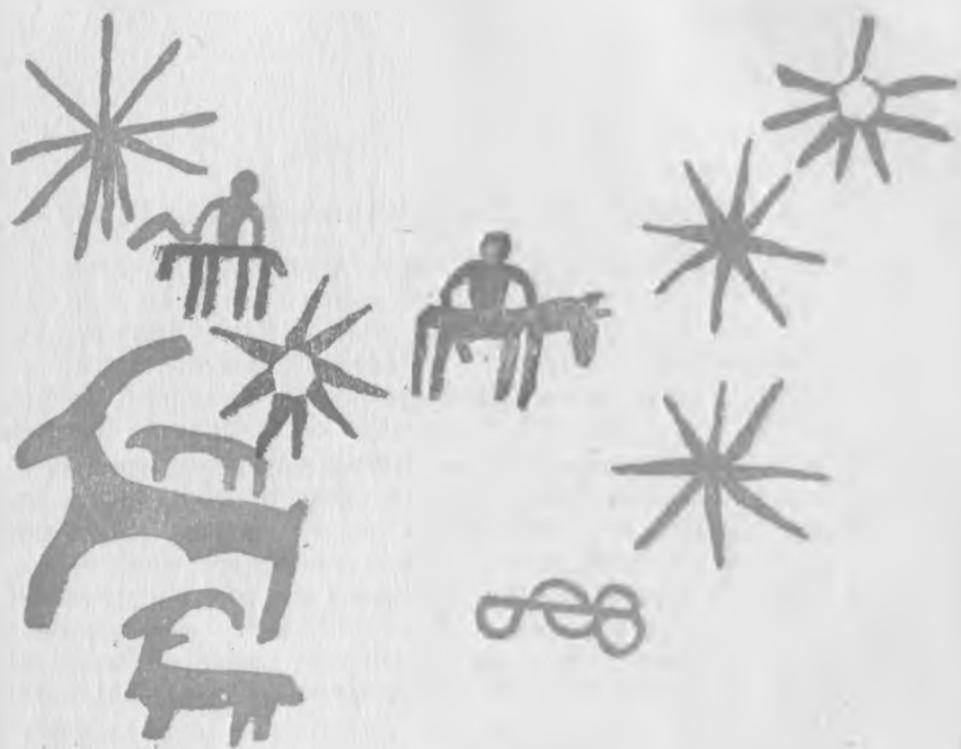

FIG. 13.

ПОСЕЛЕНИЯ ЛЕЗГИН В XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ.

Изучение поселений отдельных народностей представляет большой научный интерес с археологической и историко-этнографической точки зрения.

Местоположение, характер планировки поселений определяются природно-географическими условиями и уровнем социально-экономического развития народа.

Выявление особенностей возникновения и развития поселений отдельных этнических групп дает весьма ценный и разнообразный материал для изучения их этногенеза и культуры.

Специальных работ, посвященных этому вопросу, ни в дореволюционной, ни в советской литературе не имеется, опубликован ряд статей С. О. Хан-Магомедова¹ и Л. Б. Панек² лишь по жилищам лезгин. Кроме того, краткие данные о некоторых селениях кубинских лезгин напечатаны М. М. Ихилловым³.

В настоящей статье автор не претендует на исчерпывающее исследование поселений лезгин, а делает лишь попытку ввести в научный оборот наличный фактический материал и затрагивает некоторые актуальные проблемы, требующие дальнейшего специального и глубокого изучения.

* * *

Собственно лезгины проживают компактно в юго-восточной части Дагестана и на севере Азербайджана.

¹ С. О. Хан-Магомедов. Народное жилище южного Дагестана, «Советская этнография», № 1, 1951. С. О. Хан-Магомедов и Г. П. Любимова. Народная архитектура южного Дагестана. М. 1956.

² Л. Б. Панек. Жилище лезгин. Материалы по этнографии Грузии. Т. IX, Тбилиси, 1957.

³ М. М. Ихиллов. Кубинские лезгины. «Ученые записки» ИИЯЛ Даг. фил. АН СССР, т. II, Махачкала, 1957, стр. 199.

В пределах Дагестанской АССР лезгины населяют районы: Курахский, Касумкентский, Магарамкентский, Докузпаринский и Ахтынский, а также частично Рутульский и Хивский. В пределах Азербайджанской ССР — районы Кусарский, Кубинский и Худатский. К тому же небольшие группы лезгины проживают в некоторых пунктах Хачмасского, Измайловского, Варташенского и других районов Азербайджанской ССР.

В Кусарском районе из 63-х селений в 7-ми (Хурай, Суваджал, Юхари-Легер, Балакусар, Асанкала, Бедиркала, Легер-Кишлак) наряду с азербайджанцами частично проживают и лезгины, а в остальных 56 селениях — только лезгины. В Кубинском районе лезгинскими селениями являются Кымыль, Куснет, Качреш, Учгун⁴.

В Худатском районе лезгины проживают в поселениях: Куха-оба, Калантар-оба, Карат-оба, Узден-оба, Дустаир-оба, Зухул-оба, Салим-оба, Якуб-оба, Ясаб-оба, Леджет, Мурух-оба, Бала-Кусар, а также смешанно с азербайджанцами лезгины проживают в населенных пунктах Кулар-оба, Ширвановка, Тел и в Махмуд-Кенте. В Хачмасском районе лезгины проживают в селениях Лга-пиркент, Храх, Угулар и Кымыль-кышлаке.

Численность лезгины по переписи 1926 г. составляла свыше 134.000⁵ человек, из которых в Азербайджане проживало 40.709 человек⁶.

Районы, населенные лезгинами, граничат на западе с рутульскими, на севере — с агульскими, а на юге — с азербайджанскими землями.

Территория, занимаемая лезгинами, по природно-географическим признакам делится на несколько зон.

1. *Зона Приморской низменности* занимает часть Прикаспийской низменности (дельты рек Самура и Гюльгеричая) и охватывает восточную часть Магарамкентского и Кусарского районов, а также лезгинские поселения Худатского района. Климат жаркий. Здесь (особенно в дельте Самура) растут густые высокоствольные леса.

2. *Предгорная зона* расположена в пределах от 1000 до 2000 м. над уровнем моря (верхние и нижние предгорья) и охватывает Касумкентский район, часть Магарамкентского и Кусарского районов. Местность гористая, хребты из меловых известняков и песчаников. Климат нижних предгорий теплый и сухой. Лесов здесь мало, преобладают кустарники. Климат верхних предгорий сравнительно влажный и прохладный. Здесь

⁴ В селениях Качреш и Учгун лезгины живут смешанно с азербайджанцами.

⁵ «Всесоюзная перепись населения 1926 г.» ЦСУ, М. 1926, стр. 363—365.

⁶ «Всесоюзная перепись населения 1926 г.». Краткие итоги, Изд. Зак. ЦСУ, Тифлис, 1928, стр. 8.

сосредоточены основные массивы лесов (бук, граб, дуб, клен, ясень, липа и др., поскольку на границе горной зоны и зоны верхних предгорий поднимаются горные хребты, задерживающие влагу ветров, дующих со стороны Каспийского моря.

3. *Горная зона* расположена выше 2000 м. над уровнем моря и охватывает горные хребты, состоящие из непрочных темных глинистых сланцев с прослойками и выходами крепких песчаников. Эта зона охватывает Курахский, Ахтынский, Докузпаринский районы и северо-восточную часть Кусарского района. Долины рек широкие, а склоны гор не слишком обрывистые, так как глины легко размываются. Климат здесь более холодный и сухой, чем в предгорье. Лесов почти нет. Склоны гор иногда бывают покрыты кустарником и скудным травяным покровом, чаще же бывают лишены растительности, т. к. потоки дождевых вод сносят со склонов почвенный покров.

А. П. Берже в своей статье «Прикаспийский край» писал: «Мало найдется стран суровее и бесплоднее внутреннего Дагестана. Она вся состоит из громадных возвышенных плоскоостей..., горы скалисты и обнажены, растительность встречается только на дне ущелий; большая часть плоских вершин лишь на короткое время покрывается зеленью, доставляющей скудный корм многочисленным стадам горцев, и, выгорая летом от палящего солнца, большую часть года покрыты глубоким снегом»⁷.

Часть территории этой зоны расположена в высокогорных районах (свыше 4000 м над уровнем моря), на севере, со стороны кюринских земель, возвышается боковой хребет; на юге, со стороны Азербайджана, поднимаются вершины Главного Кавказского хребта, со стороны Кубинских земель расположена гора Шах-Даг и ее отроги; на западе, со стороны рутульских земель, возвышается один из отрогов Главного Кавказского хребта, вершиной которого является Шалбуздаг.

В высокогорных местах, на склонах Главного и Бокового хребтов, климат холодный, но более влажный. Леса здесь уже не растут, зато в этих местах раскинулись прекрасные альпийские дуга—«Эйлаги», используемые в качестве летних пастбищ.

Приведенная выше весьма краткая характеристика природно-географических условий Лезгинистана убедительно показывает, что недостаток пахотных земель, характерный для значительной части территории лезгин, вызывается крайней изрезанностью рельефа, скудностью атмосферных осадков, суховеями и низким плодородием почв.

⁷ «Кавказский календарь на 1857», стр. 275 — 276.

Разнообразие природно-географических условий Лезгинистана наложило определенный отпечаток на всю материальную культуру и, в частности, на характер поселения народа.

У лезгин имеется три типа поселений: селения, казмаляры с кышлаками и оба.

I тип селения — «хуър» — является наиболее распространенным типом поселения.

Лезгинские селения в горах существовали с глубокой древности. Археологические и эпиграфические находки на территории лезгин, многочисленные предания и легенды, сохранившиеся в памяти народа, свидетельствуют об автохтонности лезгин, о древнем возникновении на этой территории ряда ныне существующих селений.

В связи с этим следует указать, что более древние лезгинские селения расположены в высокогорной части Лезгинистана.

Археологические материалы Макинского могильника (Докузпаринского района) свидетельствуют о том, что люди жили здесь еще в VII — IV вв. до н. э.⁸ Многочисленные эпиграфические памятники арабского языка, обнаруженные на территории высокогорной части поселений лезгин, например, в селениях Курах и др., подтверждают, что многие современные лезгинские селения (Хипитар, Рухун, Архит, Куркент, Кими-хюр, Цилинг, Титель, Хпюк и др.)⁹ существовали в XIV в. под теми же названиями.

Заселение территории кубинских лезгин происходило частично позднее. Поскольку эта тема является предметом специального изучения, мы коснемся этого вопроса лишь попутно, указав только на то, что основание отдельных селений происходило в результате переселения части дагестанских лезгин на нынешнюю территорию азербайджанских лезгин. О том, что такое переселение имело место, свидетельствуют как предания самих лезгин, так и ряд объективных факторов, которые должны были способствовать этому.

Так, например, в предании об образовании селения Хазры Кусарского района рассказывается следующее:

Место, где в настоящее время расположено селение, когда-то было местом отдыха завоевателей, нападавших на горные села, отсюда, — говорится в предании, — и произошло название селения Яргун (лезгины селения Хазры называют Яргуи, что в переводе с лезгинского языка означает усталость, переутомленность, от корня — «юргъун»). Когда жители высокогорных сел узнали, что их враги часто здесь отдыхают, они неожиданно напали на неприятеля во время отдыха. Потом воины из

⁸ «Очерки истории Дагестана». Т. I, Махачкала. 1957, стр. 20 — 21.

⁹ Л. И. Лавров. Из эпиграфических находок дагестанской экспедиции. Сборник музея антропологии и этнографии. Т. XVII, Л. 1957, стр. 375 — 76.

селения Кара-кюре и Микраха решили укрепиться на этом месте и не допускать вглубь гор завоевателей. Поэтому якобы они основали там селение Яргуи, укрепили его, построив большие валы, наподобие естественных. Затем постепенно сюда стало стекаться население из других горных сел Шахдагской долины. В том числе, будто-бы, прибыл из Мискинджа целый ряд шиитов, впоследствии ставших суннитами, поэтому по сей день существует тухум, называемый шиитским — «шигъияр».

В этом селении бытует еще ряд преданий, говорящих о том, что их предки спустились с высоких гор лезгинской территории Дагестана.

Предания об образовании селения Гиль Кусарского района повествуют о том, что предки нынешних жителей селения являются пришельцами из высокогорных селений Ахтынского и Курахского районов.

В предании об образовании селения Юхари-Тахирджал рассказывается о том, что когда-то некий Тагир, который спустился с Микрахских гор (Шалбуз-Дага — С. А.), основал здесь селение и т. д.

Почти во всех лезгинских селениях, расположенных на азербайджанской территории, можно услышать аналогичные предания, говорящие о том, что их предки были пришельцами с земли дагестанских лезгин, что их «эбедал» (праотец) жил в горах Дагестана, а они являются его потомками.

Безусловно, эти предания, являющиеся подлинно историческими воспоминаниями народа, содержат долю правды.

Кроме того, на наш взгляд, существовал ряд объективных факторов, способствовавших переселению дагестанских лезгин на территорию предгорной и плоскостной части кубинских лезгин. В частности, большое влияние оказали климатические условия Азербайджана.

Территория кубинских лезгин является плодородным краем. Они живут большей частью на плоскости, богатой лесом и речными долинами, способствовавшими разведению садов, огородов и т. п. В то же время высокогорные селения дагестанских лезгин расположены, как правило, в труднодоступных местах, зачастую на крутых склонах.

В горных районах издавна резко ощущалась нехватка земли. Лезгинское население горной части из-за острого малоземелья использовало все мало мальски пригодные земельные участки. Обрабатывались самые незначительные клочки земли, прилегавшие к горам уступы, курганчики, скаты, т. е. все то, где можно было получить хоть какой-нибудь урожай. Следовательно, сверхчеловеческий труд, который требовался для создания на горных склонах пахотных участков, являлся серьезным препятствием в экономическом развитии народа. Наобо-

рот, обилие пашен на плоскости и в предгорье создавали благоприятные условия для развития сельского хозяйства.

Поэтому, вполне допустимо, что лезгины в древние времена обитали на горных склонах, а впоследствии в силу благоприятных исторических условий заняли экономически более выгодную территорию.

Следует указать и на то, что лезгины переселялись не только из горного Дагестана, но также с высокогорной части территории кубинских лезгин, в частности из селений Судур, Дустаир, Кымил, Куснет и т. д.

Образование лезгинских селений прошло длительный путь исторического развития — начиная с небольших поселений родового типа и кончая крупными селениями современного типа, вроде Кара-Кюре, Хазры, Ахты, Гиль и т. д.

Несомненно, образование крупных селений следует поставить в прямую связь с распадом родовой общины и появлением соседской общины, как более передовой в социальном отношении формы расселения и взаимоотношения людей.

Установить точно, когда исчезли небольшие и образовались крупные аулы, пока не представляется возможным, поскольку мы не располагаем археологическими данными. Согласно многочисленным устным преданиям подобный процесс происходил приблизительно в VIII — X вв. н. э.

Размеры лезгинских селений в прошлом колебались от нескольких десятков до нескольких сотен дворов. Так, например, в 1886 г. селение Кара-Кюре состояло из 488 дымов, Куруш — из 718 дымов, селение Текипиркент — из 91 дыма и т. д.¹⁰

В 1874 г. в лезгинских селениях Кубинского уезда, например, в селении Хазры насчитывалось 276 дымов, в селении Ясаб — 110 дымов, в селении Судур — 108 дымов¹¹.

Во второй половине XIX в. Ахтыпаринский и Докузпаринский наибства Самурского округа состояли из 34 лезгинских селений; Гюнейское наибство и Курахское общество — из 86 лезгинских селений без отселков¹². В Кубинском уезде Бакинской губернии имелись 50 лезгинских селений без отселков, т. е. 21% населения Кубинского уезда составляли лезгины¹³.

В дальнейшем число указанных селений возросло.

Таким образом, селение является основным типом поселения лезгин Дагестана и Азербайджана.

II тип поселения — казмаляр¹⁴ (отселок) также относится к поселениям лезгин с постоянным местожительством.

¹⁰ ЦГА ДАССР, ф. 21, оп. 5, д. 53, лл. 111, 230, 608, 626.

¹¹ ЦГИА Аз. ССР, ф. 43, оп. 1, д. 60, лл. 548, 578, 1108.

¹² ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 2, д. 3, лл. 140 — 143.

¹³ Н. Зейдлиц, Списки населенных мест Российской империи, Т. 6. Бакинская губерния, Тифлис, 1870, стр. 91.

¹⁴ Лезгины называют «Къазмаяр».

Образование казмаляров также имеет длительный путь развития. Они возникали в определенных исторических условиях в силу ряда социально-экономических причин: безземелья, кровной мести, родовых междоусобиц и т. д. Мы полагаем, что наиболее интенсивное образование лезгинских казмаляров падает на XVIII век. В связи с разделением пережиточно сохранившихся больших патриархальных семей, главным образом из-за недостатка земли, часть братьев со своими семьями переселялись на места зимних или летних временных поселений. Они строили там постоянные дома.

В качестве примера рассмотрим образование отселка Мака-казмаляр (бывшего Самурского округа). По рассказам старожилов селения Мака, их отселок образовался в XVIII в. До этого земля принадлежала в основном общине и зимою здесь пасли скот всего села. Были здесь и частновладельческие участки с фруктовыми садами, принадлежавшими богатым. Имелись также и мельницы, принадлежавшие частным владельцам Ашумову Ашуму и Шихалиеву Шихали, которые мололи зерно жителям селения Мака. Они и явились первыми переселенцами на территорию Мака-казмаляр. У Ашума и Шихали были большие семьи. Старый Ашум имел пятерых сыновей; с женами и детьми семья составляла 30 человек; у Шихали было четыре сына; с женами и детьми всего было 25 человек. Когда произошло разделение большой семьи Ашума, часть сыновей переселилась в казмаляр, а за ними последовали два сына Шихали, затем переселились сыновья Дервишьбега и Гаджи-Чубана. Все они построили там постоянные жилые дома.

Эти семьи постепенно стали расширять свои земли за счет общинных земель. Когда об этом узнали жители селения Мака, они пошли на них с дубинами и лопатами. Такие столкновения происходили не раз. Тем не менее многие другие семьи стали переселяться в казмаляр и также тайком огораживать себе земли за счет общинных. Столкновения между населением из-за общинных земель продолжались долго. Было много жертв и якобы кровная месть длилась годами.

Также образовались и многие другие отселки: Кара-Кюре-казмаляр, Микрах-казмаляр, Ашага-Стал-казмаляр, Даркуш-казмаляр и др.

В названии отселка всегда сохраняется название основного селения, от которого он ответвился, с прибавлением собственного имени слова казмаляр. Так, например, селение Микрах, а отселок Микрах-казмаляр; селение Мака, а отселок Мака-казмаляр; селение Кухур (Кусарского района), а отселок Кухур-казмаляр.

Ко второму типу поселения также относятся кышлаки (отселки), расположенные на территории кубинских лезгин.

Они возникали на временных зимних пастбищах отдельных селений почти таким же путем, как и казмаляры. Например, от основного селения Кымыл образовался Кымыл-кышлак; от селения Кузун, Кузун-кышлак; от селения Зиндан-Мурух, Мурух-кышлак; от селения Юхари-легер, — Легер-кышлак и т. д.

Как мы указали выше, постоянные поселения возникали и на местах летних пастбищ.

Так, селения Хкем, Гра, Калук и др. возникли на месте Ахтынских эйлагов, принадлежавших отдельным тухумам. Отдельные представители этих родов из-за недостатка места переселялись на родовые эйлаги и строили там новые дома.

Жители отселков частично приобретали земли, обрабатывая горные склоны. Впоследствии же с постепенным увеличением числа переселенцев отселки разрастались и превращались в обычные селения.

Процесс образования из отселков обычных селений происходит и в настоящее время, так, например, селение Совхоз имени Герейханова образовался в 1931 г. в основном из отселков Целегюн-казмаляр и Махмут-казмаляр, а также из переселенцев других селений Касумкентского района.

Наконец, III-й тип поселений лезгин является «оба». («Оба» — в переводе с турецкого языка означает — кибитка, шатер).

Вопрос об «оба» является проблемой, требующей специального изучения, чтобы прийти к определенному выводу. Многие исследователи считают, что «оба» и «казмаляр» один и тот же тип поселения, имеющих лишь разные наименования. Полевой и литературный материал дает нам основание полагать, что это два разных типа поселения.

«Оба» — это тип поселения, который распространен не на всей территории лезгин, а лишь на плоскости в бывших Кубинском и Кюринском ханствах.

В отличие от казмаляр жителями оба в большинстве случаев являлись разорившиеся выходцы из различных селений и перенявшиеся к хану или беку.

Создание этих поселений происходило, видимо, следующим образом. Вначале земли, занимаемые позднее оба, принадлежали отдельным состоятельным лицам сел Кюринского и Кубинского ханства. Сами владельцы жили в горных и предгорных селениях, а на плоскости имели по 50—100 гектаров земли. Владельцы этих земельных участков нанимали крестьян как из своего села, так и из других горных сел. Наемные крестьяне в большинстве случаев не имели рабочего скота и земли или же владели таким клочком земли, урожай с которого не мог прокормить всю семью. Многие безземельные крестьяне приезжали на заработки целыми семьями и нередко оставались навсегда на этой территории в качестве постоянных

крестьян. Часто такие крестьяне арендовали у своего хозяина землю, а дома строили неподалеку, на тех землях, где они сами вырубали лес.

Таким путем образовались поселения Карат-оба, Узден-оба, Салах-оба, Тагир-оба, Хан-оба, Укур-оба и др. Жители этих оба состояли из крестьян, пришедших из селений бывшего Кубинского и Кюринского ханств, а также из селений «вольных» обществ — Ахты-пара, Алты-пара и Докуз-пара.

Поселение Кулар-оба (смешанное с азербайджанцами) Худатского района, по рассказам стариков, образовалось исключительно из ханских рабов, находившихся здесь на строительстве ханского канала. Хан строил канал для орошения своих земель. Судя по устным преданиям, крестьяне стали рабами за неуплату ими хану долгов. Эти рабы находились в полном подчинении у хана. Они работали на канале почти круглосуточно и ничего не получали, кроме скудной еды. После того как канал был проложен, часть рабов была выкуплена родичами. Остальная часть рабов впоследствии будто бы основала недалеко от ханского канала поселение Кулар-оба.

В этих устных преданиях безусловно есть доля правды, поскольку поселение называется Кулар-оба («кул» в переводе с азербайджанского языка означает «раб»), т. е. поселение рабов. Лезгины это поселение называют «ЛукIвар-оба», «лукI» в переводе с лезгинского также означает «раб». И в настоящее время недалеко от Кулар-оба сохранилось место, носящее название «ханский канал».

Таким образом, можно полагать, что казмаляры и кышлаки — это виды отселков, которые образовались в связи с распадом пережиточно сохранившихся патриархальных больших семей одного села, а оба — это вид отселка, возникший только на бывших ханских землях и образовавшийся, в основном, из бедняцких семей, пришедших из различных сел к хану или беку в результате экономического разорения.

Характер планировки поселений тесно связан с рельефом местности.

В горных Ахтынском, Курахском, Докузпаринском и Кусарском районах встречаются селения, расположенные на крайне недоступных участках. Селения эти представляют собой как бы естественные крепости. В те тревожные времена, когда, кроме набегов внешних врагов, происходили нападения рода на род и общества на общество, вопросу обороноспособности селения уделялось большое внимание. Если естественные условия не всегда способствовали усилению обороноспособности селения, создавались искусственные сооружения. Возводились стены, строились крепости и т. д.

Горные селения-крепости обычно строились на крутых склонах гор, ограждались каменными стенами или же глухими

фасадами жилых домов и имели один или два входа, которые запирались двойными воротами. Улицы таких селений были узки и часто шли под вторыми этажами домов.

Так, например, селение Гельхен состояло раньше из одной узкой улицы, по обеим сторонам которой дома плотно прилегали один к другому, фасады с отверстиями для света выходили на улицу, а задние стены домов, обращенные наружу, были сплошными и отверстий не имели. По словам стариков, оба конца улицы имели запирающиеся ворота.

Часто старые селения-крепости располагались на высокой горе, у слияния горных речек, которые служили селению дополнительной защитой в качестве водной преграды. Например, селение Хючхюр с трех сторон окружено речными притоками, через которые перекинуты мосты. Узкая улица идет под домами. Раньше же она, в случае необходимости, запиралась двойными воротами.

Оборонительные башни-крепости, которые строились для защиты от врагов, обычно располагались по краям селения. В настоящее время они повсеместно разрушены. Некоторые остатки таких башен сохранились в сел. Ахты, в селении Шими-хюр Курахского района. О том, что в Ахтах некогда существовала древняя крепость, подтверждает хроника «Ахты-наме»¹⁵, а также сохранившиеся остатки крепостной кладки на склоне соседней горы Келедхев, что по лезгински означает «холка крепости». Надпись, обнаруженная на этой крепостной кладке, не содержит даты, но Л. И. Лавров палеографически отнес ее к XI—XIII вв. и полагает, что она была сделана одновременно с постройкой крепости¹⁶.

Селение Хазры бывшего Кубинского уезда расположено у подножья горы. С северной его стороны протекает речка Укурчай, а по краям на юго-западе имеются большие (наподобие естественных) холмы, которые по преданию были сооружены жителями этого селения для защиты от внешних врагов, неоднократно нападавших именно с юго-западной стороны.

Местоположение лезгинских селений во многом аналогично средневековым поселениям Дагестана, описанным М. Никуль. Они так же, как и лезгинские селения, если располагались поближе к реке, то и в этих случаях выбор для устройства таких селищ определялся характером местности и степенью еще защиты от возможного нападения. Средневековые поселения, расположенные на береговых плато, высоких речных террасах или холмах, обязательно имели естественную защиту в виде

¹⁵ А. Бакиханов. Гулистан-Ирам. Тр. Общ. Обсл. и изуч. Азербайджана, вып. 4, Баку, 1926, стр. 49—50.

¹⁶ Л. И. Лавров. Из эпиграфических находок Дагестанской экспедиции. Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. XVII, Л. 1957, стр. 374.

обрывистых склонов и оврагов. Те поселения, которые располагались на горе, были скрыты от равнины последним горным перевалом или возвышенностью¹⁷.

Дома в горных селениях у лезгин расположены скученно, улицы между ними узкие, запутанные.

Планировка горных селений не поддается какой-либо систематизации, т. к. рельеф местности затрудняет регулярную застройку улиц. Селения обычно компактные, благодаря наличию хозяйственного этажа и крытого двора.

Дома родственников нередко были соединены между собой внутренними ходами по нижним этажам. Это помогало объединиться в случае нападения врага.

Итак, лезгинские горные селения были основаны в глубокой древности и на протяжении многих веков служили крепостями, где коренное лезгинское население спасалось от внешних и внутренних врагов, что и отразилось на планировке самого селения. В прошлом именно в горных селениях возникли зачатки лезгинской государственности. Безусловно, именно здесь должна была в первую очередь развиваться самобытная национальная лезгинская культура.

Планировка поселений предгорной зоны (Касумкентский, Магарамкентский районы и Приморская часть Кусарского района, а также лезгинские селения Худатского района) совершенно иная.

Приморская низменность и нижние предгорья стали интенсивно заселяться лишь с конца XVIII в., особенно с момента присоединения территории лезгин к России и утверждения на этой территории русской администрации.

Если при заселении горных аулов прежде всего учитывалось стратегически выгодное положение для обороны от врагов (аулы обычно располагались на выгодных в военном отношении, но часто неудобных для жилья местах), то при населении предгорной зоны стратегический принцип не учитывался. Поэтому поселения нижних предгорий расположены обычно на удобных склонах, обращенных, как правило, на юг. В селениях нет той тесноты и скученности построек, которая характерна для горных аулов. Улицы в этих селениях широкие, прямые, дома окружены садами и расположены на некотором расстоянии друг от друга.

Вследствие ряда благоприятных условий отдельные селения занимали центральное положение в экономической, культурной и политической жизни лезгин. Так, торговым центром в бывшем Кюринском округе стал Касумкент, в Самурском округе — Ахты. Географическое положение этих селений бла-

¹⁷ Рук. фонд ИИЯЛ, Даг. ФАН СССР, д. 2298, лл. 5 — 6.

гоприятствовало их экономическому росту — они были расположены на торговых путях, по которым шел обмен между скотоводами горных аулов и земледельцами низменных селений, в силу чего они стали наиболее крупными центрами этого обмена.

Лезгинские селения состоят обычно из нескольких кварталов — «мягыле». Количество этих кварталов колеблется от 3 до 10 и более. В древности все жители квартала принадлежали к одному тухуму. И название квартала — «мягыле» соответствовало наименованию тухума. Поскольку в прошлом тухумы жили во вражде друг с другом, они составляли особые кварталы в селениях.

Так, в селении Юхари-Тахирджал бывшего Кубинского уезда, почти до конца XIX в., каждый тухум жил обособленно в своем квартале. В селении имелось 5 крупных тухумов и, следовательно, 5 основных кварталов:

- 1) Пурцуяр;
- 2) ТакьТакьяр;
- 3) Сирияр;
- 4) Хашалар;
- 5) Келтияр.

В название квартала включалось слово «мягыле», например, «Келтийрин мягыле» (квартал келтияров).

Только с конца XIX в. в этом селении в одном квартале стали жить представители различных тухумов.

Селения, в которых квартал населен одним тухумом, сохранились (хотя и не в чистом виде) до настоящего времени.

В селении Гилияр Магарамкентского района имеется три квартала, состоящие из трех тухумов: Шихлияр, Багъманар, Вартар, где в настоящее время, особенно в старой части селения, каждый тухум проживает компактно в своем квартале.

Но в подавляющем большинстве случаев с середины XIX в. в кварталах лезгинских селений жили представители нескольких тухумов.

Каждый тухум в пределах своего квартала жил компактной группой, несмотря на то, что процесс разложения рода зашел у лезгин очень далеко. Даже в таких крупных селениях, как Ахты, Курах, Мискинджа, Хазры и др., каждый род в пределах квартала имел особую квартальную площадь «ким», на которой собирались только представители этого тухума для обсуждения своих внутренних дел (о продаже земли сородичам, о завещании, похоронах, номинках и проч.). Дела же, касающиеся всего квартала, обсуждались на общей квартальной площади, расположенной около квартальной мечети. Для сбора всего сельского общества служила большая площадь около Джума мечети.

Так, например, сел. Курах, бывшего Кюринского округа состояло из 9 тухумов (Цах"арар, К"адияр, Къветер, Афатар, Киер, К"уртабур, Гъвечи хциндур, Къурбаляяр, Мушкурар), 7 кварталов. Каждый тухум имел свою площадь, а каждый квартал — свою площадь, была и общая большая площадь — около Джума мечети. Поскольку в этом селении пять тухумов жили компактно в 5 кварталах, следовательно, у них квартальные площади совпадали с тухумными, а в остальных 2-х кварталах жили смешанно 4 тухума, поэтому у них было 2 квартальных и 4 тухумных площади. Итого в селении имелось 12 площадей — 11 небольших и 1 большая (для всего селения).

Квартальная площадь «ким» вообще служила местом, где собирались все мужчины, когда они выполняли какие-либо мелкие работы (точили плужи, делали поршни, плели веревки, изготавливали некоторые мелкие деревянные изделия, например, ложки) и беседовали.

Тухум охватывал всех родственников без ограничения степеней, происходящих от одного предка, большей частью именем которого назывался тухум. Бывали случаи, когда тухумы приобретали названия по каким-либо случайным обстоятельствам. Так, например, тухум «Кицлер» (собаки) в селении Курах, Курахского района, назван подобным именем потому, как утверждают старожилы, что члены этого тухума якобы отличались псевддержанностью, болтовней и не ладили с остальными тухумами селения. Часто в таких случаях происходила перемена названия тухума. Если многочисленные тухумы дробились на части и возникали патронимии, то они сохраняли общее название тухума.

Члены тухума обязаны были поддерживать друг друга, оказывать моральную и материальную помощь, как например, в делах по кровомщению, уплате штрафов и податей, в женитьбе и разводе и т. д.

В расположении домов селения (пример, в сел. Курах, Гельхен, Дустаир, Юхари-Тахирджал и др. горных селениях) до сих пор можно найти следы родового строя лезгин. Прежде родовая связь являлась весьма действенной силой (защиту можно было найти главным образом у родственников).

Когда лезгины частично оказались под властью кюринских и кубинских ханов, родовая связь продолжала играть важную роль, несмотря на то, что процесс разложения родового строя зашел далеко и значение рода в сельском обществе стало второстепенным. Родственники продолжали селиться компактными группами, противопоставляя себя другим родственным коллективам.

И в настоящее время различают родственников более отдаленных и более близких: «ярггал миресар» (дальние

венники); «мук'вал миресар» (близкие родственники — дети братьев и двоюродных братьев отца).

В прежние времена «миресар» (патронимии) предпочитали селиться около родственников. Лезгинская поговорка гласила: «чарадан балкIандилай жуван лем хъасан я» («Свой осел всегда лучше, чем чужая лошадь»).

В некоторых небольших селениях родичи занимали весь квартал, в больших селениях часть квартала. В свою очередь внутри родового комплекса имели комплексы близких родственников («тагълукь миресар»), насчитывающие 7 — 9 домов. Поскольку родовой комплекс (тухум) составлял самостоятельную единицу в селении, занимая особый квартал, он некоторые хозяйственные вопросы мог решать самостоятельно. Жители квартала могли иметь общие пастбища, общих пастухов и так далее. С постепенным исчезновением межродовой вражды квартал в большинстве селений состоял уже из жителей различных родов, хотя родовые связи продолжали играть большую роль в повседневной жизни лезгин.

Впоследствии установление и развитие феодальных отношений среди лезгин привели к исчезновению тухумного принципа расселения по кварталам. Теперь каждая образовавшаяся новая хозяйственная ячейка требовала переселения на имевшееся свободное место, независимо от того, на каком расстоянии оно находилось от общего очага бывшей семьи.

В дальнейшем, с постепенным проникновением капиталистических отношений произошли существенные изменения в планировке селения. Вместо старых домов, выходящих глухими стенами на улицу, появились новые дома с большими окнами, балконами, галереями и пр.

Лезгинские купцы, проникая в торговые центры России, восприняли русскую городскую культуру. Они, приезжая к себе в селения, строили жилые дома с торговыми заведениями на русский городской лад.

Советская власть и победивший колхозный строй в горах коренным образом изменили облик селения. Появились удобные, благоустроенные дома, озелененные приусадебные участки, административные и культурно-просветительные учреждения: школа, больница, клуб, библиотека, сельсовет, правление колхоза и т. д.

В настоящее время происходит процесс постепенного переселения жителей из густонаселенных и менее удобных мест в просторные и удобные в экономическом отношении селения.

Так, например, большая часть жителей селения Куруш (самое высокогорное селение в Европе 2415 м. над уровнем моря), которые в прошлом жили в очень трудных условиях (суровые климатические условия, недостаток хлеба, бездо-

рожье), теперь переселена на плоскость в просторные поля Хасавюртовского района, где образовалось в настоящее время селение Новый Куруш. Если в 1886 г. число домов в селении Куруш Самурского округа составляло — 718¹⁸, то в настоящее время в старом Куруше оставалось всего лишь около 100 хозяйств.

Часть жителей многих селений Докузпаринского и Ахтынского районов переселены на плоскость, в частности на территории азербайджанских лезгин.

Жители селения Лга-пиркент (Хачмасского района) целиком состоят из переселенцев из Микраха Докузпаринского района. Жители селения Храх и Угалар — переселенцы из горных селений Ахтынского района. Если в 1886 г. селение Микрах насчитывало 542 дыма¹⁹, то в настоящее время в нем немногим более 250 хозяйств.

В связи с переселением части лезгин из высокогорных селений Дагестана в Азербайджан число лезгин на их территории увеличивается. По данным учета национального состава на 1932 г. лезгин, проживавших в Азербайджане, насчитывалось: в селениях 71927 человек; в городах и поселках городского типа — 7381²⁰, всего 79308 человек, против 40709 — в 1926 г.²¹

В прошлом каждое хозяйство цеплялось за свой клочок земли, боялось потерять его, ибо существование семьи зависело от этого участка, в настоящее время коллективное хозяйство позволяет трудиться в любом месте, где крестьянину удобно и выгодно.

Переселение части хозяйств из густонаселенных мест в новые места в свою очередь способствует расширению приусадебных участков жителей, оставшихся на старом месте.

В настоящее время неузнаваемо изменилась планировка селений, дома строятся на некотором расстоянии друг от друга с озеленением дворов. С каждым годом растет благоустройство. В некоторых горных скученных селениях появились новые части аула, где в основном сосредоточены административные и культурные учреждения. Если прежде жители аула собирались на квартальных площадях, то теперь самым многолюдным местом является та часть в ауле, где расположены правление колхоза, сельсовет, дом культуры и пр.

Примером может служить новая часть селения Капира Курахского района. Новые дома расположены на ровном месте. Селение Капир является одним из культурных сел Курахского

¹⁸ ЦГА ДАССР, ф. 21, оп. 5, л. 53, л. 626.

¹⁹ Там же, л. 334.

²⁰ См. «Районы Азербайджана». Баку, 1934, стр. 8 — 11.

²¹ «Всесоюзная перепись населения 1926 г.» Краткие итоги, Изд. Зак. ЦСУ, Тифлис, 1928, стр. 8.

района. В центре новой части селения находятся средняя школа, правление колхоза, больница, радиоузел, клуб — все это просторные светлые здания с обширными дворами, засаженными плодовыми деревьями. На окраине села на доходы колхоза построена в 1948 г. электростанция. В селении имеется электромельница, электромолотилка и т. д. В 1955 году в селении построены два водозаборных сооружения. В селении сооружены новые стандартные склады, коровники, телятник и т. п.

Таковыми же благоустроенными стали почти все лезгинские селения.

Таким образом, анализ поселений лезгин в XIX — начале XX в. приводит к выводу о наличии на территории Лезгинстана в исследуемое время трех основных типов поселений (I-й тип — селение «хуьр»; II тип — казмаляры и кышлаки; III тип — оба), возникших в конкретных исторических условиях в силу определенных социально-экономических причин.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

БРАК И СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ КУМЫКОВ В XIX — НАЧАЛЕ XX В.

Брак и свадебные обычаи кумыков получили некоторое отражение в литературе дореволюционного периода. Описание отдельных актов свадебного цикла кумыков дают, в частности, Д. М. Шихалиев¹, Н. Семенов², П. Пржецлавский³, А. И. Головинский⁴ и др. Более подробное описание свадебного цикла дает кумыкский этнограф конца XIX—начала XX века Манай Алибеков⁵. Однако имеющаяся литература не только не освещает всех сторон свадебных обрядов кумыков, но и содержит серьезные методологические и фактические ошибки.

Задача данной статьи состоит в том, чтобы проанализировать брак и свадебные обряды кумыков в XIX — начале XX в. с учетом социально-экономических условий дореволюционного периода.

До Великой Октябрьской социалистической революции патриархальный быт кумыков не допускал свободного выбора мужа или жены, а также встреч между юношами и девушками. Для девушки считалось позорным остановиться на улице по просьбе юноши, желавшего поговорить с ней. При встрече со взрослым мужчиной или юношей девушка должна была уступить ему дорогу. Если в доме девушки был брат и к нему приходили товарищи, она немедленно покидала комнату. Девушки не присутствовали при разговорах родителей с посетителями, гостями, особенно, если они были мужского пола. Еще

¹ «Кумык» (Шихалиев). Рассказ кумыка о кумыках. Газета «Кавказ», 1848, № 43.

² Н. Семенов. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. Спб, 1895.

³ П. Пржецлавский. Нравы и обычаи в Дагестане. «Военный сборник», (т. XII), 1860, № 4.

⁴ П. Головинский. Кумыки. Их игры, песни и обычаи. «Сборник сведений о Терской области», Вып. 1, 1879.

⁵ Собр. соч. Маная Алибекова (кум. яз.). Буйнакск, 1925.

строже эти порядки соблюдались в домах феодальной верхушки общества, в том числе и духовенства, которые, как известно, выступали строгими блюстителями старых законов.

Право выбора невесты принадлежало родителям. Обычай не позволял юноше-кумыку говорить с родителями о своем желании вступить в брак с той или иной девушкой или самому найти себе невесту, объясниться с ней. Он доверял тайну своего желания жепиться на той или иной девушке одному из своих родственников или друзей. Его выбор обсуждался в семейном кругу и одобрялся в том случае, если совпадал с выбором родственников, т. е. отвечал всем требованиям, предъявляемым родителям к невесте. Нередко родители юноши и его родственники присматривались к девочкам еще тогда, когда их сын был мальчиком. Для выбора девушки у кумыков устраивались специальные смотрины на сельских свадьбах, на «булкъя»⁶ и т. д.

При выборе невесты сторона юноши руководствовалась рядом принципов, из которых три являлись основными. Требовалось, чтобы девушка была физически здоровая и трудолюбивая. Это обуславливалось ее будущим положением в семье как женщины (трудовая сила), так и матери, способной дать здоровое потомство. Девушка должна была быть умной и красивой. При выборе невесты строго учитывалась и ее сословная принадлежность. Эти же требования предъявлялись к юноше и стороной девушки.

Предпочитались браки внутри одного и того же тухума и особенно кузенные браки (между двоюродными братьями и двоюродными сестрами). Это объяснялось, с одной стороны, сохранением пережитков родового быта, а с другой, обуславливалось экономическими причинами—стремлением сохранить в тухуме здоровую рабочую силу и выдаваемого девушке в качестве приданого имущества. Этими же причинами можно объяснить существование в отдельных случаях левирата.

Родители двух сторон считались не только с имущественным положением и происхождением другой стороны, но и с наличием влиятельных родственников, способных в необходимых случаях оказать поддержку. Отсутствие свободы выбора приводило иногда к тайному похищению юношей любимой им девушки с ее согласия. Случаи побегов в кумыкском селе, правда, бывали не часто, так как побег девушки из дома рас-

⁶ Булкъя — это один из видов широко распространенной у всех народов Дагестана взаимопомощи. По установившейся традиции каждая семья могла при выполнении различного рода работ (жатва хлеба, очистка и молотба кукурузы, обработка кожи, шерсти, обмазка дома и т. д.) рассчитывать на помощь сельской молодежи девушек и юношей. Такая рабочая обстановка давала возможность заинтересованной стороне лучше наблюдать за девушкой, проверить ее трудолюбие, умение, скромность и т. д.

ценивался как ее падение, а это, естественно, унижало достоинство ее родителей. Несмотря на это мысль о побеге нередко подавала юноше сама девушка. Об этом говорят хотя бы следующие строки песни:

Гел гетейик, гетейик,
Гече болса не этейик?
Он эки аршын гюлмеллим
Ёлда чатыр этейик.
(Давай убежим, убежим,
А что делать, если наступит ночь?
Из моего 12-аршинного платка
В пути разобьем палатку).

Наблюдались и факты похищения девушки без ее согласия, насильственным путем.

Когда родители юноши договаривались относительно выбора определенной девушки, начиналось сватовство. Обычай не позволял самим родителям юноши вести переговоры с родителями избранной девушки — это делалось через соседей, друзей или других односельчан, как женщин, так и мужчин. Такое доверенное лицо, сват, у кумыков называлось «арачы».

При выборе свата руководствовались его влиянием в данном обществе, имущественным положением, отсутствием личной вражды между ним и родственниками невесты и т. д. Нередко умелый выбор арачы обеспечивал согласие родителей девушки.

Надо отметить, что в отдельных случаях сватами посылались люди, облеченные властью (старшина, кадий и др.). Родители невесты в этом случае, боясь неприятностей, были вынуждены давать свое согласие.

Засылались в качестве свата и женщины. Они обычно посещали дом родителей невесты «полулегально», раньше, чем сват-мужчина, и старались добиться в первую очередь согласия матери. Женщина, искусная в сватовстве, могла многого добиться и в случае успеха получала хорошее вознаграждение. Однако официальная сторона дела требовала обязательного визита мужчины-свата, если даже в этом не было никакой необходимости. Это объясняется тем, что женщина по своему положению в семье и в обществе не имела права вести официальные переговоры, заключать договор от имени какой бы то ни было стороны.

Одним посещением свата дело не ограничивалось. Чтобы получить согласие, ему нужно было несколько раз посетить дом родителей и их старших родственников. Приличие требовало, чтобы во время первого визита отец девушки, не роняя своего достоинства, отвечал уклончиво, обещал посоветоваться с родственниками, старшими братьями, или выдвигал на словах, конечно, какие-либо препятствия: молодость дочери,

неподготовленность ее выполнять сложные обязанности женщины и т. д.

У северных кумыков при выборе невесты имел широкое распространение обычай «хинжал байлав» (надеть кинжал). По этому обычаю сторона юноши, наметив для него девушку, завязывала на какой-нибудь сельской свадьбе близкому родственнику девушки пояс с дорогостоящим кинжалом. Чтобы не задеть самолюбие молодого родственника, который при всем народе принял дорогой подарок, родители девушки соглашались принять предложение, даже неприятное как для девушки, так и для ее семьи в целом. Это и считалось одной из форм помолвки или началом сватовства.

В связи с этим следует отметить и факты помолвки детей в очень раннем возрасте, еще в колыбели. О том, что в прошлом практиковались помолвка и сватовство малолетних детей, свидетельствуют и данные фольклора — сказок, эпических песен — «йыров» и т. д. В этом отношении очень показательна песня об Азнауре.

Азнаур, прославленный герой, получает от своего князя задание отправиться в опасный путь. Прежде чем дать согласие, он идет к родителям. Отец, мать и сестра отпускают Азнаура с хорошим напутственным словом. Тогда он идет к своей жене и говорит:

Бешигинде магъа айтылгъан,
Беш яшында гелешген
Он бешинде отавума гелтирген

.

Къатын ожам, атланаман не айтасан?
(Названная моей невестой еще в колыбели,
Засватанная за меня с 5 лет,
С 15 лет перевезенная в мой дом,
Жена моя, что ты скажешь, еду я⁷.)

Такие помолвки совершались обычно в торжественной обстановке, во время встречи двух приятелей, конаков—родителей этих детей. Объявив однажды о своем решении, как отец девочки, так и отец мальчика должны были быть верны своему слову до конца и все годы до самой свадьбы оказывать друг другу установленные обычаем знаки внимания. При нарушении же одной из сторон обязательства, как правило, наступала вражда между двумя семействами. Более того, помолвка малолетних нередко приводила впоследствии к трагическим случаям, вызванным отсутствием у юноши или девушки чувства привязанности и любви.

⁷ Рук. фонд ИИЯЛ, д. 522, стр. 13.

Итак, вопрос о возможности брака решался родителями, независимо от желания или нежелания самих молодых людей. Однако были и такие нормы обычного права, по которым родители девушки должны были дать согласие на замужество дочери против своего желания, причем по первому посещению свата.

Это было связано с широко распространенным в прошлом обычаем кровной мести. Как известно, после определенного периода между тухумом убийцы и тухумом убитого заключалось перемирие, означавшее конец враждебным отношениям. Обе стороны после этого считали себя родственниками «по крови» — «къанкъардашлар» (кровные братья). Тухум убийцы во всех делах другого тухума должен был принимать самое активное участие.

Пользуясь правом требовать к себе постоянное и исключительное внимание, пострадавшая родственная группа могла рассчитывать на любую девушку из тухума убийцы. И каждый родственник убийцы, особенно член его близкородственной группы, обязан был дать согласие на брак дочери с членом пострадавшего тухума, если даже жених страдал каким-нибудь физическим недостатком. Однако отдельные предусмотрительные родители старались как-нибудь избежать подобного рода брака и поспешно, до появления «законного» претендента, объявляли помолвку своих дочерей с другими юношами.

После получения согласия обе стороны договаривались о размере калыма, требуемого семьей девушки. В термин «калым» кумыки вкладывали, по крайней мере в исследуемое нами время, несколько иное содержание, чем многие другие восточные народы (туркмены, узбеки и т. д.). У кумыков только часть калыма оставалась в пользу родителей девушки, как компенсация рабочих рук, потерянных для данного хозяйства. Другая же часть его, как правило, шла на создание материальной основы будущей семейной ячейки, приобретение предметов домашней обстановки и т. д. Она вливалась в приданое девушки, которое последняя брала с собой из родительского дома при выходе замуж. В случае развода женщина могла все это увести с собой как свое личное имущество, как свою полную собственность.

Переговоры представителей сторон насчет калыма носили характер официальной торговой сделки. Каждая сторона стремилась заключить акт с наибольшей выгодой для себя: сторона жениха — добиться более или менее умеренной цены, сторона невесты — получить как можно больше. Эти переговоры иногда не достигали цели «вследствие несогласия одной стороны на условия другой»⁸.

⁸ Н. Семенов. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. Спб., 1895. стр. 299.

Размер калыма устанавливался в зависимости от материального положения обеих семей. Естественно, что в зажиточном кругу калым был выше, чем в семьях бедняков. «Женитьба, — читаем мы у автора середины XIX века, этнографа Д. М. Шихалиева, — стоит князю 720 рублей серебром калыма, кроме мелочных расходов. Уздень платит калыму от 200 до 100 рублей, средний класс и чагары от 100 до 50 рублей серебром»⁹.

По данным письменных источников еще первой половины XIX века основная часть калыма выплачивалась деньгами. Кроме денег, в счет калыма принято было давать кинжал, который в то время стоил 10 рублей, 1 — 4 головки сахара (3 — 10 кг), шелковые и шерстяные платки, отрезы на платья. Более состоятельные кумыки, сала-уздени и князья должны были в счет калыма давать еще оседланного коня, который переходил в распоряжение старшего в семье.

Как сообщает Н. Семенов, стоимость калыма во второй половине XIX века значительно увеличивается за счет платков, сахара, тканей на одежду, коня и т. д.¹⁰ Интересно отметить, что калым у северных кумыков называется еще «альгьам». Альгьам — это молитва, читаемая в разных случаях на арабском языке, в том числе при заключении брачного акта. Очевидно кумыки это понятие перенесли и на предметы, назначаемые при сватовстве в качестве выкупа.

При сватовстве родителям невесты вручался не весь калым, а его часть и некоторые подарки, не входившие в условия сделки. Сверх калыма состоятельные семьи посылали золотые монеты или серьги, кольцо, пояс и другие предметы украшения или одежды.

Калым был настолько большим, что нередко разорял крестьянское хозяйство. Многие из юношей, из-за отсутствия возможности уплатить выкуп вовремя, не могли жениться, брать любимых девушек. Чтобы собрать требуемую сумму часть молодежи уходила на отхожие промысла, папималась в батраки. Высокий калым устанавливался родителями иногда умышленно, чтобы отказаться от нежелательного брака.

Кроме калыма будущий муж должен был платить в установленном обычае размере и гебингьяк¹¹, обеспечивающий жену на случай развода или смерти мужа. В отличие от калыма гебингьяк, как правило, не выплачивался сразу. Однако в письменном брачном договоре, оформленном при двух свидетелях, обязательно указывалась сумма, которую муж

⁹ «Кумык» (Шихалиев). Рассказ кумыка о кумыках. Газета «Кавказ», 1848, № 43.

¹⁰ См. Н. Семенов. Ук. соч., стр. 297 — 298.

¹¹ Гебингьяк — (гебин — саван, гьяк — цена) — материальная гарантия (обычно в денежной форме) на случай развода или смерти мужа.

должен был уплатить жене. Если муж умирал, не заплатив жене установленной договором суммы, то до раздела его имущества среди родственников, даже до погашения долгов покойника, должен был быть выделен гебингьяк жены. При разводе гебингьяк также выплачивался полностью. Если жена умирала раньше мужа, не выделившего ей указанной суммы, то муж обязан был выдать гебингьяк ее детям, как наследство матери¹². Жена в отдельных случаях могла оставить завещание и в пользу мужа.

В то время как четко устанавливались размеры калыма, количество и качества предметов одежды и других подарков, вносимых женихом, в переговорах ничего не говорилось относительно приданого девушки. Между тем приданое, выделяемое для девушки из родительского хозяйства, бывало весьма значительным и нередко носило обременительный для семьи характер. С этим очевидно был связан применяемый к девушке иелестный эпитет «уый бузагъанй («разоряющая дом», «нарушающая убранство комнат») в противовес юноше, о котором говорили «улап десе уый тола» (когда говорят «юноша», наполняется дом).

Таким образом, семья жениха была в полном праве рассчитывать на имущество¹³ невесты. Величина приданого, так же, как и калыма, зависела от экономического состояния семьи—чем состоятельнее была семья девушки, тем значительнее было приданое.

Возвращаясь непосредственно к свадебным обрядам, отметим, что после договоренности двух сторон совершалось обручение («гелешмек»). Это событие отмечалось в торжественной обстановке с приглашением почти всех односельчан. Иногда обручение оформлялось и без приглашения гостей, в узком кругу родственников. В том и другом случае для скрепления принятых обеими сторонами обязательств, родителям невесты вручалась какая-нибудь ценная вещь (шелковый платок, золотые серьги, кольцо, браслет) или несколько таких вещей, в зависимости от состояния семьи. Эти вещи назывались «белги». Обрядом «гелешмек» и вручением «белги» сторона жениха приобретала право обнародовать принятое решение, право называть девушку «гелин» (невестой).

Не всегда свадьба наступала сразу же после обручения. Иногда между ними образовывался некоторый промежуток времени. Это чаще всего зависело от экономического положения семьи жениха: были случаи, когда юноши откладывали свадьбу на несколько лет из-за сбора денег на калым.

¹² См. Н. Семенов. Ук. соч., стр. 302 (примечание).

¹³ Имущество или приданное девушки составляли главным образом предметы домашней обстановки, внутреннего убранства; медная посуда, сундук, матрасы, одеяла, подушки, ковры и т. д.

После акта обручения брачующиеся стороны начинали оказывать друг другу определенное внимание. Для девушки наступал период целого ряда «избеганий» и «запретов». До специального разрешения со стороны жениха, невеста должна была сидеть дома, прятаться при встрече с родственниками юноши.

Официальное разрешение девушке на выход из дома, на свободное общение с посторонними, санкционировалось актом торжественного посещения ее дома представителями женской половины тухума жениха, которые, принося подарки (главным образом деньги) как от себя, так и от близких родственников-мужчин, совершали «савбол» («будь здорова», «спасибо»). Только после этого акта девушка могла выйти на улицу.

Невеста должна была всегда соблюдать по отношению к родне жениха установленный этикет. Например, когда девушка встречала у родника кого-нибудь из близких родственников своего жениха, она набирала для них воду в кувшин, уступала свою очередь на мельнице, у хлебной печи, свое место на арбе и т. д. То же самое делал и юноша по отношению к родителям и членам семьи девушки.

По обычаю народа, молодой человек, сделавшись женихом, приобретал право посещения девушки. Но он приходил как бы тайком от родителей невесты. Осведомленные о приходе жениха отец и старшие братья под разными предлогами уходили на это время из дома, и делали вид, что они не знают о встречах девушки с юношей. В отдельных патриархальных семьях встречи девушки с юношей в самом деле не допускались и девушке приходилось прибегать к помощи близкой родственницы.

Свою невесту жених должен был посещать обязательно в сопровождении друга. Встреча жениха и невесты, кроме того, всегда происходила при близкой родственнице девушки. Молодые люди строго соблюдали при этом установленный этикет.

Встреча молодых при свидетелях нашла свое отражение в устном творчестве народа. Приняв жениха, говорится в одной песне, одинокая девушка пошла звать соседа по дому. Ей неудобно было прямо сказать зачем пужен ей сосед и поэтому она решила ломать с его плетеного забора щепки. Услышав это, сосед спрашивает в шуточной песне:

Гьей кызы сен урусан,

Чалдан чирпи аласан.

Тапанча булан урсам.

Ерингде облюп кьаласан.

(Слушай девушка — воришка,

Зачем ты ломаешь щепки?

Если я выстрелю в тебя из револьвера

Ты же на месте помрешь).

Девушка отвечает:

Замансыз кьонакъ гелген,

Отум яймай, не этейим?

Урма тапанча булан

Кьююп сама гетейим.

(Пришел не вовремя гость,

Огонь мой не горит, что делать?

Не стреляй в меня

Лучше я оставляю щепки и уйду).

Услышав это, сосед набирает сухие дрова и идет к соседке, чтобы принять ее жениха.

Со дня обручения почти все расходы по содержанию невесты лежали на семье жениха. Накануне больших праздников жених должен был посылать ей особые подарки — барана (средние слои населения — ляжку барана), сладости и т. д. Часть расходов по устройству угощения в доме невесты во время выдачи ее замуж также лежала на семье юноши. «За несколько дней до свадьбы, — писал Н. Семенов, — жених посылает родителям невесты от 20 до 30 рублей денег на расходы по угощению гостей»¹⁴.

Свадьбу («той») кумыки отмечали весьма торжественно. На свадьбу приглашались, как правило, все односельчане. По существовавшему издавна обычаю для приглашения женщины посылались только женщины, а для приглашения мужчин — мужчины. В каждую семью приходило 4 человека — два со стороны жениха и два со стороны невесты. Этот обычай не соблюдался лишь при приглашении гостей из других аулов.

В первый день утром собирались главным образом родственники, друзья, соседи, т. е. люди, которые должны были завершить начатую за неделю подготовительную работу к приему приглашенных. Примерно в полдень свадьба (танцы, угощение и т. д.) была в полном разгаре. На второй день свадьбы, с 8 — 9 часов утра, в дом жениха и в дом невесты приходили уже официально приглашенные (главным образом жители данного селения).

Характерно, что обычно одни и те же люди посещали и дом жениха, и дом невесты, но в разное время, в зависимости от близости отношений, родства и т. д. Гости помещались в парадно-убранных комнатах жениха и невесты. Аксакалы (тамазалар)¹⁵ и другие представители старшего поколения, самые почетные гости, занимали лучшую комнату или самое почетное место в общей комнате.

¹⁴ Н. Семенов. Ук. соч., стр. 301.

¹⁵ Аксакалы, карты, тамаза — представители старшего поколения.

У северных кумыков гости занимали компаты большими группами, которые назывались «тавуи». Это название, очевидно, указывает на то, что в более ранний период кумыки на свадьбу приходили всем родом (тухум, тавуи) и занимали место отдельно от других родовых групп. В XIX и начале XX века «тавуи» не составлял родственную группу, объединяя представителей различных подразделений сельской общины и даже представителей разных народностей, хотя продолжал сохранять прежнее наименование.

На свадьбе женщины угощались отдельно, в чем также отражалось их неравноправное положение. По установившемуся обычаю жених во время свадьбы должен был находиться в доме близкого друга, который, угощая товарищей и друзей жениха, несет часть расходов по устройству «тоя». Дом этот назывался «гиев тюшген уйи» (дом, где остановился жених). Здесь жениха окружали самые близкие друзья, которые назывались «гиевнёрлер» (свита жениха). Здесь устраивались танцы, пелись песни, угощались.

Как мы уже отмечали, приглашенным подавалось угощение. Существовали установленные традицией блюда, которые непременно должны были подаваться на свадьбе. Первым таким блюдом считалось «бозбан», затем плов, «долма» (голубцы), халва, чай и всевозможные напитки, среди которых широкое распространение имело местное вино «джаба» и «буза».

Все приглашенные, по обычаю, пели в дом жениха и в дом невесты подарки: девушке принято было дарить вещи, которые окажутся необходимыми в ее будущем хозяйстве, юноше — деньги, продукты, которые расходовались на свадьбе. С самого начала свадьбы во дворе дома жениха играла музыка (в дом невесты музыканты обычно не приглашались, здесь играли на гармонике сами девушки).

Музыкальными инструментами, применявшимися кумыками на свадьбе, являлись зурна, барабан, «агач-комуз», «чогур» (два последних инструмента представляют собой род мандолины), гармоника. Игра на этих инструментах поддерживалась всеми присутствующими, которые били в такт ладошами.

Играли обычно лезгинку, которая у кумыков имеет до 18 вариантов. У южных кумыков иногда играли и азербайджанские танцы. Танцы начинали близкие друзья жениха и родственники. Ведущим партнером в танце являлся мужчина, хотя он и держался на определенном расстоянии от своей партнерши. Движениями и быстрыми поворотами он направлял движения девушки, и успех ее танца во многом зависел от искусства юноши. Кумыкский этикет требовал, чтобы пара танцевала не более 5—6 минут. Однако это не всегда удавалось,

так как некоторые виды танца требовали продолжительного времени для их исполнения.

Особое место в танцевальном репертуаре кумыков занимал танец «сюйдюм таякъ» («любовная палочка»). Этот танец сопровождался пением девушки и юноши (по очереди) и требовал, чтобы каждый из пары танцевал с двумя разными лицами — с тем, кто палочку вручил, и с тем, кому она вручалась. Танец «сюйдюм таякъ» начинал всегда мужчина. Легким ударом расщепленной на одном конце палки по плечу девушки он приглашал ее на танец. Девушка выходила и садилась на стул, вокруг которого юноша, танцуя и время от времени ударяя девушку палочкой, пел шуточные, любовные частушки. Так, например, юноша пел:

Айт деп тилей, айтайым,
Билмеймен не айтайым.
Билсем де, билмесем де
Бир экини айтайым.

(Просят сказать, скажу,
Но не знаю, что сказать.
Хотя и не мастер слова,
Все же скажу несколько слов).

Ат чапдырдым Акъташдан,
Акъ бёркиом тюждю башдан.
Гъей къызы уста бусанг
Тон тишлен бер чи ташдан.

(Я совершил пробег на р. Акташ,
С головы у меня упала белая папаха.
Слушай, девушка, если ты мастерица,
Сшей для меня шубу из камня).

Девушка встает и свое место уступает юноше. Повторяя те же движения, она поет:

Кёкде урчукъ чюейим,
Тубунде йип иейим.
Йибер улан устьюне
Тюймелер де тигейим.

(На небе буду я вертеть веретено,
Под небом закручивать нитки.
Пошли, юноша, я сошью тебе шубу
Да еще пришью к ней пуговицы).

После шуток такого рода молодые люди нередко начинали объясняться в любви.

Юноша пел: Мен оьзюм къара яшман,
Къаралыгъым яшырман
Улан суйсенг гелирсен
Тек гъеч кимге баш урман.

(Я сам смуглый юноша
И не скрою, что я такой,

Если я правлюсь, выйдешь за меня,
Но не буду унижаться ни перед кем).

Девушка: Юрегимни ачмасан
Сырымны да чечмесмен.
Мурадынга етмеге.
Къаршылык да этмесмен.

(Я не открою свое сердце,
И не доверю свои тайны.
Но я не буду препятствовать
Осуществить твое желание).

Во время танца «суйдиом таяк» происходило настоящее поэтическое состязание между юношей и девушкой. В этом отношении очень показательна песня, записанная у кумыков еще П. А. Головинским в 1879 году. В ней поется:

Юноша: Серые олени бегут с поляны,
Прекрасные девушки любят ими.
Скажи, что будет, если я тебя поцелую?

Девушка: Если ты решишься меня поцеловать,
Я превращусь в белого голубя.
И улечу под небеса,—тогда ты что сделаешь?

Юноша: Если ты улетишь под небеса голубем,
Я серым ястребом нагою тебя.
И там схвачу тебя, что ты тогда сделаешь?

Девушка: Если ты схватишь меня под небесами,
Я обращусь в рыбу и ускользну в море.
Тогда, в море, что ты со мной сделаешь?

Юноша: Если ты уйдешь в море,
Я, обратясь в железный, нырну в море
И там подцеплю тебя,—что ты тогда сделаешь?

Девушка: Если ты меня в море подцепишь,
Я рассыплюсь просом по траве.
Тогда ты что со мной сделаешь?

Юноша: Если ты рассылешься просом по траве,
Я сделаюсь петухом и подберу просо,
Тогда ты что сделаешь?

Девушка: И под небесами, и в море, и в траве
Ты преследуешь меня, мне остается одно:
Я умру, скроюсь в сырую землю,
Мои родные, подруги меня уж не увидят.

Юноша: Если ты умрешь, твои родные и подруги
Лишатся тебя, тогда и я умру, лягу
В ту же сырую землю и там, взамен
всех, один останусь с тобой!¹⁶.

¹⁶ П. А. Головинский. Кумыки. Их игры, песни и обычаи. «Сборник сведений о Терской области». Вып. 1, 1879, стр. 292—293; В народе имеются разные варианты этих частушек.

Отдельные стороны этого пения и танца хорошо были отмечены еще исследователем Н. Семеновым.

Вот что он пишет по поводу одного певца-импровизатора из сел. Аксай по имени Батрай, являвшегося одним из исполнителей таких песен: «Став перед группой девушек, он избирал одну из них и, торжественно весело, в гладкой и звучной строфе задавал ей вопрос, затрагивающий ее сердечные дела. Вопрос произносился певучим речитативом, а вслед за тем певец, повернувшись к группе девушек спиной и похлопывая в ладоши, делал два—три круга лезгинки, после чего возвращался на прежнее место. Девушка обязательно отвечала ему рифмованными или нерифмованными стихами... Потом в свою очередь, с грациозно поднятыми руками и склоненною на бок головою, мелкими шажками протанцовывала тур лезгинки около своих подруг. Такой поэтический турнир продолжался иногда довольно долго, возбуждая в слушателях веселый смех и вызывая громкие аплодисменты»¹⁷.

Наряду с основными исполнителями песни (мужчиной и женщиной) в «сюйдюм таякъ» нередко принимали участие и остальные зрители. Так, например, припев песни мужчины «Валлайла, валалай, валалайла валлайла» тут же подхватывался и исполнялся хором мужчин, а припев куплетов песни женщины «анапай, анайдесем айнапай» — хором женщин.

Кроме танцев «сюйдюм таякъ» и обычной лезгинки у кумыков имели широкое распространение и коллективные танцы. Можно говорить об определенной общности в танцевальном искусстве народов Дагестана и Кавказа (черкесов, кабардинцев, осетин, грузин и др.). Однако дагестанский танец или танец кумыков отличается своим темпом и особым рисунком.

Составляя основу всего свадебного веселья, танцы продолжались в течение всех четырех дней с небольшими перерывами. Только ночью, и то не всегда, в доме жениха прекращалась музыка. Танцы особенно оживлялись во время прихода новых групп девушек или юношей, новых гостей, во время приглашения на танец пожилых родственников юноши (отца, матери, тети, дяди и т. д.).

На свадьбе кумыков широкое распространение имел обычай, известный под названием «айшабаз», по которому танцующим девушкам делались денежные подарки. Деньги дарились как самим юношей, во время танца, так и его старшими родственниками. Так как этикет не допускал прикосновения мужчин к женщине, деньги клались девушке на голову, покрытую платком. Деньги падали на пол, их собирал взрослый человек и посылал девушке по назначению.

¹⁷ Н. Семенов. Ук. соч., стр. 348.

В перерывах между танцами на кумыкской свадьбе широко практиковалась, как в свое время отмечал Н. Семенов¹⁸, пение. Это была замечательная традиция народа, которая, к сожалению, в настоящее время незаслуженно предана забвению. На свадьбе выступал как мужской, так и женский хор. Нередко женщины и мужчины, забыв о существовавших «запретах», пели вместе, как бы образуя единый хоровой ансамбль. Среди кумыков было много певцов-импровизаторов. «Импровизации, — писал Н. Семенов о кумыкских шуточных песнях, — чаще всего создаются в веселых компаниях молодых мужчин и девушек — невест и тогда авторами их бывают двое — молодой мужчина и девушка»¹⁹.

На свадьбах выступали и певцы — профессионалы. Их репертуар составляли главным образом богатырские песни, известные под названием «къзакъ йырлар», песни раздумья и т. д., созданные народом в течение многих веков. Приведем одну из популярных в то время песен, исполняемых на свадьбах и в других торжественных случаях:

Асхартау²⁰, высок твой нетронутый снег!
Анадол²¹, ты других многоводнее рек!
Аргамак, ты красив, с чем сравнится твой бег!
Батыр, есть ли лучше тебя человек?
Что твоя высота, Асхартау — гора!
Достигает орел твоего серебра!
Анадол, что твоя ширина, глубина,
Если стужа тебя проморозит до дна!
Аргамак, что твоя бесподобная статья:
Ты приучен дорогу коням уступать!
А в тебе, что хорошего, сильный джигит,
Ты стоишь перед баем, который сидит.
Что хорошего, если потупил ты взгляд,
Перед тем, что и слаб, и труслив, но богат²².

Начиная с середины XIX века кумыкские певцы широко пользуются произведениями прославленного поэта и певца Йырчи Казака.

Таким образом, в свадебном комплексе кумыков большое место отводилось песням.

Центральным актом свадебного торжества являлся переезд невесты из отцовского дома в дом жениха. За невестой отправлялись вечером второго дня свадьбы, примерно, в 5 — 6

¹⁸ См. Н. Семенов. Ук. соч., стр. 345 — 346.

¹⁹ Там же, стр. 346.

²⁰ Асхартау — самая высокая легендарная гора.

²¹ Анадолом называли кумыки реку Дон.

²² Эта песня переведена на русский язык Н. Гребневым. См. сб. «Из дагестанской народной лирики». Махачкала, 1956, стр. 58.

часов. Во главе посольства шла часть «гиевнётеров» (свита жениха) и некоторые другие мужчины.

Женщины ехали на арбах, мужчины — верхом на лошадях. Перед тем, как перевезти девушку в дом жениха, ее одевали в новую, перевезенную от юности одежду и, закутав в большое покрывало, сажали на стул. Один из влиятельных стариков подходил к ней и, слегка касаясь покрывала, выражал свое благословление: желал создать счастливую жизнь, иметь побольше детей, причем среди многих мальчиков — только одну девочку. После этого девушку сажали на убранный коврами арбу. С ней садились ее подружки и одна пожилая женщина, — «къуда къатып», которая должна была быть с ней вместе, «отвечать» за нее и учить ее первым обязанностям жены. Другие арбы наполнялись ее приданым, заключающимся в медной посуде, постели, коврах.

Невесту перевозили, как правило, с наступлением сумерек. С двух сторон свадебной процессии ехали всадники — гиевнётеры, которые всю дорогу стреляли и джигитовали. Вместе с ними ехали и 2 — 4 представителя дома невесты, называемые «къудалар», на обязанности которых было заботиться о привезенной ими девушке. Если девушку везли за пределы квартала, который прежде несомненно был родовым, то встречная молодежь неоднократно останавливала поезд и требовала выкупа.

Всю дорогу от дома родителей до дома жениха девушки пели обрядовые песни «гьалалайлар», в которых они прославляли жениха, его родителей, особенно отца, старших братьев, дядю, а также хвалили свою подругу — невесту. Когда свадебный поезд приближался к дому жениха, его родственники выходили к воротам с приветствием и в свою очередь обращались к невесте и отсутствующим здесь ее родителям с такими, например, величальными песнями:

Багыр къазан гётерген
Темир очакъ тюгёлмю
Сюйген къызын къолгьалгьал
Агьамат къоччакъ тюгюлмю.
(Разве не железный трехкошпик,
Что поднял медный котел,
Разве не молодец Ахмед,
Что сумел взять любимую девушку).

Арпа сепдик къазлагьа
Бюлбюллер гелип апасын
Бизге къызын сакьлагьал
Палан кес юзйыл япасын.

(Мы посеяли ячмень для гусей,
Пусть соловьи поклюют,

Путь живет сто лет такой-то,
Что берег для нас свою дочь).—

Однако не все песни, исполняемые во время этой встречи двух сторон, были величальные или хвалебные. Как одна, так и другая сторона пели и шуточные песни, наполненные колкими остротами. Эти остроты, в частности, были направлены в адрес «къуда къатын», сопровождающей невесту, подруг невесты «къудакъызлар», которым в этих песнях в шутку приписывались разные отрицательные качества. Причем пока поезд невесты стоял у ворот — а он не входил во двор без вознаграждения — обе стороны старались в шуточном песенном состязании превзойти друг друга, в остротах не остаться в долгу. Однако вся «критическая» часть относилась только к женщинам.

Свадебная процессия, впереди которой шла арба с невестой, требовала вознаграждения для главного возницы. Возница объявлял, что он ни за что не введет арбу с невестой во двор, пока семья жениха не внесет названную им сумму. «В прежнее время упорство возницы преодолевалось поднесением ему кинжала, теперь он мирится на подарке и в 3—5 рублей», — писал автор конца XIX века. Н. Семенов²³.

Невесту приводили (а у северных кумыков приносили на руках) в отведенную ей лучшую комнату. Перед заходом ей клали в рот мед, потом, обмакнув ее руку в мед, оставляли отпечаток пальцев на стенке у двери. У входа в ее комнату стелили у южных кумыков шкуру овцы, у северных кумыков — шелковое или плюшевое полотно, которое в числе других подарков поступало в распоряжение сопровождающей невесту женщины. Мед, шкура, а затем и полотно по представлению кумыков должны были якобы способствовать созданию дружной семьи, обилию, благополучию в доме. С этой же целью раздавалась и сладкая вода («шербет»), которую привозила с собой в кувшине невеста. Примечательно, что эту воду должна была сперва попробовать самая «счастливая женщина», чтобы жизнь молодой пары протекала так же хорошо, как у нее.

В углу комнаты девушке отводилось специальное место за занавеской. Наверху с двух сторон занавески вешали небольшие мешочки, наполненные сахаром. Эти мешочки должны были принести дому счастье и согласие.

После этой церемонии основная часть веселья переносилась в комнату невесты. Жених все это время находился в доме дружка. Гостям подавалось богатое угощение. Несмотря на это, гости — «къудалар» в шутку предъявляли явно невыполнимые требования (достать летом лед, подать живую курицу, наполненную изюмом и т. д.). Все эти требования принима-

²³ Н. Семенов. Ук. соч., стр. 302.

лись как должное и в ответ всегда следовало «бу сагыат», «баш уьсте» («сейчас», «пожалуйста»). Недаром пословица гласила: «къумукълуну къудадан сыйлы къонагъы болмас» (у кумыка нет гостя почетнее «къуды»).

Заставив исполнить все свои капризы, основательно поселившись, поздно ночью гости («къудалар») уезжали к себе домой. В это время друзья жениха приводили его тайком к невесте. Чтобы войти к девушке, жених по обычаю должен был сделать подарок «къуда къатын». Невеста загадывала жениху загадки («киритлеме») и не открывала дверь до тех пор, пока он их не разгадывал.

В одном предании говорится, что невеста дала жениху разгадать такую загадку: адамда бар, аты екъ — «человек имеет, но нет ему названия». Жених должен был ответить, что это безымянный палец. Но жених не мог разгадать ее в течение 7 месяцев, а следовательно все это время не имел права на фактический брак. Благодаря старой и мудрой женщине ему, наконец, удалось разгадать эту загадку и получить согласие невесты.

По другому преданию, один кумык женился на персиянке. По кумыкскому обычаю, она задала ему такую загадку:

Чуткъум²⁴ къызыл баш²⁵ чуткъу
Бавлары керханадан.
(Чутку моя — къызылбаш чутку
Ленты ее из керхана²⁶).

Жених, сколько ни пытался, не мог разгадать эту загадку. Он ходил по многим аулам и никто не мог дать ему дельного совета. Так прошло 8 месяцев. Однажды ему посоветовали обратиться к старому жнецу, работавшему на своем участке. Тот согласился разгадать, при условии, если тот соберет и обмолотит его хлеб. Жених трудился в течение нескольких дней и выполнил всю необходимую работу. Тогда жнец так разгадал загадку:

«Ашавум акуле дюгю
Ичивум бузханадан»
(Ем я только «акула-рис»
Пью воду на льду).

Все это означало, что невеста, представляя себя богатой, высокопоставленной девушкой-персиянкой, спрашивала жениха достоин ли он ее руки. Жених отвечал, что он тоже из богатого рода, ест только изысканные блюда-плов и пьет особую воду.

²⁴ Чутку — головной убор.

²⁵ Къызылбашами иногда называли персов.

²⁶ Вид шелковой материи.

Загадки и отгадки применялись и в стихотворной форме. Невеста могла, например, спросить:

Ва гьечедир, гьечедир

Кёкде юлдуз нечедир

Отуз эки байталны

Налы, мыхы нечедир?

(Ва гьечедир, гьечедир — не переводится

Сколько звезд на небе,

Сколько подков и к ним гвоздей

У тридцати двух лошадей?)

От жениха последовал далеко не точный ответ, но ответ поэтический, в рифму:

Къутанда кьойлар семиз,

Къозласын эгиз — эгиз

Отуз эки байталны

Налы, мыхы мингсегиз.

(Пусть у упитанных овец па кутане

Ягнятся двойни.

У тридцати двух лошадей?)

Тысяча восемь подков и гвоздей).

Невеста, в свою очередь, должна была разрешить ряд задач, предложенных женихом. В некоторых селениях южных кумыков она должна была, например, суметь быстро развязать длинную цепочку узелков, сделанных на шкурке из сыромятной кожи, которым горцы завязывали чарыки. Это считалось весьма трудным делом: девушкам приходилось развязывать узелки не только руками, но и с помощью зубов. Иногда по совету опытных женщин, сопровождавших невест, последние пользовались для этого и шилом.

Подобного рода состязания невесты с женихом указывают на бывшее равноправное положение женщины, на пережитки матриархата.

Утром третьего дня свадьбы родственницы юноши приходили к молодой «гелин» с поздравлениями и подарками. Совершался обряд «бет ачыв» или «осмотрения лица». По этому обряду лицо невесты (она должна была стоять под покрывалом, с опущенной на лицо шелковой сеткой) обычно открывала маленькая, «безгрешная» девочка, которая раньше всех получала подарок (как правило, большой шелковый платок). Невесте дарили деньги, кольца, браслеты, серьги и т. д. Она, в свою очередь, должна была давать подарки «берне» родственницам (платки, кисеты, шелковые пояса, сладости). Подарки молодой, кроме сладостей, во многих местах раздавались после свадьбы.

Родственники-мужчины и некоторые гости, друзья приходили к молодой с подарками вечером. «Къуда кьатып» к этому времени снимала ширму, за которой паходила невеста.

Она теперь стояла, закрыв лицо широким рукавом платья. И каждый из мужчин, начиная с тамады свадьбы или старшего родственника, приветствовал молодую словами «савбол» (будь здорова) и одаривал чем мог. Подарки родственников могли состоять из денег, предметов украшения, скота, ковра, паласа и т. д. «Къуда къатын» от имени невесты, в свою очередь, раздавала гостям подарки, угощала сладостями и т. д.

На кумыкской свадьбе большую роль играл так называемый «хан» или «шах» — распорядитель всего торжества. Роль «хана» обычно исполнял наиболее влиятельный уздень.

У южных кумыков в качестве «шахов» выбиралось несколько человек («шахлар»). Для проведения в жизнь своих распоряжений «хап» или «шахлар» выбирали себе помощников, из которых один назывался «джаллат» (палач). Они занимали особое помещение, сидели за богато накрытым столом. Любое распоряжение, приказ хана, подлежали немедленному выполнению.

Особое место среди функций «ханов» занимало наложение на участвовавших на свадьбе штрафов. Любой гость или родственник хозяев свадьбы мог быть вызван к столу, где «шах» или «хан» под разными предлогами требовал от него «штрафные» деньги. Много провинившихся иногда привязывали к столу, к дереву, угрожали побить, облить водой, даже зимой, и не прекращали наказания до тех пор, пока они или их родственники не внесут выкупа.

Анализ преданий, связанных с этим обычаем, дает основание думать, что в день всеобщего торжества народ делал попытку передать власть хана, шамхала и других феодальных владетелей лицу, избираемому из своей среды. Широкое распространение в народе имеет, например, такое предание: однажды житель Кумыкской плоскости (быв. Хасавюртовский округ) по имени Бейболат, совершив убийство своего односельчанина, вышел в канлы в сел. Кафыр-Кумух шамхальства Тарковского. Он долго жил в этом селении, имел там семью и нес службу самому шамхалу. Кровные враги давно простили ему убийство и ему был разрешен свободный приезд на родину. Так как Бейболат был женат на девушке из числа зависимых категорий, иными словами, на подвластной шамхала, то последний не разрешал ему брать с собой жену и детей. В день свадьбы в сел. Кафыр-Кумух Бейболат обратился к «хану» свадьбы и тот разрешил ему выехать на родину вместе с семьей. Шамхал, присутствовавший на свадьбе, вынужден был подчиниться и только просил у «хана» разрешения прежде чем отпустить Бейболата подвергнуть его физическому наказанию за такой «дерзкий» поступок.

Кроме «ханов» на свадьбе для увеселения публики имелись «доммайлар» (шуты), которые надевали различные маски и выступали со всевозможными шуточными номерами.

В послеобеденное время третьего дня свадьбы состоятельные хозяева устраивали конно-спортивные соревнования — скачки. Победителям соревнования давались призы. Вечером третьего дня свадьба в основном завершалась.

Во многих местах широкое распространение имел обычай «гияв чакъырыв» (приглашение молодого мужа в свой дом). По этому обычаю друзья молодого с традиционной песней приводили его в отцовский дом (в первую ночь его приводили тайком). В окружении своей свиты он садился в комнате, где присутствовали все близкие родственники, члены патронимии, в том числе и родители. Здесь происходило одаривание молодых супругов. Близкие юноши настоятельно требовали, чтобы каждый член патронимии выделил подарки по своим возможностям. Приято было дарить как движимое, так и недвижимое имущество, которое ложилось в основу будущего хозяйства новой семейной ячейки.

На четвертый день вечером к молодой приходила сельская молодежь, и она молча угощала ее вином, сладостями и т. д. «На все шуточные распросы своих гостей, — пишет Н. Семенов, — она неизменно отвечает одно: «пей», указывая на поднос с напитками и закусками»²⁷.

Обряды, связанные с бракосочетанием вдов, были значительно проще. Вдова пользовалась «гебингъакъом» в половинном размере или даже третьей его частью. Ни в доме мужчины, ни в доме женщины во время этого акта особого торжества не происходило. Вдову возили в дом жениха тайком, ночью. Однако, узнав о выходе замуж вдовы, сельская молодежь открывала стрельбу, устраивала трезвоп. Все это имело значение «злой шутки, издевательства над заключаемым браком»²⁸.

Так выглядела свадьба у кумыков в дореволюционный период.

Нормы брачного права несомненно носили у них сугубо классовый характер. Вместе с тем в них отражались элементы и более ранних форм общественных отношений (левират, кузенный брак, умыкание и т. д.).

Свадьба была, с одной стороны, большой радостью для всего общества, с другой — отрицательно сказывалась на крестьянском хозяйстве. Особенно разоряла крестьян свадьба во владельческом доме, в доме хана, бека, князя и т. д., куда должны были явиться все подвластные феодалу крестьяне с большими подарками.

²⁷ Н. Семенов. Ук. соч., стр. 303.

²⁸ Н. Семенов. Ук. соч., стр. 304.

Последним актом брачной церемонии являлось то, что спустя несколько дней после свадьбы семья приглашала невестку «гелин» в столовую «аш уй». При этом собирались близкие родственники, в присутствии которых свекровь «къайыи ана» делала спохе какой-нибудь подарок. С этого дня «гелин» должна была браться за работу по хозяйству и во всем успевать. Участвуя в хозяйственной жизни семьи, молодая сноха долго еще чувствовала себя стесненной. В течение продолжительного времени она по адату не должна была разговаривать с отцом мужа, а передко и со свекровью. Такое положение часто продолжалось до года и больше.

М. Алибеков писал, например, что «женщины с отцами мужей... не говорили до смерти»²⁹. Но это, на наш взгляд, относится главным образом к более состоятельным семьям. Довольный оказываемой молодой невесткой вниманием и уважением, глава семьи по истечении определенного срока должен был совершить над ней обряд «заставления» разговаривать. Обряд заключался в том, что старший мужчина, которому все это время оказывалось особое уважение, в торжественной обстановке должен был поблагодарить «гелин» и сделать ей какой-нибудь подарок. Однако и после этого «гелин» не имела права называть старших по именам.

Кстати сказать, молодая женщина с первого же дня замужества должна была придумывать новые красивые, ласковые (для молодых), авторитетные (для старших) имена. Глава семьи (женщину и мужчину) молодая должна была называть тем именем, каким называли их в семье остальные. Для старшего брата мужа чаще всего употреблялись имена «джан агъав» (дорогой господин), «паччам» (мой царь), для младшего брата мужа «къардашым» (мой брат), «эрке улан» (гордый парень), «алтун тон» (золотая шуба), «къыз сюер» (любимый девушкой), если он не женат; для старших сестер мужа «жан бажым» (дорогая сестра), «гюлбажым» (цветущая сестра), для младших сестер «эрке къыз» (гордая девушка), «гиччи къыз» (маленькая девушка) и т. д.

Долгое время молодую «гелин» не вводили в состав семейного совета, многое от нее скрывали. Рождение ребенка совершенно меняло к ней отношение семьи, укрепляло ее положение. Надо сказать, что в кумыкской семье рождение ребенка всегда отмечалось как большое радостное событие. В связи с господствующим положением мужчины в семейном и общественном быту, рождение сына встречалось особенно торжественно.

Мы уже отмечали, что еще перед тем, как отправить свадебный поезд невесты в дом жениха, один из почетных гостей желал будущей хозяйке иметь много сыновей и только одну

²⁹ М. Алибеков. Адаты кумыков. Махачкала, 1927, стр. 30.

дочь. В ответ на оказанную услугу пожилые люди также всегда говорили: «Чтобы твоя жена родила тебе сына», а если обращались к молодой женщине: «Улан тапгыр, кьуйрукъ хапгыр» (чтобы ты родила сына, чтобы ты была сытна). Узнав от посторонних, что сноха беременна, свекровь старалась не допустить ее к тяжелой работе. Однако в условиях феодального гнета осуществить это удавалось далеко не всем семьям. Сплошь и рядом беременные женщины работали до последних дней и в поле, и дома, выполняя и все тяжелые работы.

Существовало очень много основанных на суеверии обычаев, выполнение которых должно было охранять мать и будущего ребенка «от дурного глаза». Очень многие приметы были связаны с обычными у беременных женщин прихотями в выборе пищи. «Прихоти беременных,—читаем мы у Александрова и Лобанова, авторов «Заметок из путешествия по Дагестану»,—исполнялись в достаточных семьях, где много рабочих рук... Если в то время, когда женщина высказывает свою прихоть, она схватится за какую-нибудь часть тела, то на этом месте у ее будущего ребенка будет родимое пятно... Она не должна была смотреть на предметы, служащие плохой приметой... особенно избегали встретить зайца, опасаясь, что губа ребенка будет, как у зайца, с разрезом... Беременной женщине запрещали входить в дом, где красят материю, чтобы на теле ее не оказалось пятен цвета краски, которые будто бы появляются затем и на теле ребенка...»³⁰.

Женщины рожали дома с помощью повитухи. Муж роженицы в течение 5—7 дней не должен был показываться жене. Он жил у своих родственников или уходил в поле.

В прошлом существовал обычай тщательной охраны комнаты, где происходили роды, от влияния «дурного глаза». Считалось, что злая женщина может повредить роженице, если она принесет с собой золото и особенно ртуть («гуне сув»).

Для того, чтобы предохранить как ребенка, так и роженицу от дурного влияния, еще до недавнего времени к дверям, куда приходили посетители, ставили что-нибудь железное, главным образом лемех от плуга или топор. Около роженицы держали золото или ртуть, которые еще до родов должны были находиться в доме. Неудачные роды, смерть ребенка или матери часто объясняли злым намерением одной из родственниц или завистью соседки, которая будто бы приносила «сильные средства». Поэтому в комнату, где происходили роды, под всякими предлогами не допускали тех женщин, которые раньше проявляли свою зависть или недоброежелательность по отношению к роженице.

³⁰ Журнал «Этнографическое обозрение», 1910, № 1—2, стр. 165.

При тяжелых родах прибегали к разным «средствам». Так, например, ходили к мулле, который писал на листке изречения из корана. Этот листок полоскали в воде, смывая письмена, и воду давали выпить роженице. Мулла писал талисманы, которые привешивали на грудь или клали под подушку больной. Кроме того, в трубу дымохода сверху бросали яйцо. Если роды были очень тяжелыми и эти «средства» не помогали, то в платье роженицы сыпали ячмень, выносили роженицу к дверям и давали лошади съесть ячмень прямо с колен женщины; с крыши дома, где находилась роженица, стрелял человек, который когда-то совершил убийство.

После благополучного рождения ребенка в доме все оживлялось. Сразу же после родов роженице давали специальное кушание — «тахана» с медом, виноград или что-нибудь сладкое. Радостную весть о благополучном исходе сперва сообщали свекрови, а потом другим членам дома. За это они дарили подарки добрым вестникам. Приято было снимать с головы отца новорожденного папаху, которую он выкупал, давая какое-либо вознаграждение вестнику.

С появлением на свет ребенка в доме начинались приготовления к торжеству. Готовили в большом количестве горячую халву, «бозбаш» и другие кушанья. Поздравлять семью с рождением ребенка приходили все родственники, друзья и соседи. Всех посетителей приглашали к столу и угощали.

Через неделю после рождения ребенка ему давали имя. Это событие происходило в еще более торжественной обстановке, с богатым угощением. Когда все приглашенные были в сборе, в разгар угощения ребенку давалось имя. Мужчины на этой церемонии не присутствовали (рождение ребенка, особенно сына, отмечалось потом ими отдельно). Имя, которое заранее семейный совет намечал дать ребенку, первым называла бабка — «аначыкъатын». С ребенком на руках она занимала самое почетное место среди гостей. Обратив внимание всех присутствующих на себя, бабка в первый раз укладывала ребенка в люльку надевая на него самую лучшую одежду.

К подбору имени для ребенка кумыки отпосились с большим вниманием. С рождением ребенка каждый предлагал имя, но принималось такое, какое получало одобрение большинства и особенно нравилось старшим в семье, причем согласия матери на это не требовалось. По традиции кумыки давали своим детям имена умерших предков, особенно родителей. Мальчикам имена давались и в честь «пророков» — Магомед, Али, Иса и др.

Широко распространены были чисто народные имена, которыми всегда пользовались и пользуются кумыки. Эти народные имена в своем большинстве весьма поэтичны и красивы, особенно жепские имена, например, Айбала (дитя луны),

Айгул (лунный цветок), Гюлханум (госпожа роз), Айбике (госпожа луны), Пашманханум (госпожа печали). Последнее имя давалось обычно девочке, если роженица умирала от родов или отец девочки умер до ее рождения.

Если в семье рождались одни девочки, а сына не было, девочке давалось имя Кистаман («кыыз» — девочка, «таман» — «довольно»). После этого семья рассчитывала дожидаться сына.

В качестве имен употреблялись также названия драгоценностей: Алтун (золото), Изумруд, Бриллиант, Танажар (жемчужина), Перезе (бирюза). Мальчиков называли Батыр (храбрый, богатырь), Арслан (лев), Айбатыр (богатырь луны, лунный богатырь).

Кроме полных имен, кумыки давали детям и ласкательные имена, которыми они называли детей до совершеннолетия. Например: Патимат—Бадик, Умуразият—Умук, Абидат—Абак и другие.

Очень вредным был обычай почти все время держать детей привязанными к люльке («бешик»). «Бешик» представлял собой род маленькой, очень узкой деревянной скамеечки, поставленной на качающиеся полукруглые подставки. Сверху вдоль скамеечки, на высоте нескольких сантиметров, укреплялась круглая жердочка, к которой привязывались полосы из материи. Этими полосами ребенок плотно привязывался к люльке с вытянутыми руками и ногами. В люльку клали шерстяные матрасики, в которых делалось круглое отверстие для камышовой трубочки. Ребенка привязывали к люльке с таким расчетом, чтобы моча его попадала в камышевую трубочку, не пачкая постель, и выводилась в особый горшочек, прикрепленный к люльке снизу.

Ребенок в «бешике» не мог пошевелить даже пальцем, а мать кормила его, подсаживаясь к люльке, затем качала, пока он не уснет. Женищина в бедной семье была настолько обременена работой, что не имела возможности в течение целого дня выпнуть ребенка из «бешика» и развязывала его только два раза в день — утром и вечером. Представительницы старшего поколения во многих аулах рассказывают, как они целыми днями сидели за ткацким ковровым станком, за шитьем, починкой одежды, обработкой кожи, шерсти, качая в то же время ногой детей, уставших и требующих своим плачем выпнуть их из люльки. Только в крайнем случае, если ребенок не успокаивался, его на время развязывали.

Укладывая спать своих детей, кумыки пели им колыбельные песни — «бешик йырлар». Каждая мать обычно сама сочиняла их, сообразно со своими желаниями, стремлениями, душевными переживаниями.

Вот одна из таких песен, которая записана в сел. Башлы, Каякентского района.

То ли с дуба, то ли с клена.
Кра-кра-кра кричит ворона.
Возле мельницы труба,
А под нею — желоба.
Это чей желобок?
Биякая желобок.

- Биякай, куда идешь?
- К пасечнику, кушать мед.
- Биякай, когда придешь?
- Подожду, зима пройдет.
- Биякай, зима длинна,
- Все равно придет весна.

Подрастут к весне ребята,
Станут утками утята.
Утки крякнут,
Гуси гагакнут.
Всех утят и всех гусят,
Отдадим мы Айзанат³¹.

Во многих колыбельных песнях прошлого выражалась и жалоба женщины на свою горькую судьбу, бедность, общественное и семейное бесправие.

Советский строй внес коренные изменения в свадебные обряды кумыков. Исчезли купля и продажа девушки — калым и «гебингакъ», унижающие ее достоинство. Право выбора теперь предоставлено самим брачующимся, а не родственникам, как это было прежде. Тем не менее некоторые обряды бывшего сватовства нередко соблюдаются и теперь. По-прежнему сваты обращаются к родителям с просьбой выдать дочь, хотя это происходит после того, как девушка и юноша объясняются друг другу в любви и изъявляют желание вступить в брак. Обручение девушки в настоящее время происходит в узком кругу родственников, без приглашения посторонних. Отсрочки свадьбы после обручения стали редким явлением, ибо в современных условиях зажиточная жизнь колхозников позволяет отпраздновать свадьбу тогда, когда это удобно той или иной семье. Свадьбу в колхозной деревне отмечают весьма торжественно, с приглашением всех жителей селения и знакомых друзей из соседних селений. Намного богаче стало и угощение. Мы вполне солидарны с профессором П. И. Кушнером, который указывает, что у современных колхозников «публичным празднованием свадьбы подчеркивается социальное значение брачного союза, приводящего к образованию новой семьи, нового хозяйства. Попытка придать браку характер частного

³¹ Песня переведена на русский язык Н. Гребневым. См. сб. «Из дагестанской народной лирики». Махачкала, 1956, стр. 245 — 246.

соглашения супругов, не имеющего отношения к родным и соседям, встречают резкое осуждение окружающих»³².

Повсеместно производится гражданская регистрация браков. Исчез обычай закутывания невесты в платок и другие обычаи, унижающие девушку. Свадьбой все больше и больше распоряжается сама молодежь, в том числе и девушки, которые, вопреки старым адатам, наравне с юношами приглашают своих товарищей танцевать с ними. Однако в отдельных случаях на свадьбе кумыков по-прежнему проводится сбор денег с гостей, приглашенных на свадьбу. Встречаются отдельные родители, которые при выдаче замуж своих дочерей все чаще требуют внесения определенного взноса. В некоторых семьях невеста по-прежнему соблюдает многочисленные запреты. Имеют место и факты заключения брака без гражданской регистрации, что дает возможность недобросовестным людям безответственно относиться к своим обязанностям по отношению к семье.

Все эти и им подобные пережитки не могут заслонить те коренные преобразования, которые произошли в общественном и семейном быту кумыкского народа. Необходимо, однако, усилить борьбу с пережитками прошлого, так как они являются препятствием в дальнейшей перестройке быта, экономики и культуры.

³² П. Кушнер (Кнышев). О некоторых процессах, происходящих в современной колхозной семье. «Сов. этнография», 1956, № 3, стр. 22.

ХНОВЦЫ

(Историко-этнографический очерк)

Настоящая статья имеет целью, используя полевой материал, собранный автором летом 1957 г., дать этнографические сведения об одном из отдаленных и труднодоступных рутульских селений — Хнов, интересного своими историческими и этнографическими особенностями.

В административном отношении Хнов входит в состав Ахтынского района ДАССР, населенного преимущественно лезгинами. Расположен он в 45 км от с. Ахты; с северо-востока и юго-востока хновцы граничат с лезгинами; к северо-западу от Хнова простирается территория, заселенная основной частью населения — рутульцами. На юго-западе хновцы граничат с азербайджанцами г. Нухи.

В Хнове насчитывается ныне 80 хозяйств, около 400 человек. По происхождению они — рутульцы, но называют себя хновцами (по названию своего селения Хин-Хнов). Язык, на котором они говорят (хнов миз), несомненно, является диалектом рутульского языка. От своего этнического ядра — рутульцев — хновцы отделены труднопроходимыми горами и снежным перевалом «Цайлахан».

В экономическом и культурном отношении хновцы большей частью связаны с лезгинами с. Ахты и азербайджанцами г. Нухи. Специальной дороги, связывающей их с районным центром — Ахты или с гор. Нухой, — нет. Из Хнова в Ахты ведет вьючная тропа. Горные хребты и снежные перевалы затрудняют сношения между самурскими, ахтычайскими и азербайджанскими рутульцами.

До середины XIX в. через территорию Хнова проходила важная горная дорога в Нуху, Ках и в Закаталы. Она шла через Цайлаханский и Салаватский перевалы в селения Борч, Шин, Кайнар и далее по почтовому тракту. Эта дорога имела

жизненное значение: для перекочевки скота на зиму в Азербайджан и для товарообмена. В Нухе, Ках и Закаталы рутульцы продавали свой скот, овчины, масло, покупали там зерно, мануфактуру.

В ранних письменных дагестанских источниках о сел. Хнов и его жителях не упоминается. Да и более поздние исследователи хновцев не выделяли их, как и рутульцев, из среды лезгинской массы. Видимо они вместе с рутульцами и лезгинами в первые века нашей эры входили в состав многоплеменной Кавказской Албании, в которой древние географы насчитывали 26 наречий и племен. Исторические данные позволяют утверждать, что лезгины, рутульцы, цахуры являются древнейшими родственными племенами нагорного южного Дагестана. Подтверждением этому является родство их языков, сходство физического типа, быта и культуры.

В Хнове, на левом берегу реки Ахты-чай, нами обнаружен большой могильник с погребениями в каменных гробницах, расположенных в три яруса. В одном из полуразрушенных каменных гробниц верхнего яруса были найдены два бронзовых браслета. По мнению дагестанских археологов — Д. Атаева и В. Котовича — эти браслеты, относящиеся к раннему средневековью, аналогичны подобным украшениям, обнаруженным в горном Дагестане, Северной Осетии и Кабарде.

Эти находки несомненно являются памятниками домусульманской культуры края. После распада Кавказской Албании территория, населенная лезгинами, подпала под власть сасанидской Персии, а затем — арабского халифата (VII — X вв.) Хнов, расположенный ближе к Нухе, был рано покорен арабами, о чем свидетельствует обнаруженный нами здесь ранне-мусульманский памятник VII века. Это надгробная плита шейха Магомеда Ибн-Асада, погребенного здесь в специальном зиярате (гробнице) в 54 г. хиджры, т. е. в 675 г. н. э.¹

هذا قبر المرحوم المغفور محمد بن أسد ابن مغل
غزا بن قراین بن عرب بكر ابن سيق الدين بن مغل
بن قراین ومات فی سنة تاریخ اربع و خمسين

¹ Полевой материал. Обнаружен нами в сел. Хнов летом 1957 г. В чтении и пояснении текста с надгробной плиты шейха Магомеда Ибн-Асада большую помощь оказал нам местный житель Эфенди Абдурахман Абдулгалимов. Запись текста произведена на месте. Сделать фотоснимок или эстампаж с памятника было крайне затруднительно, так как он находится в стене темного зиярата.

Если полагаться на достоверность этой даты, то перед нами один из самых ранних памятников мусульманской культуры на Кавказе.

Свидетельством раннего проникновения ислама на территорию Хнов служат найденные здесь куфические надгробные плиты XI — XIII вв.² Народные предания хновцев связывают проникновение ислама к ним с именем легендарного арабского полководца Абу-муслима. В предании, получившем отражение в литературе, говорится, что селения Кюра, Ахты, Хнов (Хнод) принуждались вносить подати арабскому ставленнику в Дагестане Шах-Баалу (Белу)³. Очевидно к XIII веку мусульманская религия вытеснила у хновцев язычество и христианство.

Археологические находки, исторические данные и сохранившиеся в народе предания говорят о том, что территория сел. Хнов издавна была обжита человеком. Со времени основания своего селения хновцы исчисляют более двух тысяч лет и говорят, что он не менее древний, чем Дербент. Здесь, как в древнем Дербенте, повсеместно разбросано множество кладбищ и каменных надгробий разновременной эпохи.

На юго-западной окраине Хнова сохранились развалины какого-то укрепления. О существовании в Хнове маленькой крепости упоминается в литературе⁴. Население указывает и на остатки армянской часовни (килисе)⁵.

По народному мнению сел. Хнов образовалось от слияния пяти населенных пунктов (Хнов, Донгуз-Тала⁶, Нухух, Жилих, Курдул).

В XIV — XV вв. селения Ахты, Рутул, Хнов, расположенные в верховьях реки Самур, периодически попадали в зависимость от правителей феодального Ширвана. Но зависимость лезгин и рутульцев от ширваншахов была незначительной. По рассказам жителей они никому не подчинялись, свою независимость всегда отстаивали с оружием в руках. Однако были и междоусобные столкновения между отдельными обществами этих народностей из-за раздела земли и пастбищ. Так, например, хновцы часто нападали на сел. Борч и принуждали его население выполнять повинности. Известны факты вторжения хновцев и в цахурские села Курдул и Гелмец. Воинственными были не только мужчины, но и женщины Хнова. До сих пор старики рассказывают о храброй хновской женщине, по имени

² Полевой материал. Собран на месте, август, 1957 г.

³ См. А. Бакиханов. Гюлистан-Ирам. Баку, 1926, стр. 44.

⁴ См. К. Ф. Ган. Путешествие по высочайшим местам Дагестанской области, летом 1902 года. «Изв. Кавк. отд. РГО», Т. XVI, № 4, 1903, стр. 9 — 10.

⁵ Полевой материал. Собран в Хнове, летом 1957 года.

⁶ Донгуз-Тала в переводе означает «свиное поле».

Зухра, которая выстрелом из лука выбивала из рук противника оружие. В честь этой женицы хновцы называли окружающую горную высоту «Зухра».

В XVI — XVII вв. турецкие султаны и персидские шахи неоднократно пытались подчинить себе лезгин и рутульцев, стремясь использовать эти воинственные племена в своих интересах особенно в борьбе с христианской Грузией.

В 1555 г. хновцы, совместно с рутульцами и цахурами, предприняли поход на Кахетию и вынудили грузин переселиться за р. Алазань⁷.

Старались использовать рутульцев и наиболее сильные дагестанские правители, так «хновская рать» — ополчение жителей сел. Хнов упоминается в 1598 г. в числе союзников шамхала Тарковского⁸.

Внешние вторжения, и междоусобные войны мешали национальному сближению лезгин, рутульцев, и цахур. Частые междоусобные войны происходили за захват удобных пастбищ и земель.

В XVI — XII вв. хновское, как и другие рутульские общества, хотя и сохраняли свою независимость и управлялось аксакалами, но было вынуждено политически и экономически подчиняться главному селению Рутулу и находившимся в нем бекам.

В XVIII в. Хнов оказался под влиянием Ахтыпаринского магала. Не раз сельское общество Хнова отстаивало свою независимость от главного селения Ахты. Хнов продолжал управляться своими выборными старшинами — «кевха». Кевхами становились обычно представители зажиточной верхушки.

В начале XIX века в с. Ахты утвердилась власть России, но рутульцы в числе других народностей оказали сопротивление царским войскам. В 1838 году рутульский Ага-бек с ополчением из Борча, Хнова и др. рутульских селений неожиданно захватил г. Нуху, хотя на третий же день вынужден был бежать. Эти события в 1839 г. повлекли за собой вступление русских войск в Рутул, в результате чего Рутульский магал был присоединен к России. Однако и после этого рутульцы продолжали борьбу с царскими войсками. Тогда царизм в том же году для покорения населения направляет воинские силы, которые были вынуждены прорубить туннель и проложить дорогу, чтобы пройти в труднодоступный Хнов⁹.

⁷ См. А. И. Фон-Плотто. Природа и люди Закавказского округа. «Сб. сведений о кавказских горах». Вып. IV, Тифлис, 1870, стр. 11.

⁸ См. «Памятники дипломатических сношений Московской Руси с Персией». Т. II, СПб, 1892, стр. 27.

⁹ Дорога эта была проложена по сильно пересеченной местности с военной целью. Она давно пришла в негодность, но до сих пор известна у народа под названием «Урусад рак» («русская дорога»).

Еще до сих пор рассказывают об отважном герое хновцев по имени Челеби, который упорно сопротивлялся царским солдатам. Он погиб в неравном бою.

Царизм жестоко расправился с непокорными, в том числе с хновским населением. Многие из хновцев были высланы, другие, покинув селение, переселились в цахурские села — Курдул, Гелмец, а также в Ках и Закаталы.

Царизм, покорив Хнов, включил его в состав образовавшегося Самурского округа. На жителей сел. Хнов были наложены подати и повинности.

Присоединение рутульцев и лезгин к России, несмотря на колониальную политику царизма, сказалось положительно на развитии хозяйственной и культурной жизни края. Население Хнова, вместе с другими рутульскими и лезгинскими обществами, постепенно втягивалось в русло развивавшихся капиталистических отношений. В конце XIX века наметились сдвиги в развитии животноводства. Овцеводческое хозяйство у них стало приобретать товарный характер. В сельском хозяйстве появляются серпы и косы. Стали сеять лён, выращивать картофель. Хновцы чаще стали вывозить на азербайджанский рынок (Нуха) и лезгинский (Ахты) шерсть, овчину, мясо, масло, сыр, домашние изделия, ковры, паласы и т. д. Вместе с ростом товарно-денежных отношений усиливались экономические и культурные связи населения Хнова с лезгинами и азербайджанцами. Это способствовало усвоению хновцами лезгинского и азербайджанского языков, улучшению быта, повышению культурного уровня.

Однако вплоть до Октябрьской революции хозяйство, быт и культура хновцев были крайне отсталыми. Основной отраслью хозяйства являлось отгонное овцеводство. «Рутульское селение Хнов не имело зимних пастбищ и почти все население его, за исключением 30 — 40 хозяйств, откочевывало в Азербайджан, Магарамкентский район или временно в быв. Закатальский округ»¹⁰. Перегон скота на зимние пастбища Азербайджана начинался в октябре месяце. Скотоводы находились в Азербайджане в течение пяти-шести месяцев. В зимние месяцы всякая связь с Хновом прекращалась, дороги заносились снегом.

Поскольку овцеводство было у хновцев единственной отраслью хозяйства, все их богатство составляли овцы, которых было больше у зажиточной верхушки села, а преобладающая часть крестьянских семей располагала не более 20 — 30 головами овец. Овцы давали населению молоко, мясо, сыр, масло, овчину, шерсть. Последние использовались на изготовление

¹⁰ Л. Б. Панек. Материалы по этнографии рутульцев. Рук. фонд. ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР, д. 1722.

одежды и ковров. Еще в конце XIX и начале XX вв. овца служила у них и мерилом стоимости.

Из-за рельефа горной местности пахотной земли у хновцев не хватало. Под посевы хновцы использовали клочки неудобной земли. Возделывание этих участков требовало огромных затрат силы и труда, поэтому по сравнению с общественными сенокосами и летними пастбищами пахотные участки издавна были частной собственностью. Участок пахотной земли определялся количеством овец, умещающимся на его площади.

Техника земледелия и навыки труда у хновцев одинаковы с остальными рутульцами. Обычно засеивались небольшие участки пахотной земли пшеницей, рожью, а также яровым ячменем, просом и горохом. Пахоту начинали в марте-апреле месяцах. Орудием труда служила деревянная соха (хыш). Из-за неудобства пахотных участков, несовершенных орудий труда и др. хновцы получали низкие урожаи. Своего хлеба у хновцев до нового урожая не хватало. Недостающий хлеб они приобретали у лезгин и азербайджанцев в обмен на мясо, шерсть и молочные продукты: сыр, масло.

Большим подспорьем в хозяйстве хновцев была охота на туров. Туры, кабаны, и другие виды диких животных в большом количестве водятся в окружающих Хнов горах. Охота на них давала мясо на пищу, шкуры—на одежду. Из шкур диких коз хновцы шили шубы, куртки.

Другим подсобным занятием хновцев до Октябрьской революции было отходничество. Многие хновцы уходили на заработки в Нуху, Ках, Закаталы. Причиной отходничества была их экономическая необеспеченность. Отходничество и долгое пребывание части населения на зимних пастбищах Азербайджана, а также близость гор. Нухи, с которым хновцы имели экономические и культурные связи, способствовали усвоению ими азербайджанского языка и некоторых черт материальной культуры. Такие предметы первой необходимости как хлеб, соль, нефть, мануфактуру хновцы издавна привозили на вьюках из гор. Нухи.

Типы домов и планировка сел. Хнов имеет много общего с другими рутульскими селами. Хнов преимущественно застроен двухэтажными домами с айванами. Первый этаж используется для хозяйственной надобности; второй — состоит из 2—3 комнат для жилья. Второй тип домов в Хнове — это одноэтажные строения с верандой. Такие дома имеют во дворе обособленную хозяйственную постройку для скота и самана. Этот тип, несомненно, заимствован хновцами у Азербайджана. Во многих домах в Хнове еще до сих пор сохраняется комната — кунацкая. Освещением в доме служит керосиновая лампа. Комнаты отапливаются печками-временками, каминами.

Обстановка жилых комнат и кунацкой состоит из ковров, кроватей, стола, стульев. Ковры служат показателем состоятельности семьи, их стелят на пол, вешают на стены. В каждом доме имеется много тюфяков, подушек, одеял. С вхождением хновцев в состав России в их жилище появились досчатые полы, современные окна, русская печь, фабричная посуда, зеркала, рукомойники, занавески и т. д.

Основные продукты питания хновцев — это мясо-молочные продукты: мясо, бараний курдюк, молоко, масло, сыр. Часто готовят мясо-мучные блюда — всевозможные хинкалы, пельмени, слоеные пироги, ватрушки, а из различных круп — каши. Часто готовят также азербайджанские блюда как плов, бозбаш, долма, каурма и др.

Одежда хновцев мало чем отличается от общерутульской и лезгинской. Мужчины-хновцы одевали: рубашку, штаны, черкеску, шубу и папаху, обувались в шерстяные носки, кожаные поршни (чарыки), башмаки и легкие кавказские сапоги. Черкеску опоясывали поясом кавказского типа с серебряными подвесками. Непременным элементом мужской одежды был и кинжал. Ныне большинство мужчин носит готовую фабричную одежду в сочетании с элементами национального костюма.

Одежда хновки состоит из рубашки, шаровар, платья туникообразного покроя, верхней одежды (архалук), шубы. Носили женщины специальный головной убор, прикрывающий волосы (газикен), а сверху кавказский платок. Обуваются хновки в шерстяные носки (джурабы), вязаные узорчатые шаталы на войлочной подошве, башмаки, калоши и т. д. Наряд женщины дополняется украшениями: поясом, серьгами, браслетами, кольцами и бусами. Теперь женщины, за исключением старух, стали одевать готовую фабричную одежду. При этом они покупают или шьют платья с длинными рукавами, туфли — на низком каблуке. Праздничная одежда хновки отличалась от повседневной лучшей пошивкой из хорошей ткани — дараи, хара, моут, которую привозили из Нухи. По покрою они были однообразны. Не было особого покроя и для детского костюма.

Представляет интерес прошлое семейно-общественных отношений хновцев. По рассказам стариков, их предки в старину жили большими семьями. В селении насчитывалось четыре квартала (мяхле), в каждом из них — по три-четыре тухума. Тухумы эти придерживались норм эндогамии. Эндогамные нормы брака внутри тухума и географические условия — отсутствие удобных дорог — создавали преграду для общения хновцев с другими населенными пунктами рутульцев и содействовали сохранению отличительных черт в их диалекте и быту.

В XIX веке большие семьи сохранялись у хновцев в пережиточном виде. Эти пережиточно сохранявшиеся большие

семьи со второй половины XIX в. стали интенсивно распадаться на малые индивидуальные семьи. Однако, по рассказам стариков, и при распаде этих семей выделявшиеся в самостоятельные хозяйства сыновья продолжали иметь между собой некоторые экономические связи и взаимопомощь.

Основной хозяйственной единицей у хновцев ко времени Октябрьской революции составляла малая семья, включавшая: отца, мать, детей и нетрудоспособных родителей. У хновцев, как у всех рутульцев и др. народов Дагестана, продолжает существовать почитание старших. При входе старших присутствующие встают и уступают им место. Пожилых людей не только их дети, но и другие почтительно называют: «отец», «мать».

Женщина-хновка, как и все рутулки и лезгинки, по сравнению с мужчиной была неравноправной. Это обуславливалось патриархально-феодалным строем, адатами горцев и действовавшим у них мусульманским правом — шариатом. Она получала меньшую часть наследства, была обременена домашним хозяйством, переработкой шерсти и изготовлением одежды и обуви для семьи, а также полевыми сельскохозяйственными работами. При людях жена не имела права сесть за стол с мужем и называть его по имени. Тем не менее положение ее, по сравнению с азербайджанской, было более сносным. Она не носила чадру и была более свободна в своих действиях. Женщины, которые имели много детей, пользовались известным уважением в семье и в обществе. Во время длительных кочевков мужчин со скотом женщины-хновки управляли хозяйством самостоятельно.

Церемония сватовства и заключение брака у хновцев в основных чертах сходны с остальными рутульцами и с лезгинами. Однако, в силу их обособленности, у них в этом случае отмечается и некоторое своеобразие. Женятся хновцы в большинстве в пределах своего аула, поэтому все жители Хнова являются между собой в какой-то степени родственниками. О желании сына жениться родители узнавали через его товарища. Если родители соглашались с выбором сына, то собирали близких родных на маслахат (совет). После одобрения семейного совета в дом избранной девушки посылались двое или трое авторитетных людей (ильчи).

По обычаю хновцев родители девушки принимали гостей радушно, угощали чаем и кушаньями. Однако к чаю сваты приступали лишь тогда, когда они получали положительный ответ. По получении согласия на сватовство родители жениха вновь собирали своих близких родичей на совет. Родственники приходили с подарками и деньгами. Из состава приглашенных выделяли группу наиболее уважаемых родственников с подарками, направляли их к невесте, где в свою очередь готовились

к их встрече. Войдя в дом невесты, сваты клали на стол подарки (кольцо, отрез на платье, туфли, платок и т. д.) для общего обозрения.

До революции родители девушки кроме подарков требовали определенную сумму денег — выкуп за невесту до 500 и более рублей. Совершив сделку, обе стороны поздравляли друг друга, угощались, веселились до поздней ночи. Этим актом завершалось обручение (лишан).

На следующий день сторона жениха готовила обрядовый плов. Часть плова предназначалась для невесты и ее гостей, а другую раздавали приглашенным. Вечером женщины со стороны жениха с «хунчами»¹¹ отправлялись к невесте. Там они веселились и угощались. С этого вечера обрученная девушка считалась окончательно засватанной (нишанлу). Родственники жениха и невесты считались уже породнившимися (гудар).

В отличие от свадебного обычая большинства рутульцев и лезгин своеобразной особенностью у хивцев является то, что сначала веселье, сопровождаемое музыкой и танцами, проходило не в доме жениха, а на площади аула (гым). Сюда на «тамаша» (веселье) собирались без всякого приглашения жители всего аула. На следующий день свадьба переходила в дом жениха, куда приходили родные, близкие и знакомые официально.

После свадебного угощения (мужчинам и женщинам раздельно) гости, в сопровождении музыкантов, руководимых тамадой, отправлялись за невестой. А там уже готовили невесту в путь; родные и близкие прощались с ней; потом, одетую в свадебный наряд, покрытую шелковым платком невесту выводили из дому ее близкие подруги. На пути к дому жениха, кроме пения азербайджанских и лезгинских свадебных песен и танцев, устраивали спортивные состязания, инсценировали охоту на туров и т. д.

При приближении невесты к дому жениха в нее бросали конфеты, сахар, мелкие монеты, что означало пожелание молодым сладкой и богатой жизни. При входе невесты в дом, мать жениха (свекровь) ставила под ноги ей железный предмет, что означало пожелание молодым прочной, крепкой семьи. После прибытия невесты музыканты с гостями направлялись туда, где веселился жених со своими друзьями. Затем гости с женихом и его друзьями в сопровождении музыкантов отправлялись на площадь аула (гым)¹², где была «тамаша» в первый день свадьбы.

Жениху и его друзьям на гыме отводилось почетное место (тахт)¹³. Когда жених усаживался на свое место, односельчане

¹¹ Подносы с подарками и плов со сладостями.

¹² Гым — площадь в центре аула.

¹³ Тахт — буквально трон. В данном случае — почетное место.

и гости преподносили ему «хунче». Подарки, которые преподносились жениху, собирались особым лицом (нахарбашчи). По обычаю хновцев перед женихом даже при свете дня стояла зажженная лампа¹⁴, поднос с угощением и сладостями, к которым могли прикасаться только жених и его друзья.

Здесь, на площади, танцы чередовались комедийными номерами, шутками. Это делалось с тем, чтобы рассмешить жениха. Тот, кто смог рассмешить жениха, получал от распорядителя соответствующий выкуп. Последний танец на площади исполнялся женихом и его друзьями. Во время их танца близкие им друзья одаривали их и музыкантов деньгами.

После окончания веселья на площади жених и его друзья отправлялись в дом самого близкого друга жениха. Туда направляли часть собранных подарков (хунче), а остальные уносили в дом жениха.

На следующий день родители жениха готовили плов и угощали им всех близких родных и соседей. На этом заканчивалась свадебная церемония.

Из пережитков ранней формы брака у хновцев сохранялись: левират (обычай жениться на вдове брата), сорорат (обычай жениться на сестре умершей жены), кузенные браки (заключение брака между двоюродными братьями и сестрами). Поскольку хновцы в большинстве случаев выбирали невесту из своего аула, то были неизбежные браки между родственниками. Этим, видимо, и следует объяснить, что хновские кварталы (мяхле), состоящие из многочисленных семей, в большинстве являются в разных степенях родственниками между собой.

Многие черты семейно-общественного быта хновцев, их обычаи, связанные с рождением и воспитанием детей, гостеприимство, похоронные обряды, религия и верования — одинаковы с рутульцами и лезгинами.

В области духовной культуры у хновцев отмечаются следы язычества, огнепоклонства и христианства. Однако древнеязыческие и христианские верования хновцев переплетаются с более поздними — мусульманскими. Помимо мусульманских кладбищ, зияратов (гробниц), в Хнове имеются языческие пиры и священные роци.

К языческим верованиям хновцев следует отнести и такие бытующие пережитки, как праздник веспы, когда все коллективно выходят в поле, с угощениями, обрядом зажигания костров и перепрыгивания через них. Такой же характер носит и праздник сбора цветов и съедобных трав; обряд вызова дождя при засухе и т. д.

¹⁴ Огонь у хновцев считается священным. Обычай проводов невесты с зажженными факелами, ставить лампу перед женихом, а также клятва перед очагом говорят о наличии у хновцев культа огня.

До Октябрьской революции трудовые массы рутульцев и лезгин, в том числе и жители Хнова, жили в нищете и бесправии. Только Великая Октябрьская социалистическая революция смогла вывести их к новой жизни. Благодаря заботам Коммунистической партии и Советского правительства рутульцы, лезгины, а в их составе и жители Хнова, преобразовали свою экономику, быт и культуру.

У хновцев в настоящее время есть крупный колхоз им. «Правды». Ведущей отраслью хозяйства у них по-прежнему является животноводство — овцы и козы. За хновским колхозом закреплены пастбища и участки земли под посев. В колхозе созданы товарные фермы, построены коровники, телятники, конюшни и др.

Колхозный строй принес хновцам зажиточную и культурную жизнь. Основной доход колхозников составляют — мясо, сыр, масло, молоко, шерсть. Хновские колхозные семьи имеют в личной собственности до 20 — 30 голов овец, по корове и лошади. Они имеют дополнительный доход и от своих приусадебных хозяйств.

Улучшение материального благосостояния хновских крестьян при колхозном строе исключило необходимость ухода на заработки.

Существенные изменения произошли и в благоустройстве колхозного аула Хнов. Здесь построены: школа, здания сельсовета, правления колхоза, склад, сельмаг. Из районного центра с Ахты в Хнов доставляются письма, газеты, журналы.

В с. Хнов построены десятки новых колхозных домов. В строительстве жилищ колхозникам большую помощь оказывает правление колхоза. Существенные изменения произошли в обстановке колхозного жилища.

Элементы новой материальной культуры стали занимать довольно заметное место в домашней обстановке: кровати, столы, стулья, шкафы, диваны, швейные машины, батарейные приемники и т. д. Колхозники стали лучше одеваться и питаться.

За годы Советской власти коренные изменения произошли и в семейном быту, обрядах и обычаях хновцев. Браки стали заключаться по желанию молодых, без выкупа и без участия муллы. Участились смешанные браки — выдают своих дочерей за представителей лезгин; женятся на лезгинках и азербайджанках. Внешняя обрядовая сторона — форма свадебного обряда еще сохраняется, но уже наблюдается тенденция упрощать церемонии, опускать ряд деталей.

В жизни дагестанской колхозной семьи исключительно положительную роль сыграло уравнивание женщин в правах с мужчиной; равное право на труд, образование и участие в общественной жизни. Половина трудоспособных членов

колхозного производства Хнова сейчас женщины. Однако, несмотря на большие изменения, происшедшие в положении женщины-хновки, наблюдаются факты, свидетельствующие о силе старых традиций. Еще имеют место такие патриархально-феодалные пережитки, как выдача замуж дочерей по воле родителей, свадьбы со старыми обычаями. В некоторых отсталых семьях продолжают взимать выкуп за невесту, запрещают женщине участвовать в общественной жизни аула, района. С этими и другими пережитками ведется борьба, разъяснительная работа, читаются лекции.

Следует отметить, что Хнов не имеет благоустроенной дороги, которая бы связывала это селение с районным центром Ахты и с Рутулом. В селении нет еще колхозного клуба. Редкое явление там и показ кино-картин. Все это создает благоприятную обстановку для религиозных пережитков. Хотя молодежь Хнова и освободилась в основном от религиозных предрассудков, но старшее поколение придерживается религии: молится, справляет религиозные посты и праздники. Среди отсталой части населения имеют место религиозные суеверия.

В сел. Хнов имеется медицинский пункт. Однако квалифицированную медицинскую помощь можно получить только в районном центре — в сел. Ахты, расположенном в 45 км еле проходимого горного пути.

До Октябрьской революции у хновцев, за исключением единиц, не было грамотных людей. Только в условиях советского строя хновцы могли преобразовать свою экономику и стать на путь культурного возрождения. С 1953 г. хновцы обучают своих детей в школе на русском языке¹⁵. Ныне среди хновцев почти нет неграмотных людей. Здесь осуществляется всеобщее семилетнее обучение. Многие из хновцев окончили средние специальные и высшие учебные заведения. Из среды хновцев подготовлены учителя, врачи, агрономы и др. специалисты. У них выросла новая сельская интеллигенция.

В области музыкальной культуры у хновцев, как и у всех рутульцев, преобладают лезгинские и азербайджанские песни и танцы.

Исключительный интерес представляет знание хновцами нескольких языков. Большинство из них знают азербайджанский, лезгинский, русский языки. В настоящее время наибольшее распространение у хновцев имеет русский язык, который является языком школы. Тяга к овладению русским языком усиливается с каждым днем. Посредством русского языка

¹⁵ Рутульцы, из-за неимения своей письменности, до 1953 г. обучались то на азербайджанском, то на лезгинском языках. Объяснялось это тем, что они, наряду с родным языком, знали азербайджанский и лезгинский языки.

хновцы приобщаются к высоким достижениям советской культуры.

Ныне хновцы, приумножая свои трудовые успехи, уверенно идут по пути хозяйственного и культурного роста в единой дружной семье братских народов Дагестана, строящих коммунистическое общество.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

RESKOSIHANE

ФУНКЦИИ ДАТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА В ДАРГИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Форма дательного падежа даргинского языка в синтаксическом отношении представляет значительный интерес. Она выступает в функциях субъекта, объекта, а также в разнообразных обстоятельственных значениях. Дательным падежом управляет и ряд послелогов. Его форма употребляется и с разнообразными «универсальными» частицами.

Остановимся на указанных случаях употребления формы дательного падежа даргинского языка.

I. ДАТЕЛЬНЫЙ РЕАЛЬНОГО СУБЪЕКТА¹.

Грамматический субъект (подлежащее)

Конструкция, в которой реальный субъект стоит в дательном падеже, а реальный объект — в именительном падеже, обычно в литературе называется дативной конструкцией. Такая конструкция характерна почти для всех дагестанских языков, в том числе и даргинского языка. Однако к дативной конструкции в отдельных языках нельзя подходить с одной меркой, с шаблоном. Этого нельзя делать не только в отношении к отдельным языкам, но и отдельным фактам одного языка.

Дательный падеж в качестве формы выражения реального субъекта в даргинском языке может быть употреблен при разнообразных глаголах чувственного восприятия. К таким глаголам относятся: *дигес* «любить, хотеть», *гъанбикес* «вспомниться», *децIагес* «обидным становиться», *халабизес* «боль-

¹ Поскольку реальный субъект в даргинском языке не всегда соответствует грамматическому субъекту (подлежащему), а может быть и грамматическим косвенным объектом, в пункте «Дательного реального субъекта» мы выделяем два подпункта: 1) «Грамматический субъект (подлежащее)» и 2) «Грамматический косвенный объект».

шим показаться», тамашабизес «интересным показаться», гьамадбизес «легким показаться», гьанаэс «показаться», гьарахъбизес «далеким показаться», гьалабизес «показаться», «преградить», дигиаэс «понравиться, захотеть», цахбизес «стыдно становиться» и т. д. Но при этом встает вопрос: этот же реальный субъект в форме дательного падежа может ли быть признан и грамматическим субъектом (подлежащим) при всех указанных глаголах.

М. М. Гаджиев отвечает на этот вопрос отрицательно. Он пишет: «То, что признание имени в дательном падеже грамматическим субъектом при глаголах восприятия не имеет под собою прочной основы, подтверждается фактами вообще дагестанских языков. Там, где в этих языках существует деление имен на классы, глагол-сказуемое посредством классного показателя согласуется не с реальным субъектом, а с реальным объектом (в современном понимании), т. е. с тем словом, которое в прошлом воспринималось как субъект состояния, соответствующий грамматическому подлежащему»².

«Правда, в тех языках, — пишет далее М. М. Гаджиев, — где глагол спрягается по лицам (напр. в даргинском, табасаранском), глагол посредством личного окончания согласуется иногда и с реальным субъектом, но это согласование, по нашему мнению, не может решить вопрос в пользу признания имени в дательном падеже субъектом (грамматическим субъектом, подлежащим — З. А.)... Следует обратить внимание на то, что глагол своим личным окончанием согласуется с субъектом действия не во всех случаях. Например, в даргинском языке, как отмечает проф. Жирков «при встрече в одном предложении местоимений обоих этих лиц (т. е. 1 и 2) коллизия логично разрешается тем, что глагол согласуется с Nom.», т. е. с тем из местоимений, которое стоит в именительном падеже и выражает реальный объект»³.

Главные положения в утверждениях М. М. Гаджиева следующие:

1) В тех языках, где имеется деление имен на классы, глагол-сказуемое посредством классного показателя согласуется не с реальным субъектом, а с реальным объектом;

2) Этот реальный объект в прошлом воспринимался как субъект состояния, соответствующий грамматическому подлежащему.

3) В тех языках, где глагол спрягается по лицам, глагол посредством личного окончания согласуется с реальным субъектом, но такое согласование не может решить вопрос в поль-

² М. М. Гаджиев. Синтаксис лезгинского языка, ч. I, Махачкала, 1954, стр. 104.

³ Там же.

зу признания имени в дательном падеже грамматическим субъектом (подлежащим).

4) Глагол посредством личного окончания согласуется и с реальным объектом.

5) В дагестанских языках имя в дательном падеже не может быть признано грамматическим субъектом (подлежащим). Это подтверждается: а) тем, что глагол по классу согласуется не с реальным субъектом, а с реальным объектом, и б) тем, что глагол в лице согласуется не только с реальным субъектом, но и с реальным объектом.

В даргинском языке глагол-сказуемое посредством классного показателя всегда согласуется с именительным падежом реального объекта, независимо от того, в прошлом воспринимался он как субъект состояния, соответствующий грамматическому подлежащему, и воспринимается сейчас как таковой или же воспринимался и воспринимается как объект и в логическом, и в грамматическом смысле. Таким образом, классное согласование глагола с именем идет не в счет при определении имени в дательном падеже как грамматический субъект (подлежащее), т. е. классное согласование здесь не причем.

Что касается личного согласования глагола с именем, то М. М. Гаджиев и Л. И. Жирков безусловно правы в том отношении, что «глагол своим личным окончанием согласуется с субъектом действия не во всех случаях», что «при встрече в одном предложении местоимений обоих этих лиц (т. е. 1 и 2) коллизия логично разрешается тем, что глагол согласуется с *Nom*». Больше того, все три лица в дательном падеже при первых двух лицах в именительном падеже не имеют никаких синтаксических взаимоотношений с глаголом-сказуемым, т. е. глагол-сказуемое ни в классе, ни в лице, ни в числе не согласуется с дательным падежом при наличии именительного падежа 1-го и 2-го лиц. Следовательно, в таких случаях грамматическим субъектом (подлежащим) является именительный падеж реального объекта, поскольку он в глаголе-сказуемом выражен личным окончанием, а дательный падеж реального субъекта, поскольку он в глаголе-сказуемом личным показателем не обозначен, выступает как выразитель косвенного объекта.

Но разве это дает основание утверждать, что личное согласование глагола не может решить вопрос в пользу признания имени в дательном падеже грамматическим субъектом (подлежащим). Если личное согласование не может служить основой для определения грамматического субъекта (подлежащего), то по какому другому признаку можно определить его?

Разве это исключает другие случаи, когда дательный падеж реального субъекта в глаголе-сказуемом может быть обозна-

чен личным показателем и тем самым может быть определен и как грамматический субъект (подлежащее)? Разве это говорит о том, что и при встрече в одном предложении первого и второго лица в дательном падеже с третьим лицом в именительном падеже глагол-сказуемое своим личным показателем согласуется с именительным падежом реального объекта, а не с дательным падежом реального субъекта?

В даргинском языке глагол своим личным показателем согласуется с местоимениями первого и второго лица в дательном падеже, если при нем объект выражен третьим лицом.

По нашему мнению, неверно утверждать, что личное согласование не может служить основой для определения грамматического субъекта (подлежащего). Наоборот, в даргинском языке, где имеется деление имен на классы и спряжение глагола по лицам и, следовательно, двухстороннее согласование глагола с именем (по классу с объектом, по лицу с субъектом), личное согласование глагола с именем и служит основой для решения вопроса в пользу признания имени в том или ином падеже грамматическим субъектом (подлежащим) так же, как и классное согласование глагола — для определения грамматического прямого объекта.

Как раз личное согласование глагола с дательным падежом и решает вопрос в пользу признания местоимений первого и второго лиц в дательном падеже при третьем лице в именительном падеже грамматическим субъектом (подлежащим). Правда, в даргинском языке таких глаголов, которые своим личным окончанием согласуются с грамматическим субъектом в дательном падеже, всего один — **дигес** «любить, хотеть». Тем не менее при нем дательный падеж является грамматическим субъектом (подлежащим), поскольку он отражается в глаголе-сказуемом личным показателем.

Несколько примеров:

Наб ит дигулла «Я его (ее) люблю»; **Хлед** ит дигулри «Ты его (ее) любишь»; **Наб** жуз дигулра «Я люблю книгу»; **Хлед** жуз дигулри «Ты любишь книгу»; **Итис** жуз дигули сай «Он любит книгу»; **Наб** гьалахлебла вавни дигахъис «Я люблю весенние цветы»; **Хлед** гьалахлебла вавни дигахъид «Ты любишь весенние цветы»; **Итис** гьалахлебла вавни дигахъу «Он любит весенние цветы» и т. п.

Грамматический косвенный объект

Мы говорили, что дательный падеж при глаголе «**дигес**» может быть квалифицирован как падеж грамматического субъекта (подлежащего), поскольку он в глаголе обозначен личным показателем. Больше того, по нашему мнению, дативной конструкцией в даргинском языке можно называть только такую конструкцию, в которой дательный падеж личным показателем

получает свое отражение в глаголе-сказуемом и тем самым может быть квалифицирован не как падеж реального субъекта, а как падеж грамматического субъекта (подлежащего).

Что касается других глаголов, при которых возможно употребление дательного падежа, то в них дательный падеж не обозначается личным показателем и, следовательно, он не может быть квалифицирован как грамматический субъект (подлежащее), а выступает в роли выразителя косвенного объекта. Среди таких глаголов встречаются как простые, так и сложные глаголы, образовавшиеся из именной основы и простого глагола, как переходные, так и непереходные. Особенностью таких переходных глаголов, в отличие от непереходных, является то, что дательный падеж при них выражает собой как бы второй объект, в отношении к которому производится действие над другим, как бы первым объектом, стоящим в именительном падеже.

Остановимся на характерных особенностях дательного падежа косвенного объекта как при переходных, так и при непереходных простых и сложных глаголах.

Наиболее распространенными простыми переходными глаголами, при которых употребляется дательный падеж косвенного объекта, являются: **барес** «сделать», **буцес** «поймать», **бедес** «отдать», **гес** «дать», «хес» «принести», **кес** «привести», **асес** «купить», **бицес** «продать», **бутлес** «раздать» **бирбес** «сшить», **бяхъес** «ударить» и т. п.

Приведем примеры:

Хлед ахІдеш **бараб**, **хялис** дабри **дараб** — се декІардеша? «Какая разница — тебе добро ли сделать или же собаке сапоги сшить» (поговорка)⁴; **гыл** хІула **хІурабалис** ахІкьурав **байрахъчи** «Этой твоей армии не сделаешь ли ты меня знаменосцем?» (Д, 1954, 69); **ХІуд** бигул ахІбикьусра **лайдакІас** лира **дилгъуй** «Не сделаю то, что ты хочешь, если даже мне отрежут голову и выбросят» (ИА, 1954, 26); **Гъу**, хІуни **машиналис** се **барахъес** хъарбирулрив? «Ну, что ты прикажешь сделать с машиной?» (Гь, V, 1953, 63); **Гъуни** **буциб** **зулмуртасра** **гІилмули** «Наука закрыла дорогу и гнету» (ИА, 1954, 20); **Маллаани...** **камил** **къийис** **хволал** **мас** **сунис** **бурцу** «Мулла за небольшой труд захватывает себе большое добро» (ИА, 1954, 23); **Ну** **диргІяхъадургуллав** **хІавалис** **чІянкІи** **гили** «Отдавая материал на платье, ты хочешь меня обмануть» (ИА, 1954, 26); **ЧІяхІбариб** **РахІимли** **бугаси** **ханжал**—**колхозла** «ГІяш **халайс** даахъиб **ажал** «Рагим вынул острый кинжал и порезал колхозного барана с большим курдюком» (ГІ, 1954, 22) и т. д.

При простом переходном глаголе **бяхъес** «ударить» употреб-

⁴ Фразовые примеры в статье даются в условном переводе.

ляются также два объекта, но, в отличие от других глаголов, при нем один объект стоит в дательном падеже, а другой — в эргативном орудного значения:

Урчилис гIярчумагли мабирхъидну, мухъили бяхъя «Бей лошадь не кнутом, а ячменем» (поговорка); ДурхIяли хялис тIерхъали бяхъиб «Мальчик ударил собаку палкой»; Нуни эмхIелис тIерхъали бяхъира «Я ударил осла палкой».

В таких предложениях отсутствует грамматический прямой объект, который стоит в именительном падеже и с которым, как правило, глагол согласуется классным показателем. В них формы дательного и эргативного падежей выступают как выразители косвенного объекта. Однако в последнее время некоторые литературные работники при глаголе бяхъес в значении «ударить» наряду с дательным падежом косвенного объекта допускают не характерную для данной конструкции постановку прямого объекта в именительном падеже вместо эргативного падежа косвенного объекта орудного значения, например: ДурхIяли хялис тIерхъа бяхъиб «Мальчик собаке палку ударил» т. е. «Мальчик ударил палку о собаку»; ХIясай Алис ханжал бяхъиб «Гасан в Али ударил кинжал» (т. е. «Гасан ударил Али кинжалом») ⁵.

Нехарактерность этого вида, во-первых, из того, что такое явление в литературе встречается очень редко, причем только в литературе последних лет; во-вторых, не всегда удается ввести прямой объект вместо косвенного, например, нельзя сказать: Урчилис гIярчумагли мабирхъидну, мухъи бяхъя; в-третьих, такая замена приводит к двоякому пониманию и искажению смысла данного предложения, например, если мы скажем ХIясай АхIмадлис хъат бяхъиб, то это скорее понимается как «Гасан аплодировал Ахмеду», чем как «Гасан ударил Ахмеда рукой».

Чтобы не было такой двусмысленности при глаголе бяхъес в значении «ударить», нежелательно вводить прямой объект в именительном падеже вместо косвенного объекта, выраженного эргативным падежом орудного значения. Это нецелесообразно делать даже по той простой причине, что именительный падеж не выступает в орудном значении и не может заменить эргативный падеж орудного значения.

Наиболее распространенными простыми непереходными глаголами, при которых употребляется дательный падеж косвенного объекта, являются агес «не быть», аклес «родиться», баэс «достигать, хватать», бетаэс «получиться, происходить», бикес «попасть, получить», бикIес «говорить, называть», биэс «сделаться, случиться», угъес «говорить, рассказывать», бакIес «прийти» и т. д.

⁵ Последний пример взят из «Грамматики даргинского языка» С. Н. Абдуллаева, Махачкала, 1954, стр. 108.

Приведем примеры: **Х**уд ахIарил агура хIарсадикIводли диши «Тебе ничего не будет жалко, если будешь меня слушаться» (ИА, 1954, 26); **Наб** урши акIуб «У меня сын родился»; **Наб** кысла хIянчира биур «Мне хватит и работа столяра»: **Наб** тамашала анцIбукь бетаур «Со мной интересное событие произошло»: Деникинна **цIубабас** халал бячIни бетаур «Деникинские белые потерпели большое поражение» (ДМГ, ч. I, 1952, 128); **Х**ед чи бикIара? — ахIцад лехIка хъили эргъи, набзи суалбариб Жавгъарли «Как тебя зовут? — после продолжительного молчания спросила меня Жавхар» (Гь, VII, 1953, 32); **Наб** Али бикIар, узис Идрис «Меня зовут Али, брата Идрис» (ДМГ, ч. II, 1952, 37); **Х**ед се биублив? «Что с тобой случилось»; «**УлхIлис** хабуртавгъудгво бунагъ или, хIакъ или, ну диргIяхьадургуллав хIавалис чIянкIи гили «Другим рассказываешь о грехах, а меня хочешь обмануть, отдавая материал на платье» (ИА, 1954, 26); **Х**у нам дакIис бигали — гIиркви бикъуд, къацI бикъуд... «Если ты захочешь выйти за меня, то лишь закуску приготовишь, хлеб испечешь» (ИА, 1954, 27).

Глагол **бакIес** «прийти» в сочетании с дательным падежом употребляется и в значении «получать, достигать»: **Х**ед чинад бакIиба иш тетрадь? «Откуда ты достал эту тетрадь?» досл. «Тебе откуда пришла эта тетрадь?»; Чинад дакIибти **х**ед илди уктемдеш? «Откуда у тебя такая гордость» (ДМГ, ч. I, 1952, 107).

Дательный падеж употребляется и при простом глаголе **батес** «оставить». В некоторых случаях сочетание дательного падежа с глаголом «**батес**» превратилось в фразеологическое словосочетание: **Абас** ватла куцIичи, сецад делчIесара? «Да сохранится (живет) он для бабушки, взгляните-ка на его вид, чему же он научится?» (ДХ, 1948, 180); **Силдикьулле** азис дат «Что делаешь, да сохрани тебя для отца?» (ИА, 1954, 25); **Азис** датла исбагъи. «Да сохрани тебя для отца, красавица» (ИА, 1954, 26) и т. д.

Выше было сказано, что дательный падеж при переходных глаголах, в отличие от непереходных, выражает собой как бы второй объект, в отношении к которому производится действие над другим объектом, стоящим в именительном падеже. Нужно сказать, что дательный падеж как при переходных, так и при непереходных глаголах может выражать и такой объект, который служит как бы основанием, причиной для совершения действия над другим объектом. Такой объект в дательном падеже может выражать и средство, за которое совершается действие над другим объектом и в отношении к другому объекту. При всем этом значение дательного падежа даргинского языка соответствует значению русского винительного с предлогами **в, на, за**. Приведем несколько примеров:

Айсолтанни бекі гьакібурули сари, дукаррирхлули сари, масхараличил се сабил **жаваблис** бурули сари «Айсолтан покачивает головой, смеется, шутливо что-то в ответ говорит (Гь. V, 1954, 61); Ваши иша кайи, — иб Кьурбай, ахля **хлурматлис** алзули» «Иди сюда садись, — сказал Курбан, вставая в честь гостя» (Гь. VII, 1953, 25); Дели шилизир гьавгъа дисур ахгьвобзала неш, дила ахгьвобза сайну уб-клар или **ламуслис** «Если случится драка в селе, плачет мать храбреца, говоря: мой (сын) храбрый, потому он погибнет за честь» (Д, 1954, 9); Вахъ симсир уруну нушила малла, агурал бухисил хларъагво селла, **савгьатлис** духадли макьсумантелла, разирар нушашив ливгивал цаькли «говорят, очень жаден наш мулла, посмотри — нет ли что ему понести, если понесешь ему даже самогон, нам очень обрадуется он» (ИА, 1954, 14); Маллаани... камил **кьийис** хволал мас сунис бурцу «Мулла за небольшой труд захватывает себе большое добро» (ИА, 1954, 23); Дудешли наб **арцлис** кьапа асиб «Отец мне за деньги купил шапку»; Ну итини **кьацліс** вицира «Он меня продал за хлеб»; Ахлси **гьайлис** баркалла, Джеран-эдже «За хорошее слово — спасибо, Джерен-эдже» (Гь, V, 1953, 60) и т. п.

Дательный падеж косвенного объекта встречается и при многочисленных сложных глаголах, образованных из именной основы и простых глаголов: **барес** «сделать», **бикес** «попасть», **баклес** «прийти», **буцес** «поймать, держать», **бихьес** «поставить», **бизес** «казаться», **бухьес** «выйти», **бушес** «вставить», **биэс** «сделаться», **баэс** «достигать», **аэс** «достигать», **агес** «попасть» и т. п. Некоторые из этих простых глаголов самостоятельно почти не употребляются и их значения трудно поддаются точному переводу.

К сложным глаголам, образованным с помощью указанных простых глаголов и при которых возможно употребление дательного падежа косвенного объекта, относятся **гьалабаклес** «встретить, идти навстречу» (к кому-нибудь), **гьалабикес** «опередить, преградить», **гьалабихьес** «предоставить, поставить перед», **гьалабизес** «показаться, преградить», **гьалабухьес** «опередить»; **гьалабуцес** «протянуть», **гьалабушес** «подставить, опередить», **ачихьбиэс** «проясниться, выясниться», **гьунибаэс** «встретиться», **гьанаэс** «показаться», **дигиаэс** «понаравиться, захотеть», **децлагес** «обидным сделаться» и т. д. Приведем несколько примеров:

Хьали шалабиубхлели илала **хлулбас** ишгьуна сурат гьалабизур «Когда комната осветилась, его глазам предстала такая картина» (Гь, VII, 1953, 28); **Нешлис** дудешли ибси гьай децлагиб «Маму обидело слово, сказанное отцом» (ДМГ, ч. II, 1952, 60); Архля бетхгьениличи гьимили вицліб-си Сагидлис гьелавяхлі чирисэс чебуркьуб «Злому за неудач-

ную поездку Саиду пришлось обратно возвращаться» (Гь, VII, 1953, 22); Ца халал дурхляли Гъзис мегдариб «Один взрослый мальчик Гази показал язык» (ДХ, 1948, 180); Та-лихля унзурби нушим гьаргадиб «двери счастья нам открылись (ИА, 1954, 31); Ишкис⁶ караматдиш даклудибхилил хлябразивяхл вашисхляйъиб дугили «Когда у Ишки появилось колдовство, он стал ходить на кладбище» (ИА, 1954, 9); Абдушили бузухъули либилла, къуват умцу тьамадан гьарилла, хлуркйри сари чурхразирад майъала, гьирхъабилл тьамадас гляхлъулабис «Заставляя соревноваться на работе, тамада измеряет силу каждого, рекой льется пот с их тела, стараясь угодить тамаде» (ИА, 1954, 8); Ва хлулара дилара дурхляйли дихъиб дига тир иквор мисрилибир, мисрила исабъуна хьадурцули ислалис «Наша юная любовь есть в Египте, говорят: египетские красавицы судят о любви по ней»; Ва хлулара дилара дурхляйли духъун карцили клир иквор Шамахилар, шамахи базригуна цлуб арцлис дардикъули «Наша юная страсть есть в Шамахи, говорят: за белые деньги купцы ее в обмен берут» (Д, 1954, 31); Халкълис цахикъурину тьядигъи юртлизивад «Прочь из дома, иначе опозорю перед народом» (ИА, 1954, 28); Къуллукъбараци хлуни адамтас далуйтачил «Песнями служил ты народу» (ГІ, 1954, 3); Картошкала хъу чедибад хлерьъалра ахсири, амма Айдамирлис ахтардибарес дигиаур «Картофельный урожай и на взгляд был хорош, но Айдемиру захотелось проверить его» (Гь, VII, 1953, 24); Дижлис иргля майруд. Вари иргля майрудра глярякъила шишалис «Не обманывайся напитками. Смотри, не обманывайся бутылкой водки» (ИА, 1954, 33) и т. д.

Дательный падеж косвенного объекта употребляется и при составных сказуемых.

Буркъа гьадат беклис мусибат саби «Старый обычай — бремя для головы» (ДМГ, ч. 1, 1952, 108); Дубулла мискин-тас дунъя хляб бири» «Для бедных горцев вселенная могилой была» (ЛА, 1950, 4); Дубулла гьава арадешлис ахси бирар «Горный воздух для здоровья полезен» (ДМГ, ч. II, 1952, 28);

В таких составных сказуемых, при которых употребляется дательный падеж косвенного объекта, возможно отсутствие глагольной связи: Агь, баркабан, аклубси мер — дардлис дарман, хлулбас шала! «Ох, благодать, родимое место — лекарство для горя, свет для глаз!» (ГІ, 1954, 7); Цаибил шел-душлихълизир Нушачир дарибти сари халати заводуни — гьанна-гьатли гьаладяхл дашнилис хьулчи «В первой пятилет-

⁶ И ш к и — прозвище человека.

ке у нас построены большие заводы — основа для нынешнего продвижения вперед» (ДМГ, ч. II, 1952, 44); Ахидиги хула дига — арал чалхлис изала, ахидиги хула карци — майдаг уркилис биса «не хочу твоей любви — боль для здорового тела, не хочу твоей страсти — плачь для свободного сердца» и т. д.

Дательный падеж косвенного объекта употребляется и при простых глаголах саби «есть», ахлен «нет», леб «есть, имеется», агара «нет, не имеется» и т. п. Кстати нужно отметить, что дательный падеж при глаголах саби и ахлен в школьных грамматиках даргинского языка определяется не как падеж косвенного объекта, а как именная часть составного сказуемого. Характеристика дательного падежа как именную часть составного сказуемого в таких выражениях как: Хъярби Мусас сари, гинцби Асиятлис сари, «Груши — Мусе, яблоки — Асият (ДМГ, ч. II, 1952, 31), Хъяр-хлед, гинц-Патлис «Груша — тебе, яблоко — Патимат» (ДМГ, ч. II, 1952, 30), Карандаш — наб, ручка — хлед «карандаш — мне, ручка — тебе» (ДМГ, ч. II, 1952, 36), Ца — хлед, ца — Абакарлис «Один — тебе, один — Абакару» (ДМГ, ч. II, 1952, 37) и т. п., основана, как нам представляется, на неправильном понимании сущности таких простых глаголов, как сай и ахлен. Эти простые глаголы (сай, ахлен) неверно объявляются глаголами, которые не имеют самостоятельного значения и, следовательно, не могут самостоятельно выступать в роли сказуемого.

В первой части школьной грамматики прямо так и пишется: «Некоторые глаголы в предложении самостоятельно не могут быть сказуемыми, потому что у них нет самостоятельного значения. Такими глаголами являются сай (саби, сари) и ахлен»⁷. Автор учебника и в другой своей научной грамматике повторяет это утверждение: «Пара глаголов: сай — ахлен является связками при именном и наречном сказуемом и без них в отдельности не может выступать в роли сказуемого»⁸.

В результате того, что роль этих глаголов во всех случаях сводится к роли связки и отрицается самостоятельное их значение, такие выражения, как «Азбарлар урчи сари, унзала гьалав часовой сай «Во дворе (стоят) лошади, у дверей (стоит) часовой» (ДМГ, ч. I, 1952, 127); Дубура саби, дубурла бяхлизиб ши саби «Гора, на склоне горы село» (ДМГ, ч. II, 1952, 58); Цахьси буцардеш саби «Сильная жара»; Трамвайи сари «трамвай, т. е. трамвай есть», Дегьси къада саби «засушливая долина», Диштлати хулри сарри «Малень-

⁷ С. Абдуллаев. Дарган мезла грамматика, ч. I, МахIякъала, 1952, стр. 126.

⁸ С. Н. Абдуллаев. Грамматика даргинского языка (фонетика и морфология), Махачкала, 1954, стр. 164.

кие дома были»; «Пашманси биштIал ши сабри, дегъси авлахъ сабри «Печальное, маленькое село было, засушливое поле было», Шиниша галгуби сари «Зеленые деревья»: Жагъил галгубала тугъи сари «Ряды молодых деревьев»; Жагати, шалати хъулри сари «Красивые, светлые комнаты», Клуб саби «клуб»; Больница саби «больница»; Театр саби «театр» (ДМГ, ч. II, 1952, 60), Ну сайра «Я есть»; Хи сайри «ты есть» и т. п., в школьных грамматиках объявляются бесподлежащими предложениями.

Такое решение вопроса о простых глаголах саби и ахIен нам представляется совершенно неправильным. Безусловно, эти глаголы могут служить связкой при именном сказуемом, но верно также и то, что всякое имя, сочетающееся с этими глаголами в именительном падеже может быть и подлежащим, а в других падежных формах — дополнением или обстоятельством словом, а иногда, если его рассматривать вместе с глаголом как словосочетание (только!) — именной частью составного сказуемого.

Если мы, следуя указанию школьной грамматики, в таких выражениях, как: Хъярби Мусас сари, гIипцби Асиятлис сари, дательный падеж будем считать именной частью составного сказуемого, то, будучи последовательными, нам пришлось бы считать дательный падеж именной частью составного сказуемого и в таких выражениях, как: Жагъилтас нушачиб чинабалра чина-дигара гъуни саби, бухънабас пашачиб чинабалра хIурмат саби «Молодым везде у нас дорога, старикам везде у нас почет» (ДМГ, ч. II, 1952, 51); Далай чум дилчIаслира, далай ахIна гъвобзалис, хIябкуб чум дакъаслира, хIябкуб кункил урчилис «сколько бы песен я ни спел, песня — храбрецу, сколько бы частушек я ни сложил, частушка — легкому коню» (Д. 1954, 10); Далай хIула мучаллис, диза деб набадаллис «Песня — твоему кукурузному чуреку, да будет слава морковке» (Д, 1954, 86); Шинкъанкулас шинпа дард «Мельник думает о воде» (поговорка); Ил багъандан саби баркалла халал ахIер партиялис халкъла уркIбазиб «Поэтому — большое спасибо в сердцах народа дорогой партии» (ГI, 1954, 6) и т. п.

Однако мы не можем считать здесь дательный падеж именной частью составного сказуемого, потому что он является косвенным объектом, выражающим принадлежность, т. е. тот предмет, которому принадлежит или посвящается другой предмет.

Дательный падеж косвенного объекта употребляется и при многочисленных сложных наречиях: Нушаб ахIил саби «Нам хорошо», Наб хIяжатли саби «Мне нужно», Наб къиянни саби «мне трудно», Наб ачихъли саби «Мне ясно», Наб гъамадли саби «Мне легко», «Наб тамашали саби «Мне интересно»,

Наб гьамли саби «Мне близко», Наб гьарахъли саби «Мне далеко», Наб камли саби «мне мало», Наб ункълъ саби «мне хорошо», Наб жявли саби «мне рано» и т. д.

Дательный падеж косвенного объекта употребляется и при разнообразных прилагательных, служащих определением к другому имени: **Хулбас** итцад гьарахъси, **уркИлис** итцад гьамси дурхъал Москвализи ракиб будурлан рурси «Приехала девушка-горянка в так далекую для глаз, в так близкую для сердца дорогую Москву (ДМГ, ч. II, 1952, 109), Рурсбани жагьил чедакИлумас алавси ванза икьулри, кИантИбирулри, ил царугбирулри «Девушки для молодых саженцев копали кругом землю, размягчали, разрыхляли ее» (Гь, V, 1953, 45), Урну-минализизадал нушала хала дудешхъалани ва илдала бергтани **чус кьуллукъбирути тIутIила** унхъри илдани чузи дуциб «Они (баи) захватили себе виноградники, за которыми испокон веков ухаживали наши деды и прадеды» (Гь, V, 1953, 69); Чумал бархИ дибъайгьили, кьушлизи, гьалжанала биркIумази-хIязлизи, **сунис бисти** халкъ биргIяс макрулизи, Ишки дурасавхъун шайх итагьулли «Несколько дней спрятавшись в шалаше — в райские обеды-наслаждения, в хитрости обмануть подходящих для себя людей, Ишки вышел, превратившись в шейха» (ИА, 1954, 9); Итис гьалабси дуслизирра пуша ункъли дучIахIери «И в предыдущем тому году мы учились хорошо» (ДМГ, ч. II, 1952, 38) и т. п.

II. ДАТЕЛЬНЫЙ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ

В даргинском языке дательный падеж употребляется для выражения разнообразных обстоятельственных отношений между частями речи в предложении.

При определении обстоятельственных значений, выраженных дательным падежом, нередко сталкиваешься с трудностью разграничивать их от дополнительных значений, выраженных той же падежной формой, с одной стороны, и с трудностью разграничивать друг от друга различные обстоятельственные значения, с другой стороны. В этом отношении особенно близко примыкают друг к другу значения обстоятельства цели и причины и они вместе — к дополнительным значениям (т. е. к значениям дополнения):

Нушани **далгалис** вацIа кабяхъира «Мы срубили лес для стройматериалов»; Нешли **хIевалис** чIянкIи асиб «Мать купила материал для платья»; Нуни **бецIлис** тIимкъ кадихъира «Я поставил капкан для волка»; Ишаб вайси унрас **вайбаркълис** шагъар бируси саби «На зло надменному соседу здесь будет город заложен» (ДМГ, ч. II, 1952, 51); **Дармайс** хяла дийь бука «Для лекарства собачье мясо едят» (поговорка);

Папруслис кагъар агарав хIела? «Нет ли у тебя бумаги на папиросу?»; Ну **хIед ахIдешлис** викIусира «Я говорю на пользу тебе»; **Икъайс** чилра музахIевхъун «На помощь никто не прибежал» и т. п.

Во всех этих примерах дательным падежом более или менее отчетливо выражается обстоятельственное значение цели, ради которой совершается действие над другим объектом. Значение дательного падежа в этих примерах очень близко примыкает к значению дательного падежа, который носит как бы характер выражения причинности. Таким образом, встречаются примеры, в которых обстоятельственные (причинно-целевые) отношения, выраженные дательным падежом, переплетаются как между собой, так и с объектными отношениями в отдельности.

Встречаются и такие примеры, в которых дательный падеж также более или менее отчетливо выражает обстоятельственное значение причины. Приведем несколько примеров: ХIера гъанна Бегенч сайцун хъайгIи вебшили сай, хIу биалли хIела лебилра **деуIлис** наб чеббицIес дигусигъуна сарри «Вот один Бегенч удрал домой, а ты похожа на ту, которая за все свое горе хочет отомстить мне» (Гь, V, 1953, 62); ХIукIун ишбар-хIи цайли хIуцун хъурали авлахъуникад къунз-къайцIрикIуси **хIязлис** ахIенри «Ты-то сегодня недаром одна разгуливаешься по полю» (Гь, V, 1953, 63); Нуша **хIязлис** тIашдизурра «Мы остановились просто» и т. п.

Что касается обстоятельства времени, то для его выражения дательный падеж имеет в даргинском языке широкое употребление. Для выражения обстоятельного значения времени чаще всего употребляются наречия в форме дательного падежа. Приведем несколько примеров:

Савли цIяб **шалалис** чяка чебаргъиб «Утром к рассвету птица проснулась» (ЛА, 1950, 16); Илаб Джеренни чебиули сари, ил Айсолтан рийни ва, сунела **яргалис** циила урузриуб-ли рикIули сари: а, хIу саррив, Айсолтан «Тут Джерен узнала, что это была Айсолтан и в свою очередь, немножко смутившись, говорит: а, это ты, Айсолтан» (Гь, V, 1953, 60); АхIли бакIили эргъи илини **ачамлис** цалра гъай хIейли лералри, ихтилатлизи ахъес чехIерсули «После прихода гостей она еще ни слова не говорила, стесняясь вступить в беседу» (Гь, V, 1953, 81); **Илзаманалис** итди урчала мурдни бяхIла гIела дигIянабикилри «К этому времени те всадники скрылись за склоном горы» (Гь, VII, 1953, 20); Бадирхан **гъачамлис** къачагъуначив, илдала ламартдешлизир бутIакянденш дирули левалри «Бадирхан пока оставался с бандитами, принимая участие в их преступлениях» (Г, VII, 1953, 23); **ИлхIейс** шила халь лебилра чебаргъили цIа бипахъес къайгъилизибри «К этому времени жители села все проснулись и тушили

пожар» (Гь, VII, 1953, 26); ДугІяан бубкІули, дуркІули бурхІ-ни, **бархІилис** маллаан итулли дурхІни «Умирая от холода про-водили дни, мулла каждый день избивал детей» (ИА, 1954, 15) и т. д.

В большинстве случаев признаком того, что форма дательного падежа употреблена в дополнительном значении, а не в обстоятельном, служит то, что она относится к глаголу-сказуемому, а не ко всему предложению в целом, и, наоборот дательный падеж в обстоятельном значении относится не непосредственно к глаголу-сказуемому, а ко всему предложению в целом. Следовательно, дательный падеж в дополнительном значении более связан с лексическим значением глаголов, чем дательный падеж в обстоятельном значении.

III. ДАТЕЛЬНЫЙ С ПОСЛЕЛОГАМИ И ЧАСТИЦАМИ

В даргинском языке дательным падежом управляет ряд разнообразных послелогов. К таким послелогам, употребляющимся с дательным падежом, относятся: **гъалаб** «впереди» (Итис гъалаб «впереди него, до него»), **гІелаб** «позади» (Ну итис гІелав сайра «Я позади него»), **алав** (алавчалли) «вокруг» (хъайс алав «вокруг дома»), **къадин** «за, вместо, взамен» (итис къадин «за него, вместо того»), **эргъи** «за, после» (Итис эргъи «за ним, после него»).

Сочетания дательного падежа с указанными послелогамы выражают разные обстоятельственные (время, место, образ действия) и дополнительные отношения. Приведем несколько примеров:

Марли илис гъалаб нуни дарган адам тухтур вегаънили-чила багъурси ахІенри «Правда, я до этого не знал, что даргинец (мог) стать врачом» (Гь, VII, 1953, 32); Белики, на сен биалра **Бегенчлис эргъи** укышав? «Может быть, на всякий случай сходить за Бегенчом?» (Гь, V, 1953, 63); **Улкалис алавчалли** шанданна бабу саби «Вокруг страны (стоит) стальная стена» (И. А., 1954, 34); **Илис эргъи** вашулли илала урши лямцІдикІути чакмачевли, байрамличи валкъаурсин «За ним ходил его сын. в блестящих сапогах, будто приготовился к празднику» (Гь, VII, 1953, 16); Някъ хІебиалра **верхІлис къадин** узиб «Хотя не было руки, он работал за семерых» (Гь, V, 1958, 68); Андайлар шараб хІулби диржира **шиннис къадин**, чархлизир чакар уркІи диркунна **къацІлис къадин** «Глаза подо лбом выпил я вместо воды, в теле сахарное сердце съел я вместо хлеба» (Д, 1954, 43) и т. д.

Дательный падеж сочетается также и с многочисленными универсальными частицами, к которым относятся: **гъуна** «такой, как», **ван** «так как, подобно», **цад** «столько, сколько»,

цун «только, лишь», кIун «же, ведь», мага «разве», гу «же, ведь», кьи «хотя», хIели «так как, когда» и т. п.

Все эти частицы нарастают на форму дательного падежа так же, как и на все другие падежные формы, придавая ей оттенки разнообразных значений. Несколько примеров:

Дугели шилизи тIума бакIалли ва шаладикайчи калалли ил шилизибад дурахIебулхъан, тят ит тIумасгъуна бетаурли саби ишисра «Если ночью в село придет сова и останется до утра, то она (днем) из села не уходит, точно как с совой случилось и с ним» (Гь, VII, 1953, 28); Иш хIянчи Абакарлисван чисалра дигихIеур «Эта работа никому так не понравилась, как Абакару»; ХIясайцад гIинц набра бикиб «И мне досталось такое же яблоко, какое Гасану»; Ишди тетрадуни Аминатлисцун ахIенну, хIедра сари «Эти тетради не только для Аминат, но и для тебя»; ХIедкIун селалра хабар агара «Ты ведь ни о чем не думаешь»; Нуни жуз асибси Хадижатлисгу, сен хIуни кайсида? «Я ведь книгу купил для Хадижат, почему ты ее берешь?» и т. п.

Краткие выводы

1) В даргинском языке дательный падеж реального субъекта не всегда представляет собой тождество с грамматическим субъектом, подлежащим. Отклонения данных понятий друг от друга обусловлены синтаксическими взаимоотношениями между глаголом и данной падежной формой, т. е. полиперсонализмом глагола, выраженном в личном согласовании его с дательным падежом при одновременном согласовании его по классу с именительным падежом.

2) Когда дательный падеж реального субъекта отражен в глаголе-сказуемом личным показателем, он характеризуется как выразитель грамматического субъекта, подлежащего. Такой строй предложения мы называем дативной конструкцией.

3) Если дательный падеж реального субъекта не отражен в глаголе-сказуемом личным экспонентом, то он квалифицируется как выразитель косвенного дополнения.

4) Дательный падеж в даргинском предложении выражает и разнообразные обстоятельственные отношения: причина, цель, время.

5) Дательный падеж употребляется в даргинском языке и с разнообразными послелогоми (гьалаб, гIелаб, алав, кьадин, эргьи) и частицами (гъуна, ван, цад, цун, кIун, мага, гу, кьи, хIели) и т. д.

Список условных сокращений

- Д. — Батирай. Далуйти. МахIячкала, 1954.
ИА. — Иминагаев Азиз. Назмурти. МахIячкъала, 1954.

- ДМГ, I — С. Абдуллаев. Дарган мезла грамматика, цаибил бутла, фонетика ва морфология. МахІячкъала, 1952.
- ДМГ, II — С. Абдуллаев. Дарган мезла грамматика, кӀиибил бутла, синтаксис. МахІячкъала, 1952.
- ДХ. — С. Абдуллаев. Далуйти ва хабурти. МахІячкъала, 1948.
- ЛА. — Даргала поэтунала литературный альманах. МахІячкъала, 1950.
- ГІ — А. Абакаров. ГІянручІ. МахІячкъала, 1954.
- Гь, V, 1953 — Гьалмагъдеш. Литературала альманах, № 5. МахІячкъала, 1953.
- Гь, VII, 1953 — Гьалмагъдеш. Литературала альманах, № 7. МахІячкъала, 1953.

СТАЛЬСКИЙ ГОВОР ЛЕЗГИНСКОГО ЯЗЫКА

В восточной части Касумкентского района, по левую сторону течения Гюльчери-чая, в двух-трех километрах друг от друга и в четырех-пяти километрах от районного центра селения Касумкент, расположены три селения Ашага-Стал, Орта-Стал и Юхари-Стал, речь которых составляет один говор. Говор этот можно считать переходным между гюнейским и яркинским диалектами лезгинского языка. Несмотря на то, что речь этих селений объединена в один говор, она не совершенно однородна: от нижнего селения Ашага-Стал к верхнему Юхари-Стал постепенно нарастают элементы яркинского диалекта, а жители соседнего с последним селения Кур-Кент уже говорят на яркинском диалекте. Стальский говор интересен тем, что расположен на рубеже между двумя диалектами.

Фонетические особенности

Система гласных звуков стального говора в основном та же, что и лезгинского литературного языка. Следует отметить лишь характер переднерядного *аь*, который в этом говоре является более открытым и произносится с большим оттенком глоттизации, чем в литературном лезгинском языке. Этот звук не что иное, как усларовская лигатура, составленная из сочетания гласных *а* и *э*.

Что касается системы согласных стального говора, то в ней имеется звонкие шипящая и свистящая аффрикаты *дж* и *дз*, а также гортанный звонкий целевой *гI* (араб. «айн»). Употребление последнего согласного в стальском говоре довольно ограничено, причем реже всего он встречается в Ашага-Стал, несколько чаще в Юхари-Стал в словах арабо-персидского происхождения и преимущественно в устах представителей старшего поколения: *гIуьмуьур* — жизнь — (литер. *уьмуьур*), *гIайиб* — стыд, совесть — (литер. *айиб*), *гIазар* — болезнь, недуг — (литер. *азар*) и т. д.

Следует остановиться на ряде звукосоответствий стальского говора, многие из которых носят закономерный характер. Так, гласный говора **аь** в целом ряде как односложных, так и многосложных слов в закрытом слоге, в подударной и безударной позиции соответствует гласному переднего ряда с литературного языка.

говор	литер. язык.	перевод
лаькь	лекь	орел, печень
ваькь	векь	травя
паьл	пел	лоб
гъваьл	гъвел	крошка
раьгь	регь	гребень
хъаьл	хъел	гнев
цаьл	цел	бурдюк
буьваьл	буьвел	чирий
фаьл		
тненьпаьл	тненьпел	лентяй
къераьх	къерех	край, берег
кпаьлун	кпелун	учеба, чтение
гьекьаькь	гьекьекь	агат
гуьзаьлвал	гуьзелвал	красота

и т. д.

Звук **аь** может соответствовать и звуку **а** литературного языка в любой позиции в словах односложных и многосложных:

гъаьй	гъай	да, отклик на зов
уймаьх	уймах	наперсток
ваьгьши	вагьши	дикий
маьнияр	манияр	песни
баьхча	бахча	садик, сад
тнаьхсир	тнахсир	вина

и т. д.

Гласный **аь** соответствует литературному **е** и в аффиксах местного **У** и направительного **У** (орудного) падежей, что является характерной закономерностью в системе гласных гюнейского диалекта:

кылаьл	кылел	на голове
чилаьл	чилел	на земле
сиваьл	сивел	на устах
гъаьнаьл	гъенел	на дворе, снаружи
мисаьлди	миселди	к постели
винаьлди	винедли	наверх, вверх
хъуьтъаьлди	хъуьтъелди	до зимы
хъуьртаьлди	хъуьртелди	к свалке и т. д.

Гласному е в ряде слов сталского говора соответствуют гласные а и и литературного языка. Это звукосоответствие характерно для яркинского диалекта:

1. бермекh	бармакh	шапка
кьекьем	{ кьакьам	ресница
гъелетI	{ кьекьем	ошибка
къенсияр	гъалатI	сорт абрикос
пhарчhe	къайсияр	ткань
	пhарчhа	
2. джегъезар	жигъизар	приданое
ичIерун	ичIирун	сыпать
вегъин	вигъин	класть
гъакъе	гъакъи	плата, цена
къеметh	къиметh	стоимость

Слово хъсан «хорошо, ладно» произносится как хъсен в яркинском диалекте. В отдельных случаях, преимущественно в устах стариков в Орта- и Юхари-Стал, встречается яркинское произношение этого слова.

В говоре имеет место и обратное соответствие — звукам и, а говора в литературном соответствует е преимущественно в безударной позиции:

1. шикhер	шекhер	сахар
мийитh	мейитh	труп
кhисиб	кhесиб	бедный, бедняк
2. чинаба	чинеба	тайно
сер яна	сер яна	лишиться рассудка
сар яна		
пhахилвал	пhехилвал	зависть
чhичIакh	чhичIекh	лук

Гласному а говора соответствует гласный и литературного языка:

лашан	лишан	цель, метка
афна	афни	огурец
икIа	икIи	так
памадур	памидор	помидор

Гласному у говора соответствует гласный и литературного языка:

луф	лиф	голубь
насу	ниси	сыр
анджулар	инжилар	инжир

В нескольких словах звук **уь** соответствует литературному **и**:

тһп уьх	тһп их	вязанка хвоста
уьр	вир	озеро

Гласному **у** говора соответствует **а** литературного языка:

кһуку	кака	яйцо
булугъ	балугъ	рыба
пһукумахъ	пакамахъ	утром

Гласному **э** говора в редких случаях, может соответствовать дифтонг **йэ**, который в своем составе содержит этот гласный. Например:

эб	йэб	веревка
элк ен	йэлк ен	парус

Из соответствий согласных звуков прежде всего нужно отметить закономерное соответствие аффрикаты **дж** говора звонкому спиранту **ж** в начале, середине и конце слов:

джанавур	жанавур	волк
джерге	жерге	ряд
джилд	жилд	обложка
джугъун	жугъун	изгородь
леджбер	лежбер	крестьянин
фалидж	фалуж	паралич
гудж	гуж	сила, насилие
тһумдж	тһумаж	выделанная кожа
		и т. д.

В одном слове **джахутһка** — чахотка (лигер. **чһахутһка**) в Юхари-Стал аффриката **дж** соответствует глухой придыхательной аффрикate **чһ**.

Звонкая свистящая аффриката **дз** этого говора соответствует звонкому переднеязычному **з** и глухой непридыхательной аффрикate **ц**:

1. цадз	цаз	колючка
мурдз	мурз	пламя
медз	мез	язык (анат.)
вардз	варз	месяц, луна
дзагъам	загъам	терновник
2. адзукъун	ацукъун	сидеть
идзигун	эцигун	ставить

Глухому заднеязычному непридыхательному **к** в начале некоторых односложных слов говора соответствует глухая непридыхательная аффриката **ц** литературного языка:

куьн	цун	шить
квасьл	цвал	шов
куьл	цуьл	сноп
куьр	цур	хлев

Придыхательному **к** в свою очередь соответствует придыхательная аффриката **ц**, а смычногортанному **кI** смычногортанная аффриката **цI**. Это соответствие согласных является фонетической закономерностью, характерной для диалектов кюринских, в отличие от докузпаринского и ахтынского диалектов.

1. руькн кIуькнхуь	руьцн кIуьцнхуь	у'ж глиняный кувшин
2. кIвелер	цIвелер	виски, височные волосы
кIвелин тар уькIуь уькIуьвуьн уькIуьруьн	цIвелин тар уьцIуь уьцIуь авуьн эцIуьруьн	верба соленый пересолить разрушить, сло- мать

Звонкому заднеязычному взрывному **г** преимущественно в начале имен говора соответствует звонкий **з** литературного языка, что также характерно для кюриноких диалектов:

гуьрба	зирба	мера сыпучих тел, равная 12 кг.
гуьр	зур	половина
гуьрер	зурар	сухие фрукты (дольки)
гвасьл	звал	кипение
угуьн	юзуьн	шевелиться, жа- рить

Слово **гуьрер** — дольки сухофруктов — в речи сел. Орта-Стал имеет форму **вирер**, т. е. здесь литературному **з** соответствует губно-губной **в**.

Звуку **г** в начале имен говора соответствует глухой заднеязычный взрывной **к** с придыханием и без придыхания. Подобное озвончение начальных **к**, **п** является фонетической закономерностью, характеризующей гюнейский диалект.

1. гукIваруьн	кнукIваруьн	ломать, рвать
гагьулвал	кнагьулвал	лень, вялость
гуькIуьруьн	кнхуькIуьруьн	зажигать
гацн	кацн	кошка

галгамиш	калгамиш	буйволица
----------	----------	-----------

гаш	}	каш	голод
каш			

Результатом озвончения, как правило, начального согласного является соответствие звонкому губному взрывному б говора глухому п литературного языка в таких словах как:

2. бака		пака	завтра
пака			
беш		пеш	лист (раст.)
битлиш		питлиш	курносый
абаратар		аппаратлар	аппараты

Как мы видим, и русские заимствования говор подводит под свое правило оглушения звонкого б.

Соответствие же звонкого б литературного языка в односложных словах с закрытым слогом смычногортанному пл говора является наоборот результатом оглушения б в исходе некоторых слов говора.

тлуп	тлуб	палец
кларп	клараб	кость
цлип	цлиб	крынка

В некоторых заимствованных словах звуку з говора может соответствовать глухой фрикативный с литературного языка, т. е. в говоре произошло озвончение спиранта с:

изаьгъти	исятда	сейчас	
заьт		сят	час, часы
саьт			
Зибир	Сибир	Сибирь	

В отдельных словах говора и литературного языка можно встретить соответствия следующих звуков: глухому переднеязычному взрывному т говора соответствует смычногортанный тл в слове маьхт — мозг (литер. мефтл); глухому переднеязычному фрикативному ш соответствует глухая аффриката чл в слове ашкар — фазан (литер. ачлкар) и наоборот в слове хуьчрекхан — паук (литер. хуьшрекхан); глухому смычногортанному къ соответствует глухой заднеязычный х в слове къаличха — ворсистый ковер (литер. халичха) и наоборот в слове халх — народ (литер. халкъ); звонкому заднеязычному фрикативному гъ соответствует х в слове магъ — сказка (литер. мах); звуку ш соответствует глухой переднеязычный фрикативный хь в слове верши тар — береза (литер. верхь тар); звуку ш соответствует глухой губно-зубной фрикативный ф в слове шун — идти (литер. фин).

Следует отметить, что последнее слово **фин** — идти — в форме **шун** типично для яркинского диалекта. Это слово вместе с некоторыми другими относится к группе слов, характерных только для яркинского диалекта лезгинского языка. В речи селений Стал, особенно Юхари-Стал, встречается эта форма, но употребляется она факультативно с литературной формой данного глагола. Любопытно отметить, что соответствие между звуками **ш//ф** не в данном слове, а в других словах является закономерным для других диалектов, в частности ахтынского диалекта лезгинского языка. Например:

ахтынский диалект	литер. язык	перевод
машт	мефтI	мозги
шуру некн	фири некн	пресное молоко
кншул	кнфил	зурна
кьюш	кьюф	мышь и др.

Как мы уже отметили, литературной формой глагола **идти** является слово **фин**, а не **шун**. Однако полную парадигму времен и наклонений дает не литературная, а диалектная форма этого глагола, ибо повелительное наклонение этого глагола **ша!** является единственной формой для диалекта и литературного языка. Это положение дает основание предполагать, что исконной формой глагола **идти** является слово **шун**, и она должна была бы занять место в лексике литературного языка.

Небезынтересно остановиться и на соответствии между полугласным среднеязычным **й** и сонорным вибрантом **р**, которые по всей вероятности, являются окаменелыми классными показателями. Это соответствие имеет место в различных глагольных формах, так например, в форме прошедшего времени глагола связки **я-тий** — был, являлся — (литер. **тир**); в запретительных формах глаголов: **лугьумий**, **иймий**, **къачхумий** и др. — не говори, не делай, не бери — (литер. **лугьумир**, **иймир**, **къачхумир**); в формах отрицательного наклонения: **лагъаначхий**, **авуначхий**, **къачхуначхий** — не говорил, не делал, не брал — (литер. **лагъаначхир**, **авуначхир**, **къачхуначхир**); в формах вопросительного наклонения: **лагъаначхийни?**, **къачхуначхийни?** — не говорил ли?, не брал ли? — (литер. **лагъаначхирни?** **къачхуначхирни?**); в отдельных формах условного наклонения: **авуйтIа**, **къачхуйтIа** — если сделает, если возьмет — (литер. **авуртIа**, **къачхуртIа**).

Большинство отличий в фонетике стальского говора от фонетики литературного языка является результатом происходящих здесь фонетических процессов, из которых прежде всего отметим чередование звуков.

Во всех односложных и некоторых многосложных словах с корневым гласным **аь** при изменении слова этот гласный переходит в **е**. Переход этот совершается как результат воздействия гласного **е** аффикса на гласный **аь** основы и ассимиляции его:

лаькь	→	лекьер	(мн. ч.)	— орел
ваькь	→	векьер	(мн. ч.)	— трава
паьл	→	пелери	(эрг. пад. мн. ч.)	— лоб
буьваьл	→	буьвелар	(мн. ч.)	— чирий

Гласный **аь** может чередоваться и с лабиальным гласным **уь**: хьваьхь — щека → хьуькьвер (мн. ч.).

Некоторые слова с корневым гласным заднего ряда **а** вопреки правилу образуют форму множественного числа при помощи аффикса **ер**, а не **ар**. В говоре в подобных словах при их изменении корневой гласный также чередуется с гласным **е**, т. е. устанавливается своеобразная гармония гласных корня и аффикса:

къван	— камень	→	кьвенер
кал	— корова	→	келер
к вач	— нога	→	к веч ер
к вал	— комната	→	к вел ер

В отдельных случаях при словоизменении гласный **а** чередуется с **у** или **е**:

паб	— женщина, жена	→	пупар	(мн. ч.)
			пупа	(эрг. пад.)
			пупаз	(дат. пад.) и т. д.
чака	— место	→	ч(а)кейриз	(дат. пад.)
			ч(а)кейрал	(мест. У пад. мн. ч.) и т. д.

Чередование согласных здесь чисто гюнейское, очень сходное в свою очередь с чередованием согласных литературного языка. Так, например, чередование аффрикаты **дз** с аффрикатой **ц** (ладз — белая глина → лацар и т. д.); звонкого губно-губного **б** с глухим **п** (яб — ухо → япар); звонкого переднеязычного **д** с глухим **т** (яд — вода → ятар) и т. д., т. е. в результате чередования происходит оглушение аффрикаты **дз** и согласных **б**, **д** и т. д.

В ряде слов стального говора по сравнению с теми же словами литературного языка отпадает гласный **и**. Нужно оговориться, что отпадением или наращением явления эти следует называть условно, принимая за исходные формы литературного языка.

тим	итим	мужчина, человек
тимвал		
итимвал	итимвал	порядочность
ви	иви	кровь
еси	иеси	хозяин, владелец

Нередко в середине слов редуцируется или совершенно выпадает гласный а в словах: **кIрапI** — кость — (литер. **кIараб**); **тI(а)тIана** — всегда, вечно — (литер. **датIана**); гласный уь в слове **тIкан** — лавка — (литерат. **тIуьквен**).

В других словах, наоборот, можно констатировать появление приставочных и вставочных гласных по сравнению с теми же словами литературного языка:

говор	литер. яз	перевод
асухун	сухун	вонзить
гзаф		
газаф	гзаф	много
чака	чIка	место
чIикIун	чIикIун	рассыпаться

Можно отметить и несколько случаев выпадения или отпадения согласного в середине и конце слов. Так, в некоторых словах может отпадать глухой гортанный фрикативный **гь** и звонкий заднеязычный фрикативный **гь**, за счет чего несколько удлиняется (усиливается) предыдущий гласный звук. Например:

пIаьаьливан	пIагьливан	акробат, богатырь;
саьаьраа	сагьрай	до свидания, будь здоров;
гьуьлаьаь	гьуьлаьгь	змея

В двух последних словах согласный **гь** является беглым — при изменении слов он вновь появляется: **саьгьрун** — лечить, **гьуьлягьар** — змеи.

Выпадению подвергается и сонорный вибрант **р** в таких словах как

маакI, маакIар	маркI, маркIар	стог, стоги
муьхь, муьхьуь	муьрхь, муьрхьуь	ржавчина,
кьун	кьун	ржаветь;
цавун гьааш	цавун гьарш	зенит;

В слове **уьр** — озеро — (литер. **вир**) отпадает согласный **в**, а гласный **и** переходит в **уь**. Вероятно здесь мы имеем дело с определенным фонетическим законом отпадения начального **в** с последующим изменением гласного, ныне уже нарушенным, о чем свидетельствует и слово **вердег** — утка — (литер. **уьрдег**), которое в данной форме в живой речи говоря не

встречается, а как архаизм сохранился в пословицах и песнях. В старинной песне, например, находим такую строку:

Вили вердегдин вилер авай яр — Возлюбленная с глазами синей утки.

В говоре имеет место и появление приставочных и вставочных согласных. К наращению мы условно относим появление звука **г** в ряде слов преимущественно арабо-персидского происхождения. Появление звука **г** в этих словах в говоре наращением считаем условно по отношению к литературному языку; исконная же форма этих слов имела звук **г** в своем составе. (Примеры см. в начале раздела). В отдельных случаях в говоре наблюдается явление протезы, т. е. наращение вставочного звука, в данном случае сонорных **р** и **н**, в таких словах как **кхирф**, **кн(и)рфер** — коса, косы — литер. **книф**, **книфер**), **пхерленг** — тигр — (литер. **пхеленг**); **ланш** — палка — (литер. **лаш**); **ин**, **ан** — этот, тот — (литер. **и**, **а**).

Любопытно наращение аффрикаты **дж** в слове **джалав** — пламя — (литер. **йалав**) в Юхари-Стал. Если учесть, что в говоре **дж** соответствует литературному **ж**, то здесь мы имеем пример известной фонетической закономерности перехода **ж** в **й**, характерной для многих иберийско-кавказских языков.

Несколько слов о делабиализации в стальском говоре. Известно, что наличие лабиализованных согласных является характерной особенностью фонетики лезгинского языка, что отмечали некоторые исследователи языка. Л. И. Жирков, в частности, полагает, что в лезгинском языке наблюдается тенденция к сокращению ряда лабиализованных¹. Это предположение подтверждают и материалы стальского говора. В этом говоре нами зафиксированы случаи делабиализации смычно-гортанного **т**¹, переднеязычного **т**, задненебного **г** и аффрикаты **ц**:

говор	литер. яз.	перевод
тлал	тлвал	трость, палка
тлар	тлвар	имя, название
тлетI	тветI	муха
тар	твар	зернышко: корм для домашней птицы
ген гин	гвен гуьн	жатва
цег	цвег	муравей

В последнем слове **ц** делабиализуется только в речи сел. Ашага-Стал.

В некоторых словах лабиальный гласный **уь** в говоре заменяет нелабиальный **и**. Так, делабиализацию гласного **уь**

¹ Л. И. Жирков. Грамматика лезгинского языка. Махачкала, 1941, стр. 14—15.

находим в прилагательном **микхи** — другой (литер. **муькхуь**) и в глаголе **тлин, тлина** — есть, съел (литер. **тлуьн, тлуьна**). Этот глагол в форме **тлина** является типичным для яркинско-го диалекта и совсем не встречается в диалекте гюнейском, за исключением данного переходного говора, где также употребляется факультативно с литературной формой.

В явлении ассимиляции согласных данный говор очень мало чем отличается от литературного языка. Здесь тоже оглушение звонкого компонента **д** аффикса эргатива и косвенных падежей перед глухими основы (**бахти, аллагьтиз** — мать, богу и т. д.); оглушение начальных звуков второго слова на стыке двух слов, где первое кончается глухим, а второе начинается звонким согласным (**вучн ийида** → **вучнда** → **вучнта** — что делать?) и т. д.

Остановимся и на отдельных случаях регрессивной ассимиляции в говоре. Так, наречие **датлана** — всегда, вечно, — образованное от глагола **атлун** — отрывать, резать — в говоре имеет форму **тлатлана**, т. е. здесь глухой смычно-горланный **тл** ассимилировал звонкий **д**. Таким же образом слово **баплах** — шапка — здесь получило форму **ппаплах, бапрус—ппапрус** и т. д. В таком заимствованном из русского языка слове как **спишка** — коробка спичек — в литературном языке в говоре произошла ассимиляция начального с звуком **ш** — **шпишка**. Примером регрессивной дистанционной ассимиляции служит форма слова **цлапхулар** — перья птицы (в говоре **цлапхулар**), где согласный аффикса множественного числа ассимилировал **л** основы. Звук **л** ассимилирован звуком **р**, и в слове **алишверишчхи** — торговец (по говору **иришвиришчхи**), которое в таком виде бытует в речи селений Орта- и Ашага-Стал.

В некоторых словах, как правило, пришедших из других языков, а по аналогии с ними иногда и в коренных лезгинских словах стального говора, отдельные смежные и несмежные звуки подвергаются перестановке — происходит явление т. н. метатезы согласных. Так например:

гивре	гирве (перс.)	перевал
хумрав	хурма (перс.)	хурма
ришханд	рихшанд (перс.)	издеваться, из- девка
джелгьем	жегьеннем (араб.)	ад
гегьвер	гевгьер (араб.)	жемчуг
тларун	тланур (тюрк.)	специальная печь для выпечки хлеба;
шавгьар	шагьвар	теплый ветер, зе- фир

В говоре имеет место и явление субституции или подстановки вместо одного другого близкого по артикуляции звука.

В стальском говоре так же, как в гюнейском и яркинском диалектах, очень часто замещают друг друга сонорные. Приведем примеры:

у ^т һалмиш хьун ^н	у ^т һанмиш хьун ^н	стесняться
ламус	намус	стыд, совесть, честь
джегльем	жегьеннем	ад
миштҮер	ништҮер	перочинный нож
тҮембекһ	тҮенбекһ	табак
кьушум	кьушун	войско
маскияр	носкияр	носки
наскияр		
патрумар	патрунар	патроны
чһешне	чһешме	источник
нубаракһун ^н	мубаракһун ^н	поздравлять
незетһ	лезетһ	блаженство
гьахьнабаь	гьавилабаь	поэтому
гьахьмабаь		

Морфологические особенности

Резких расхождений с морфологией литературного лезгинского языка в морфологии стальского говора нет, т. к. говор этот по своим особенностям ближе стоит к гюнейскому диалекту, который лег в основу современного литературного лезгинского языка. Тем не менее следует отметить отдельные черты морфологии говора, отличающие его от морфологии литературного языка и в то же время дающие возможность причислить этот говор к разряду говоров переходных.

В отличие от других говоров гюнейского диалекта, в данном говоре не наблюдается чередования форматов **в** и **г** в аффиксах местных падежей первой серии. В аффиксах этих падежей в стальском говоре бытует только литературное **в**: **кҮвелив** — у дома; **заваа** — от меня; **вичҮивди** — к себе и т. д.

В аффиксах местных падежей пятой серии со значением нахождения предмета на поверхности ч.-л. и движения туда и оттуда гласным компонентом падежного аффикса является не литературное и гюнейское **е**, а звук **аь** (примеры см. в разделе о звуковых соответствиях).

В целом ряде случаев **аь** выступает также в качестве компонента аффикса исходных падежей, что является характерной особенностью яркинского диалекта¹.

¹ См. работу автора о яркинском диалекте лезгинского языка. Рукоп. фонд ИИЯЛ, 1955 г.

Приведем несколько примеров из стального говора:

цикһаьаь	цикһаа	из воды
кӀиникһаьаь	кӀаникһаа	из-под, снизу
абруваьаь	абруваа	от них
гъуьлухъаьаь	гъуьлухъаа	от мужа и т. д.

Характерным для яркинского диалекта является и аффикс и имен в форме эргатива и косвенных падежей множественного числа. Аффикс у наряду с гюнейским и литературным и встречается в стальском говоре в целом ряде имен. Так например, в текстах стального говора встречаются формы савдагарру — купцы (эрг. пад.); итимару и итимари — мужчины (эрг. пад.); аяларуз — детям; пупари и пупару — женщины (эрг. пад.) и др.

Некоторые существительные говора в эргативе получают иной аффикс, чем в гюнейском диалекте и литературном языке. Так, слово затӀ — вещь — в эргативном падеже в говоре будет иметь форму затӀини (литер. затӀуни); тас — таз — в говоре тасуни (литер. тасди).

Любопытно отметить, что в стальском говоре слово ваьде — время, — которое подобно этому слову в яркинском диалекте, для эргатива и местного четвертого падежа со значением в, внутри ч.—л. имеет одну и ту же форму, т. е. аффиксом обоих падежей является ди, что в гюпейском диалекте и в литературном языке является аффиксом эргатива (я местного четвертого — да). Приведем два фразовых примера: Гъа ваьдеди зу авачӀий кӀвеле — В то время я не оказался дома. И мехъер хъсан ваьдеди жезвачӀ — Эту свадьбу не в хорошее время играют.

Отличия в системе глагола говора сводятся к следующему. Ряд таких глаголов как аку^н — видеть, авудун — спустить, акъудун — вынуть, вывести; хкудун^н — вынуть из-под и др., которые в повелительном наклонении в литературном языке имеют форму чистой основы без аффикса, в стальском говоре получают аффикс ур или р. Подобное явление имеет место в яркинском и в ахтышском диалектах.

акур	аку	виджь, найди;
авудур	авуд	спусти
акъудур	акъуд	вынь, выведи
хкудур	хкуд	вынь из-под и т. д.

Следует, однако, заметить, что эти формы в говоре употребляются параллельно с литературными.

Аффиксом запретительных форм глагола стального говора является не литературное **мир**, а **мий**. Например: **лугьумий** — не говори; **кьачьумий** — не бери и т. д. Эта особенность хотя и встречается в отдельных пунктах гюнейского диалекта, носит более закономерный характер в яркинском диалекте.

Полугласный **й** выступает в качестве компонента аффиксов и других глагольных форм (отрицательной, условной и др.), о чем упоминалось выше в разделе звуковых соответствий. Интересно отметить, что глагол **ругун**, **ргазва** — кипеть, кипит — в говоре имеет форму **йугун**, **йгазва**, т. е. здесь происходит замена звука **р** звуком **й**, что подтверждает мнение о том, что здесь мы имеем дело с окаменелыми классными показателями.

Синтаксические особенности

Стальский говор, подобно некоторым другим лезгинским диалектам и говорам, особых отличий в синтаксисе не имеет.

Имеющиеся в нем различия сводятся лишь к отдельным случаям своеобразного управления глаголов.

Глагол **гьалтһун** — встретить, нуждаться — управляет обычно местным четвертым падежом субъекта-имени. В стальском говоре этот глагол управляет местным вторым падежом со значением за, позади ч.-л. Например: **Идахь гьалтһна са кьари** — Ему повстречалась старуха. **Кьаагьу авачһ амни захь гьалтга** — Ничего, и она во мне будет нуждаться.

Недостаточный глагол **ава** — есть — употребляется с местным вторым, местным четвертым и дательным падежами имени. Здесь этот глагол может управлять и местным пятым падежом имени (т. е. падежом со значением нахождения предмета на поверхности ч.-л.). Например: **И хуьруьһ а пата кьилаьл багьлар ава** — На той стороне аула имеются сады.

Сложный глагол **чГалахь агьун** — верить — требует именительного падежа субъекта, как глагол непереходный. В говоре зафиксированы случаи, когда этот глагол ставит название субъекта в форме эргативного падежа. Например: **Кһуьне чГалахь агьачһ кни, вучһни гьаниз фена** — Вы не поверите, и сам (ведь) туда пошел.

Интересно употребление местного четвертого падежа там, где в литературном языке может быть употреблен только эргативный. В выражении «Кто укусил?» местоимение **кто** (когда речь идет о неразумных существах, употребляется местоимение **что**) в литературном языке ставится в форме эргативного падежа: **Куь класна?** В речи селений Стал местоимение **что** стоит в форме местного четвертого падежа: **Вун кве класна?**

Лексические особенности

Лексика стальского говора имеет целый ряд особенностей. По характеру расхождений с лексикой литературного языка лексику говора можно разбить на несколько групп: а) слова несколько отличные от литературных по своему составу; б) слова совсем по разному звучащие в говоре и литературном языке, но равнозначные в семантическом отношении; в) слова, различающиеся по своему значению, но звучащие одинаково в говоре и литературном языке; сюда же входят слова, имеющие в говоре еще дополнительные, по сравнению с теми же словами литературного языка, значения; г) группа т. н. собственно диалектизмов. Нужно заметить, что в стальском говоре есть целый ряд слов, заимствованных из азербайджанского языка, но имеющих параллельные формы родного языка. Эти факультативно употребляемые слова выделены также в специальную группу¹.

Из слов первой, самой многочисленной группы, приведем здесь только некоторые примеры, ибо слова этой группы являлись в основном материалом для данной статьи, и они приводятся в разделе о фонетических особенностях.

говор	литер. язык	перевод
гацн	кацн	кошка
рукън	руьцн	уж
эб	еб	веревка
хуьчрекн ^н	хуьшрекн ^н	паук
книрфер	книфер	косы
т1уя1	т1уб	палец
бугъу	буву ^н	овод
ч1акъал	чакъал	шакал
чака	чнка	место
уър	вир	озеро
кнуку	кака	яйцо
тн(и)кан ^н	тнуйквен ^н	лавка
т1ет1	т1вет1	муха и т. д.

Во вторую группу слов, по разному называющих один и тот же предмет в говоре и литературном языке, включаем и некоторые слова из детской лексики, обнаруженные в речи селений Стал. Приведем слова этой группы:

кулуяр	гъуьндуьшкаяр	индейки
г1уьндуьшар		

¹ Ввиду того, что отдельные слова могут встречаться не во всех трех селениях, а в речи одного или двух селений, рядом с подобными словами будет помечено в скобках название селения.

ала балъи	шурван пѣни	вишня
хилев	кѣар	каталка
кѣала	банка	банка
спекѣар	ѡипѣрепѣар	черный тутовник
кѣиргѣартѣма		
(Юх. Ст.)	кѣерех	край, берег
кѣераѡх		
сересер	айван, балхун	балкон
амадагар	миресар, мукѣабур	родственники
пѣипѣил	ѡѣѡѡ, кѣиф	лейка, носик чайника
руб	чумал цур	кизилый мед
кѣвенда		
ахкѣвенда;	гуда, ахкуда	даст, отдаст
накъ ша	ккѣалам	клец
(Юх. Ст.).		
эрсен	гѣаргѣалаг	лопаточка для очистки квашни от теста
балдуз	гѣуѣлуѣн вах	золотка
	балдуз	
бембеѡ (Юх. и Ор. Ст.)	шуѣкѣуѣнтѣ	улитка
атѣраган	акѣреб	скорпион
хѣвехъ	свас	невеста, новобрач- ная
гиртѣ	лап, артѣух	чересчур, очень, слишком
тѣндераг	дегѣлиз	коридор
кѣвал алаа кѣиб	хѣалхѣас кѣиб	черепаха

Приведем примеры некоторых т. н. детских слов, встречающихся в стальском говоре.

- дзидзи — игрушка, паца (звукоподражание)
 миме — молоко
 буф — хлеб
 тѣбуѣ — вода (губной диффузный звук, из сочетания согласных т, п, б).
 биш — мясо
 тѣа — сладости (прищелкивающий звук ѣ, похожий на звук производимый, когда едят или сосут нечто сладкое).

Третья группа — это слова, звучащие одинаково, но различные по значению в говоре и литературном языке, или имеющие в говоре еще дополнительные значения.

слово	в говоре	в литер. языке
кIумпIар	катушки	пробки
кIирфер	косы бузина	косы
авун, ийида	делать, говорить	делать
гъарибди, гъариб (араб.)	бедный худой	странник, чужой

Глагол **элакьун**, **элакьна** означает **спадать** (опухоли или уровню воды в реке), к этому значению в говоре еще прибавляется **остановиться** (о дожде) и **проясниться** (о погоде).

Глагол **экъичьун**, **экъичьна** означает **разлиться** по отношению к жидкости, а в Юхари-Стал это слово применяется и по отношению к сыпучим телам.

Глагол **ничнаа хьун** — заболеть — употребляется по отношению к целому организму человека или животных. Если речь идет об отдельном органе, этот глагол употреблен быть не может, его заменяет глагол **тIа хьун**, который может быть употреблен во всех случаях.

В стальском говоре глагол **ничнаа хьун** встречается в обоих названных случаях. Приведем фразовые примеры:

Ам буба ничнаа хьана лагъаа ванцаьл хтаа тий — Он приехал, услышав, что отец заболел.

Зи гьил пIис ничнаа хьанва — У меня сильно заболела рука.

Глагол **кхуьтаьгьун** — кончать во всех селениях Стал в сочетании со словом **руш** — девушка — получает значение **засватать**. Возможно здесь мы имеем дело с калькой с кумыкского языка «**къизни биттирмакъ**». Например:

Къе чIу руш кхуьтаьгъаа чакада аваа — Сегодня мы были (в гостях) там, где состоялось сватовство (где засватали девушку).

Глагол **рухун** — говорить — в сочетании со словом **цав** — небо — получает новое значение **гремять грому**. Например: **Цав рахазва, къе марф къвада** — Гремит гром (говорит небо) сегодня пойдет дождь.

Группа собственно диалектизмов — слов, не имеющих в литературном языке — здесь совсем малочисленна. Любопытно отметить слово **азнаур**, встречающееся во всех селениях

Стал со значением видный, сильный, благородный, а также слово **thavar** (Аш. Ст.) — со значением статная, красивая. Слова эти, имеющие грузинское происхождение, употребляются первое по отношению к мужчине, второе по отношению к женщине.

В стальском говоре мы сталкиваемся с еще одним интересным фактом — наличием здесь специальных названий для детей мужского и женского пола.

Ребенок мужского пола называется здесь **ругул аял**, а ребенок женского пола — **хунуб аял**. Оба эти слова имеют общий корень в языках лезгинской группы². Слово **хунуб** — жена, женщина находим также в отдельных говорах ахтынского диалекта (так, в речи жителей сел. Ялах, Хурюг, Зрых, Луткун). Однако на территории кюринских диалектов это слово не встречается.

Особые названия имеются в селениях Стал для садов, пастбищ и угодий, расположенных перед аулом и за аулом. Первые называются **гъелегуьн** или **данахъай**, а вторые **хуьд**, **хуьтер**.

В стальском говоре есть специальные названия и для различных видов трав, фруктов и т. д. Так есть съедобная трава с красноватыми листочками, которая называется **пупан** **сухвар** (букв. женские зубы), сорт груш называется **пупан** **аялар** (букв. дети женщины).

И наконец в говоре параллельно с основными лезгинскими словами, преимущественно в устах представителей старшего поколения, обнаруживается целый ряд слов, заимствованных из азербайджанского языка. Так, в говоре можно встретить **давшан** — заяц — наряду с литературным **къуьр**; **thava** — скворода (литер. **ягълав**); **къенчни** — ножницы (литер. **мукIратI**); **къирмиз** — красный (литер. **яру**); **шефтели** — персик (литер. **гугъри**); **элег** — сито (литер. **саф**).

Образцы диалектологических текстов стальского говора

Жувакнаа эхтилатн. Текст записан от Гаджиева Абдулзарифа, 67 лет, колхозника, жителя сел. Орта-Стал.

Зу и хуьре хаади йа. Зу маларив хъанаа, бубадихъ галаз леджбервиле хъанаа. Чна газаф кIвалахар ийидаа. Ахпа зу акъучIна Пакхудиз шана. Зини Абдулагъа лугъудаа кхастин пхулар къуна хузайинди. Николаа thaxтунлаа кадраала, чhав агъзур манатар гахкана. Ахпа чна чи хуьре артилар кхуту-

² По любезно предоставленным Б. Талибовым данным слова **лыгылд** в хивалугском языке, **выгыл** в цахурском, **вугьел** в рутульском означают мужчина, муж, самец. Отсюда и лезгинское **гъуьл** — муж. Слова **хыныб** в крызском, **хинимкIир** в хивалугском означают женщина, жена.

на. Къани цѣикъвед лугъудаа суз калхуз тѣшкилна. Чѣна чѣи малар, гѣарабаяр, кѣутенар, багълар калхуздикѣ идзигна. Къанни цѣипуд лагъаа суз зу Магъбагъчѣкъладиз гурсариз шана Чѣуни Уртѣа-Стѣалдилаа вад кѣас аваа тѣй. Гъа вагъдедлаа къещѣни къалди зу калхуздин чѣлен йа. Чѣаз багълар газаф ава. Къулухъ пата багълариз чѣна хуьтер лугъуда. Ана цѣипицѣар, ичѣер, шефтелияр жеда. Чѣина шабалтѣарни ава, абур маса са хуьраблѣни алачѣ.

Рассказ о себе

Я родился в этом селе. Я пас скот, занимался вместе с отцом крестьянским трудом. Мы много работали. Затем я уехал в Баку (на заработки). Там хозяин удержал деньги с меня и с человека по имени Абдулага (т. е. причитающуюся им зарплату). После того как свергли Николая, мы получили по тысячу рублей денег. Затем мы в своем селении организовали артели. В тридцать втором году организовали колхоз. Мы объединили в колхозе наш скот, арбы, сохи, сады. В тридцать третьем году я поехал в Махачкалу на курсы. Мы (т. е. из нашего селения) и из Орта-Стал там было пять человек. С тех пор до сегодняшнего дня я являюсь членом колхоза. У нас много садов. Сады за селением мы называем «хуьтер». Там (у нас) растут яблоки, виноград, персики. У нас и каштаны растут. Ни в одном другом селении их не бывает.

Данайил Бегълидкѣаа. Текст записан от Аюбова Рамазана, 55 лет, колхозника, жителя сел. Юхари-Стал.

Шагъ угъли Шагъпаз пѣачѣагътиѣ стѣха хъана Данайил Бегъли. Ада цѣам акѣуриз аялрив хкадриз тѣадаа. Стѣхадн адаз лугъуда: — Къарагъ, чун стѣа, кѣвалах ая! Данайил Бегълиди джуваб гуда: — Заз кѣвалах ая лугъумий, за кѣвалах авуйтѣа, халх гишила мукъда. Гъила им шуда худжа савдагаррухъ галаз савда ийиз. Ибри йагѣада цагъни къаьл девеерал. Данайил Бегълиди яхѣур девед пар фу йагѣана, им гъулуьѣ къиргъартѣмадал акъвазда фу куьлуь ийиз. Ида фу куьлуь ийиз, гъуьлуьз вигъида. Къвез луж-луж булугъар и фу нез хъшузва. Ибуру недаа вагъдеди ван къвезва булугъри пѣачѣагътиз.

— Вучѣ хъана, къее хваяр?

— А кѣар авачѣ, кѣуф гъуьре гъатѣнава, са кѣасти чѣаз гъар къуз фу гузва. Пачѣагъти лагъана: — Им тимвал маса гун йа. Кѣуьне тѣуьр фу кѣвадармий; кѣуьне лалидиѣ, гегъвердин, якъутѣдиѣ дагъларкѣаа гъарда са кѣус сиве къаз, гадра чилаьл.

Данайил Бегълиди и лали-якъутһар, кһуплар кьаз, кһуплар кьене тваз тһада. Къани цемужуьд деведиһ пар йагһада ида. Кьве деведал са затһни авачһий гьакһан кһуплар идзигда ида. Худжа савдагарру идаз лугьуда, — чакъ галаз ша, чһна вавни шал. пһекһдиһ пһарчһайар гьиз тһада. Шуда ибур са сан рекьиз. Кьведа ибур са чһуьллухдиз, рекьида мекьила, кһарас авачһ. И савдагарру, тһаджиру идаз лугьуда, — чһна ви кһупларкһаа цһаа ийиһ. Данайил Беглиди лугьуда: — чһна и кһуплар куда, кһуьне кьиметһ шигьирдиз хьшаала гахкуда.

Ибур хквезваа ван хьайила, шагь угъли Шагьпаз пһачһагь дурбудаа кһилигзава, идаз Данайил Беглид девейар кьезилдиз хквез, амаа девеери йализ аквада. Шигьирдиһ чһуьлдиз хтаала, ибруз чһпиһ тһ(и)канруз хьшуз кһан хьана. Атһабру девеери парар акурла, макһар хьтиһбур йа, идаһ девед парар кьизил йа. Гьида ирид комиссияр. Атана ибур фен ваьдеди, ида кьалурна ибруз дугувур. Ибру са кһупл йагһана атһана, юкьваа идаһ якьутһ, лали, гегьвер вири акьатһна. Са кһуплунаа акьатһайдахъ йахцур-йахцур деве гана, вири затһарни гана. Чһпиһ кһуьгьнез кһватһнаваа затһарни гахкана. Данайил Бегли рухьверив, рукварив кьугьвазватһани, амал чидаа, акьуллу кһас хьана.

* *
*

Данайил Беглидиз джагъана кьве ши. Стһхадиз им чһий хьана. Идани и кьве ши гуда Шагьпаз пһачһагьдив, — заз герекһ хьайила, гахце-лугьуда. Кьве стһхани шуда гьамамдиз. Данайил Беглиди кьада са виджеваа тһал, йагһада ида стһха тһалини.

— Ааман, дад хьу, бидад хьуй, вучһ хьана?

— Зи кьве ши гахце!

— Атһа кьелиз акьучһиһ, пһартһалриһ мукьув хьшуһ, гахкуда.

— Заз кьве ши герекһ туш; на ийзваа дуванар гьа икһ пагьахъ ийизва.

— Гьила за кьирмиз пһартһалар лукһна дуванда адзукьаала, за сифте ваваа хабар кьада.

Про Данаила Бехли

Царь Шах-оглы Шахпаз имел брата по имени Данаил Бехли. Он заставлял детей скакать с палочками (т. е. был блаженный, играл с детьми). Вот однажды брат ему говорит: — Вставай-ка, братец, иди работать! Данайил Бехли отвечает: — Меня работать не заставляй, если я буду работать, народ останется голодным. Собрался он с купцами поехать

торговать. Нагрузили они на верблюдов квасцы и соль. Данаил Бехли нагрузил сорок верблюдов хлебом и стоит на берегу моря, крошит хлеб в море. Идут сюда косяки рыб, съедают этот хлеб и уходят. Прослышал об этом царь рыб.

— Что там такое происходит?

— Ничего, нам повезло, какой-то человек каждый день нас кормит хлебом.

Царь сказал: — Это будет нечестно с вашей стороны. Вы должны отблагодарить за хлеб. От рубиновых, жемчужных, яхонтовых гор вы отламываете кусочки, несите во рту и выбрасывайте на землю.

Данаил Бехли стал делать кизяки и в кизяки прятать эти рубины и яхонты. Так он нагрузил тридцать восемь верблюдов. А на двух верблюдов сложил пустые кизяки (без драгоценных камней). Купцы предложили ему поехать с ними, чтобы он мог привезти себе шерсть и шелковые ткани. Вышли они в годичный путь. Вышли они на какие-то просторы и почувствовали сильный холод, а дров нет. Эти купцы, торговые люди стали просить его о том, чтобы сжечь его кизяки.

Данаил Бехли сказал: — Кизяки мы сожжем в том случае, если по возвращению в город, вы вернете мне их стоимость. Услышав, что они возвращаются, царь Шах-оглы Шахпаз посмотрел в трубу и увидел, что верблюды Данаила Бехли возвращаются налегке, а другие нагружены. Когда приблизились к городу, они (купцы) захотели возвратиться в свои лавки. Грузы их верблюдов были огромны как стоги, а у этого легки. Вот приводит (он) комиссию из семи человек. Пришли они вечером, он показал им договор. Они взяли и разломали один кизяк. Из него выпали жемчужины, яхонты, рубины. За содержимое каждого кизяка отдали по сорок нагруженных верблюдов. В придачу еще взял у них и старое имущество.

Несмотря на то, что Данаил Бехли играл в золе, в пыли, он был хитрым и умным человеком.

* *
*

Нашел как-то Данаил Бехли гривенник. Брат узнал об этом. Он отдал гривенник царю Шахпазу на хранение с тем, чтобы тот возвратил ему гривенник по первому его требованию. Оба брата пошли в баню. Данаил Бехли взял хорошую трость и ударил ею брата.

— Прощу, оставь меня в покое, что случилось?

— Отдай мой гривенник.

— Давай выйдем в ту комнату, возьмем одежду, тогда отдам.

— Мне гривенник не нужен, а вот ты так же несправедливо судишь.

— Теперь, когда я надена пурпурные одежды и сяду творить суд, прежде всего я буду советоваться с тобой.

Фразы

Записаны со слов Ибрагимовой Джарият, 70 лет, домохозяйки, жительницы сел. Юхари-Стал.

1. Ам балдузди кIвелиз шанва.	1. Она пошла в дом золотки.
2. Ам хуьквен тийирди, иер тежерди я.	2. Она не возвратится, красивой не станет.
3. Шуй, шуй кIуькхуь гъуй!	3. Пусть идет принесет глиняный кувшин.
4. Хуьруьн виликхваа чIуьллериз чIина гьелегуьн я данахъаа лугъуда.	4. Поля перед селением мы называем гьелегун или данахъай.
5. Кхуь кнефияр хъсен яни?	5. Ваше самочувствие хорошее ли?
6. Ада нуькIре шараг къвендзаьл яна ахкIвенда.	6. Он бьет детеныша птички камнем и отдает.
7. Чумал руб кIуьгъуьди жедачI гъа.	7. Мед из кизила ведь не бывает сладким.
8. ЦIапхуар акурла хъурена чIагана шузув.	8. Когда видит перья птицы, заливается смехом.
9. За никIедкIаьаь са тIимил халIа унваа, сумавардални гваьл атанва.	9. Я сварила немного молочной рисовой каши и самовар вскипел.
10. Чун бала, ву вучIиз икIваьн гъарибда?	10. Милое дитя, почему ты такой худой?
11. Мисаьл къаткIанваа зу, къарагъна ивераа ваьдеди.	11. Я лежала в постели, когда позвали, встала.
12. Ислемана лугъудаа маьнияр, за гъахъмаь лугъузва.	12. Сулейман ведь пел песни, поэтому я говорю.
13. Заз ида гада джахутIка ийиз гичIезва.	13. Я боюсь, что она доведет парня до чахотки.
14. Бес и аял кадардани?	14. Разве этого ребенка бросишь?

Зи риклаъл хкунар Текст, записан со слов Бидирхановой Сефият, 60 лет, члена партии с 30 годов, жительницы сел. Ашага-Стал.

Авбаъл фекьидиз, миджевирдиз закхатнар гудаа, гьар кIвелабаь рипе тhexил тхухудаа. Абдул-Фетаьгь Эфенди и пуд хуьруьн фекьи тир.

Кресибди руш я лугьуз са чар перем алаз хьвехь рехкадаа. Гьуьлуь вичниз дакIан хьайила, паб гатнадаа, лапIи рекьйдаа. СакIа далудлаа тIалар гвадардаа кхи! Зи диде зи бубади гьайи ваьдеди, ам кьакьан кьавал пнабаьливариз тхамашиз акьахна лугьуз, дидени вах далу далудал кхутIуна арадаа са квар ядни цана, муркIади кьуна, пнукумалди тхунаа.

Совет вахтунда сифте чни хуьре артил хьана. Ахпа, чан бала, адла анихъ калхузар хьана. ДевлетIлуури, хьсан авгьаьл аваабру, чнав физ тIадачхир Ш(у)муд ийс хьана калхузар арадиз текъвез. Са трахтур тир аваади.

Гилад чни гатар, кьалар гатнаа кхуьтаьгь жезва. Гилад кьвердаваа калхузар виликIи физва. Изаьгьти хуьре гзаф партийнир ава. А банда кьарагьаа ваьдеди, чназ гзаф азиатнар гана.

А кьачнагьар вири чни кIвелерал атанаа, чну партийнир я лугьуз. Изаьгьти ви кьейи гьуьл х(у)кваш, — лугьудаа заз. Зунни аялар кьейитIани, за абуроз затIни лугьудачхир. Зи чандихъ за вил галамачхир.

Ибуру Цацаев Маьгьаьмед лугьудаа джегьил райкум яна кьенаа.

Ахпа агьа патаа атана Красни Арми, калкьди — «чни арха атана, кIвез аллагьти нисрети хьуй — лугьудаа. Гьаджи Эфендини бандитнар яз кьена атIа тIерсепIулда. Са ирид — муьжуьд йугь алатнаала зу шана Кьасум-хуьраьл за лагьана вири чни кIвелерал вегьеебурукнаа. Абур вири кьуна шайи падни чирначIи.

Гилад замана лап хьсан, регьаьтIди хьанва. Зи гадаяр пудни комсомолар я. Са тIавар хьтин хьсан рушни ава заз, амаа кьвед гьуьлукIи кIва.

Мои воспоминания

Раньше мулле, духовным лицам давали «зекат», из каждого дома брали меру в 21 кг пшеницы). Муллой этих трех селений был Абдул-Фетях-Эфенди.

Выгоняли невестку в одной рубашке из дома мужа оттого, что она была дочерью бедняка. Если муж хотел, то мог избить жену до полусмерти. Так били палками по спине. Когда моя мать вышла замуж за моего отца, за то, что она поднялась на крышу смотреть канатоходцев, (отец) связал мою

мать и сестру (свою) спинами друг к другу, облил их кувшином холодной воды и оставил до утра на холоде.

В советское время сначала у нас была организована артель. Затем, детка, создали колхозы. Богачи, зажиточные люди не давали нам возможность вступать в колхозы. Много лет колхозы не могли подняться на ноги. Сначала был один трактор. Теперь у нас жатва кончена, хлеба обмолочены. Теперь колхозы все больше развиваются, идут вперед. Сейчас в селе стало много партийных. Когда поднялась банда³, мы много потерпели бед. Все эти разбойники напали на наши дома оттого, что мы были партийными. Мне угрожали, требовали, чтобы я выдала, где находится мой муж. Я бы не сказала им ничего, даже если бы они убили меня и детей. Я уже не верила в свое спасение. Они тогда же убили молодого секретаря райкома Цацаева Магомед. Затем снизу (с востока) пришла Красная Армия. Народ ликовал: — Наши защитники пришли, пусть бог пошлет вам благополучие. Самого Гаджи Эфенди и бандитов убивали в долине. Дней через семь, восемь я пошла в Касумкент и назвала всех нападавших на наши дома. Их всех изловили и выслали неизвестно куда.

Теперьшнее время очень хорошее, спокойное. Мои три сына являются комсомольцами. У меня есть хорошая как «тхавар» дочь. Две других моих дочери замужем.

³ Речь идет об антиколхозном кулацком движении 30-х годов.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ АНДИЙСКОГО ЯЗЫКА

(По данным селения Риквани)

Рикванинский говор андийского языка имеет ряд особенностей, которые интересны тем, что они (в сравнительном плане) проливают свет на важные вопросы аваро-андо-цезской языковой общности. К этим особенностям относятся:

- 1) наличие шести именных классов;
- 2) различение класса человека от всех остальных классов (вещей) в вопросительных и неопределенных местоимениях;
- 3) наличие самостоятельного творительного (орудийного) падежа наряду с эргативным падежом (падежом деятеля);
- 4) наличие застывших детерминантов за корнем слова и перед его падежными суффиксами;
- 5) наличие шести самостоятельных морфологических времен глагола (настоящего, будущего, намеревательного, прошедшего глазного, прошедшего заглазного и общего)¹.

1. Именные классы в андийском языке

А) Шестиклассная система именных классов.

Существуют два принципа определения количества именных классов в иберийско-кавказских языках.

Первого принципа, который определяет количество именных классов, судя только по показателям именных классов единственного числа, придерживался А. Дирр, придерживается А. С. Чикобава и др. Второго же принципа, который определяет количество именных классов с учетом показателей именных классов как единственного, так и множественного числа, придерживался П. К. Услар и придерживается в настоящее время ряд современных исследователей дагестанских языков.

¹ Сведения о пятой особенности в данной статье не даются.

При определении количества именных классов в рикванинском говоре мы исходим из второго принципа.

В рикванинском говоре в отличие от других говоров андийского языка имеется шесть именных классов. Приведем примеры:

Единственное число	Множественное число
A. I кл. се-в в-оцц ² один брат	в-у-гьо-л-гу в-оцц-у-л много братьев
II кл. се-й й-оцц одна сестра	й-и-гьо-л-гу й-оцц-бо-л много сестер
III кл. се-б кЮту одна лошадь	й-и-гьо-л-гу кЮт-и-л много лошадей
IV кл. се-б ьинчи одно яблоко	б-и-гьо-л-гу ьинчи-л много яблок
V кл. се-р ьисир одни ножницы	р-и-гьо-л-гу исир-ду-л много ножниц
VI кл. се-р ьисирбесун ³ один волосатик	й-и-гьо-л-гу исирбесв-о-л много волосатиков
B. I кл. в-оцц- в-у-л'он брат ушел	в-оцц-у-л в-о-л'он братья ушли
II кл. й-оцц й-и-л'он сестра ушла	й-оцц-б-о-л- й-о-л'он сестры ушли
III кл. ьинчи (б-у-кк-у-д ⁴) б-и-л'он яблоко упало (букв: упав ушло)	ьинчи-л (б-у-кI-у-д ⁴) б-о-л'он яблоки упали (букв: упав ушли)
IV кл. кЮту б-и-л'он лошадь ушла	кЮт-и-л й-о-л'он лошади ушли
V кл. исир (б-у-кк-у-д) р-и-л'он ножницы упали (букв. упав ушли)	исир-ду-л (б-у-кI-уд) р-о-л'он ножницы упали (букв. упав ушли)

² Звуки рикванинского говора изображаются здесь буквами современного аварского практического алфавита. Знак ' в букве л' означает смычногортанность, а перед гласными — твердый приступ, с которого начинаются все начальные гласные описываемого говора, как и аварские. Знаками л' мы изображаем смычно-гортанный латеральный сонантный звук данного говора, а знаками кьгь — увулярный звонкий аффрикативный звук. Иногда гортанную смычку или твердый приступ гласного звука изображаем посредством знака ь.

³ «Волосатик (волосец) — водяной, тонкий как нитка, червячок бывает черного и серебристо-желтого цвета, живет в стоячих водах, безвреден».

⁴ Следует обратить внимание на то редкое явление, что форма единственного числа в глаголе буккуд — упал (заглазное время) передается формантом кк (заднеязычной аффрикатой), а форма множественного числа — формантом кI (заднеязычным смычногортанным звуком).

VI кл. исирбесун р-и-л'он
 волосатик ушел
 В. I кл. в-у-ч'об в-оцц
 умерший брат
 II кл. й-и-ч'об й-оцц
 умершая сестра
 III. кл. б-и-ч'об к'оту
 умершая лошадь
 IV кл. б-и-ч'об ынчи
 испорченное яблоко
 V кл. р-и-ч'об исир
 испорченные ножницы
 VI кл. р-и-ч'об ысирбесун
 умерший волосатик

ысирбесв-о-л
 волосатики ушли
 в-о-ч'ов-л в-оцц-у-л
 умершие братья
 й-о-ч'ов-л й-оцц-бо-л
 умершие сестры
 й-о-ч'ов-л к'от-и-л
 умершие лошади
 б-о-ч'ов-л ынчи-л
 испорченные яблоки
 й-о-ч'ов-л ысир-ду-л
 испорченные ножницы
 й-о-ч'ов-л исирбесв-о-л
 умершие волосатики

К первому классу относятся также имена существительные:

Единственное число

Множественное число

I кл. се-в нусо — жених
 се-в ымакьеру — тесть
 се-в кунтIа — муж
 се-в ыма — отец

в-угьолгу нусо-ду-л;
 в-у-гьолгу имакиер-о-ду-л
 в-у-гьолгу кунтI-ой-л;
 в-у-гьолгу ым-о-ду-л; и т. д.

Перечислим здесь те имена существительные, которые относятся к VI классу в речи жителей Риквани, а также селений Ашали и Зило: 1) ЦорцIа — бабочка (Риквани); 2) лаблал — светлячок; 3) реси — насекомое, живущее в дереве; 4) ысирбесун — волосатик (Риквани, Ашали, Зило); 5) гьоч'орич'ин — скорпион; 6) ьодорукIа — бабочка (Ашали, Зило).

Из приведенных примеров видно, что в говорах андийского языка максимальное количество именных классов не пять, а шесть⁵.

Интересно отметить, что в речи младшего поколения мужчин и женщин, особенно школьников, допускается отнесение всех шести слов, названных выше, как к V, так и к VI классам. Возможность параллельного употребления упомянутых

⁵ В специальной литературе до сих пор указывалось на то, что «максимальное количество грамматических классов в говорах андийского языка — пять» (см. И. И. Церцвадзе, Грамматические классы в говорах андийского языка. Иберийско-кавказское языкознание, VI, Тбилиси, 1954, стр. 433. И. И. Церцвадзе здесь, видимо, опирается на материалы Дирра, хотя он и распространяет свой вывод на все говоры андийского языка, в том числе и на рикванинский говор); А. А. Бокарев. О классных показателях в аваро-андо-цезских языках. «Язык и мышление», X, 1940, стр. 48—49. А. Дирр и А. Бокарев исходили только из данных андийского (и гагатлинского) говора.

имен VI класса с классными показателями р||й во мн. числе уже говорит о том, что процесс сокращения классов в рикванинском говоре налицо. Процесс перехода имен VI класса в V класс, можно сказать, почти на исходе за счет сокращения имен VI класса.

Тенденция к сокращению количества именных классов в дагестанских языках, которая не раз отмечалась в специальной литературе⁶, характерна и для рикванинского говора андийского языка⁷, как и для всего андийского языка⁸.

Результатом этой же тенденции является и сокращение VI класса, за исключением шести слов в речи аула Риквани...

Все сказанное об именных классах описываемого говора можно изобразить в виде таблицы.

Обозначение классов	Именные классы					
	классы разумных существ (по признаку разлия пола)		классы неразумных существ, предметов, вещей и т. п. (по признаку одушевленности и неодушевленности)			
	класс мужчин	класс женщин	неживые	живые	неживые	живые
№№ классов	I	II	III	IV	V	VI
Ед. число	в	й	б	б	р	р
Мн. число	в	й	б	й	р	й

⁶ Имеются в виду работы Л. П. Жиркова, А. А. Бокарева, Е. А. Бокарева и др.

⁷ Вопреки «опровержению» Н. Д. Ангуладзе, который пишет: «Не подтверждается мнение тех исследователей, которые представляют развитие системы грамматических классов как последовательное сокращение количества классов». См. Н. Д. Ангуладзе, Категория грамматических классов в иберийско-кавказских языках. Автореферат кандидатской диссертации, Тбилиси, 1954, стр. 8.

Сокращение классов от 4 до 3 налицо в аварском языке (А. С. Чикобава), сокращение классов от 6 до 3 налицо в муниинском и конхидатлинском говорах андийского языка (А. А. Бокарев), сокращение классов от 5 до 3 налицо и тиндинском (Гудава Т. Е.), сокращение количества именных классов отмечено нами и в других андийских языках, сокращение числа классов от 6 до 5, 4 отмечено и в бежтинском (Г. П. Мадиева). Налицо также окаменелые классные показатели, причем сейчас их количество больше, чем число классов.

⁸ Тенденцию к сокращению количества именных классов автор данной статьи понимает не как движение к отмиранию системы классов, а как движение к ее упрощению, унификации, к смене одной классной системы другой. Последнее зависит от смены одного принципа распределения имен по классам другим, что можно проследить хотя бы на пятиклассной и шестиклассной системах, а еще раньше и на четырехклассной и других системах в аваро-андо-цезских языках.

Выше мы установили точное количество именных классов в рикванинском говоре андийского языка.

Обратимся теперь к принципам распределения имен существительных по классам.

Более или менее последовательный принцип распределения имен по классам функционирует, с одной стороны, в пределах имен разумных существ (I и II классов) как в единственном, так и во множественном числе, где имена противопоставляются друг другу по признаку различия пола (I класс мужских имен II классу женских имен), с другой же стороны, в пределах имен неразумных существ (III—IV—V—VI классов), где во множественном числе названия живых и неживых существ, вещей, предметов и т. д. противопоставляются друг другу по признаку одушевленности и неодушевленности.

Здесь названия неодушевленных предметов (не V класса) образует III класс (класс б-б), а названия неразумных живых существ — IV класс (класс б-й).

Отнесение имен (во множ. числе) к V и VI классам аналогично отнесению названий неодушевленных предметов к V классу (класс р-р), а названия неразумных живых существ (не четвертого класса) — к VI классу (класс р-й).

В остальных случаях, особенно в пределах имен III и V классов, принцип классификации имен кажется нарушен.

Интересно отметить, что в основе отнесения имен к V классу лежат определенные семантические признаки предметов. Так, названия почти всех жидкостей и времен дня, недели, месяца, года и т. д., за некоторыми исключениями, относятся к V классу.

Перечислим все те имена существительные, относящиеся к V классу, которые мы записали в ауле Риквани.

1. Названия частей тела (человека и животных)

Мй̄бар — голова; г̄ноно — лоб; г̄арк̄г̄уна — лицо; сол — зуб; г̄арк̄ун — увула; г̄ажу — рука от плеча до кисти — г̄еж⁹, рел'а — рука — квер; г̄ававг̄вач — живот; ц̄ил — хрящ; хоб — желудок; рок̄го — сердце; к̄к̄уну — почка; рел'ил̄ — печень; соси — сало; к̄еч̄ч̄ — селезенка; л̄урл̄а (мӣбарул̄) — головной мозг; л̄урл̄а (миг̄улл̄ол̄) — спинной мозг; (моч̄иш̄ул) г̄ак̄у — матка; пикри — девственная плева; г̄инуйса — внутренность — ург̄имес; пок̄у — мочевой пузырь; л̄иру — крыло; михи — шерсть; жаназа — труп; г̄ол'у — грудная часть животных — мег̄ед; чанаг̄ — челюсть; генгел — подбо-

⁹ Здесь и дальше названия предметов рикванинского говора (1) в основном переводятся соответствующими названиями русского языка (2), иногда перевод дан и на аварский язык (3).

родочные отростки безрогой козы; квачІа — лапа; гъаа — вымя — гъвари; цІцІана — игла (иглокожих).

2. Названия одежды, постельных принадлежностей, материи, нитки, катушки и т. п.

Рекун — нитка, чархх — катушка; рошан — тесемочка; кин — конопля, пенька; тел — проволока; рокъчул — пояс, ремень; ъаба — плащ; хал'ат — халат; гужгат — бешмет; архалук; щунщул — бахрама; явлухъ — платок; гардусси — воротник; гурдо — рубашка; майка — майка; трусик — трусы; охчог — брюки; пардав — чадра, занавески; озолу — шелковый платок — гвермендо; жила — платок; къелъин — подушка.

3. Названия украшений, драгоценностей, предметов роскоши, некоторых принадлежностей одежды, предметов круглой формы и т. п.

Михх(ол) — бусы; маржан — коралл; ссалат(ол) — четки; гулла — пуля; чІинчІил — булыжник, шиша (ричІчІид) — пузырек (водяной), стекло, бутылка; коркъин — браслет; кицІу — серьга; мугъру — печать, драгоценный камень в перстне — нагІли; цІцІекІалъол — перстень, кольцо — баргъич, буртин; кІору-кицІу — изгиб-петля; гивра — часть зурны — кІатІахІ; сюда же относится слово лъер — стрела — чІор; кІощкІон — клубок, каменное яйцо (яйцеобразный камень); тІаргъа — круглый сверток очищенной шерсти.

4. Названия некоторых минералов и видов почвы

Онц — земля, почва, суша — ракъ; гъароххул цІцІон — каменная соль; гъацІаонц — мел (белая земля, почва) — де'дей; гъацІаричІчІ — квасцы — цІоросарикІкІ (хъахІрикІкІ).

5. Названия отличительной метки животных, стад и др. названия.

ТІанкІил — точка, пятно — тІанкІ; дамгъа — пятно, родинка, точка; ъанж — метка, делаемая на ушах, на боках и других местах домашних животных — гІуж; реда — стадо — (эрхъи//элхъи, рехъен, рехъед); релІир — иноходь — юргъа.

6. Названия видов транспорта (средств передвижения)

Чанагъ(ол) — сани; пайтон — фаэтон; пургун — фургон.

7. Названия орудий и инструментов труда.

Ъисир — ножицы; гьиму — шило; лацч — наковальня — рач; гъварзаб — молот; куртIа — молоточек; ъанжди — топор — гIацтIи. Сюда же включаются: парххил — каменная гайка, надеваемая над веретеном — тIагъди; чIибчIил — орудия для очищения зерна от мусора — кIерелу.

8. Названия предметов домашнего обихода

Ссандиги — сундук; гъаржа — сундучок, чемодан — гъамасс; яшка — ящик; руххул — коробочка — рикIи; гьултухъ — табакерка, ящичек стола, коробочка — кIуни, хьурши; палбикIкI(к) — миска; ъистакан — стакан; шиша — бутылка; стекло, пузырек; гарапин — графин, ххва (къелI) — горшок — гъанга; манка — баночка, банка; чвен — чугунный котёл; хьаг — котел (медный, алюминиевый); чайгун — чайник; челек — ведро; л'ел'а — таз, поднос большого размера для размещения различных кушаний (на свадьбе) — тIутI; чингил — тарелка — цурун; ххварччин — кухонная лопаточка; гиргил||охълав — кухонная скалка — герелеехер; сусукIу — сито; ъирса — крыто — раса; кIол'асси — пробка маслобойного сосуда — кIаку; кIикъгъи — чашка, плошка — суркIа.

9. Названия села, дома, очага, усадьбы, видов местного топлива, видов фуража и прочих предметов, связанных с домом, очагом и т. д.

PaгIа — фураж — рагIи; никку — мелкая солома; гьунчIа — сухое сено; хур — пахотное поле, пашня; ирзов — поляна — рацIалгъи (рохьил); решу — лес — рохь; ахи — сад, усадьба — ах; гьон — село; кьиру — мост; ихоб — мельница; рел'и — охапка; бара — сухой кизяк — рак; кье — зола — рохьо; хохой — жар, горячие угли — терет; цIа — огонь; цIцIа — звезда; михх (хьагикъ рикIолIа) — ножка, треножник; гьакъу — дом, квартира, комната, будочка — рукъ, хьупа; гьинцIцIу — дверь (дома, окна и т. д.) — нуцIцIа; кьерчIо — бревно, балка — чIалу; реша — лес, жердь — рохь, гIер, рахи; рукьинастилка — лIургъур; ххин — доска — хьарши; чукIолла — надставка над столбом или подставка под балкой; кIолларичиб — бревно среднего ряда в конюшнях и сараях — бакьулIчIалу; рекIул — ключ, замок — кIул, кIулал, рахай; гьаркъун — засов — кьоно; релIтIи — ручка плети, палочка — релI; пелта — круг (чугунный, железный) — гор (почол); кьуну — плита (каменная и чугунная); жала — прут — хьоп; ххудан — большая кожаная сумка — кьвачIа; гицгин — каток — михир; цIахъвардIа — огнево — цIагIел.

10. Названия жидкостей, тел в жидком и мокром состоянии

Л'арчол — туча; гьиро — туман; к'орк'юншен — град; к'ирл'ишен — морось; л'ълъенссо — река, речка; рел'ьо — море; инци — источник; ъанзи — снег; ц'иц'а — дождь; к'ък'ял-лир||обчохол — помой; бицин — бахта—щар, л'урл'а — масло; к'ьерц'иц'и — сыворотка; чаг'ир — вино; ъаракъ—водка; шив — молоко; л'ълъен — вода; г'инк'икур — моча; риххил — жидкий кал; пиво (пиволлол'и шиша) — пиво (бутылочка пива); к'ъеч'иц'и — селезёнка; лак-лак; лажбар — краска; шакъ — чернила; ц'иц'ерти — влага, сырость; мокъг'ьо — слеза, плач; исо — творог. Исключение из названий жидкостей составляют: 1) непт — керосин; 2) бензин — бензин; 3) ч'аг'а — буза, 4) к'ъанц'а — уксус, 5) г'ин — кровь, которые относятся к III классу.

11. Названия состояний погоды

Л'ерччор — пасмурность неба; л'ерччор — непогода; ра-хор — погода (хорошая погода).

12. Времена дня, недели, месяца, года

Порц'иц'и — месяц (III класс); к'яину — зима; ссирбу — осень; к'яину — лето; рибу — весна; репин — год, небо; г'юрк'ью — неделя; зув — день; охходоро — утро (м); рел'ьо — ночь; ссаъат (единица времени) — час; рел'ьо-зув — сутки (24 ч.); бот'ил'ыр — темнота.

13. Названия предметов и понятий, связанных с религией, моралью, адатами, правами и др.

Ъайкал — четырехугольный амулет; саб — амулет трехугольный; квар — молитва; к'юл — ураза, голодовка; мишу — оплата, сбор, налог; мокъ — сон; руч'иц'ир — возмещение, месть; л'ьол — воровство, инзил — хула; кеч'иц'и — песня; з'яан — убыток, дефект; залар — вред; зина — прелюбодеяние.

14. Пергамент, бумага, бумажные изделия, документы

Повеска — повестка; расбиска — расписка; белет — билет; марк'а — марка; зайум — заем; ххуча — книга, овчина; каг'яр — бумага.

15. Некоторые названия фруктов (мелкого размера) и ягод

Ч'ат'у — вид ягод; г'инл'ал — шиповник; ч'иц'ил — виноград; г'урма — хурма; к'ък'вак'г'вал — орех (грец.); баъли — черешня; жага — вишня; к'урк'ул — дикая черешня;

ганга — косточка; зерно — гага, мугь; чинкул — кожура ореха — ченкери.

16. Названия овощей и кухонных трав

ц|ц|ик|ур|л|а — ц|ц|ек|л|ат|ун — кислый листик; речех|ул — съедобная трава — чех|ьеру.

17. Названия некоторых кормовых растений и их частей

Джинджи — цветок; шен — хьон (зерно), конопля, лён; ра-хьин — зародыш — т|ерщ; ганга — зерно; гьоли — бобы; гье-ч|инк|а — кукуруза; гьолихх — горох; гьиригьоли — фасоль; ссимищка — семечко; рикьинл|а — сорт кормовых трав — квидуххер; льобл'асси — трехлистник, клевер — льябг|ин. Сюда же относятся слова мука — л'еншур; гьанн — хлеб, лепешка; гиргил — хлеб.

* * *

*

Если допустить предположение, что один из периодов аваро-андо-цезской общности характеризовался четырехклассной системой¹⁰, то на основе этого можно допустить и другое предположение — что четырехклассная система получает дальнейшую детализацию, противопоставляя все живые предметы неживым, во множественном числе, как в классе б-б, так и в классе р-р. Вот этим путем могли быть отнесены все одушевленные предметы из класса б-б в современный четвер-

¹⁰ Когда количество классов соответствовало количеству классных показателей: в, й, б, р в ед. и во мн. числе. Видимо, с этим этапом развития связано то, что в аварском языке классные показатели в, й, б (р) вошли в классный местный падеж, суффиксы которого зависимы от объекта, который находится на том или ином месте: В-ас х|урж|аял|у-в в уго. — Мальчик в компатушке есть. Й-ас х|урж|аял|у-й й-уго. — Девочка в компатушке есть. Б-ас х|урж|аял|у-б б-уго. — Существо III класса в компатушке есть. Киналго х|урж|аял|у-р р-уго. — Все в компатушке есть. То же самое мы имеем в классных падежах аварского языка с сериальными суффиксами л| и кь (ниже — л|-у-в) й, б(р) — у нас; гьа-ки-кь-у-в (й, б. (р) — под арбой). В андийском же языке классные показатели в, й, б, р мы находим и в классном родительном падеже, но только с той разницей, что здесь р выступает падежным суффиксом ед. числа, а в аварском суффиксом мн. числа.

Если классов было столько, сколько материальных показателей рикванинского классного родительного падежа, то классов на каком-то древнем этапе развития аварского языка — праязыка современных аваро-андо-цезских языков, возможно, было тоже столько, сколько эргативных показателей в современном аварском языке (сс и л||ль) сравни с остывшими элементами (детерминантами) андийских языков сс||ссв и лъ, щ и л||ль), так как они все еще сохраняют за собой классную соотносительность, в отличие от других; это предмет специального сравнительно-исторического исследования и мы здесь касаемся этого вопроса мимоходом.

тый класс б-й, а все одушевленные предметы класса р-р — в современный шестой класс р-й.

Образование шестиклассной системы от четырехклассной (путем развития категорий одушевленности и неодушевленности во мн. числе) можно было бы отнести к периоду обособления языка — основы аваро-андо-цезских языков от общедагестанского праязыка, так как результатом сокращения количества классов в аваро-андо-цезских языках можно считать колебание числа классов от шести до трех не только в данной группе языков, но даже и в говорах одного и того же языка (например, в говорах андийского языка), однако научного решения этого вопроса не может быть без учета данных вейнахских языков.

Если в ряде других дагестанских языков количество именных классов колеблется от четырех до трех и от трех до двух, то можно считать вполне допустимым предположение, что в общедагестанском языке — основы функционировала четырехклассная система классов, которую видимо, имеет в виду в упомянутой работе Н. Д. Ангуладзе.

Б) Пятиклассная система именных классов

Морфологическое различие именного класса «человека» (или «личности») от всех остальных именных классов прослеживается довольно ясно в вопросительных и неопределенных местоимениях данного говора так же, как и во всех говорах андийского языка.

Показателем именного класса человека выступает губно-губной носовой сонант м, что легко обнаружить на следующих примерах:

Отражение именного класса человека в вопросительных местоимениях ед. и мн. числа Единственное число

- 1) И-м-гъо гъо-в в-о-шо? — Кто этот мальчик?
- 2) И-м-гъо гъо-й й-е-ши? — Кто эта девушка?
- 3) И-м-гъо гъо-в гъекIа? — Кто этот человек?
- 4) И-м-гъо гъо-й й-е-шикIа? — Кто эта женщина?

Множественное число

- 1) И-м-ол-гъо гъо-в-л в-о-ш-ул? — Кто эти мальчики?
- 2) И-м-ол-гъо гъо-й-л й-е-ш-б-ол? — Кто эти девушки?
- 3) И-м-ол-гъо гъо-в-л адам? — Кто эти люди?
- 4) И-М-ол-гъо гъо-й-л й-е-ши-л? — Кто эти женщины?

Из этих примеров видно, что носовой сонант м как в единственном, так и во множественном числе вопросительных

местоимений характеризует класс разумных существ (класс «человека», «личности») без различия их пола. Остальные классы неразумных живых существ и предметов в обоих числах характеризуются показателями **б-б**, **б-й**, **р-р**, **р-й**. Что касается комплекса звуков **ол**, появляющихся между классным показателем и вопросительной частицей, то, видимо, его огласовка **о** является детерминативом, а **л** — показателем множественного числа. Таким образом, здесь звукокомплекс **ол** не имеет отношения к классным показателям.

Если бы классные показатели не находились в зависимости от принадлежности того или иного имени существительного к определенному именному классу и если бы эти имена не обнаруживали свою классную соотнесенность именно в регулярной смене (или перемене) их показателей **м**, **б**, **й**, **р**, то мы не имели бы права говорить о том, что класс «человека» (или «личности») находит свое выражение именно в показателе **м** как в вопросительных, так и в неопределенных местоимениях ед. и мн. числа, без изменения звукового состава классного показателя. В основе класса личности, показателем которого выступает **м**, лежит семантический признак, а именно: признак различения и противопоставления человека как разумного существа остальным неразумным одушевленным и неодушевленным предметам природы, реальность которых характеризуется их показателями **б**, **й**, **р**.

Если в рамках единственного числа вопросительных и неопределенных местоимений отражается противопоставление имен по разумности — неразумности обозначаемых ими предметов, без различения их пола, то во множественном числе в этих местоимениях обнаруживается противопоставление не только по разумности — неразумности обозначаемых ими предметов, но и по одушевленности — неодушевленности предметов, которые характеризуются определенными показателями **б**, **й**, **р**.

При таком подходе определения количества именных классов в вопросительных и неопределенных местоимениях (т. е. при всестороннем подходе с учетом классных показателей не только ед. числа, но и мн. числа) мы обнаруживаем всего пять именных классов, характеризуемых следующими парными показателями: **м-м** (I класс имен человека без различения пола); **б-б** (II класс имен неодушевленных неживых предметов не IV класса **р-р**; **б-й** (III класс имен неразумных живых существ не V класса **р-й**); **р-р** (IV класс имен неразумных живых существ не III класса **б-й**).

Отражение пятиклассной системы имен в парных классных показателях ед. и мн. числа вопросительных и неопределенных местоимений прослеживается и на следующих сопоставительных примерах.

Примеры на отражение класса м-м (I класса) с вопросительными местоимениями мы приводили выше, а ниже мы дадим примеры на остальные классы (II-III-IV-V), в том числе и примеры на I класс.

Отражение I-II-III-IV и V именных классов в вопросительных и неопределенных местоимениях

Ед. число

И-м-гъо гъо-в гъекIа?	— Кто этот человек?
И-м-гъо гъо-й йешикIа?	— Кто эта женщина?
И-б-гъо гъугъу гъо-б?	— Что это (за) голубь?
И-б-гъо кIоту гъо-б?	— Что это (за) лошадь?
И-б-гъо жирадо?	— Что (он) делает, что (они) делают и т. п. (этот глагол по лицам не изменяется).
И-р-гъо ххуча гъо-р?	— Что эта (за) книга?
И-р-гъо исирбесун гъо-р?	— Что это (за) волосатик?
И-р-гъо лаблал гъо-р?	— Что это (за) светлячок?
И-Р-гъо цIорцIа-гъо-р?	— Что эта (за) бабочка? и т. п.

Мн. число

И-м-ол-гъо гъо-в-л в-о-ш-у-л?	— Кто эти мальчики?
И-м-ол-гъо гъо-й-л й-е-ш-б-ол?	— Кто эти девушки?
И-б-ол-гъо гъо-в-л данул?	— Что эти (за) предметы?
И-й-ол-гъо гъо-й-л кIот-и-л?	— Что эти (за) лошади?
И-й-ол-гъо гъугъ-о-л гъо-й-л?	— Что эти (за) голуби?
(буквально: кто эти (за) голуби?)	
И-р-ол-гъо ххуч-о-л гъо-р-у-л?	— Что эти (за) книги?
И-й-ол-гъо исирбесв-о-л гъо-й-л?	— Что эти (за) волосатики?
И-й-ол-гъо лаблал-о-л гъо-й-л?	— Что эти (за) светлячки?
И-й-ол-гъо цIорцI-о-л гъо-й-л?	— Что эти (за) бабочки? и т. п.

Приведем примеры с неопределенными местоимениями.

Отражение всех именных классов в неопределенных местоимениях

И-м-лълълло гъекIа, йешикIа	— Какой-нибудь мужчина, Какая-нибудь женщина.
И-м-ол-лълълло адам, йешил	— Какие-нибудь люди, женщины.
И-б-лълълло дан, гъинцIо, кIоту	— Какой-нибудь предмет, камень, какая-нибудь лошадь.
И-й-ол-лълълло кIотил, гедойл	— Какие-нибудь лошади, кошки.
И-б-ол-лълълло данул, гъинцIойл	-- Какие-нибудь предметы, камни.

- И-р-лълъолло ххуча, жила, цорца — Какая-нибудь книга,
какой-нибудь платок,
бабочка.
- И-р-ол-лълъолло ххучол, жилойл — Какие-нибудь книги,
платки.
- И-й-ол-лълъолло цорцол, лаблалол — Какие-нибудь бабоч-
ки, светлячки.
- И-мм-олло (← и-мб-оло)
гьекIа, йешикIа — Какой-то человек, какая-то
женщина;
- И-м-ол-боло адам, йешил — Какие-то мужчины, люди,
женщины;
- И-бб-оло дан, кIоту, гьинцIо — Какой-то предмет, какая-то
лошадь;
- И-б-ол-боло гьинцIойл данул — Какие-то предметы, камни;
- И-й-ол-боло кIотил, зинол — Какие-то лошади, коровы;
- И-р-б-оло ххуча, цорца — Какая-то книга, бабочка;
- И-р-ол-боло ххучол — Какие-то книги;
- И-й-ол-боло цорцол, лаблалол — Какие-нибудь бабочки,
светлячки.

Итак, в рикванинском говоре, как и в остальных северных говорах андийского языка, где по разговорам имеются некоторые звуковые расхождения, при сопоставлении ед. и мн. числа вопросительных и неопределенных местоимений отражается пятиклассная система имен; нас приводит к этому анализ приведенных примеров.

Принцип распределения имен по пятиклассной системе, где еще не различаются мужские имена от женских (II класса от I по различию пола), сосуществующий с принципом распределения имен по шестиклассной системе, отражающейся в остальных частях речи¹², представляет, как мы предполагаем, более древний этап развития системы именных классов, чем тот, к которому относится шестиклассная система.

Из разбора шестиклассной, так и пятиклассной систем вытекает вывод о том, что **пятиклассная система с признаком недифференцированности различения пола в классе человека**

¹² Мы предполагаем, что в именах неглагольного происхождения не было и не должно было быть, исторически, переменных классовых показателей, так как они не выступали и не выступают, в основном, ни определениями имен существительных, ни сказуемыми в предложении и, наконец, нет языка среди дагестанских, где классовые показатели в большинстве случаев были бы в составе подобных имен существительных. Что касается таких имен, как аварские **в-ац** — брат, **й-ац** — сестра, **б-ац** — сестра или брат в III классе, то от подобных имен можно образовать прилагательные **в-ац-а-в**, **й-ац-а-й**, **б-ац-а-б**; эти имена, надо полагать, происходят или от глаголов или от прилагательных, так как известно, что термины родства в языках мира образовались вместе с образованием категорий семьи, а семья возникла позже, чем первобытное общество.

(в упомянутых местоимениях) древнее, чем шестиклассная система.

Если «категория человека во всех картвельских языках представлена с древнейших времен префиксом» м (А. С. Чикобава), например: древнегруз. м-егвиптели—египтянин (ср. с новогрузинским — егвиптели); м-егрели-мегрел, мегрелка — житель, жительница Эгриси; м-ачабели — фамилия (букв.: житель, жительница села Ачабети... (см. 16, стр. 269)¹³ и, если детерминант м, выделяемый в именных основах адыгейских языков Г. В. Рогава, можно возводить к показателю именного класса «человека», то выходит, что андийский язык (и ряд андийских языков) в действующем виде сохраняет до сих пор показатель именного класса человека м, действовавший в древнейшей общей морфологической норме иберийско-кавказских языков.

Кроме того, следует подчеркнуть неслоговость состава классных показателей даже в древнем периоде развития данного языка, к которому вне всякого сомнения восходит пятиклассная система именных классов, отражающая в вопросительных и неопределенных местоимениях единственного и множественного числа.

Пятиклассную систему можно изобразить в виде следующей схемы.

Обозначение классов	Именные классы				
	Класс человека (по признаку разумности)	Классы нечеловека (по признаку неразумности)			
		не живые	живые	неживые	живые
№№ классов	I класс	II класс	III класс	IV класс	V класс
Ед. ч.	м	б	б	р	р
Мн. ч.	м	б	й	р	й

К вопросу о звуковом составе классных показателей

Коснемся теперь вопроса о так называемой слоговости состава классных показателей в аваро-андийских языках, которому посвящена и специальная статья Т. Е. Гудава¹⁴.

¹³ Примеры груз. языка заимствуем из указанной работы А. С. Чикобава, но с добавлением перевода тех же примеров в женском роде от имени Э. Михайлова, аспиранта Ин-та языкознания Груз. АН СССР (ученика А. С. Чикобава), присоединяясь к цитированному положению А. С. Чикобава относительно показателя категории «человека» м.

¹⁴ Грамматические классы в аварском языке. Языки Дагестана, выпуск II, Махачкала, 1954, стр. 162 — 168. Следует отметить, что о слоговости классных показателей в некоторых андийских языках говорили еще А. Дирр—«Кратк. грам. очерк анд. языка» А. А. Бокарев — «О классных показателях в аваро-андо-пезских языках».

Автор этой статьи Т. Е. Гудава приходит к заключению, что: «в аварском языке и андийских языках, грамматические классы исторически одинакового строения, в обоих случаях они носят слоговой характер. Для более древнего периода надо предполагать, что согласный и гласный элементы имели одинаковые функции».

Вряд ли можно сделать какое-нибудь научное заключение на основе малого количества примеров, которые приводятся в статье Т. Е. Гудава.

Если рикванинский говор андийского языка, в отличие от других языков аваро-андо-цезской группы, сохраняет как пятиклассную систему, так и шестиклассную систему именных классов, то, по всей видимости, именно в них и сохранился более древний состав классовых показателей, чем в аварском, а не наоборот.

Этим вызвана необходимость анализа языкового материала андийского языка. Приведем примеры в мужском и женском именных классах (I и II кл.)¹⁵.

Ед. число	Мн. число
1) в-у-ххиб — наступивший (б, р) ¹⁶ й-и-ххиб—наступившая	(в, й, б) р-о-ххивл;
2) в-у-кьгьум—выросший (б, р) й-и-кьгьум — выросшая	(в, й, б) р-о-кьгьувл;
3) в-у-хон — обидевший (б, р) й-и-хон — обидевшая	(в, й, б) р-о-хон;
4) в-у-чюб — умерший (б, р) й-и-чюб—умершая	(в, й, б) р-о-чювл;
5) в-у-щхъин — выздоровевший (б, р) й-и-шхъин—выздоровевший	(в, й, б) р-о-щхъивл;
6) в-у-жум — родивший (б р) й-и-жум—родившая	(в, й, б) р-о-жум;
7) в-у-циб — сытый (б-р) й-и-циб — сытая	(в, й, б) р-о-цивл; и т. п.

¹⁵ Так как гласный звук, следующий за начальным классовым показателем мужского класса (I кл.), отличается и противопоставляется функционально гласному (в той же позиции) II—III—IV—V—VI классов.

¹⁶ Причастия и прилагательные, характеризующиеся показателями б и р, переводятся на русский язык в среднем роде.

II. 1) в-у-чІчІиб — проснувшийся
(б, р) й-и-чІчІиб — проснувшаяся	(в, й, б) р-а-чІчІивл;
2) в-у-къиб — порезавший
(б, р) й-и-къиб — порезавшая	(в, й, б) р-а-къивл;
3) в-у-чІчІим — убежавший
(б, р) й-и-чІчІим — убежавшая	(в, й, б) р-а-чІчІивл;
4) в-у-щдосйа — непобедимый
(б, р) й-и-щдосйа — непобедимая	(в, й, б) р-а-щдосйа;
5) в-у-ххиб — появившийся
(б, р) й-и-ххиб — появившаяся	(в, й, б) р-а-ххиб; и т. д.
III. 1) в-о-чІух-а — большой
(б, р) й-е-чІух-а — большая	в-о-чІух-о-л;
(й-б) р-е-чІух-о-л;
2) в-о-ххул-а — длинный, высокий
(б, р) й-е-ххула — длинная высокая	в-о-ххул-о-л;
(й, б) р-е-ххул-о-л;
3) в-о-чІедир — черный
(б, р) й-е-чІедир. — черная	в-о-чІедир-о-л;
(й, б) р-е-чІедир-о-л
и т. п.
IV. 1) в-у-ш-и — толстый
(б, р) й-и-ш-и — толстая	в-у-ш-о-л;
(б, й) р-и-ш-о-л;

Если в аварских классных словах функционирует основной принцип¹⁷ регулярной перемены начального классного показателя (в зависимости от классной принадлежности определяемых ими имен) **в, й, б** в ед. ч. и **р** во мн. числе, то в андийском языке функционируют как принцип перемены классных показателей **в, й, б, р**, так и принцип перемены гласных звуков, следующих за ними. Причем перемена гласных звуков во

¹⁷ Принцип, действующий ныне в рикванинском говоре, в аварском языке, как нам кажется, исчезает, о чем свидетельствует возможность параллельного употребления гласных звуков **у** и **и** за классными показателями единичных слов типа **в-у-го** — есть; **б-у-го**, **р-у-го** и **й-и//у-го**; **в-у-ссана** — вернулся; **б-у-ссана**, **р-у-ссана**; и **й-и//у-ссана**; **в-у-цІцІана** — успокоился, **б-у-цІцІана**, **р-у-цІцІана**; **й-и//у-цІцІана**. Отсюда ясно, что основной принцип, действующий в аварском языке — вторичное явление по отношению к рикванинскому говору и частично к южноаварскому, где при образовании мн. числа в начале слова не заменяются классные показатели ед. числа классными показателями мн. числа, хотя южноаварский и андийский принципы не покрывают друг друга полностью.

многих классных словах происходит закономерно¹⁸, а именно: 1) если за показателем первого класса в (ед. ч.) следует гласный звук **о**, то во всех остальных классах за их показателями (ед. ч.) **р, б, й** выступает гласный звук **е**; 2) если же за показателем I класса в (ед. ч.) следует гласный звук **у**, то за показателями остальных классов **й, б, р** выступает гласный звук **и**.

Во мн. числе классных слов (прилагательных, причастий и т. п.) действует почти тот же самый принцип. Если в ед. числе классные показатели **в, й, б, р** сменяют друг друга в зависимости от классной соотнесенности определяемых ими имен и если в качестве гласных звуков, следующих за **в, й, б, р**, в I классе выступают **о** и **у** и в остальных **е** и **и**, то во мн. числе за классными показателями **в, й, б, р**, как правило, выступают единые (несменяемые в зависимости от класса имен) показатели мн. числа **а** и **о**¹⁹, которые мы имеем в составе основы множественного числа в виде ее образователя как в аварском, так и в андийском языке²⁰.

Приведем примеры, в которых гласные, следующие за классными показателями, не имеют морфологической функции.

Ед. число	Мн. число
V. в-очо — короткий	в-очо-л
б-очо — короткая	й-очо-л
б-очо — короткое	б-очо-л
р-очо — короткое	р-очо-л

¹⁸ Вопреки мнению А. Дирра, который квалифицирует это морфологическое явление как фонетическое (см. А. Дирр. «Краткий грамматический очерк андийского языка», стр. 6).

¹⁹ Почти аналогичное правило нами обнаружено и в ряде других языков андийской группы, например: багв. яз. хушд. говор: зарезать, (ед. ч.): I. в-у-хьула, (II. й-у-//и-хьула, III. б-у-хьула; мн. ч.: I—II. б-а-хьула, III. р-а-хьула; карат. яз. карат. говор: уйти ед. ч.: I. в-о-ъанлъа, II. й-е-ъанлъа, III. б-о-ъилъа мн. ч.: I. п. б-а-ъанлъа; III. р-а-ъанлъа; авх. яз. тадмаг. говор: найти ед. ч.: I. в-у-члунулла, II. й-и-члунулла, III. М-и-члунулла; мн. ч.: I—II м-а-члунулла, III. р-а-члунулла и т. д. и т. п.

А. А. Бокарев в своем «Очерке грамм. чам. языка» отмечает наличие подобного явления в чамалинском языке, см. стр. 75—78.

²⁰ Звуки **о** и **а** выступают показателями множественного числа и в составе глаголов — сказуемых: Гьегешуд ххуча р-и-хх-и — Он взял книгу; Гьегешуд ххучол р-о-хх-и — Тот взял книги. Ден (мен) в-у-кьгьо—я (ты) пришел. Ищил в-о-кьгьо. — Мы пришли и т. д. Примерами из аварского языка могут служить оц—бык, оц-о-ца (эрг. п. ед. ч.) оц-а-ца (эрг. п. мн. ч.), гьолю-боб, гьал-и-хъ (м. п. III сер. ед. ч.) гьал-а-хъ (м. п. III сер. мн. ч.).

И. И. Церцвадзе в своей статье «Способы выражения множественности в глаголах андийского языка» (ИКЯ, VI, 1954) на материале других говоров тоже констатирует наличие обозначения числа гласными в классных глаголах анд. языка.

в-укъгъоб — ловкий	в-укъгъов-л
й-укъгъоб — ловкая	й-укъгъов-л
б-укъгъоб — ловкое	б-укъгъов-л
р-укъгъоб — ловкое	р-укъгъов-л
в-улиб — бойкий	в-улиб-л
й-улиб — бойкая	й-улиб-л
б-улиб — бойкое	б-улиб-л
р-улиб — бойкое	р-улиб-л
в-оном — вступивший	в-оном-л
й-оном — вступившая	й-оном-л
б-оном — вступившее	б-оном-л
р-оном — вступившее	р-оном-л

К этому же типу примыкают прилагательные и причастия, с конечными и серединными классными показателями, например:

Ед. число	Мн. число	Ед. число	Мн. число
шу-в — хороший	шу-в-л	л'е-в-т'и — прямой	л'е-в-т'и-о-л
шу-й — хорошая	шу-й-л	л'е-й-т'и — прямая	л'е-й-т'и-о-л
шу-р — хорошее	шу-р-у-л	л'е-р-т'и — прямое	л'е-р-т'и-о-л и т. д.

В перечисленных классных словах с непеременимыми гласными звуками и в словах, подобных им, мы не можем найти никакой морфологической функции гласных как у предшествующих показателям **в, й, б; р**, так и у следующих за ними. Потому они не могут быть подведены под положение о «слоговости» состава классных показателей²¹. Примеры же (их немало) с переменными гласными за классными показателями **в, й, б, р**, как мы говорили выше, связаны, с одной стороны, с функцией противопоставления основ тех классных слов, которые зависят как от имен первого класса, так и от имен остальных классов (т. е. отражающих в классных причастиях прилагательных и глаголах и др.), с другой — с функцией формы мн. числа, что отмечено выше (см. примеры под пунктами I, II, III, IV).

Нельзя допустить умозрительно предположение о том, что в полногласных языках и классные показатели должны были быть слоговыми, ссылаясь на то, что каждый гласный звук всегда сопутствовал с согласным звуком.

Сторонники этого предположения, видимо, не учитывают того, что понятие слога — это фонетическая категория, понятие же классного показателя — морфологическая категория. Не обязательно, чтобы морфологическая функция закрепилась

²¹ Потому что в других аналогичных случаях гласные имеют свою морфологическую функцию.

за целым слогом, что не прослеживается на приведенных выше примерах.

Дальнейшее глубокое сравнительно-историческое исследование покажет верность того или иного предположения или вывода о составе классных показателей в аваро-андо-цезских языках.

Из истории именных классов аваро-андо-цезских языков нам известно, что во-первых, колебание количества именных классов засвидетельствовано не только в близко родственных аваро-андо-цезских языках, но даже в говорах одного и того же языка. Например: 1) **шесть классов** мы имеем в рикванипском говоре андийского языка (Я. Сулейманов), в хваршипском и гунзебском языках (Е. А. Бокарев); 2) **пять классов** имеем в чамалинском языке (А. А. Бокарев), в хопархутинском и тлядальском говорах бежтинского языка (Г. И. Мадиева, Е. А. Бокарев), в гагатлинском и андийском говорах андийского языка (А. А. Бокарев, И. И. Церцвадзе, Я. Сулейманов); 3) **четыре класса** имеем в бежтинском говоре бежтинского языка (А. М. Дирр, А. А. Бокарев, Г. И. Мадиева; Е. А. Бокарев), в гинухском языке (Е. А. Бокарев), в цезском языке (А. М. Дирр, А. А. Бокарев, Е. А. Бокарев); 4) **три класса** в аварском языке (П. К. Услар и другие), ахвахском языке (А. М. Дирр, А. А. Бокарев, З. М. Магомедбекова и др.), ботлихском языке (А. М. Дирр, А. А. Бокарев, Т. Е. Гудава и др.), в конхидатлинском наречии андийского языка (А. А. Бокарев), в мунинском и конхидатлинском говорах андийского языка (И. И. Церцвадзе, Я. Сулейманов), в каратинском языке (А. М. Дирр, А. А. Бокарев и др.), багвалальском языке (А. М. Дирр, А. А. Бокарев и др.), в годоберинском языке (А. М. Дирр, А. А. Бокарев и др.), в тиндинском языке (А. М. Дирр, А. А. Бокарев, Т. Е. Гудава и др.). Во-вторых, тенденция к сокращению количества классов в аварском языке (Арн. Чикобава)²², в аваро-андо-цезских языках (А. А. Бокарев²³, Г. И. Мадиева²⁴, Т. Е. Гудава²⁵ и др.) убедительно показана в известных статьях упомянутых лингвистов. В-третьих, классные показатели в аваро-андо-цезских языках почти идентичны (**нуль||в, й||д, б||м||н, р||л**), хотя и расхождения в их назначениях налицо, а по строе-

²² Арн. Чикобава. К истории грамм. кл. в авар. языке, ИЯИМК, I, Тбилиси, 1937.

²³ А. А. Бокарев. О классных показателях в аваро-андо-цезских языках. Язык и мышление, X, М.-Л., 1940, стр. 48—63.

²⁴ Г. И. Мадиева. Грамматический очерк бежтинского языка. Автореферат канд. диссертации. 1954, стр. 8.

²⁵ Т. Е. Гудава. К истории грамм. классов в тиндинском языке. Иберийско-кавказское языкознание, VI, Тбилиси, 1954, стр. 371.

нию — односоставны (состоят из одного согласного). В четвертых, принцип обозначения числа гласными в классных словах (в ед. числе в зависимости от класса и во мн. числе независимо от них) установлен нами в основном в большинстве андийских языков и отчасти в аварском (обозначение числа гласными в основе косвенных падежей определенной группы слов). Все это позволяет нам прийти к следующим предположениям и выводам:

1) в языке-основы аваро-андо-цезских языков было не менее шести именных классов;

2) именные классы характеризовались классными показателями, состоявшими (и состоящими) из одного согласного;

3) в языке-основы аваро-андо-цезской группы на определенном этапе его развития возможно функционировала такая же стройная и логичная шестиклассная система, какая сохранилась до сих пор в рикванинском говоре андийского языка;

4) обозначение числа гласными в классных словах, видимо, первичное явление, а обозначение его согласными — вторичное явление. Принцип обозначения числа гласными тоже восходит, видимо, к языку-основе аваро-андо-цезской группы.

Система именного склонения андийского языка (по данным говора села Риквани) в сравнительно-историческом плане.

Современная падежная система андийского языка и его рикванинского говора отличается от падежной системы аварского литературного языка следующими основными особенностями:

1) унификацией падежных суффиксов;

2) наличием застывших элементов (детерминантов) за корнем слова и перед его падежным суффиксом;

3) наличием самостоятельного творительного (орудийного) падежа наряду с эргативным падежом деятеля.

Если в основе разделения склонения аварского языка (по Жиркову) на 1) «живое» и 2) «архаическое» лежит различие в суффиксах эргативного падежа (сс—для I класса и льль—для II и III классов ед. ч. **живого** склонения и ц—для всех классов **архаического** склонения), то в основе разделения склонения анд. языка и его рикванинского говора лежит различие в суффиксах родительного падежа единственного числа (в, й, б, р—для классового родительного падежа²⁶ имен I класса

²⁶ Классным родительным этот падеж называется потому, что выбор того или иного классного падежного суффикса зависит от класса определяемого существительного, что было замечено еще Дирром (см. I, стр. 9, его «Краткого грамм. очерка анд. языка»).

род. п. Им-у-й й-оци — сестра отца.	Ил-у-лї йоци — сестра матери.
род. п. Им-у-б кїоту — лошадь отца.	Ил-у-лї кїоту — лошадь матери.
род. п. Им-у-р ххуча — книга отца.	Ил-у-лї ххуча — книга матери.

I. 1. б-очо — короткий.

2. в-очо-щу-в в-ошо — сын. (буквально: короткого человека, т. е. человека низкого роста).

2. в-оччо-щу-й й-еши — дочка (буквально короткого человека (человека низкого роста)).

2. в-оччо-щу-б бабуц — утка —>—

2. в-оччо-щу-р гьакъу — дом —>—

II. 1. б-очо — короткий.

2. й-очо-л-лї й-еши — дочь (буквально: короткой женщины (женщины низкого роста)).

2. б-очо-л-лї б-оши — детёныш (буквально теленок коровы низкого роста).

2. р-очо-л-лї р-оши — личинка (маленькой) бабочки.

Приведенные примеры показывают, что:

1) выбор того или иного классного падежного суффикса зависит от объекта принадлежности;

2) субъектом принадлежности выступают только склоняемые слова I класса;

3) начальные классные показатели некоторых склоняемых слов (бочо и т. п.) могут согласоваться с классным показателем объекта принадлежности;

4) все склоняемые слова II-III-IV-V-VI классов могут иметь в неклассном родительном падеже только падежный суффикс лї и не могут иметь суффиксов классного род. падежа, вследствие чего исключается возможность согласования субъекта обладания с объектом обладания в классном родительном падеже;

5) перед падежными суффиксами за корнем склоняемого слова (прилагательного) в-очо-щу-в в-ошо (мы имеем оствивший элемент щу в I классе, а в остальных классах (й-очч-л-лї й-оши) элемент л. И эти элементы сохраняются почти во всех косвенных падежах в той же позиции.

Аналогичные примеры с закономерными соответствиями в детерминативах можно привести из чамалинского языка. Например:

I. м. п. гьайд-у — аварец (I класс); II. гьайд-ви — аварка (II класс)

акт. п. гьайду-ссу-и гьайдви-лълъ-и

род. п. — (классный р. п.) гьайдви-лълъ-и-лї

дат. п. гъайду-сс-лъа
аффект. п. гъайду-сс-хе

гъайдви-лъль-лъа
гъайдви-лъль-хе

По поводу детерминантов с||ссв и **лъль** в чамалинском языке А. А. Бокарев пишет, что «... 2-е склонение отличается от 1-го двумя особенностями: наличием в основе косвенных падежей элемента **ссв** или **сс** в мужском классе и **лъль** в женском; 2) суффиксом активного падежа **и** вместо **д**. Что касается элементов **сс** (**ссв** представляет собою, по-видимому, его фонетический вариант) и **лъль**, то важно обратить внимание на несомненную связь с аварскими **сс** и **лъль** (орфографически изображаемыми одинарными **с** и **лъ**; последние также присутствуют в основе косвенных падежей так называемого **живого** склонения (**вас** — сын, акт. п. **васа-сс**, дат. п. **васа-сс-е**, род. п. **васа-сс-ул**; **яс** — дочь, акт. п. **яса-лъль**, дат. п. **яса-лъль-е**, род. п. **яса-лъль-ул**). В системе современного аварского языка **сс** и **лъль** являются показателями активного падежа. Не предпринимая вопроса о происхождении этого показателя, считаю нужным указать на то обстоятельство, что в чамалинском языке он не образует еще сам по себе форму определенного падежа, а только основу косвенных падежей особого типа склонения» (см. 3, стр. 38).

Нам важно отметить общность в образовании косвенной основы посредством остывших элементов в андийских языках и падежными аффиксами в аварском языке, что несомненно объединяло и объединяет аваро-андо-цезские языки.

В каратинском языке, пишет З. М. Магомедбекова, «в целом ряде имен существительных в косвенных падежах появляются элементы **щу** и **лъи**. Как правило, эти элементы появляются в словах, обозначающих человека, род занятий, профессию и т. д. Нарращение **щу** появляется в именах существительных, принадлежащих к I грамм. классу, т. е. обозначает человека — мужчину. Например:

им. п. **ц|ц|ев** — гость.

II. I. **ц|ц|ей** — гостья.

эрг. п. **ц|ц|ев-щу-л**

ц|ц|ей-лъи-л

дат. п. **ц|ц|ев-щу-в-а**

ц|ц|ей-лъи-й-а

род. п. **ц|ц|ев-щу-б** (кл. р. п.)

ц|ц|ей-лъи-л|

Во всех так склоняемых именах I класса основа им. падежа остается без изменений и в косвенных падежах нарастает элемент **щу**. **Лъи** появляется в аналогичных случаях в именах существительных II класса.

По своему характеру сюда же относятся склонения этнических названий, изменяющихся в ед. числе (по третьему типу). Например:

им. п. **гуржияв** — грузин

эрг. п. **гуржия-щу-л**

дат. п. **гуржия-щу-в-а**

род. п. **гуржия-щу-б**» (см. 7, стр. 350).

И далее З. М. Магомедбекова замечает, что «при склонении в ед. числе в именах прилагательных I класса появляется в косвенных падежах **щу**, в прилагательных II-III классов — **лџи**; мы, следовательно, имеем элемент **лџи** не только в именах существительных II класса²⁹, но и в субстантивированных прилагательных III класса в косвенной основе. Например:

I класс: вочIетIиров — черный (им. п.); вочIетIиро-щу-л (эрг. п.).

II класс: йечIетIирой — черная (им. п.); йечIетIиро-лџи-л (эрг. п.)

III класс: бечIетIироб — черное (им. п.)

2. эрг. п. бечIетIиро-лџи-л

3. дат. п. бечIетIиро-лџи-й-а;

4. бечIетIиро-лџи-лI

Мн. число

1. речIатIирорай — черные; 3. речIатIирорай-лџи-й-а;

2. речIатIирорай-лџи-л; 4. речIатIирорай-лџи-лI

Склонение числительных аналогично со склонением типа с элементами **щу** и **лџи**. Например:

I класс

1. се-в — один

2. се-щу-л

3. се-щу-в-а

4. се-щу-б

II класс

1. се-й- — одна

2. се-лџи-л

3. се-лџи-й-а

4. се-лџи-лI

III класс

1. се-б — одно

2. се-лџи-л

3. се-лџи-й-а

4. се-лџи-лI и т. п.»

Далее З. М. Магомедбекова пишет: «**щу** и **лџи** как фонетически, так и по функции связываются с показателями эрг. падежа в аварском языке (**а**)сс и (**а**)лџ. К примеру вацц, вацц-а-сс, йацц, йацц-а-лџ. **Щ** является фонетическим соответствием аварскому **сс**, а **лџ** идентичен аварскому **лџ**» (см. 7, стр. 363). На этой же странице сказано: «Ныне **щ** и **лџ** не образуют эргатива в каратинском, они окаменевшие показатели. **Щу** имеют только слова, относящиеся к I-му грамм. классу, а **лџи** — слова, относящиеся ко II и III грамм. классам».

Таким образом по этим детерминантам противопоставляются друг другу, с одной стороны, I грамм. класс и, с другой стороны, II и III грамм. классы.

И, наконец, З. М. Магомедбекова обобщает: «Это явление свойственно для аваро-андийских языков» (см. 7, стр. 362); причем она не приводит примеров из других андийских языков.

²⁹ Хотя это и происходит «спорадически».

2. гуржйоллув-шу-д;	2. гуржийа-сс
3. гуржйоллув-щу-б (в, й, р);	3. гуржийа-сс-у-л
4. гуржйоллув-щ-лъя лу ³² ;	4. гуржийа-сс-е
5. гуржиоллув-щ-бо;	5. гуржийа-сс-да

I. 1. гуржйоллуй — грузинка III. 1. гуржийай — грузинка.

2. гуржйоллуй-д	2. гуржийа-лъль
3. гуржйоллуй-лI	3. гуржийа-лъль-у-л
4. гуржйоллуй-лъль-лъи	4. гуржийа-лъль-лъи е
5. гуржйоллуй-лъль-бо	5. гуржийа-л-да.

Приведенные примеры показывают наличие в современном аварском языке за эргативными суффиксами *сс* и *лъль* трех основных функций:

1. суффикса эргативного падежа;
2. показателя классной соотнесенности;
3. показателей или образователей косвенной основы.

Это с одной стороны, а с другой, — они показывают:

1) утрату первой функции элементами *сс||ссв* и *лъль* в чамалинском, *щу||щ* и *лъль||л* в рикванинском и *щ(у)* и *лъ(и)* в каратинском языках, т. е. в андийских языках; 2) сохранение 2-й и 3-й функций за элементами, выступающими перед падежными суффиксами в андийских языках. Закономерно соответствуя фонетически или же точно совпадая друг с другом, эргативные суффиксы прошлой аваро-андийской общности образуют формулу (*сс:ш = л:лъль*). Там, где в чамалинском и аварском косвенная основа образуется³³ посредством *сс* и *лъль||л*, в андийском (рикванинском) мы имеем в этой же функции *щ* и *л||лъль*; *л||лъль* фонетически полностью совпадают в аваро-андийских языках; аварскому и чамалин-

³² В этом и некоторых других примерах в дательном падеже суффиксы *лъ* и *л (лъу)* (*лу*) употребляющиеся (параллельно), видимо, имеют генетическую связь.

³³ Загадочным для меня является, во-первых, наличие элемента—*ссу*— в основе эргативного падежа от аварского слова (отец—эмен) ин-*ссу-ца*, который выполняет функцию классной соотнесенности склоняемого имени к I классу; во-вторых, в карахском говоре аварского языка (по данным Ш. И. Микаилова и мы это проверили у студентки Даг. женского пед. ин-та П. Алиасхабовой обнаружено наличие эргативного падежа на д указ. местоимений с элементом *ссу* в основе косв. падежей. Примеры: *двав*— тот, *двай*— та, *два*— *лъльу-д*, *два*— *ссу-д* (эрг. п. ед. ч.) *двал*— те, *два*— *зу-д* (эрг. п. мн. ч.). Эти две загадки надо было бы отгадать в дальнейшем сравнительно-исторических исследованиях.

скому *сс* закономерно соответствует рикванинский и каратинский *щ* в составе косвенной основы³⁴.

Факт наличия застывших элементов перед современными падежными суффиксами приводит нас к выводу о том, что эргативные суффиксы *сс* и *льль* в аваро-андийских языках (может быть и в южноаварском) древнее, чем эргативный суффикс *д*.

Из этого вывода и других фактов вытекает, что нынешняя аваро-андийская группа языков имела общую, примерно такую же падежную систему склонения, какую нам сохранил в целостности аварский язык (аварский *болмацI*³⁵).

Для подтверждения всего сказанного представим образцы склонения указательных местоимений в следующей последовательности: 1 — аварские; 2 — каратинские³⁶; 3 — рикванинские (андийского языка) и 4 — багвалальские:

I класс

1. тот	2. тот	3. тот
1. им. п. гьадав	гьадив	гьедев
2. эрг. п. гьада-сс	гьади-щу-л	гьеде-щу-д
3. род. п. гьада-сс-у-л	гьади-щу-б (кл. р. п.)	гьеде-щу-б (кл. р. п.)
4. дат. п. гьада-сс-е	гьади-щу-в-а	гьеде-щ-лъу
5. афф. п. гьада-сс-да		гьеде-щ-бо

II—III классы

1. та, то	2. та, то	3. та, то
1. гьадай, гьадаб	гьадий, гьадиб	гьедей, гьедеб
2. гьада-льль	гьади-льльи-л	гьеде-л-д
3. гьада-льль-у-л	гьади-льльи-лI	гьеде-л-лI
4. гьада-льль-е//и	гьади-льльи-й -а	гьеде-л-лъи
5. гьада-л-да	—	гьеде-л-ь-бо

³⁴ Сон, босен, йас, вас, вуссиавизе: решин, бешон, йеши, вошо, вушоллу — год, постель, дочь, сын, заставить повернуться и т. д. Таких примеров много, но и эти достаточны для того, чтобы убедиться в том, что андийское *ш* закономерно соответствует аварскому *сс*, с. Подробно об этом звукосоответствии аварского и андийского языков см. нашу статью «О некоторых фонетических особенностях рикванинского говора андийского языка», «Ученые записки» ИИЯЛ, т. III, Махачкала, 1957.

³⁵ Унификация эргативных показателей налицо и в большинстве дагестанских языков. Об этом мы говорили на диалектологическом совещании кавказоведов в Институте ИЯЛ Даг. филиала АН СССР в 1958 г.

³⁶ Все примеры каратинского языка я заимствую из статьи З. М. Магомедбековой (см. 7, стр. 350 и др.).

1. им. п. цїцїев — гость
(мужчина) ³⁷	1. ваша— сын, мальчик
2. эрг п. цїцїев-шу-р	2. ваша-шу-р
3. род. п. цїцїев-шу-б (кл.
р. п.)	3. ваша-шу-б (кл. р. п.)
4. дат. п. цїцїев-шу-ла	4. ваша-шу-ла
1. васс — брат	1. йасс — сестра
2. васс-у-р//васс-шу-р ³⁸	2. йасс-у-р//йасс-лълъи-р
3. васс-у-б//васс-шу-б (кл.
р. п.)	3. йасс-у-лъ//йасс-лълъи -лъ
4. васс-у-ла//васс-шу-ла	4. йасс-у-ла//йасс-лълъи -ла
1. Габдуллагь-арув — Аб-
дулла	1. ъав — этот (срв. с авар.
гъав)
2. Габдуллагь-а-шу-р	2. Ёа-шу-р
3. Габдуллагь-а-шу-б (кл-
р. п.)	3. Ёа-шу-б (кл. р. п.)
4. Габдуллагь-а-шу-ла	4. Ёа-шу-ла
1. Гал-арув — Али	3. Гал-а-шу-в (кл. р. п.)
2. Гал-а-шу-р	4. Гал-а-шу-ла

Как видно, в багвалальском языке (как и в остальных андийских языках) элементы **щи** и **лълъи** сохраняют за собою две функции: 1) показателя классной соотнесенности и 2) образователей косвенной основы, потеряв главную функцию суффикса эргативного падежа. Эту функцию эргатива потеряли все андийские языки в результате унификации суффиксов эргативного падежа. Функции эргативного падежа сохранились в аварском и бежтинском языках. Эти функции представляют более древний этап ³⁹ в развитии эргатива (от конкретного к более абстрактному).

Нет сомнения в том, что в багвалальском языке суффикс эргатива **р**—вторичное явление по сравнению с детерминативами — **щ** и **лълъ**.

³⁷ Примеры эти сообщил мне преподаватель аварского языка 1-го ДПУ Магомед Абдуллаев, родом из сел. Тлондода, Цумадинского района, ДАССР.

³⁸ слово брат — **васс** (сравни с аварским **вацц**) склоняется и с элементом **шу** и без него, но больше употребляется без элемента **шу** (М. Абдуллаев). Возможно параллельное употребление и с элементом **лълъи** и без него; **арув** переводится как у этих: **Габдуллагьарув** — Абдуллаевых, у Абдуллаевых.

³⁹ Если андийские языки обособясь от прааварского языка (багвалинский, чамалинский, ахвахский, ботлихский и др.) уже успели стать самостоятельными, (т. е. разошедшимися диалектами), то они еще не успели создать своего собственного оригинального фольклора, кроме значительного количества сказок. Мне кажется, что наличие общего фольклора у аваро-андо-цезов является косвенным указанием на их былую языковую общность, а общность фольклора у аваро-андо-цезов прямо указывает на общность их культуры.

Суффиксы эргативного падежа, соответствующие суффиксам эргативного падежа аварского языка с теми же функциями, которые они имеют в аварском языке (оформление основы морфологически косвенных падежей и указание на класс склоняемого имени...), представлены и в бежтинском языке. Приведем соответствующие примеры из бежтинского⁴⁰ и аварского языков⁴¹.

I кл. 1. Гьо-цо гIеш мухъийо }	Этот съел яблоко.
2. Гья-сс гIеч квана }	
II кл. 1. Гьо-лю гIеш мухъийо }	Эта съела яблоко
2. Гья-лъль гIеч квана }	
III кл. 1. Ва-лю гIеш мухъийо//мухъна }	Это (существо среднего рода) съело яблоко,
2. Га-лъль гIеч квана }	
I кл. 1. Гьо-цо-с- ожо }	сын этого
2. Гья-ссу-л вас }	
II кл. 1. Гьо-лю-с кид }	дочка этой
2. Гья-лъль-л йас }	
III кл. 1. Гьо-лю-с бише }	теленок этой (буквально теленок этого, т. к. корова в бежт. языке среднего рода (III класса) и т. д.
2. Гья-лъль-л бече }	

Из приведенных примеров, кроме выше сказанного, видно, что, во-первых, эргативный суффикс имен I класса ед. числа бежтинского языка — **цо** — закономерно соответствует аварскому эргативному суффиксу имен I класса ед. числа — **сс**—(**ссу**); во-вторых, эргативный суффикс имен остальных (II—III...) классов ед. числа бежтинского языка — **лю** — соответствует также закономерно эргативному суффиксу имен II—III классов ед. числа аварского языка — **лъль** (**лъль**), сверх того по своим функциям эргативные суффиксы аварского и бежтинского языков образуют следующую формулу звукосоответствий **сс(ссу) : цо = лъль (лъль) : лю**.

Заметим мимоходом еще одно звукосоответствие — звук бежтинского языка **ш** соответствует аварскому звуку **ч**:

гIе-ш — яблоко (бежт. яз.) — би-ш-е }
 гIе-ч — яблоко (авар. яз.) — бе-ч-е }

ш : ч

⁴⁰ Примеры бежтинского языка записаны нами от жителя сел. Бежта, Цунтинского района, студента ДПУ, в 1958 г. Магомед Алипалтоева.

⁴¹ Под первым номером даются примеры из бежтинского языка, а под вторым — из аварского языка.

Теперь нам кажется возможным попытаться установить некоторую генетическую связь эргативного суффикса аварского языка *сс*, чеченского, бацбийского *сс* и ингушского *з*.

Как известно, эргативный суффикс *сс* представлен не только в аварском, но и в бацбийском (см. 11, стр. 63) и чеченском языках (см. 8, стр. 24), а эргативный суффикс *з* представлен в ингушском (см. 10, стр. 40). В ингушском языке *з* употребляется в эргативе имен I и II классов, т. е. там, где в бацбийском и чеченском употребляется *сс*, идентичный аварскому эргативному суффиксу *сс* I класса, но дело немного осложняется тем, что *сс* в аварском языке оформляет эргативный падеж только в именах I класса тогда, как в чеченском *сс* оформляет эргатив в именах как I класса, так и II класса, т. е. в именах разумных существ, как *з* оформляет эргатив в ингушском языке. Однако все это не мешает установить закономерное звукосоответствие между чеченским, бацбийским *сс* и ингушским *з*, с одной стороны, и закономерному звуковому соответствию аварского *сс* ингушскому *з* через идентичность бацбийско-чеченского и аварского *сс* — с другой.

Для подтверждения сказанного по отношению к вейнахским и аварскому языкам, приведем несколько примеров: **Нана-з дигар-ца дахча докх**⁴². — Мать топором дрова рубит. **Да-з дигар-ца дахча докх**. — Отец топором дрова рубит. **Йиша** — сестра, **йиша-з: Муса** — Муса, **Муса-з** (эрг. п., ингуш яз). **Да-сс дагар-ца дечиг докх**⁴³. — Отец топором дрова рубит. **Нана-сс дагар-ца дечиг докх**. — Мать топором дрова рубит. **Муса** — Муса; **Иса** — Иса; **Муса-сс; Иса-сс; ваша** — брат, **ваша-сс, Лида** — **Лида-сс** (эрг. п., чечен. яз.).

Дадала-сс гюцтЮ-ца цул бичлана. — Дадалав топором дрова порубил. **Вас** — сын, **вас-а-сс; вацц** — брат, **вацца-сс; салдат, салдата-сс** и т. п. (эрг. п. авар. яз.).

Несомненную генетическую связь в эргативных суффиксах языков восточной группы северокавказских языков можно было бы доказать в специальной статье, мы же ограничились тем, что нарисовали картину несомненной их связи некоторыми предварительными штрихами и притом на ограниченном количестве примеров.

* * *

⁴² Ингушские примеры сообщила мне аспирантка Института языкознания АН СССР Раиса Долакова, родом из пос. Назрань, Чечено-Ингушской АССР, за что я благодарен ей.

⁴³ Чеченские примеры сообщил мне доктор филологических наук Ю. Д. Дешериев, за что я благодарен и ему.

Приступим теперь к разбору орудийного падежа и его показателя. Одной из особенностей падежной системы рикванинского говора андийского языка, в отличие от аварского языка, является наличие в нем самостоятельного орудийного (творительного) падежа⁴⁴ наряду с эргативным падежом (деятели). В этом убеждают нас следующие примеры:

1. Турулав-шу-д гутан-у-хь//д хур бекь-и.
Турулав плугом поле (участок) вспахал.
2. Колхоз-и-л-д хурдул тарахтир-у-хь//д рекь-и.
Колхоз поля трактором вспахал.
3. Унс-у-д кьгьон-у-л-хь//д кьгьул хвар-и.
Бык рогами целину взрыл.
4. Ден инква-л-хь//д лъуди баччунн-о.
Я повозкой дрова таскаю (постоянное действие).
5. Ден гьарухх-у-хь//д лъуди баччунн-и.
Я (ишаком) на ишаке дрова потаскал.
6. Ици-д гудур-у-хь//д боцло биччи-и (ед. ч.).
Мы капканом волка поймали.
7. Ици-д гудур-да-хь//д боцлол йочч-и (мн. ч.).
Мы капканами волков поймали.
8. Ици-д хурдул кунтI-ол-лу-д//хь ххани-о.
Мы (мужчины) косим луга, у нас мужчины косят луга.

Как видно, в приведенных примерах суффиксом эргативного падежа выступает звук д в подлежащих (субъектах действия); Турулав-шу-д, колхоз-и-л-д, унс-у-д, ици-д. Суффиксом же орудийного падежа выступает звук хь (увулярный аффрикат, идентичный аварскому хь) например, в слове хьабахь — тыква).

Кроме того, знак «//» означает возможность употребления эргативного суффикса вместо суффикса орудийного падежа с хь как в единственном, так и во множественном числе имен всех классов. Тенденция эта, видимо, сравнительно новая.

Следует, однако, отметить, что возможность параллельного употребления хь//д в орудийном падеже является только возможностью, но не характерным явлением. Что же касается замены эргативного суффикса д суффиксом орудийного падежа хь, то это вовсе невозможно, так как в последнем случае эрг. падеж (по значению и суффиксу) становится местным падежом (совпадает с местным падежом). Например: Ици-хь — за нас. Турулав-шу-хь хур тарахтир-у-хь рекь-и. — У//за Турулава участок трактором вспахал и т. п.

Употребление эргативного падежа вместо орудийного в рикванинском говоре является все еще продолжающимся процессом, тогда как этот процесс в аварском языке, наоборот,

⁴⁴ В северной группе говоров анд. языка, за исключением рикванинского, суффикс орудийного падежа огласован (хьи).

уже завершен, т. е. в аварском языке, видимо, мы имеем дело с фактом почти полного вытеснения творительного падежа (орудийного падежа) эргативным.

Отсутствие в современной системе падежей аварского языка самостоятельного орудийного (твор. п) падежа, сохранившегося до сих пор в северной группе говоров андийского языка, можно объяснить тем, что на определенной ступени развития он совпал с падежом деятеля (эргативным падежом). К такому предположению нас приводят следующие аргументы: 1) наличие самостоятельного творительного (орудийного) падежа с суффиксом **хъ** в рикванинском говоре андийского языка, близкородственного аварскому языку; 2) возможность употребления эргативного падежа (деятеля) в рикванинском говоре вместо орудийного (твор.) падежа и, наоборот, 3) невозможность употребления орудийного (твор.) падежа вместо эргативного в том же говоре андийского языка; 4) употребление послеложных конструкций с идентичным рикванинскому материальным показателем **хъ** в аварском языке в одной из функций творительного падежа.

Как-то: МухIамадида цада-хъ — (вместе) с Магомедом, Пумарида цада-хъ (вместе) с Омаром и т. п.

Возможно предположить происхождение элемента послеложной конструкции **ца-да-хъ — (вместе) с...** от формы местного падежа I серии количественного числительного (один) — **цо + да + хъ**, где гласный звук **о** первого слога уподобился гласному второго слога **а** от начала слова по закону обратного сингармонизма, характерного для аварского языка. Суффикс орудийного падежа **хъ**, представленный ныне в рикванинском и окаменевший (и как **хъи** в ряде других говоров анд. яз.) в приведенных примерах в аварском языке, возможно или присоединялся к форме местного падежа I серии на **да**, или же **да** является не падежной формой I серии, а каким-то другим, вставочным элементом, который пока не поддается объяснению.

Кроме того, в аварском мы имеем дело и с формой **цоцахъ** в конструкции **цоцахъ балагъизве — смотреть друг на друга исторически** (буквально: **один одним смотреть**).

Форма слова **цоцахъ** распадается на морфемы: **цо** (-один) + **ца** (-одн-им) и + **хъ**. Видимо, когда-то на этапе аваро-вейнахской общности числительное **цо** — один образовало орудийный падеж посредством суффикса современного орудийного и эргативного падежей аварского языка **ца** и ныне действующего суффикса орудийного падежа вейнахских языков. Впоследствии норма образования орудийного падежа (в количественных числительных) посредством суффикса **ца** перестала действовать и вместо нее стала действовать норма об-

разования орудийного падежа через хь, которого в аварском языке, можно сказать, уже нет.

Итак, мы предполагаем, что в форме слова **цоцахь** в конструкции **цоцахь балагъизе** = смотреть одним на другого представлены: **цо** — один, форма им. п. количественного числительного; **ца** = **им**; **хь** — суффикс орудийного (творит.) падежа, который связывается с рикванинским суффиксом оруд. падежа **хь**, но перестал действовать в аварском языке в функции орудийного падежа.

Все сказанное в 4 (последнем) пункте возможно указывает на то, что орудийный падеж с суффиксом **хь** был и в аварском языке и употреблялся в одной из функций (совместности) творительного падежа наряду с орудийным падежом (суффиксом) **ца**, употреблявшимся в другой функции творительного (орудийн.) падежа.

Если в вейнахских языках начинается регулярное употребление творительного падежа с суффиксами **ца//ц, ци**, то в аварском мы имеем среднюю полосу: употребление суффикса **ца** как в орудийном, так и в эргативном падежах, в лезгинских же языках вовсе кончается употребление суффикса **ца** в орудийном падеже и суффикс **ца** полностью закрепляется за эргативом, т. е. становится вторичным суффиксом эргативного падежа. Все это очень интересно и можно проследить на примерах и высказываниях исследователей названных языков. В кистинском языке орудийный падеж получает форматив **ца**. 1) Да-с трактор-ца оху шиэ латт. — Отец трактор-ом пашет свою землю (свой участок) (см. 11, стр. 64). 2) Цо буйн-а-ца стол екийра. — Он кула-ом стучал по столу. Цо матт-а-ца дубьцу. — Он языком рассказывает. (Сравни с аварским Гъав мацI-а-л⁴⁵—ца кIалъала). 4) А-с сту сера-ца лоллу⁴⁶. — Гоню быка прут-ом (сравни с аварским Ди-ца хьоп-о-ца оц гъола и т. д.). 6) «Совместный (падеж — Я. С.) — употребляется в значении русского творительного падежа с предложением с. Форматив совместного падежа — **ци**. Например: Даде-ци = с отц-ом; нах-ци = с народ-ом. Даде-ци вуитIа со МоскIо-ви. = С отц-ом еду я в Москву» (см. 11, стр. 64).

Примеры из лезгинского языка:

Ял-ци кIвал къунва. — Воздух наполнил комнату.
Гппар-ци лам атIана⁴⁷ — Бьюк изнурил ишака.

⁴⁵ Можно думать, что звук **л**, который появляется перед современными падежными суффиксами аварского языка, главным образом в названиях частей тела человека, является отвердевшим показателем эргативного падежа, а **ца** (в подобных словах) — является вторичным явлением.

⁴⁶ Примеры: 2, 3, 4 взяты нами из «Синтаксиса чеченского литературного языка» профессора Н. Ф. Яковлева.

⁴⁷ Примеры записаны мною у лезгинки С. Агашириновой (ныне она научный сотрудник Института ИЯЛ Даг. Филиала АН СССР).

Суффиксом эргативного падежа в этих примерах выступает **ци**.

Л. И. Жирков в «Грамматике лезгинского языка» (Даггосиздат, 1941, стр. 46) наряду с другими эргативными суффиксами дает и следующие: «**ци**, **ци**, (д) **зи**; **ччи**, **-чи**, **-(д) жи**», которые фонетически близки к аварскому **ца** и вейнахским **ца** и **ци** и, скорее всего, генетически с ними связаны.

Вернемся теперь к аварскому языку. Выше на основе произведенного сравнительного анализа языковых форм мы допустили, что в прошлом в аварском языке так же, как и в современных «кистинско-вейнахских языках», форматив **ца** характеризовал только орудийный падеж (твор. п.), а ныне же характеризует не только орудийный, но и эргативный падежи. В лезгинском же соответствующие форманты употребляются, в основном, в эргативе. На вопрос о том, когда формант **ца** стал образовывать эргативный падеж, трудно ответить точно. Но невозможность образования косвенной основы от эргативного падежа с суффиксом **ца**, как от эрг. падежа с суффиксами — **сс**, **л//лълъ** и **з** говорит о том, что **ца** закрепился в эргативе намного позже, чем **сс**, **л//лълъ** и **з**. Он еще не успел приобрести способности образования косвенной основы, как — **сс**, **л//лълъ**, **з** и он не показывает ни классной, ни числовой соотношенности склоняемых слов⁴⁸, как они.

Это составляет одно направление в былом развитии выражения функции творительного падежа, а именно: выражение орудийности действия. Другое же направление, видимо, составляло творительный падеж («совместный падеж») с суффиксом **хъ**, отвердевший в аварском языке и действующий в рикванинском говоре (в значении орудия действия).

Ответ на вопрос о том, какой из двух падежных суффиксов **хъ** и **ца** (и в южноаварском **лъа**) стал употребляться в творительном падеже (или падежах) раньше, вытекает из того предположения, что общность аваро-андо-цезских языков распалась на почти самостоятельные языки позже, чем общность вейнахско-дагестанских языков. Из этого вытекает вывод о том, что **ца** древнее, чем **хъ** в творительном падеже⁴⁹.

⁴⁸ Это положение относится и ко всем тем южноаварским говорам, где эргатив образуется посредством соответствующего ему эргативного суффикса **лъа**, т. е. не образует косвенную основу или основу особого типа, как **з**, **сс**, **л//лълъ**. По этому признаку южноаварский эргативный суффикс **лъа** может быть возведен к **ца**, что нуждается еще в специальном доказательстве. Это очень важно, так как с этим вопросом связаны многие интересные вопросы истории аварского языка.

⁴⁹ Это положение относится и ко всем тем южноаварским говорам, где падежа (или падежей: орудийного и совместного) не претендует на окончательное разрешение вопроса; она быть может послужит началом разрешения данного вопроса.

Такое понимание взаимоотношения падежей: деятеля и орудий действия и совместного на некотором отрезке исторического развития аваро-андийских языков может пролить некоторый свет на эргативную конструкцию предположения не только данной группы, но и других групп как дагестанских, так и вейнахских языков.

После экскурса в область родственных языков вернемся к рикванинскому говору.

Естественно, возникает вопрос, откуда же берет свое материальное начало суффикс орудийного (твор. п.) падежа анд. языка и его рикванинского говора **хъ**.

На наш взгляд, неполный, но в основном, верный ответ на поставленный вопрос вытекает из следующего сравнительного анализа фактов.

Общеизвестно, что сериальный суффикс **хъ** в аварском языке (лакском и др. горских языках Дагестана) имеет значения **у, около, за**.

В аварском языке серия местных падежей с суффиксом **хъ** употребляется, в основном, в следующих значениях.

1. В единственном числе.

1) а) у кого-нибудь
Ди-хъ — у меня
Ду-хъ — у тебя	б) у чего-нибудь
хЮб-о-хъ — у столба
си-у-хъ — у башни.
2) Около, рядом
Хьолб-о-хъ — рядом, около.	
3) за, на, по	

Дун гIарц-у-хъ хIалтIана. — я за деньги работал
Ниж-е-ца гIака оц-о-хъ хисана. — Мы корову поменя-
ли на быка

Чо-хъ гIарац кyuна. — Деньги отдали за лошадь
Гъой хварас-у-хъ гIодула. — Она плачет по умершем.

2. Во множественном числе.

- 1) **за. Печ-у-хъ гIарац кyuна.** — Деньги отдали за яблоки.
- 2) **в чем-нибудь. Гъудру-хъ** — в тарелках и т. д.

Из основных перечисленных значений местного падежа с суффиксом **хъ** (II серия) аварского языка в рикванинском остались только 3 значения, а именно: 1) **за**, 2) **на**, **в**. Что же касается основного местного сериального значения **хъ**, то, бесспорно, его отобрал себе сериальный суффикс **х**, оставив за сериальным **хъ** только 3 перечисленных значения. Это видно из следующих примеров:

(рикв.) сандигв-а-хъ)
(авар) сандукI-а-хъ) в сундуках

(рикв.) гь-а-къ-в-а-хъ	}	в домах
(аварск.) ру-къ-за-б-а-хъ		
(рикв.) кисй-а-хъ	}	в карманах и т. п.
(авар.) киса-б-а-хъ		

Если основные местные значения II серии в аварском языке закреплены за сериальным суффиксом **хъ**, то в рикванинском говоре они выражаются сериальным суффиксом **х**. Например:

1. Булхъи-х-о (сравни с аварским) Болъи-хъ-е — в Ботлих
2. Булхъи-х-а (сравни с аварским) Болъи-хъ — в Ботлихе
3. Булъи-х-а-кку —»— —»— (Болъи-хъ-а — из Ботлиха)

Муслимат-бо кунтлу-х-а чЛаланнид (рикв.)

Муслимат росасу-хъ чЛалгун рагЛула (авар.)

Говорят, что Муслимат скучает по муже.

1. ден — Я (рикв.) (сравни с аварским) дун — я
2. ди-х-о — ко мне ди-хъ-е — ко мне
3. ди-х-а — у меня ди-хъ — у меня
4. ди-х-а-кку — от меня ди-хъ-а — от меня и т. д.

В этих примерах мы видим, что там, где в аварском основное сериальное значение II серий **у**, **около** показывает посредством **хъ**, в рикванинском передается через **х**, которого в аварском нет, но он представлен в чамалинском (см. 4, стр. 49).

Возникает вопрос: почему исчез из своей основной местной сериальной функции суффикс **хъ** в рикванинском говоре? Надо полагать, что древнейший аффикс II серии местных падежей, общий не только для аваро-андо-цезской группы языков, но и общий для многих языков Дагестана **хъ** (см. 13, стр. 67—80 и 123) в рикванинском говоре в процессе исторического развития эргативного строя предложения закрепился за орудийной функцией и характеризует ныне орудийный падеж. За основной же функцией **хъ** закрепился **х**, который ныне характеризует местные падежи II серии в рикванинском говоре.

Аналогичная картина наблюдается и в речи жителей селений Зило, Ашали, Анди, Гагатль, т. е. в североандийской группе говоров, но, в отличие от рикванинского, суффикс орудийного падежа там огласован через **и** (как **хьи**).

Сравнительный анализ данных рикванинского говора, с одной стороны, аварского и других родственных языков, с другой, позволяет нам сделать некоторые выводы и предположения:

1. В рикванинском говоре андийского языка (и в североандийской группе говоров) представлен самостоятельный орудийный (творительный) падеж с **хъ** наряду с эргативным падежом (падежом деятеля) с **д**, единым для имен всех классов ед. и мн. числа.

2. Совместный (творительный) падеж, судя по отвердевшему элементу **хъ**, был представлен и в аварском языке, на каком именно этапе его развития — трудно установить точно.

3. Судя по данным родственных языков (вейнахских и лезгинского) и по упомянутым особенностям **ца** и по тому, что он окаменел в слове **цо-ца-хъ** и по тому, что **ца** употребляется в аварском языке также и в орудийном падеже, можно заключить, что и в аварском орудийный падеж употреблялся в прошлом, как самостоятельная морфологическая единица так же, как и в вейнахских языках.

4. Не может быть случайным совпадением или заимствованием факт наличия суффикса орудийного падежа **ца** в аварском, лезгинском и вейнахских языках, потому что, во-первых, эти языки территориально не соприкасаются. Следовательно, указанный суффикс не может быть заимствованным; во-вторых, родство таких языков, как аварский, лезгинский и вейнахских не подлежит сомнению. Об этом свидетельствуют все данные языка и истории.

5. Если орудийный падеж оформился за счет использования сериального суффикса **хъ** II серии местных падежей, то орудийный падеж в рикванинском говоре возник позже, чем местный падеж с **хъ**.

6. Факт наличия в данном говоре самостоятельных падежей — эргативного и орудийного (творительного) — опровергает теорию о пассивном характере эргативной конструкции⁵⁰, восходящую, в основном, к крупнейшему исследователю кавказских языков П. К. Услару, который рассматривал эргативный падеж, как творительный⁵¹, а переходный глагол — как страдательный по своей сущности (см. 14, стр. 8—9).

Цитированная литература

1. Дирр А. М. Краткий грамматический очерк андийского языка, отдел IV (1—200 стр.). «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа». Вып. XXXVI, Тифлис, 1906.

2. Церцвадзе И. И. Грамматические классы в говорах андийского языка. «Иберийско-кавк. языковедение». Т. V—VI, 1954, (стр. 438).

3. Бокарев А. А. О классных показателях в аваро-андоцезских языках. «Язык и мышление», X, 1940.

4. Бокарев А. А. Очерк грамматики чамалинского языка. М.—Л. 1949.

⁵⁰ Конечно, по отношению к рикванинскому говору и отчасти по отношению к современному аварскому языку.

⁵¹ Там, где эргативный падеж выполняет и функцию творительного падежа.

5. **Бокарев Е. А.** Из истории склонения в языках цезской группы Дагестана. Доклады и сообщения Ин-та языкознания АН СССР.

6. **Жирков Л. И.** Табасаранский язык. М.—Л. 1948.

7. **Магомедбекова З. М.** Склонение имен в каратинском языке. «Иберийско-кавказ. языкознание». Т. VI. 1954.

8. **Услар П. К.** Этнография Кавказа. Языкознание, II. Чеченский язык. Тифлис, 1888.

9. **Мациев А. Г.** Самоучитель чеченского языка. Грозный, 1932.

10. **Мальсагов З. К.** Грамматика ингушского языка. Владикавказ, 1925 г.

11. **Дешериев Б. Д.** Бацбийский язык. М. 1953 г.

12. **Чикобава А. С.** «Известия Ин-та языка, истории и мат. культуры им. акад. Марра», 1937. Т. I.

13. **Бокарев Е. А.** Локативные и нелокативные значения местных падежей в дагестанских языках. «Язык и мышление» XI, 1943.

14. **Бокарев Е. А.** Эргативная конструкция предложения. 1950.

15. **Арн. Чикобава.** Категория грамматических классов и генезис падежных окончаний в грузинском языке. «Сообщения АН Груз. ССР». Т. VII, № 1—2. 1946.

16. **Арн. Чикобава.** Картвельские языки, их исторический состав и древний лингвистический облик (ИКЯ, II, Тбилиси, 1948).

17. **Г. В. Рогава.** К вопросу о структуре именных основ и категорий грамматических классов в адыгских (черкесских) языках (автореферат докт. дисс., Тбилиси, 1953).

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Г.-А. Д. Даниялов. Рост кадров — решающее звено в развитии научно-исследовательской деятельности Института	3
--	---

ИСТОРИЯ

Г. А. Аликберов. Политика Коммунистической партии по вовлечению горцев в русло советского развития и роль Кавбюро ЦК РКП(б)	41
С. М. Гасанов. Деятельность партийной организации Дагестана по восстановлению народного хозяйства	70
А. И. Алиев. Вопросы культурного строительства в первые годы Советской власти в Дагестане	89
Г. Ш. Каймаразов. Борьба за осуществление всеобщего в Дагестане в годы первой и второй пятилеток (1928—1937 гг.)	104
А. Р. Шихсаидов. Распространение ислама в южном Дагестане в X—XV вв.	127
Р. Г. Маршаев. О термине «шамхал» и резиденции шамхалов.	163

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ

Д. М. Атаев. Галлинский могильник — памятник средневековой Аварии (Серяра)	177
П. М. Дебиров. Резные камни в народно-декоративном искусстве аварцев	200
С. С. Агаширинова. Поселения лезгин в XIX — начале XX вв.	233
С. Ш. Гаджиева. Брак и свадебные обряды кумыков в XIX — начале XX вв.	249
М. И. Ихиллов. Хновцы (историко-этнографический очерк)	275

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

З. Г. Абдуллаев. Функции дательного падежа в даргинском языке.	291
У. А. Мейланова. Стальский говор лезгинского языка	307
Я. Г. Сулейманов. Некоторые особенности андийского языка (по данным селения Риквани)	331

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ТОМ VI

Редактор Г.-А. Д. Даниялов
Тех. редактор Романова А. В.

Сдано в набор 4/II—1959 г. Подписано к печати 9/V—1959г.
Формат 60 × 92/16. Объем печ. листов — 23,25. Тираж 1000.
Цена 13 р. 50 к. С01867. Заказ № 170.

Типография Дагестанского филиала АН СССР
г. Махачкала, Ленина, 14.

Опечатки

Страница	Строка		Напечатано	Следует читать
	сверху	снизу		
14	6	—	1924 года	1921 года
125	—	13	в 9 раз	в 7 раз
135	3; 5	—	в X в.	с X в.
136	—	14	к Узун-Гассану	к Узун Хасану
151	—	12	Ширваншаха	ширваншахов
157	—	17	эпические	эпиграфические
171	22	—	1936 году	1396 году
173	10	—	в Буйнакске	В Буйнаке
193	19	—	Токайшвили	Такайшвили
196	—	17	Начальник	Нальчик
307	3	—	Гюльчери-чая	Гюльгери-чая
310	13	—	элк/е " йэлк/е "	элкhe " йэлкhe "